

ISSN 2076-7684

ученые записки

Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического университета
им. Н.Г. Чернышевского

2011/2(37)

серия
Филология, история, востоковедение

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского

**Ученые записки
Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического университета
им. Н. Г. Чернышевского**

Серия «Филология, история, востоковедение»
№ 2 (37)

Чита
ЗабГГПУ
2011

Учредитель: ГОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36625

*Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук*

Журнал основан в 1957 г.
Выходит четыре раза в год

Председатель редакционного совета: И. И. Катанаев, канд. физ.-мат. наук, доцент, ректор ЗабГГПУ

Главный редактор объединенной редакционной коллегии: И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент

Члены совета: П. С. Атаманчук, д-р пед. наук, проф. (Каменец-Подольский, Украина); М. И. Алымов, д-р тех. наук, проф. член-кор. РАН (г. Москва); Н. Байра, PhD (Улан Батор, Монголия); Ц. Батсурь, д-р пед. наук, проф. (Улан-Батор, Монголия); А. Буржо, д-р социол. наук, акад. Национального центра научных исследований Франции (Париж, Франция); Н. Бэгз, Dr. Sc. (Улан-Батор, Монголия); Л. Г. Гусякова, д-р социол. наук, проф. (Барнаул); В. А. Ильин, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва); Ли Чуаньсюн, проф. (Харбин, КНР); В. В. Мазалов, д-р физ.-мат. наук, проф. (Петрозаводск); И. И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (Улан-Удэ); Е. В. Пискунова, д-р пед. наук, проф. (Санкт-Петербург); Ю. М. Резник, д-р филос. наук, проф. (Москва); В. С. Самсонов, д-р пед. наук, проф. (Улан-Удэ); Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омск); Чжен Шупу, д-р филол. наук, проф. (Харбин, КНР); Н. В. Языкова, д-р пед. наук, проф. (Москва)

Редактор серии: Г. Д. Ахметова, д-р филол. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска: Т. В. Воронченко, д-р филол. наук, проф.; А. В. Константинов, д-р ист. наук, проф.; Н. В. Эйльбарт, д-р ист. наук, доцент; Т. М. Дугаржапова, д-р филол. наук, доцент; А. Е. Горковенко, канд. филол. наук, доцент

Ответственный секретарь: Ю. В. Гаврилова

Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение» / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. – 2011. – № 2 (37). – 228 с.

Многопрофильный журнал, на страницах которого публикуются оригинальные материалы, ставшие результатом исследований в области филологии, востоковедения и истории.

Адрес редакции: 672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 44-04-25, факс: 8 (3022) 26-73-17. E-mail: gumvector@zabspu.ru

© Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Научные исследования

<i>Акимова Т. П.</i> Отражение конвенций эпистолярного общения в русском частном письме: опыт коммуникативно-прагматического описания <i>Akimova T. P.</i> The Reflection of the Conventions of Epistolary Communication in Russian Private Writing: the Methods of Communicative Pragmatic Description	7
<i>Алефиренко Н. Ф.</i> Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики <i>Alefirenko N. F.</i> Phraseological Value in the Light of Frame Semantics	11
<i>Ахметова Г. Д.</i> Живая графика <i>Ahmetova G. D.</i> The Live Drawing.	18
<i>Ахметова М. Н.</i> Метапредметный подход в интерпретации текста <i>Akhmetova M. N.</i> The Metasubject Approach in Text Interpretation	24
<i>Бадмаева Л. Б.</i> Принципы построения старомонгольского текста <i>Badmaeva L. B.</i> The Principles of Construction the Old Mongolian Texts	27
<i>Бутыльская Л. В.</i> Реализация суггестивно-магической функции языка в текстах заговоров и рекламы <i>Butylskaya L. V.</i> Implementation of Suggestive-Magical Function of the Language in the Texts of Exorcism (Incantation) and Advertisement.	33
<i>Воронова Л. В.</i> Оценочные шкалы и их применение в тестировании письменной речи иностранных учащихся <i>Voronova L. V.</i> Estimative Scales and their Application in Written Speech Testing of Foreign Students	37
<i>Голованова Е. И.</i> Личностное начало в современном научном дискурсе (на примере текста посвящения к книге) <i>Golovanova E. I.</i> Identity Principle in Modern Scientific Discourse (by the Example of the Text of Dedication to Book).	41
<i>Горшкова Е. А.</i> Современные тенденции в изучении истории и их преломление в школьном обучении <i>Gorshkova E. A.</i> Contemporary Tendencies in Studying History and their Refraction within School Education.	48
<i>Жамсаранова Р. Г.</i> Ойконимический формант -ой в топонимии Восточного Забайкалья <i>Zhamsaranova R. G.</i> The Oikonym Formant -oi in the System of Geographical Proper Names of Eastern Transbaikalia	53
<i>Игнатович Т. Ю.</i> Характерные черты консонантизма современных русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья <i>Ignatovich T. Ju.</i> Characteristic Features of Modern Russian Dialects Consonantism of the North Russian Origin in the Territory of East Transbaikalia	56
<i>Кондратьева О. Н.</i> Концепт души в зеркале орнитологической метафоры <i>Kondratyeva O. N.</i> Concept Soul in the Mirror of the Ornithological Metaphor	63

<i>Кудрявцева А. А.</i> Особенности сочетаемости мифонимов, перешедших в имена нарицательные <i>Kudryavtseva A. A.</i> Peculiarity of Compatibility of the Mythic Proper Names which Converted to Appellative Names	67
<i>Макаричев Ф. В.</i> Полилог драматических направлений и жанров в поэтике Достоевского <i>Makarichev F. V.</i> Polylogue of Drama Directions and Genres in Dostoevsky's Poetics	71
<i>Мамедханова Н. Дж.</i> Взаимосвязь реализма О. Бальзака и Ф. М. Достоевского <i>Mamedkhanova N. J.</i> The Interrelation of Balzac and Dostoevsky Realism.	76
<i>Паликова Т. В.</i> Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX – начала XX вв. <i>Palikova T. V.</i> Formation and Structure of the Public Authorities in Towns of Zabaikalye in the Last Third of the 19 th – the Beginning of 20 th Century	80
<i>Пименова М. В.</i> Метод описания концептуальных структур (на примере концепта <i>надежда</i>) <i>Pimenova M. V.</i> Descriptive Method of Conceptual Structures (by the Example of the Concept <i>надежда</i>)	85
<i>Сергеева Н. М.</i> Восточнославянская фразеология сквозь призму образов умственной деятельности человека (на материале концептуальной сферы «умственные способности человека») <i>Sergeeva N. M.</i> The East Slavonic Phraseology in the Light of Human Intellectual Faculties Images (the Concepts «the Human Intellectual Faculties»)	94
<i>Смирнова А. И.</i> Литературная традиция и «эпистолярный дневник» В. П. Астафьева <i>Smirnova A. I.</i> The Literary Tradition and «The Epistolary Diary» by V. P. Astafyev.	100
<i>Снигирёва Т. А., Подчиненов А. В.</i> От согласия – к спору: библейский эпиграф в русской литературе XIX–XX веков <i>Snigireva T. A., Podchinenov A. V.</i> From the Consent – to the Dispute: Holy Writ Epigraph in Russian Literature of the XIX–XX centuries	106
<i>Тагарова Т. Б.</i> К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными <i>Tagarova T. B.</i> To Language and Culturalogical Characteristics of Buryat Phraseological Units with Numerals.	112
<i>Трофимова С. М.</i> О грамматической природе родительного падежа в монгольских языках <i>Trofimova S. M.</i> On the Grammatical Origin of Genitive in Mongolian Languages	117
<i>Труфанова И. В.</i> Об одном факте авторской пунктуации в романе В. В. Набокова «Лолита» . . . . . <i>Trufanova I. V.</i> About One Fact of an Author's Punctuation in V. V. Nabokov's Novel «Lolita»	121
<i>Улзытуева А. И.</i> Фразеологизмы в формировании предпосылок лингвокультурной компетентности у детей-билингвов <i>Ulzytueva A. I.</i> Using Phraseological Units in the Process of Creation Prerequisites for Bilingual Children Linguistic and Cultural Competence	126
<i>Флоря А. В.</i> Порядок слов в художественном тексте <i>Florya A. V.</i> Order of the Words in the Fictional Text	131
<i>Шагдурова И. Н.</i> Буряты на государственной службе Российской империи <i>Shagdurova I. N.</i> The Buryats on the Public Service of the Russian Empire	133
<i>Эйльбарт Н. В.</i> «От Пекина до Москвы». Забайкальские впечатления Свена Гедина <i>Eylbart N. V.</i> «From Beijing to Moscow». Sven Hedin's Transbaikalia Impressions	142

Научные сообщения

- Богданова А. Г.** Социальные признаки концептов *вежливость* и *Höflichkeit* (на материале произведений русских и немецких авторов)
Vogdanova A. G. The Social Features of the Russian Concept Вежливость (Politeness) and the German Concept Höflichkeit (Politeness) (in the Works of Russian and German Writers).....147
- Богомолова М. В.** Своеобразие портрета в романе А. Платонова «Чевенгур» (к проблеме визуализации художественного мира писателя)
Bogomolova M. V. Portraits in the Novel «Chevengur» by A. Platonov (the Problem of Visualization of Platonov's artistic world) 151
- Булавина Н. А.** Влияние интенции автора на частотность употребления лексических средств выражения деонтической модальности в мемуарном типе текста и её отражение в переводе (на примере перевода книг Билла Клинтона «Моя жизнь» и Мадлен Олбрайт «Госпожа Госсекретарь»)
Bulavina N. A. Author's Intention Determining the Usage of Lexical Means Expressing Deontic Modality in Memoirs and its Role in Translation (a Study of Bill Clinton's book «My life» and Madeleine Albright's Book «Madam Secretary»).....156
- Буренина Ю. С.** Подходы к исследованию информативно-регулирующих текстов (на материале французского языка)
Burenina Y. S. Research Approaches to the Informative Regulating Texts in French. 160
- Гаджиева А. Х.** Особенности отражения пространственных падежей и послелогов в аварском языке
Gadzhieva A. H. Features of Spatial Cases and Postpositions of the Avar Language 164
- Головач К. Ю.** Особенности концептуализации *любви* в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова (на примере группы образных признаков)
Golovach K. Yu. The Peculiarities of Conceptualization of *Love* in the Works of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov (Based on the Group of Characters' Features) 168
- Горянова Л. Н.** Мудрость как Божий дар (на основе концептов *мудрость* и *wisdom*)
Goryanova L. N. Wisdom as a Gift from God (Based on Concepts *Мудрость* and *Wisdom*) 172
- Евдокимова А. А.** Понятийные признаки концепта *ненависть* в русском и английском языке
Evdokimova A. A. Notional Characteristics of the Concept *Hatred* in the Russian and English Languages.....176
- Игнатович М. В.** Перевод культурноспецифичных интертекстуальных включений: телео-аксиологический подход (на материале романов Терри Пратчетта)
Ignatovich M. V. Translation of the Culture Specific Intertextual Elements: Teleo-Axiological Approach (Terry Pratchett's Novels by the Example).....180
- Попова Г. Б.** «Образ читателя» как конструктивный элемент языковой композиции современной русской прозы: к вопросу о субъективации авторского повествования
Popova G. B. «Image of the Reader» as a Constructive Element of a Language Composition of Modern Russian Prose (Referring to the Subjectivation of Author's Narration).....184
- Принеслик Е. А.** Элементы магического реализма в творчестве Аны Кастильо (на материале романов «Сапогония» и «Так далеко от Бога»)
Prineslik E. A. The Elements of the Magical Realism in Ana Castillo's writing (on the Novels «Sapogonia» and «So Far From God» Material).....189

<i>Романенко Т. А.</i> Признаки стихий концептов <i>сердце</i> и <i>Herz</i> <i>Romanenko T. A.</i> Elements Signs of Russian Concept <i>Сердце</i> and German Concept <i>Herz</i>	193
<i>Сапрыкина Т. В.</i> Эстетический идеал К. Г. Паустовского: прекрасное в природе <i>Saprykina T. V.</i> Aesthetical Ideal of K. G. Paustovskiy: Beautiful in the Nature.	197
<i>Терехова Е. С.</i> Идеино-художественная функция пейзажа в ранней прозе К. Г. Паустовского <i>Terekhova E. S.</i> The Landscapes' Role in K. G. Paustovskiy's Works.	204
<i>Цинковская Ю. В.</i> Метафорический словесный ряд как средство создания художественного образа в произведении <i>Tsinikovskaya J. V.</i> A Metaphorical Verbal Chain as a Means of an Artistic Image Creation in Fiction	209

Рецензии

<i>Васильева Г. М.</i> Кемпер Дирк. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / пер. с нем. изд. : Dirk Kemper. Ineffabile. Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. 496 p. / пер. А. И. Жеребина. М. : Языки славянской культуры, 2009. 384 с.	213
--	-----

Конференции

<i>Ахметова Г. Д.</i> II Congreso internacional «La lengua y literature rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Tomo II. Granada, 8-10 de septiembre de 2010	216
<i>Ахметова Г. Д.</i> Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: III Международная научная конференция (Чита, ЗабГГПУ, 10-11 декабря 2010 г.).	217
Сведения об авторах	220
Правила для авторов	226

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 808.2
ББК 81.411.2

Т. П. Акимова
г. Волгоград, Россия

Отражение конвенций эпистолярного общения в русском частном письме: опыт коммуникативно-прагматического описания

В статье рассматриваются извлечённые из писательского эпистолярного высказывания, в которых представлены конвенции эпистолярного общения. Даны классификации конвенциональных установок и эксплицирующих их речевых актов. Анализируются прагматические факторы, обуславливающие создание автором письма высказываний с определённой речевой интенцией. Выявлены тенденции изменения правил эпистолярной коммуникации на протяжении XIX-XX вв.

Ключевые слова: эпистолярный, дискурс, коммуникация, прагматика, речевой акт, высказывание, конвенции общения.

T. P. Akimova
Volgograd, Russia

The Reflection of the Conventions of Epistolary Communication in Russian Private Writing: the Methods of Communicative Pragmatic Description

The article dwells upon the utterances taken from writers' epistolary that present the conventions of epistolary communication. Conventional aims and speech acts explicating them are classified. Pragmatic factors stipulating the creation of utterances with the definite speech intention by the author of writing are analyzed. The tendencies of the changes of epistolary communication rules during XIX-XX centuries are exposed.

Keywords: epistolary text, discourse, communication, pragmatics, speech act, utterance, communicative conventions.

Частное письмо – эпистолярный жанр, включающий в себя деловые письма частного характера, дружескую и любовную переписку. Данные письма не предназначены для публикации, и, тем не менее, эпистолярное наследие известных деятелей искусства и культуры довольно часто включается в собрание сочинений или в отдельные издания. Их авторы являются, по мнению лингвистов, носителями элитарного типа речевой культуры, т. е. «обладают истинным мастерством владения языком, всем его богатством при соблюдении всех правил и ограничений» [9, с. 228]. Предполагаем, что такие письма можно рассматривать как образцовые не только по языковому оформлению, но также и по структуре и содержанию. В частности, в них находят отражение конвенции эпистолярного общения, которые, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть с позиций прагмалингвистики. Материалом для

анализа послужило эпистолярное наследие русских писателей XIX–XX вв. – А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, М. А. Шолохова и В. П. Астафьева. Исследование писем, относящихся к различным временным пластам, позволяет описать представленные в них основные конвенции эпистолярного общения и, кроме того, определить тенденции эволюции данного вида коммуникации.

В последнее десятилетие письмо рассматривается лингвистами как тип дискурса [3; 4; 5; 7]. В современной науке термин «дискурс» является многозначным, поскольку данный феномен подвергается анализу с различных точек зрения. В частности, в прагмалингвистике дискурс рассматривается как взаимодействие участников общения с целью обмена информацией, оказания воздействия друг на друга с использованием различных коммуникативных стратегий, реализуемых вербальными и невербальными средствами,

т. е., иными словами, как процесс коммуникации. Минимальной единицей дискурса является речевой акт, или, в иной терминологии, речевой жанр [11].

Эпистолярный дискурс, анализируемый в соответствии с данной концепцией, представляет собой не что иное, как совокупность речевых жанров, группируемых по определённым основаниям [5].

По нашим наблюдениям, в ряде высказываний, реализующих определённые речевые жанры, находят отражение конвенциональные установки эпистолярного общения.

С точки зрения информации, содержащейся в анализируемых высказываниях, можно классифицировать их по следующим основаниям: 1) величина письма (длинное/короткое); 2) временной промежуток между получением письма и написанием ответа; 3) содержание письма; 4) особенности языка, стиля и оформления письма.

Типологию речевых жанров, реализуемых данными высказываниями, можно представить следующим образом:

1. Связанные с эпистолярной деятельностью автора: а) в прошлом – извинение, оправдание; б) в будущем – обещание.

2. Связанные с эпистолярной деятельностью адресата: а) в прошлом – благодарность, упрёк; б) в будущем – просьба.

Учитывая тот факт, что большинство из реализуемых речевых жанров так или иначе обусловлено характеристикой предшествующих им действий как позитивных или негативных, становится возможным установить, какие же характеристики эпистолярной деятельности являются поощряемыми или предосудительными в обществе.

Так, с течением времени изменяются конвенциональные установки, связанные с величиной письма. В эпистолярных текстах XIX в. высказывания, реализующие речевые акты извинения и оправдания связаны исключительно с малым объёмом письма, а речевые акты обещания – с большим его объёмом: *Извините, ежели старинный приятель пишет вам только две строчки с половиной – в будущую почту напишет он две страницы 1/2* [6, с. 20]; *Прощай, я бы писал больше, но очень устал, а устал оттого, что не спал всю эту ночь* [8, с. 352–353].

Начиная с рубежа веков, ситуация изменяется, и извинения автора чаще обусловлены излишним, по его мнению, объёмом письма: *Простите за длину письма и примите искренние пожелания всего хорошего от*

преданного А. Чехова [10, с. 124]; *Ну, Вы простите меня за это, может быть, неясное и, во всяком случае, очень длинное письмо* [2, с. 104]; *Ну, я, кажется, расписался. Закругляюсь* [1, с. 12].

Краткость письма в этот период обычно является причиной оправдания, но не извинения со стороны его автора: *Очень жарко и душно, а потому придётся писать недолго и коротко* [10, с. 244]; *Пишу наскорях, забежал на квартиру, сейчас на почту и вновь по «мытарствам»* [12, с. 37]; *Пишу тебе коротко – приболел опять, да дело срочное одно пристало* [1, с. 188].

Ещё одно подтверждение изменения конвенциональных установок, связанных с величиной письма, заключается в том, что высказывания, реализующие речевые акты благодарности, обусловленные большим объёмом письма адресата, отмечены только в эпистолярной Л. Н. Толстого и М. Горького: *Благодарствуйте за длинное и славное письмо ваше, дорогой Василий Петрович* [8, с. 500]; *Мудрый дяденька, суровый писатель длинных писем прямыми буквами! Кланяюсь Вам и благодарю Вас искренно...* [2, с. 233].

Однако речевые акты просьбы, касающиеся написания адресатом длинного письма, встречаются в письмах, датированных как XIX, так и XX вв.: *Пишите же, ради бога, поскорее, побольше и как можно понескладнее и побезобразнее, поэтому искреннее* [8, с. 425]; *Пишите мне, голубчик, и не скупитесь* [10, с. 236]; *Напиши подробнее о своей живухе, об охоте и пр.* [12, с. 232]. Данный факт можно объяснить влиянием сложившейся ранее эпистолярной традиции.

В отличие от конвенциональных установок, связанных с объёмом письма, принятые в обществе правила эпистолярного этикета, касающиеся необходимости немедленного ответа на письмо, не претерпевают столь значимых изменений.

Данная традиция находит выражение прежде всего в высказываниях, реализующих одновременно интенции извинения и оправдания, обусловленные длительным отсутствием ответа на письмо со стороны автора: *Извините, что до сих пор я не мог ответить вам; разные обстоятельства, печальные и хлопотливые, мне помешали* [6, с. 653]; *Виноват, что дня три не отвечал на ваше письмо. Я ужасно был занят всё это время* [8, с. 446]; *Прежде всего каюсь и извиняюсь: не писал долго по причинам, от редакции не зависящим. То некогда было, то лень...* [10, с. 25]; *Простите за мое невольное (был в отсутствии) молчание* [12, с. 251]; *Извините, что я не сразу ответил на Ваше письмо. Катался*

по Вашим родным местам на пароходе – от Перми до Астрахани и вот только прибыл домой со своим семейством [1, с. 31].

Отсутствие писем от адресата, состоящего в близких, чаще родственных, отношениях с автором, нередко приводит к появлению в эпистолярном тексте речевых актов упрека: *А ты ни строчкой не порадовал изгнанника* [6, с. 193]; *Как тебе не совестно, Сережа, не отвечать на письмо, ответ на которое очень интересует меня?* [8, с. 350]; *Что же ты, паршивка, не пишешь?* [12, с. 23]; *Жаль, что ты не написала ни слова – это уже ни к чему* [1, с. 125].

В письмах к знакомым чаще реализуются речевые жанры оправдания: *Или мои или ваши письма или те и другие – не доходят – иначе я не могу объяснить себе вашего 6-ти месячного молчания...* [8, с. 379–380]; *Вы не ответили на мое письмо – получили ли Вы его? Вам очень некогда?* [2, с. 9]. Отметим, что в нашем материале подобные высказывания отмечены только в письмах, написанных в XIX в.

В конце письма традиционно содержится просьба к адресату ответить на письмо автора в ближайшее время: *Пиши мне* [6, с. 225]; *Пожалуйста, отвечай немедленно* [8, с. 401]; *Пиши мне обязательно* [10, с. 119]; *Так ответьте же поскорее на это письмо!* [2, с. 10]; *Ну, будьте здоровы, не задержите ответ* [12, с. 93]; *Ты только не затяни с письмом. Маленько, но сразу напиши* [1, с. 246].

Традиционным также является выражение благодарности адресату, обычно находящееся в начале или конце эпистолярного текста, за письмо: *Сердечно благодарю вас за письмо, приятный знак вашего ко мне благорасположения* [6, с. 608]; *Благодарствуй за твоё письмо, любезный друг Чичерин* [8, с. 534]; *Ещё раз благодарю Вас за письмо, желаю всего хорошего и остаюсь искренно, душевно преданным, А. Чехов* [10, с. 183]; *Сердечно Вам спасибо за отклик на моё письмо и за обещание написать мне ещё* [2, с. 45]; *Ещё раз спасибо Вам за письмо и за тёплые слова* [1, с. 48].

Автор часто выражает благодарность адресату и за содержание письма в целом: *Очень, очень благодарен вам, Некрасов, за искренность вашего письма* [8, с. 498]; *Спасибо за то, что оно [письмо] не ругательное, как я ожидал...* [10, с. 99]; *За дружеское, славное письмо – примите моё сердечное, горячее спасибо* [2, с. 82]; *Крепко вас обнимаю и ещё раз благодарю за доброе, большое письмо* [1, с. 84].

Традиционными являются и авторские обращения к адресату с просьбой сообщить конкретную информацию: *Сделай милость, напиши мне обстоятельнее о тяжбе*

своей с цензурою [6, с. 148]; *Прощайте, милая бабушка, – пожалуйста, напишите мне про себя* [8, с. 513]; *Жду самых хороших известий о Вашем здоровье* [10, с. 209]; *Вы изобразите мне письмом, кто это разорил Вас на такую длинную телеграмму* [2, с. 45]; *Пиши про мою дочурку больше. Что и как она?* [12, с. 32]; *Как ты живёшь, друже? Чего нового на ваших творческих и издательских горизонтах?* [1, с. 15].

Недостаточная, по мнению автора, информативность письма адресата обуславливает появление в ответном письме высказываний с интенцией упрека: *...не благодарю тебя за письмо твоё, потому что ты мне дельного ничего не говоришь – я называю дельным всё, что касается до тебя* [6, с. 77]; *О матери ни слова – почему?* [2, с. 74]. Речевые акты упрека могут быть обусловлены также тем, что, по мнению автора, адресат неверно интерпретировал его сообщение/отсутствие сообщения: *Вы меня неверно поняли. <...> А Вы подозреваете меня в ехидстве по Вашему адресу. Бросьте!* [2, с. 90]; *Напрасно обижаешься, что не высказался о твоей работе. Во-первых, в этих делах я ни черта не понимаю, во-вторых, как можно судить о чём-либо по фотографии?* [12, с. 227].

Если автор оценивает собственное письмо как недостаточно информативное или связное, то в конце письма он просит прощения и/или оправдывается перед адресатом (можно предположить, что таким образом реализуются отголоски византийской традиции самоуничтожения автора): *Письмо моё скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц Санкт-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами. Прости* [6, с. 38]; *Извините за бестолковость и краткость письма* [8, с. 798]; *Простите за кислое письмо, ей-богу, – очень неладно на душе у меня* [2, с. 48]; *...сейчас 12, сижу, и перо падает из рук. Ночи короткие, и я хронически недосыпаю. Простите за бессвязь* [12, с. 93]; *Мозги у меня всё ещё нараскоряку, и поэтому не могу собрать мысли воедино и толково написать всё* [1, с. 165].

Правила оформления письма состоят в том, что эпистолярный текст должен быть написан таким образом, чтобы адресат понял его без особых затруднений. Если автору кажется, что стилистическое оформление письма небезупречно, то он констатирует этот факт и пытается оправдаться/извиниться перед адресатом (в некоторых примерах, на наш взгляд, также представлены элементы самоуничиже-

ния автора): Так как я дождался оказии, то и буду писать тебе спустя рукава [6, с. 210]; Я чувствую себя нынче в скверном духе и пишу дурно и боюсь, что холодно, а мне всегда бы хотелось выражаться так, как я чувствую к вам, – всегда с осторожной уважительной нежностью [8, с. 810]; Прочёл я это письмо и нахожу, что оно написано очень не литературно [10, с. 221]; Письмо вышло нескладное. Не хотел я отвечать, ответил как-то неволью. Жалею. Не надо бы [2, с. 174]; Письмишко получилось плоховатое... Я, кажется, разучился писать и толково излагать мысли. Простите, пожалуйста [12, с. 201]; Извини, что так нервно и скоротечно отвечаю – народ не переводится, устал жутко... [1, с. 480].

Оправдание или извинения автора также могут быть обусловлены его плохим почерком или тем, что письмо испачкано: Если найдёте в этом письме каракули, то знайте, что Яшенька помешала, чтоб ей Мерлитон приснился! [10, с. 101]; Прошу извинения за испачканное письмо. Очень прошу [2, с. 33]. Извини за почерк. По сравнению с твоим – его вообще нельзя назвать почерком [1, с. 27].

В том случае, когда автор письма считает неудачным выбор языковых единиц или почерк адресата, то в ответном письме он сообщает об этом посредством высказываний с интенцией упрёка: Сперва хочу с тобою побраниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина... [6, с. 92];

Милый Альба! Называю Вас так, потому что Ваш трагический почерк – последнее слово инквизиции. Он, пока я прочёл Ваше письмо, вывихнул мне глаза [10, с. 176].

Упрёки в адрес адресата по поводу его плохого почерка отмечены в нашем материале только в письмах, датированных XIX в. Возможно, данный факт объясняется тем, что письма, даже частные, в XX в. реже пишутся «от руки». Ср. высказывание из письма В. П. Астафьева: Почерк мой ужасный, поэтому Марья Семёновна напечатает письмо на машинке [1, с. 404].

Как видим, конвенциональные установки эпистолярного общения изменяются с течением времени, но весьма незначительно. Эволюция эпистолярного этикета обусловлена, прежде всего, ускорением «ритма жизни» коммуникантов, а также появлением технических средств, позволяющих заменить рукописный вариант текста машинописным.

Таким образом, анализ высказываний, эксплицирующих элементы эпистолярного этикета в коммуникативно-прагматическом аспекте, позволил: 1) выявить речевые акты, посредством которых реализуются конвенции эпистолярного общения; 2) проанализировать прагматические факторы, обуславливающие создание автором письма высказывания с определённой речевой интенцией; 3) определить тенденции изменения правил эпистолярного общения.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. 2-е изд., доп. Иркутск, 2009. 752 с.
2. Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. М. : Худож. лит., 1954. 600 с.
3. Гусева С. В. Текстобразующие факторы и их функционирование в эпистолярном дискурсе А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 22 с.
4. Кабанова Т. Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 24 с.
5. Курьянович А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 17 с.
6. Пушкин А. С. Письма : в 3 т. Т. I. 1815–1826. М. : Захаров, 2006. 704 с.
7. Сапожникова Н. В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 46 с.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т., в 20 кн. Т. XVIII. Письма. 1842–1881 гг. М. : Худож. лит., 1984. С. 305–912.
9. Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
10. Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 11. Письма 1877–1892 гг. М. : Гослитиздат, 1956. 711 с.
11. Шмельёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
12. Шолохов М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Письма. 1924–1984 гг. М. : Советский писатель, 2005. 736 с.

Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики¹

В статье с точки зрения современной когнитивной семантики фрейм рассматривается как когнитивная структура, которая формируется клише и штампами сознания и в итоге представляет собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов) и ими предопределяемых ассоциаций, на основе которых формируются фразеологические значения.

Ключевые слова: фразеологическое значение, фрейм, концепт, стереотип, образ-схема, фрейм-сценарий.

N. F. Alefirenko
Belgorod, Russia

Phraseological Value in the Light of Frame Semantics

In the article the frame is considered from the point of view of modern cognitive semantics as cognitive structure which is formed by a cliché and stamps of consciousness and as a result represents «bunch» of predicted valency links (slots) and associations predetermined by them on the basis of which phraseological values are formed.

Keywords: phraseological value, frame, concept, stereotype, an image-scheme, the frame-scenario.

Необходимость исследования природы и сущности фразеологического значения обуславливается его неопределённым статусом в системе современных лингвистических терминов (лексическое, грамматическое, словообразовательное и др. значения). Нередко его употребляют в нетерминологическом значении. В предыдущих работах раскрывается своеобразие фразеологического значения в рамках традиционной фразеологической семасиологии [2] и с точки зрения лингвокультурологии [3]. В настоящей статье ставится задача осмыслить фразеологическое значение в аспекте лингвокогнитивистики, в частности, показать его природу.

1. Фреймовая природа фразеологической семантики. Понятие фрейма вошло в современный лингвистический обиход благодаря популярности работ Ч. Филлмора, который определяет фреймы как особые унифицированные конструкции знания, или связанные схематизации опыта; как когнитивные структуры, знание которых ассоциировано с вербально представленными концептами. С точки зрения современной когнитивной семантики, фрейм определяется как когнитивная структура, которая формируется клише и штампами сознания и в итоге представляет собой «пучок» предсказуемых валентных связей

(слотов) и ими предопределяемых ассоциаций. Такого характера фрейм-структуры способны породить многие фраземы. Ср.: *И на глазах ошеломлённой общественности она швырнула папку в камин. Свёрток упал прямо на горящее полено и сбил пламя. По комнате прокатился вздох потрясения. – Ну, мистер, не-знаю-как-вас-зовут-и-знать-не-желаю, доставайте! Или вы привыкли, чтобы вам рукописи из огня другие таскали?* (Ю. Поляков. «Козлёнок в молоке»). За окказиональной фраземой *рукописи из огня другие таскать* стоит клише русского языкового сознания *таскать (доставать) каишаны из огня* для кого, кому – "выполнять очень трудную работу, результатами которой пользуется другой". Такая фразема реализует фрейм-структуру, направляющую ассоциативный поиск её смыслового содержания: «Или вы привыкли пользоваться результатами чужого труда, использовать для достижения своих целей других людей».

Л. Барсалу использует понятие «фрейм» в более широком и общепринятом в когнитивной психологии значении термина *схема*. При этом он наделяет фреймы теми же основными свойствами, что и пропозиции. Иными словами, они, в представлении учёного, характеризуются таким же предикатно-аргументным строением.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2011 годы по Госконтракту П 1306.

Итак, понятие фрейма в когнитивную фразеологию «вписывается» достаточно органично:

- ♦ как иерархически организованная структура данных, которая представляет собой в семантике фраземы знания о какой-то стереотипной ситуации типа *хлебом не корми* кого – "ничего не надо кому-л. – только бы смочь получить желаемое";

- ♦ как когнитивная структура, представляющая во фраземе знания *в их динамике* и содержащая как общие, постоянные данные о релевантной ситуации или классе ситуаций, так и данные вариативные: *класть голову (жизнь, живот)* – "погибать, умирать; жертвовать собой"; *нести (городить) околицу (чепуху, чушь)* (грубо-прост.); *нести (пороть) ахинею (дичь, вздор, ерунду, галиматю, чушь)* (грубо-прост.) – "говорить, писать глупости, чепуху".

Хотя теория фрейма разрабатывалась безотносительно к идиоматике, для нужд когнитивной фразеологии могут быть препарированы основополагающие определения фрейма:

- 1) единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого концепта в рамках определённой культуры (Т. А. ван Дейк; Р. Богранд и В. Дреслер): *как с гуся вода, лёд тронулся, два сапога пара*;

- 2) структура данных для представления стереотипной ситуации (М. Минский). Наиболее яркими из них являются фреймы «сходство/отличие», «начало/конец», «единство/разногласие», «успех/неудача», «правда/обман», «достаток/нужда», «разумность/бессмысленность» и др. Ср.: *на один покрой, на одну колодку – не пара, не в пример, как небо от земли* и т. п.;

- 3) тип когнитивной модели, репрезентирующей посредством фраземы знания и мнения, связанные с повторяющимися речемыслительными ситуациями (Ф. Унгерер, Х.-Й. Шмид): *раскрывать (открывать) <свои> карты; (и) калачом не заманить кого, как по нотам разыгрывать, пускать пыль в глаза кому*;

- 4) структура знания, объединяющая объекты косвенно-производной номинации (Дж. Тейлор): «Возражение» – *ни за что, ни в жизнь, ни за что на свете, ни за какие блага, ни за какие коврижки (пряники), ни под каким видом, ни в коем случае, никоим образом*.

Наиболее общей когнитивной единицей организации знания, вербализуемого

фразами, является *сценарий* («скрипт»), под которым понимается связанная последовательность событий. Сценарий состоит из так называемых *виньеток* – вербальных или невербальных репрезентаций событий коммуниканта, его поведения, окружения и т. д. Виньетка рассматривается как набор некоторых схем.

Механизмом развития концептуальных структур в когнитивной фразеологии служит *образ-схема*, т. е. «повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придаёт связность и структуру нашему опыту» [7, с. 16]. В когнитивной психологии [4] когнитивная схема выступает главной единицей восприятия, следом, оставленным в памяти воспринятым явлением, включающим наиболее информативные, существенные признаки. Однако когнитивная схема не простая энграмма. Понятие «образ-схема» включает в себя не только план сбора и переработки информации об объектах и событиях, воспринимаемых органами чувств, но и *их взаимосвязь друг с другом, представляющую динамическую систему схем*.

С позиции интегративной теории репрезентации, разработанной Ж. Верньо, структурированная совокупность фреймовых структур позволяет нам ввести понятие когнитивно-дискурсивного поля фраземы, под которым понимаем набор ситуаций, структурированных с помощью тесно связанных между собой схем и концептов. Схема не является полным стереотипом, а представляет собой динамическое функциональное единство, состоящее из основных и промежуточных целей, антиципаций (предвосхищений, предугадывания событий, заранее составленных представлений о чём-нибудь), правил действия, операторных инвариантов, необходимых для порождения и восприятия фразеологической семантики.

Представление, гештальт и концепт – тесно переплетаются в лингвокреативном мышлении человека и в его практике косвенно-производного номинирования. Особенно это рельефно проявляется во фраземосемиозисе [1, с. 379].

2. Структура фразеомобразующего фрейма. Фрейм можно рассматривать как способ организации различных типов концептов, отличающихся по уровням сложности. Поскольку идиоматика диахронична, наиболее явно взаимодействие фрейма

и концепта обнаруживается на уровне современного фраземосемиозиса – неологизации и понимания неофраземы.

Действительно, в современном языке коммуникативно и прагматически значимая фрейм-структура обычно вербализуется неофразами. Полученная таким образом неофразама является вербальным аналогом фрейма, который обычно имеет форму пропозиции или набора пропозиций. Структура фрейма состоит из сети узлов и терминалов, которые обычно располагаются в два уровня. Верхние уровни фрейм-структуры содержат концептуальную информацию интенционального характера, нижние (терминалы) – вариативную информацию, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Узлы, или слоты, как обязательные компоненты, характеризуются речевой (ситуативной) зависимостью и поэтому могут быть выражены в языке разными способами. Ср. слоты и терминалы фрейма «Обман». В его структуре выделим три слота: а) *источник* – указание на причину обмана, б) *событие* – указание на сам процесс и характеристики обмана (способ проявления, интенсивность, экстенционал) и в) *следствие* – указание на то, как отразился обман на окружающих и на того, кого обманывают. Выделенные слоты – обязательные компоненты фрейма «Обманывать». В конкретной коммуникативно-прагматической ситуации они выступают в разных модификациях, получая, как правило, разную фразеологическую репрезентацию: *гнуть мулю* – (1-е значение) "обманывать", *забить мулю* – "обмануть", *забить телегу* – "рассказать небылицу", *загонять мулю* – "обманывать"; *запудрить мозги* – обмануть, *кинуть на бабки* – обманом завладеть деньгами, *гнуть пургу* – (2-е значение) "обманывать"; *ездить по ушам* – "обманывать" и др.

Как видим, при активизации фрейма приоритет получают разные сетевые связи актуализированных слотов, что, естественно, вызывает каждый раз иные образные ассоциации. Содержание фразеологического фрейма композиционно: оно складывается из знания периферийных смыслов фразеомобразующих компонентов, репрезентирующих соответствующие субконцепты в структуре данного фрейма. В силу своего композиционного характера в процессе мыслительных операций фразеологический фрейм предстаёт как

цельное единство – гештальт. Вместе с тем, в процессе самой операции ассоциативного объединения нескольких ментальных структур он изначально членим. Особенно ярко это проявляется при сопоставлении фразеологических единств и их свободно-синтаксических генотипов. Ср.: *садиться не в свои сани* – а) в прямом смысле и б) "браться не за своё дело"; *связывать руки кому* – а) в прямом смысле и б) "лишать способности свободно действовать", *замечать следы* – а) в прямом смысле (*лиса замечает свои следы*) и б) "уничтожать, устранять то, что может служить уликой в чём-либо". Такое ассоциативное объединение, если следовать концепции Ж. Фоконье и М. Тернера, можно назвать *концептуальной интеграцией*. Под концептуальной интеграцией (conceptual blending) Ж. Фоконье и М. Тернер понимают слияние двух ментальных пространств, при котором возникает новое пространство. В процессе фразеопорождения возникает новое, интегрированное ментальное пространство, в ассоциативно-образном созидании которого участвуют два исходных ментальных пространства, имеющие долговременный характер: а) базовая когнитивная структура (внутренняя форма), имеющая оперативный характер, и б) интегрированное когнитивное пространство фразеологического прототипа.

Фреймы, в отличие от концептов, обладают достаточно строгой внутренней структурой. Её образует весьма сложная конфигурация слотов (терминалов). Слоты с точки зрения содержащейся в них информации бывают простыми и сложными, т. е. в них кодируется стереотипная информация различной сложности. Простые слоты содержат, как правило, один из признаков отражённого в сознании объекта; сложные – разветвлённые фоновые знания: обыденные, языковые и даже энциклопедические. Так, фразама *Аника-воин* (ирон.) не только выражает значение "задира, хвастун, храбрый лишь на словах". За ней стоит целая фрейм-структура. Отдельные её слоты выражаются: (1) синонимами *шапками закидаем кого!* (разг.), *много думать (мнить, воображать, мечтать, полагать)* о себе (разг., ирон.); (2) антонимами *идти / пойти в огонь и <в> воду* за кого, за что; за кем (разг.) – "быть в состоянии совершить любой смелый поступок, предпринять любые самоотверженные действия, не раздумывая, жертвуя всем"; *не <из> робкого (трусливого) десятка* (разг.) –

"смелый, храбрый, небоязливый (о человеке)". Ср.: 1) *Откуда такая твёрдая уверенность? Объяснение простое: во-первых, наша войсковая часть вот уже без малого семьдесят лет держит марку образцовой, а это о чём-нибудь, да говорит; во-вторых, события последнего месяца из жизни в/ч изгоняют всяческие мысли о существовании в электростальских армейских рядах хотя бы одного Аники-воина* (Н. Юрьева. «Аты-баты»); 2) *В староверских деревнях, что издревна платили двойной налог «за веру» – платили по всякому, а чаще своей кровью – ратниками, сохранились тетрадки о «вечных». Наряду с такими известными, как Вечный Жид (в этих местах и его встречали), веровали и в Вечного Скомороха (у соседей с новгородчины он загостился до того, что в родню влез), а также и собственного Анику-воина* (А. Грог. «Аника-Воин»); 3) *Фандорин развел руками: – Ну вот, сударь. Полна площадь свидетелей, в том числе военного сословия. Или бейтесь, или из гвардии вон. Так гласит дуэльный статут. Задумчиво глядя ему в лицо, преображенец негромко произнёс: – Что ж, старичок, будь по-твоему. Это я сгоряча, на радостях, тебе убираться велел. А отпускать тебя, пожалуй, нельзя. Начирикал, поди, тебе воробышка, о чём не следовало... – Нет! – крикнул Митя. – Я ни слова! – А всё же так, шишки мочёные, верней выйдет. Пойдем, Аника-воин, пьряться. Где шпагу возьмёшь? – Одолжу у господина партионного начальника* (Б. Акунин. «Турецкий гамбит»).

Фрейм «Хвастовство» состоит из нескольких достаточно сложных слотов: **Первый слот** достаточно простой – содержит один признак "непобедимый" (он в той или иной степени присутствует в каждом из трёх предложений): имя Аника взято из византийской повести о герое Дигенисе, прозванном *anikitos* – непобедимый. Этот эпитет со временем стал собственным именем.

Второй слот – "бахвальство" (1-е предложение): в старинной народной сказке рассказывается про Анику, который, победив своего противника, стал бахвалиться, что теперь ему всё нипочём, что никто ему уже не страшен, даже сама Смерть. Услыхала Смерть эти слова и предстала перед хвастуном. Куда только девалась показная смелость Аники! Пришлось ему униженно вымаливать прощение у Смерти за свою дерзость.

Третий слот – "кукольный персонаж" (2-е предложение): Аника – любимый некогда простолюдинами персонаж ярмарочных балаганных спектаклей и кукольных представлений, весь сюжет которых сводился к

тому, что Аника без конца хвастается храбростью, а в финале, увидев смерть, страшно пугается, несмотря на то, что ему помогает Петрушка, палкой прогоняя смерть.

Обычно фреймы изолированно не существуют. В силу того, что отображаемые ими реальные или воображаемые ситуации тесно взаимодействуют между собой, они, чаще всего, обладают общими слотами, пересекаются, образуя в сознании сетевидную конфигурацию интерпретируемого фрагмента действительности. Причём, как показывает анализ, фреймовые структуры организованы иерархически. Это присуще и отдельным фреймам, и межфреймовым сетям. В первом случае в каждом фрейме можно выстроить некую иерархию с фиксированной вершиной и конкретизирующими её смыслами; во втором – доминантные (вышестоящие) и подчинённые (нижестоящие) фреймы.

«Фразеологическое видение» ситуации во многом определяется усвоенным с детства этнокультурным кодом. Его внимание может останавливаться на разных частях фрейма. В одной и той же лингвокультуре каждый «стоп-кадр» представляется или отдельной фраземой, её вариантом, синонимом, или фразеосемантической группой.

Если внимание привлечено к жёстко связанным слотам фрейма, они реализуются вариантными фраземами. Так обстоит дело при косвенно-производной вербализации фрейма «Лишение»: *оставлять (оставаться) с носом, оставлять (оставаться) на бобах, оставлять (оставаться) ни с чем, оставаться (оказываться) при пиковом интересе*. Выделение нежёстко связанных слотов вербализуется фразеологическими синонимами: а) *оставлять (оставаться) на бобах, оставаться (оказываться) при пиковом интересе*; б) *вверх дном, шиворот-навыворот*. Если же внимание рассредоточено по разным, не имеющим прямых смысловых связей, слотам фрейма, такие модификации фрейма выражаются разными фраземами, которые, однако, являются членами одной фразеосемантической группы. Именно так представлен в русской фраземике фрейм «Беспорядок» и его субфрейм «Путаница»: *концов не найти, расхлёбывать кашу, дым котлом (столбом), вверх дном, без толку*.

Если же в центре внимания оказываются противоположные фреймы, то их косвенно-производная номинация порождает фразеологические антонимы. Ср. фрейм «Порядок» (*в <полном> порядке, чин чинном*) и

фрейм «Беспорядок» (*вверх дном, вверх тормашками*). Представители разных лингвокультур в одном и том же фрейме могут наполнять некоторые слоты хотя и родственными, но всё же разным смысловым содержанием. Это нередко приводит к членению фрейма на субфреймы. Ср.: рус. *во всю ивановскую* – 1) очень громко (кричать, храпеть и т. п.); 2) очень быстро, со всей силой и т. п.; болг., если внимание сосредоточено на слоте «кричать, орать», – (*викам, крещя*) *колкото ми глас държи, с цяло (то си) гърло*; если в центре внимания оказывается слот «играть, шуметь» – (*свиря*) *много високо; (свиря, шумя, вдигам шум), та и умрелите ще събудя*; если внимание привлёк слот «храпеть» – (*хъркам*) *като заклан, като гатер, като мотор*.

Как видим, когнитивным субстратом семантической структуры фраземы выступает фрейм, который отражает определённый *прототип*, сформированный на основе прошлого опыта и соотносимый с хранящимся в памяти обобщённым представлением о стереотипной ситуации или запечатлённым в памяти идеальным образом некоторого предмета (явления). В связи с этим при кодировании и декодировании содержащейся в фраземе информации (в процессе соотнесения её с денотативной ситуацией) происходит оязыковление этой информации в соответствии прототипом вербализуемого фрейма.

Итак, при всём своём многообразии фрейм является структурой данных о стандартных (стереотипных) ситуациях. Формально фрейм-структуру образуют узлы и отношения между ними. Вершинный уровень фрейма (его ядро) соответствует постоянно для данной ситуации понятию. Особую роль играют терминальные узлы, называемые слотами. Слот задает определённый параметр, своего рода позицию, которая может заполняться конкретной информацией. Слоты фреймов – это «ментальные пространства». Понятие фрейма подразумевает также возможность проведения над ним различных операций, т. е. организации знания соответствует организация способов его обработки. Фреймы, лежащие в основе фразем, могут отражать стереотипные знания человека об участниках какой-либо ситуации не только в статике, но и в динамике.

3. К проблеме фразеологической репрезентации фрейма-сценария. Динамические ситуации структурируются особой

разновидностью фрейма – сценариями. Они отражают стереотипную последовательность действий, выполняемых в динамичной ситуации. Русский термин *сценарий* может быть переводом из англ. *scenario* и англ. *script*, последний из которых переводится на русский так же, как *скрипт*.

Во фреймах-сценариях слоты заполняются наборами типичных последовательных действий, традиционно воспроизводимых в типовой ситуации. Ярким примером фразеологической репрезентации фрейма-сценария может служить украинская фразема *дати (одержати) гарбуза* – "отказать сватающемуся жениху". За фразеологическим значением стоит отсценированное событие: в дом, где подрастает невеста, родители жениха посылают сватов. Те, в соответствии с предписываемым традицией сценарием, пытаются с родителями невесты завести театрализованную беседу, представляясь купцами, следующими из далёкого края за необычным товаром. Дескать, сорока на хвосте принесла, что в их доме имеется товар (краса-девица), а у них – богатый и знатный купец. В конце беседы положено спросить согласия невесты, которая, желая выйти замуж за этого парня, выносит вышитые ею рушники, а при отказе жениху преподносит сватам тывку (укр. *гарбуз*). Получить тывку (*одержати гарбуза*) – значит потерпеть неудачу в своём предложении руки и сердца.

Работы Филлмора последующих двух десятилетий были направлены на создание более гибкого подхода, который позволил бы объединить лингвистические представления о построении высказывания с психологическими данными о практически бесконечном многообразии ситуативно порождаемых значений [5; 6]. Этот новый подход получил название *фреймовой семантики*, что подчёркивает его сходство с работами в области психосемантики и искусственного интеллекта. Для формирующейся теории когнитивной фразеологии особую ценность приобретает разрабатываемая Филлмором концепция *фреймовой семантики*. На наш взгляд, она способствует объяснению того, каким образом дискурсивный контекст формирует концепт, который становится когнитивным субстратом фразеологического значения. Любой концепт, с этой точки зрения, хранит в себе лишь потенциальные фразеологические смыслы, которые раскрываются во взаимо-

действию с дискурсивным контекстом, или элементами соответствующего фрейма. Так, концепт «Риск» в составе фрейма имплицитно содержит целый спектр ролевых валентностей, в число которых, наряду с агенсом и потенциально пациентом, также входят такие смысловые конструкторы, как "неопределённость", "шанс", "вред", "польза", "ценность", "действие" и т. д. Ср.: *была не была, будь что будет, где наше не пропадало, чем чёрт не шутит, очертя голову, на свой страх <и риск>, ставить на карту* и др. Лишь часть из этих конструкторов актуализируется в конкретном коммуникативном эпизоде. Например: 1) *Это поразительное свойство характера русского мужика идти хоть на край света и на свой страх и риск брать дело по нутру да и по силам, вживаться в незнакомую природу...* (Б. Можаяев. «В Солдатове у Лозового»); 2) *В принципе можно выйти на разгадку кое-каких тайн духа и бытия, потому что, чем чёрт не шутит, может быть, литература в состоянии гораздо больше поведать о жизни, чем жизнь о самой себе* (В. Пьецух. «Новая московская философия»); 3) *С того дня я кинулась работать очертя голову, ломать традиционные условности, которые казались несокрушимыми, как мир* (Г. Вишневская. «Галина»). Только во фреймовом взаимодействии с контекстом выделенные фраземы вербализуют одну из фасет фразеологического значения: 1) *...идти хоть на край света и на свой страх и риск...* ("рассчитывать только на себя"); 2) *...выйти на разгадку кое-каких тайн духа и бытия, потому что, чем чёрт не шутит...* (чем чёрт не шутит – "всякое может случиться"); 3) *...работать очертя голову, ломать традиционные условности, которые казались несокрушимыми...* (очертя голову – "безрассудно").

Фреймы, следовательно, способны продуктивно влиять на семантику возникающего у слушателя/читателя фразеологического образа денотативной ситуации. Зависимость фразеологических значений от когнитивно-дискурсивного контекста объясняет ограниченность во фраземике явлений полисемии и омонимии, а также влияние лингвокультурного сознания на значение отдельных фразем, осложняющего или даже делающего практически невозможным их перевод на язык другой лингвокультуры.

В поисках таких когнитивных структур следует исходить из того, что большинство фразем своим значением моделирует денотативную ситуацию или сцену. На-

чальным пунктом моделирования денотативной ситуации является точка фокуса интенциональности (ТФИ) вербализации данной ситуации. Для этого в структуре концепта в качестве фокуса интенциональности выбирается некоторая область. Сама же динамика вербализуемой когнитивной структуры обуславливается факторами коммуникативно-когнитивной макростратегии. Начинается этот процесс с анализа информации о выбранной области концепта. Инструментом такого анализа служит структурированное образование, содержащее информацию о типизированной ситуации или ситуациях, поскольку выбор той или иной области концепта для вербализации как раз и продиктован ситуацией. Таким образом устанавливаются отношения не между целым концептом и фреймом, а между отдельной областью концепта, выбранной для вербализации, и соотносённым ей фреймом. В процессе такого анализа полученная информация форматируется изоморфно структуре фрейма, служащего инструментом анализа.

Поскольку критерии, обуславливающие направление движения точки фокуса интенциональности и, следовательно, выбора области концепта, подлежащей вербализации, включают в себя сведения о типизированных событиях и взаимодействиях, релевантных для данного коммуникативного акта, для данной ситуации производства высказывания, мы полагаем, что вербализация определённой области концепта должна идти через посредство фрейма, соотносённого с данной областью, а также при помощи соответствующего фрагмента тезауруса. Говоря о соотносённости концепта и фрейма, мы не можем согласиться с мнением о правомерности рассмотрения концепта как информации, объединённой и систематизированной в виде фрейма, из которого вытекает тезис о возможности использовать фрейм как модель построения соответствующего концепта (О. Г. Прохвачёва). Для построения концепта в нашем понимании совершенно не нужна модель. Концепт, состоящий из отдельных, но в то же время взаимосвязанных и взаимоопределяющих областей.

Структурированная информация поступает в структуру тезауруса. Именно в соответствии с пустыми пока структурными ячейками тезауруса и осуществляется выбор (наиболее адекватной для данной информа-

ционной модели) комбинации фразеосхемы и наполняющих её лексических компонентов фраземы. Иными словами, характер косвенно-производного знакообозначения некоторой области концепта или отдельного фрагмента этой области обуславливается конфигурациями фреймового моделирования стереотипной ситуации.

Так, сначала выделенная область актуализированного концепта «Человек» соотносится с неким прототипичным сочетанием слов, которое затем подвергается метафорическому или метонимическому преобразованию. Так, на первом этапе образного наименования простого, душевного и чрезмерно откровенного человека напрашивается сравнение его с растворённой нараспашку дверью. Затем образ открытой для всех двери соотносится с так же открытой для других людей душой – хранилищем самых заветных помыслов, намерений и желаний. Происходит метонимическое переосмысление словосочетания *дверь нараспашку* во фразему *душа нараспашку*, где лексический компонент *душа* является представителем человека в целом (метонимическое соотнесение *душа – человек* по модели «часть» – «целое»). При этом семантика вербализатора концепта «Человек» опосредованно участвует в формировании *обобщённо-целостного* смысла фраземы.

В конечном счете, *область некоторого концепта получает реализацию при помощи окказионального смысла и значения фрагмента высказывания в процессе коммуникации*. В зависимости от размеров того массива информации, который был считан ТФИ вербализации, он может получать реализацию посредством целого высказывания или даже группы высказываний, вследствие чего *на семантическом уровне*

репрезентантом этого информационного массива станет глобальный смысл отдельного высказывания или текста.

Примером того, как большой массив информации может быть передан малыми языковыми средствами, является фразема *днём с огнём не найти (не сыскать)* кого, что – "нельзя найти, даже прилагая значительные усилия"; *днём с огнём <ещё> поискать (надо)* – "о ком-л. или о чём-л. редком, выдающемся". Вербализация концепта «Исчезновение», на первый взгляд, протекает в два приёма. Сначала активизируется та зона концепта, которая выражена прямым значением лексического компонента *не найти*; затем активизируется ядро концепта «Исчезновение» – *поиск* посредством лексемы *днём*: ночью, ранним утром и вечером поиск невозможен. Сложность поиска актуализируется игрой лексических компонентов *днём с огнём*, где компонент *с огнём* служит интенсификатором внутренней формы данной фраземы. Языковая игра, основанная на смысловом сопряжении двух вербализаторов фразеобразующего концепта: каждый из них выражает условие успешного поиска (ср.: *день* – "самое светлое время суток" и *огонь* – "свет от осветительного источника; средство освещения чего-либо при поиске"). Фактор успешного поиска как бы *удваивается*, создавая, тем самым, все условия для результативного поиска.

Всё это, как представляется, может служить достаточным основанием для расширительного понимания в когнитивной фразеологии понятия «фрейм», по аналогии с расширительным истолкованием концепта [3, с. 79]. Продолжая данную аналогию, расширительный формат фрейма назовём «культурным фреймом» – он объединяет в одном общем представлении и устойчивые сочетания слов, и мифологемы, и ритуалы. Однако эта тема заслуживает отдельного исследования.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивные основания лингвосомиозиса // Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von P. Deutschmann. Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. P. 379–395.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М. : Элпис, 2005. С. 21–27.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : моногр. М. : Элпис, 2008. 271 с.
4. Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания. М. : Смысл, 2006. 432 с.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 52–92.
6. Fillmore Ch. The case for case // Universals in linguistic theory. New York, 1982. P. 1–88.
7. Johnson-Laird P. N. The Computer and the Mind. An Introduction to Cognitive Science. Cambridge (Mass.), 1988. 369 p.

Живая графика

Статья развивает и расширяет основные научные положения, выдвинутые нами в материале, опубликованном в предыдущем номере журнала. Теория живого текста связана с теорией живой графики, т. е. с теми процессами, которые можно назвать грамматико-графическими.

Ключевые слова: графическая маркировка текста, грамматико-графический сдвиг, живой диалог.

G. D. Ahmetova
Chita, Russia

The Live Drawing

Article develops and expands the basic scientific positions which have been put forward by us in the material, published in the previous issue of the magazine. The theory of the live text is connected with the theory of the live drawing, i.e. with those processes which it is possible to name grammar-graphic.

Keywords: graphic marks of the text, grammar-graphic shift, live dialogue.

Мы уже писали о грамматических (грамматико-семантических) сдвигах, происходящих в языке современной прозы.

Обратимся теперь к сдвигам грамматико-графическим, которые появляются в результате графической маркировки текста. Но графическая маркировка – это лишь внешнее проявление. Важнее говорить о композиционных изменениях, т. е. о композиционно-графической маркировке текста, приводящей к грамматико-графическим сдвигам.

К явлениям графической маркировки (графические сдвиги) можно отнести: **особенности шрифта (крупный, жирный, курсив, мелкий и др.); специальные значки (звёздочка и др.); квадратные скобки; окказиональное употребление дефиса; полное отсутствие знаков препинания.**

Сдвиги (или изменения), происходящие в языке современной русской прозы, представляют собой либо движение от ошибок к норме, либо нарушение норм. Известно, что завтрашние нормы рождаются из вчерашних ошибок, однако совершенно ясно, что далеко не всякая ошибка приводит к становлению новой нормы.

Особенности шрифта (крупный, жирный, курсив, мелкий и др.) хотя и нельзя назвать новым явлением, но всё-таки в современной прозе это по-прежнему очень активное и живое явление.

Повесть Евгении Добровой «Маленький Моцарт» целиком построена на чередовании фрагментов, написанных обычным шрифтом и курсивом. Это, конечно, намеренно продуманный авторский приём: два потока повествования, один из которых является вымышленным, художественным, а второй – реальным, вводятся в текст с помощью разных шрифтов. И один из героев в конце повести словно бы объясняет читателю авторский замысел: «– Да-да-да, – оживился Пал Палыч. – <...> Это хорошая мысль: то, что было на самом деле, автор пишет, скажем, обычным шрифтом, а то, чего не было, – курсивом. Или наоборот, это как вам понравится. Словом – вперед!

Короче, так я и поступила» [8, с. 111]. Авторское решение повлияло на архитектуру повести – вся она состоит из кратких фрагментов, отделённых друг от друга **специальными значками – тремя «звёздочками».**

Композиционные функции графических сдвигов разнообразны: выделение как собственно прямой речи, так и невыделенной прямой речи; выделение внутренней речи; указание на точку видения автора-повествователя; объединение с межтекстовым словесным рядом; интонационное выделение; особенности произношения. Например, у Е. Добровой: «невинные глаза, ухмылка хулигана Квакина – *знать*

ничего не знаю и знать не хочу – Марина зарывает не донесённые до адресатов последних двух домов – *фу, надоело!* – пачки бесплатных «Экстра-Эм» и «Всего Северо-Запада» [8, с. 113]; «– А в *вашей* комнате, что, нет имён?» [8, с. 121]; «ночной мониторинг средства массовой информации за о-о-очень символическое вознаграждение» [8, с. 123]. Курсивом вводится, например, в текст цитата из стихотворения М. Цветаевой: «Когда-то Розочка, теперь вот Ляля. *И мы со вздохом, в тёмных лапах, сожжем, тоскую, корабли...* Что делать, чтобы жить налегке, приходится ломать чужие пьедесталы» [8, с. 273]. Есть в тексте и другие примеры: ария из Бородина, стихи Пушкина, Брюсова, Басё.

В стихах Ольги Ивановой [11] нам встретился такой повторяющийся прием – **употребление квадратных скобок** наряду с отсутствием заглавной буквы после точки в начале предложения. Текст, заключённый в квадратные скобки, является композиционно и в смысловом плане более значимым, чем остальной текст стихотворения:

не эта ночь [с присущими ночам
мотнёй и недвусмысленным ознобом],
не эта жизнь [не ставшая ничем
под этим улыбающимся небом],

не этот прах, ютящийся в горсти,
не это искалеченное лето,
не это неродное «не грусти»
в моём романе – главное не это.

но пара строф [забита под замок],
да таинства остатние мгновенья,
да музыка – бормочущий комок
мольбы – на рубеже исчезновенья,

в теснейшей из имеющихся ниш,
помимо аксиом и мимо клавиш...
какой уже ничем не объяснишь.
а главное – никак не озаглавишь.

Как известно, квадратные скобки в русском художественном тексте почти не используются. Исключением является такое их употребление в цитатах, когда объясняется тот или иной контекст цитаты. Если принять современный текст за единый интертекст, – то в таком случае роль квадратных скобок у О. Ивановой будет типичной, т. е. используемой по назначению. В то же время употребление квадратных скобок может быть объяснено и влиянием английского языка, где подобный графический

знак используется – но для описания того, о чём автор еще не упоминал. Информация, заключённая в квадратные скобки, не связана напрямую с текстом предложения. Это просто краткое объяснение чего-либо. В английском языке информация, заключённая в круглые скобки, является частью предложения, причём это важная информация, в ней заключён важный смысл.

Окказионально употреблённый знак препинания приобретает композиционную функцию субъективированного повествования: «Там он увидел в раковине Эверест немойтой посуды и! и! наорал на меня» [8, с. 197].

Подобной функцией обладает **оказиональное употребление дефиса**. Например, в прозе Евгении Добровой: «Младшая, Надя: грудной младенец, когда семья распалась, еще не умела говорить. Привязаться он к ней не успел. И-они-его-бросили!» [8, с. 159].

Нам кажется, окказиональное употребление дефиса – одно из наиболее распространённых графических явлений, но и одно из самых загадочных, малообъяснимых. Философ Ф. Гиренок, автор аутографического исследования феномена человека, рассматривающий аутизм как фундаментальную антропологическую характеристику и делающий вывод о неизбежности асоциальной природы человека, приходит к выводу, который и для нас раскрывает причины графической маркировки текста: «При этом смысл изображается изначально не фонетически, а графически, то есть палеолитическое искусство – это фиксация смысла, в котором пластический язык доминирует над вербальным.

Учитывая всё это, можно предположить, что палеолитическое искусство в своих древних памятниках говорит о себе как смысловом протописью при отсутствии речи» [5, с. 82].

Продолжая мысль философа, можно предположить, что в мире происходит возвращение к истокам, к аутизму. Происходит уход от языка в подсознание. Метафора «Мир сошёл с ума» приобретает прямое значение. Хотелось бы верить, что это всё-таки новый этап в развитии человека и языка, а не их логический конец.

Не случайно в этом контексте обращение к «Первозыку» [17].

Ф. Гиренок обращается к «Медицинской психологии» Кречмера, «который рассказывает о том, как серия односложных наглядных образов превращается в абстракцию. Например, «место-варить-что-нибудь» – все это, благодаря агглютинации образов, превращается в абстрактное понятие кухни, а «место-садиться-солнце» превращается в понятие запада» [5, с. 69].

Возьмём на себя ответственность – продолжим мысль философа. Можно предположить, что мы продолжаем уходить в языке к абстракции. Этот процесс и находит отражение в графических сдвигах, прежде всего – в употреблении окказионального дефиса.

Приём дефисного написания распространяется и на поэтический язык, и на язык публицистики, а также на «прозопоэтический» язык, получающий в последнее время распространение. Дефисные написания являются настолько традиционными, что, казалось бы, и говорить больше не о чем. Нас, однако, привлекают нестандартные, живые дефисные слова. Возможно, их не слишком много в современной литературе. Но тем не менее в этом можно видеть дальнейшее развитие одного из наиболее традиционных принципов русской орфографии.

Рассмотрим функции дефиса. Очевидно, не всегда можно говорить о композиционной его роли. В некоторых случаях с помощью дефиса создаётся новое слово или термин (в нехудожественных текстах), т. е. употребление дефиса связано с таким динамическим процессом в современной прозе, который мы назвали «словообразовательный взрыв».

В то же время образование новых слов в художественном тексте в некоторых случаях отражает, конечно, точку зрения рассказчика, как например, употребление окказионального прилагательного в прозе Е. Добровой (повествование идёт от первого лица): «в чёрно-бело-тонко-красную-и-горчичную, опять же, полоску» [8, с. 193]. На популярность приёма указывают факты использования его в повседневной речи и в публицистике, например, в Живом Журнале: «возвращение в сознание в совершенно ни-райской-ни-адской больничной атмосфере». Комментарий сделан по поводу одной из записей Дениса Драгунского блогером Ibertarian [19].

Названия постов Станислава Фёдорова: «Шары-и-девушки-по-понедельникам. Часть 36. Тем, кто смог пережить московский смог...»; «Крылья-по-пятницам. Часть 79»; «Гламур-в-небе-по-четвергам. Часть 59. Чёрный ангел, что ж ты...»; «Галерея-по-выходным. Выпуск 27» [15]. Диана Бош [2], автор детективов, в своём Живом Журнале использует этот графический приём: «Обнаруживать, что мои, рачительно припрятанные газетки и баночки-для-варенья кто-то выкинул в корзину»; «Похудела не-знаю-на-сколько, в связи отсутствием весов». Писатель Нина Горланова пишет в своём Живом Журнале: «А главное: мне не даёт спать-жить-дышать сосед-алкоголик» [6]. Из поста пользователя тамако: «И вот они не росли-не росли-не росли-не росли» [20].

Но если приведённые выше прилагательные гипотетически могли бы считаться традиционными языковыми единицами, то в поэзии встречаются несомненные окказионализмы. Сравним – в стихах Алины Витухновской [3]. Причём в последнем слове, написанном через дефис, отражается интонация – раздельное произнесение частей слова:

Я через гроба-космос
Через не-бога-иную-русь
Нутро Всего зрю,
Всма-три-ва-юсь.

Впрочем, не только в поэзии. Например, у М. Эпштейна в «Знаке пробела»: «Вся эта подвижность и текучесть, аморфность и полиморфность также связаны с едва-рожденностью» [18, с. 141]. В литературоведческой статье Григория Аросева встретилось написание: «Выше говорилось о «не-для-всех-ности» поэзии» [1, с. 27].

Подобное написание использует философ Ф. Гиренок: «Творческие люди, так же, как и больные маниакально-депрессивным психозом, сохранили способность слушать немую речь уже-сознания, а не язык другого» [5, с. 98]; «Я рассматриваю четыре уровня сознания, имея в виду не «я-сознание», а «уже-сознание» [5, с. 139]; «Леруа-Гуран выделил в живописи палеолита повторяющуюся структуру, а именно: лошадь-бык-козёл» [5, с. 81].

Например, в книге Л. В. Зубовой [9] даётся ссылка на статью Н. Г. Бабенко¹, в которой употребляется подобный термин: «Как пишет Н. Г. Бабенко, ссылаясь на теорию М. Фуко, это тот случай, когда при употреблении термина «воля-к-знанию» обратилась «волей-к-власти» [там же, с. 220]. Как термин можно рассматривать и инвективное образование Василия Ширяева «ЖЖ-пьеса-szcz»², которое он использует в интервью с Аленой Чурбановой [16]. Безусловными терминами являются используемые В. Ширяевым в этом же интервью следующие слова: «Комментарий-камент, мем, анекдот, сценарий. Пост-эссе, мемуары-житие-подстрочник». В Живом Журнале поэта, прозаика, главного редактора альманаха «Искусство Войны» Ильи Плеханова встречаем подобное образование: «Что такое поэзия? Это попытка записать голос Вселенной. Человеческое устройство мозг-сердце-рука – инструмент для записи» [14].

Подобные новообразования в некоторых случаях омонимичны приложениям с расширенными возможностями. Например, Л. В. Зубова в своей книге о языках современной поэзии употребляет такие слова: «Этот гусь-орёл-поэт *клювами водит, макая в печень*» [9, с. 114]; «Поэтому и в стихотворении показано, что газета, информирующая о «ветре перемен», не позволяет лететь этим книгам-бабочкам-душам» [9, с. 140]. Подобное развернутое приложение употребляет и Александр Леснянский в своём Живом Журнале: «Кассационный суд (это была уже третья инстанция) тоже стал на сторону пенсионера-прапорщика-жалобщика» [12].

Интерес вызывают такие дефисные написания, в которых пунктуационно объединяются в единое целое слова в предложении: «Как-дерево-машет-рябина» (Марина Цветаева); «снять-нельзя-абсолютный-запрет» (Ольга Сульчинская); «Нам, урусам, нам, медведям, / всё равно, куда мы

едем: / куда едем, там и будем – раньше-позже-никогда» (Виктор Строчков); «Возвращался. Весь вечер один-по-аллеям-гулял...»³ (Виктор Соснора). Мы намеренно приводим стихотворный пример Марины Цветаевой, чтобы показать преемственность даже самых неожиданных языковых нововведений.

Дефисное написание позволяет объединить разные точки зрения, передать одним «псевдословом» несколько смыслов.

Приём быстрого проговаривания использует в своем рассказе «Тихий Иерихон» Олег Зоберн, где передаётся прямая речь героя. Однако писатель использует противоположный графический способ – вместо дефиса он пишет два слова слитно: «– Пода-айти, людидобрые...»⁴ [9, с. 96].

В самом деле, наряду с дефисными написаниями отмечается также и слитное написание нескольких слов. И, наверное, дело не столько в быстром их произношении, – сколько в стремлении автора объединить в одном слове несколько смыслов, избегая, таким образом, синтаксического усложнения. Например, филолог Гасан Гусейнов пишет: «Значит, *перекроют кислород*. Значит, *детинашебудущее* останутся без прививки от оспы, без мозговой и сердечной защиты – один на один чёрт знает с кем» [7]. Пост поэта Алины Витухновской назван «Котамиовладелобеспокойство» [3]. В другом своём посте Алина пишет: «В общем, ЯТЕБЕЕГОДАРЮ».

Популярная социальная Интернет-сеть Vkontakte.ru транслитерируется и как «В Контакте», и как «Вконтакте». Оба варианта используются в качестве одного несклоняемого слова, например: «На Вконтакте...».

Крайний случай графических сдвигов – это **полное отсутствие знаков препинания**. Но такое встречается чаще в поэзии, например, у Людмилы Петрушевской [13, с. 93]:

³Примеры стихотворных строк В. Сосноры и В. Строчкова взяты нами из книги Л. В. Зубовой «Языки современной поэзии». Автор не исследует данное языковое явление, ставя перед собой другие задачи. Однако в книге есть упоминание о влиянии поэзии М. Цветаевой на творчество В. Сосноры.

⁴Приведём еще примеры, когда дефисы заменяются слитным написанием нескольких слов: «просто *многобукф*». <http://la-la-brynza.livejournal.com/>; «аскажитекамнедрузззя». <http://chemodanov.livejournal.com/>; «Окажямог! Обожемой!». <http://alan-christian.livejournal.com/>; «В дорогойроссиянии». <http://blackicon.livejournal.com/>. И даже так: «Утренняя алинакабаева». <http://lisnerpa.livejournal.com/>

¹Бабенко Н. Г. Отражение современной научной парадигмы в поэтическом языке последней четверти XX века // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002. С. 116–135.

²Третья часть инвективного образования оказалась, к сожалению, довольно популярной в современном русском языке. Р. Сенчин: «Полемика – разногласия, *szcz*». <http://magazines.russ.ru/ural/2010/3/ka17.html> Вновь Василий Ширяев: «Мне нравится *szcz* в блогах». <http://magazines.russ.ru/ural/2009/10/hi13-pr.html>

вот я и говорю ученикам
если пришла мысль
запиши
больше раза
она не ходит
раз
и
брьсь

Я спросила поэта Александра Самарцева: «Скажите, почему Вы не ставите знаки препинания?» Поэт ответил мне, прислав свои стихи: «Так свободней. Я этому научился у Алексея Цветкова. Знаки препинания тормозят. Потому что всё равно решает интонация».

Следствием графических сдвигов являются грамматико-графические изменения (сдвиги): **невыделенная прямая речь; контаминация форм субъективации – речевой и конструктивной; диалог-повествование.**

Одно из самых заметных грамматико-графических изменений мы называли невыделенная прямая речь. Феномен невыделенной прямой речи стал уже нормой в современной русской литературе, например, в стихах Л. Петрушевской:

дядя Коля
сегодня будет дождь?

сегодня нет

в НОЧИ
уже будет

действительно
в ночи
был

Отсутствие традиционной пунктуации при выделении прямой речи ведёт к смешению (сдвигу) в языковой композиции. Происходит **контаминация форм субъективации – речевой и конструктивной**¹.

¹ Подумалось, что модификация приёмов субъективации в некоторой степени связана с условностью грамматического лица (термин наш). И вот в только что вышедшей книге по философии обнаружилось очень интересное наблюдение: «Дети-аутисты иногда овладевают речью, но некоторые остаются мучительно. В речи аутисты не используют местоимение «я». Вместо него они говорят «ты» и «он». Устранение из речи «я» радикально её меняет. Поскольку «я» – это пустое слово, постольку оно способствует движению, обмену мыслями в языке. А поскольку его нет, постольку нет и места для движения мысли. А это значит, что место мышления занимает созерцание» (Фёдор Гиренок. Аутография языка и сознания. М.: МГИУ, 2010. 247 с.).

Например, это выделенная лишь курсивом (а не пунктуационно) прямая речь: «*Вот ты отказалась, назидательно сказал Родион, а узбеки уже уехали. Но видишь, ты видишь, как хорошо получилось?*» [8, с. 156]. Графический сдвиг (устранение обычных для выделения прямой речи знаков препинания, курсив) влечёт за собой грамматический сдвиг. Предложение структурно приобретает вид сложного.

Если стилистически прямая речь и присутствует, то синтаксически это уже не предложения с прямой речью, а сложные бессоюзные предложения (в некоторых случаях появляются союзы), части которого часто не согласуются друг с другом, несколько разобщены.

Следующая разновидность грамматико-графического сдвига – это **диалог-повествование**. Под диалогом-повествованием будем понимать такой композиционный отрезок, который стилистически является диалогом, т. к. каждая реплика отражает точку зрения персонажа. Но структурно диалог включён в повествование, и в некоторых случаях лишь графическая маркированность позволяет определить наличие диалога. Например, с помощью курсива выделяются реплики диалога: «В самом начале знакомства я спросила у Вали: *это твоя подруга?* – *Сестра*, – ответил он. *Родная?* – *Ну, почти.* – *Что значит «почти»?* *Двоюродная? Сводная?* – *Четвероюродная*, сказал Валя, *она пока не может найти квартиру*» [8, с. 226].

Андрей Геласимов не пользуется курсивом в передаче диалога, но окказиональная пунктуация позволяет говорить о диалог-повествовании: «А он говорит – ну как? Ты согласна?»

Я говорю – на что?

Он смотрит на меня и говорит – я же тебе объяснил. Ты что, разве не слушала?

Я говорю – я слушала, но просто я устала чуть-чуть. И у меня голова сегодня болит немного» [4, с. 215].

Такой диалог можно назвать живым. Живой диалог – это феномен современной прозы, суть которого в следующем: он (диалог) переносится из живой речи в письменную в своём первозданном виде. В нём отсутствуют вторичные признаки – знаки препинания, которые являются принадлежностью только письменного текста.

Доказательством всеобщности процесса является то, что живой диалог активно встречается не только в прозе, но и в поэзии.

Очевидно, подобные написания являются в некоторой мере следствием грамматического сдвига, проявившегося в разрушении традиционного синтаксиса: употребление неоднородных определений в роли однородных; невыделенная прямая речь; разрушение связи между компонентами сложного предложения; диалог-повествование. Очевидно, все эти сдвиги обусловлены стремлением к композиционному объединению компонентов повествования: авторского текста, диалога. Субъективация сливается композиционно и стилистически с авторским повествова-

нием. Речевые формы (приемы) субъективации (прямая речь, несобственно-прямая, внутренняя) становятся размытыми.

Мы рассмотрели лишь несколько современных авторов, анализируя явление грамматико-графических сдвигов в прозе. Но данные изменения можно считать традицией, тенденцией, т. к. они отмечаются и в прозе 80–90-х гг.

Но текст потому и назван нами живым, что в нём происходят живые процессы – в том числе и в графике. Очевидно, свое собственное название этот графический феномен, условно обозначенный нами как «живая графика», когда-нибудь приобретет, т. к., судя по всему, он имеет тенденцию к распространению в современном литературном языке, в разных его жанровых разновидностях.

Список литературы

1. Аросев Григорий. Лирическая поэма о Большом андронном коллаидере // Литературная учёба. Кн. 3. 2010. С. 25–30.
2. Бош Диана. Живой Журнал. URL : <http://diana-bosch.livejournal.com/> (дата обращения : 15.04.2011).
3. Витухновская Алина. Живой Журнал. URL : <http://blackicon.livejournal.com/> (дата обращения : 20.03.2011).
4. Геласимов А. Жажда : авторский сборник. М. : Эксмо, 2009. 320 с.
5. Гиренок Ф. И. Аутография языка и сознания. М. : МГИУ, 2010. 247 с. (Серия «Современная русская философия», № 5).
6. Горланова Нина. Живой Журнал. URL : <http://ngorlanova.livejournal.com/> (дата обращения : 12.03.2011).
7. Гусейнов Гасан. Зачем детям в школе зубрить стихи. URL : <http://lenta.ru/columns/2010/10/18/byheart/> (дата обращения : 18.10.2010).
8. Доброва Е. А под ним я голая. М. : АСТ МОСКВА ; Владимир : ВКТ, 2009. 286 с.
9. Зоберн О. В. Тихий Иерихон : повесть, рассказы. М. : Вагриус, 2008. 224 с.
10. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.
11. Иванова Ольга. Стихи // Новый мир. № 8. 2010.
12. Леснянский Александр. Живой Журнал. URL : <http://lesnyanskiy.livejournal.com/> (дата обращения : 10.10.2010).
13. Петрушевская Л. Парадоски. Строчки разной длины. СПб. : Амфора, 2008. 687 с.
14. Плеханов Илья. Живой Журнал. URL : <http://ir-ingr.livejournal.com/> (дата обращения : 25.01.2011).
15. Фёдоров Станислав. Живой Журнал. URL : <http://st-fuodoroff.livejournal.com/> (дата обращения : 05.12.2010).
16. Чурбанова Алёна. В свободно конвертируемом жанре // Литературная Россия. 2010. № 38. С. 3.
17. Шубин-Абрамов А. Ф. Буковникъ ВсеЯСветной Грамоты. Ростов н/Д : Ростиздат, 2009. 208 с.
18. Эпштейн М. Н. Знак пробела : о будущем гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
19. Lbertarian. Живой Журнал. URL : <http://lbertarian.livejournal.com/> (дата обращения : 17.02.2011).
20. Мамако. Живой Журнал. URL : <http://mamako.livejournal.com/> (дата обращения : 19.04.2011).

Метапредметный подход в интерпретации текста

В статье рассматриваются вопросы метапредметного подхода в интерпретации текста как образно-смыслового способа познания действительности на основе философского осмысления явлений, идей, образов. Раскрываются компоненты метапредметного подхода, стратегические решения.

Ключевые слова: метапредметный подход, «живое знание», «переживание-деятельность».

M. N. Akhmetova
Chita, Russia

The Metasubject Approach in Text Interpretation

In the article questions of the metasubject approach in text interpretation as is figurative-semantic way of knowledge of the validity on the basis of philosophical judgement of the phenomena, ideas, images are considered. Components of the metasubject approach, strategic decisions are revealed.

Keywords: the metasubject approach, «live knowledge», «experience-activity».

Оценивая отрицательно «лоскутность и разрозненность школьных знаний», загромождение восприятия ученика «бесконечным числом отдельных фактов», Л. С. Выготский называл мир «связанным и ритмически целым», где мелкие элементы объединяются в группы, в новые большие образования. Мир воспринимается как бы в стихах, где отдельные слоги объединяются в стопы. Стопы – в полустихия, полустихия – в стихи, а стихи – в строфы и т. д. [5, с. 148]. Предметное расчленённое знание умерщвляет живую действительность, превращает биосферу в технокросферу. «В отличие от него знание *живое* нравственно, эмоционально, поэтично-образно, эстетично, гармонично, а потому есть способ выражения-утверждения жизни, включая человека. <...> Поэтому смысл живого знания представим в той же мере, как и смысл жизни, искусства, творчества, любви, гармонии, человека» [6, с. 13]. К тому же люди, по образному выражению учёных, не существительные, а процессы. И у каждого человека своё пространство, своя интерпретация опыта, который постоянно меняется. Истину человек находит в «свободном индивидуальном процессе, приближаясь к ней, насколько это возможно» (К. Роджерс).

В современном инновационном поле реализации учебных программ нового по-

коления получил утверждение *метапредметный подход*. И поскольку каждая новая точка зрения влечёт за собой изменение и уточнение понятий, необходимо это сделать и в отношении метапредметности. Любой научный подход излагается в виде теорий, теоретических основ, положений, принципов, закономерностей и т. д., добытых исследовательским путём, доказанных и подтверждённых опытом. *Подход* – это познавательное средство, метод, инструмент познания, способ преобразования действительности. Это руководящая общая стратегия деятельности. Метапредметный подход нацелен на философское осмысление явлений, идей, построение знаний в ситуациях перехода к новому образу и смыслу, позволяет найти ответ на вопрос о смысле жизни. Это ориентация учителя при осуществлении своих действий, побуждающих к использованию определённой совокупности взаимосвязанных понятий, идей и способов педагогической деятельности.

Компоненты метапредметного подхода:

1. *Основные понятия:* личность; индивидуальность; индивидуальное мировидение («Я» – «Другой», «Я-Концепция», «Я» – «Мир»); «Закон эмоциональной реальности фантазии» (Л. С. Выготский); переживание – деятельность; метапрограмма.

2. *Принципы как исходные положения:* метапредметности; свободы выбора позиции;

творчества; системности идей; логической тождественности структуры знаний межличностному общению, принципы доверия; поддержки и сопровождения.

3. *Технология построения «живого» знания:* философское осмысление явлений построенного «живого» знания; креативность деятельности технологического подхода к созданию образа, рисунка, схемы; технология диалога, в том числе «внутреннего», при создании гипотез, проектировании, моделировании, конструировании педагогических ситуаций «одухотворенности», в основе которых – метапредметность. В условиях «живого» знания метапредметный подход, по мысли В. И. Козлачкова и К. И. Шилина, выполняет «тройную функцию»: а) является средством отождествления людьми себя, включая детей, с живой природой, биосферой в целом; б) себя со всем миром имеющейся культуры, т. е. опытом поколений, включая опыт эволюции жизни; в) себя – со всей будущей создаваемой Жизнью, Биосферой во имя Творчества Жизни. На основании сказанного представим наше обобщённое понимание метапредметного подхода: это образно-смысловой способ познания действительности на основе философского осмысления явлений, идей, образов, теоретических основ, положений, принципов, закономерностей; способ построения «живого» знания в ситуациях перехода к новому образу и смыслу; способ создания схемы, проекта, модели, рисунка в условиях восприятия знаний; это замысел, гипотезы, стратегии.

Технологические решения данного системного описания метапредметного подхода ещё должны быть найдены и определены. Обратимся к некоторым примерам стратегических вопросов метапредметного подхода в условиях интерпретации текста. Речь пойдет о существенных, важных направлениях действий учителя для достижения поставленных целей на определённом этапе процесса обучения. Во-первых, метапредметный подход предполагает технологию выявления стратегии обучаемого в работе с книгой: создаёт ли школьник при чтении книги внутренние образы? То, что мы чувствуем, замечает Л. С. Выготский, всегда реально. Так, сказка, читаемая школьником, остаётся сказкой, но он комбинирует элементы действительности, творчески её преображая. Действует закон эмоциональ-

ной реальности фантазии, сформулированный учёным: независимо от того, реальна или нереальна действительность, воздействующая на читателя, «эмоция, связанная с этим воздействием, всегда реальна» [5, с. 298]. Преобразование действительности направляется эмоциональными запросами ребенка. Ученик интерпретирует картину мира, создает некоторую эмоционально-ценностную познавательную конструкцию (индивидуальное мировидение).

Во-вторых, стратегически существенно важна реализация метапредметного подхода в форме внутреннего диалога при чтении книги. У Александра Асмолова, известного психолога, есть поэтические произведения. Прочитаем несколько строк как свидетельство внутреннего диалога: «Я обшариваю полушария, // Я отыскиваю себя».

Читающий «отыскивает себя» в окружающем мире, поскольку наше «Я» не принадлежит только нам самим. По словам А. Н. Леонтьева, ни один человек не является островом, отделённым от других. Каждый как бы часть континента, часть материка. «Я» школьника-читателя «встраивается» в Мир.

Третий вопрос стратегии метапредметного подхода: ведёт ли восприятие искусства не просто к созерцанию, но к «человеческой чувственной деятельности», в которую активно включён и сам обучаемый? (Ф. Е. Василюк). Это ситуация «переживания-деятельности», внутренняя работа индивида по принятию им фактов и событий жизни, установление смыслового соответствия между сознанием и бытием [4, с. 180]. Эмоцию учёные называют «оценщиком» жизненных ситуаций, «работником», вносящим свой вклад в психологическое разрешение этих ситуаций. Практика подтверждает этот вывод [2].

У Ренуара читаем о том, что произведение искусства должно захватить, увлечь, увести с собой. Это средство, которым художник передаёт свою страсть. Это брызжащий из него поток, и поток этот в своём порыве увлекает за собой.

В концепции эстетического развития её автор Ю. П. Азаров назвал такую технологию обучения «одухотворённой», способной эмоционально подвигать школьника к красоте, помогать ему найти свою цветовую гамму, бережно прикоснуться к свету, познать и породить сияние красок, найти в себе свой

собственный Свет [1]. Реализация метапредметности возможна в условиях, когда креативность школьника соприкасается с высокими помыслами его души и сердца. Учитель ставит перед школьниками неожиданные, казалось бы, вопросы. Например, есть ли общее между Музыкой и эмоционально-нравственной позицией человека?

Четвертый вопрос стратегии метапредметного подхода, ориентирующего на философское осмысление жизни: возникают ли проблемы в связи с читаемым текстом? Волнуют ли они? Рождается ли желание их решить? Стратегия творческого переживания, по мнению Ф. Е. Василюка, предполагает *доверие* к реальности, возможность *действовать* в соответствии со своей позицией. Учитель предлагает прочесть стихотворение Н. Рубцова «Цветы» и ответить на вопрос: что же особенного в том, что оказались скошенными вместе с травой цветы? Сенокос – обычное явление в жизни сельчан. Пишет школьница: «Читаю стихи: «По утрам умываясь росой, // Как цвели они! Как красовались! // Но упали они под косой, // и спросил я: А как назывались? – // И мерещилось многие дни // Что-то тайное в этой развязке, // Слишком грустно и нежно они // Назывались – «анютины глазки». Думаю. Рождается мысль: Красоту Природы нельзя разрушать. Человек – сотворец этого мира, младший автор Природы. Где-то я читала эту фразу, но теперь это мои слова, моя проблема: я должна защитить Природу. Я – Человек».

«Живое» знание, его теория, экософия, как пишут ученые, – это стратегия развития образования. Очень важно подвести школьников к пониманию «биообщения», общению межличностному, высокому творчеству Жизни. Вершина философии Мартина Бубера – книга «Я и Ты» (1923).

Связь между «Я» и «Ты» – отношения универсальные. Во встрече с «другими» и вещами эта связь шире: «Я – Ты – связь». Это связь с Природой. Когда наше «Ты» замирает на кончике языка [3].

Учитель ставит вопрос: можно ли общаться с Природой? Сопоставимы ли Искусство (например, музыка) и Природа?

Один из ответов на этот вопрос: «Я хочу увидеть музыку. // Что такое эта музыка? // Птичьи трели – это музыка. // И капли – это музыка. // Есть особенная музыка // В тихом шелесте ветвей. // Видишь, лист кленовый кружится, // Тихо кружится под музыку. // Видишь, тучка в небе хмурится – // Будет музыка дождя. // И у ветра, и у солнышка, // И у тучки, и у дождика, // И у маленького зёрнышка // Тоже музыка своя. // Я хочу слышать музыку...» (стихи, цитируемые Ириной И.).

Учитель должен стать конструктором педагогических ситуаций, в основу которых положена метапредметность.

Таким образом, школа действительно становится ответственной не только за знания, но и за развитие личности ребенка. Отмечается необычное в метапредметном подходе, требующем «подняться над содержанием урока».

Утверждается синергетическое понимание формы бытия как «не ставшее, а становящееся, не покой, а движение», не завершенные, вечные, устойчиво-ценностные формы, а переходные, временные. Метапредметный подход предполагает становление, под которым понимается, по мысли учёных, переход возможности в действительность в процессе развития, «вектор движения из прошлого состояния в настоящее как предпосылку будущего» [7]. Поставленная проблема предполагает инновационную деятельность учителя.

Список литературы

1. Азаров Ю. П. Педагогика любви и свободы. М.: Тоникал, 1994. 608 с.
2. Ахметова М. Н., Лейно И. Ф. Творческие действия воспитанников в «живом» знании метапредметного подхода: ситуативные конструкции ассоциативного поля, метафоричное обозначение предмета исследования // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 3. С. 203–209.
3. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
5. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 449 с.
6. Козлачков В. И., Шилин К. И. Живое знание экологизации // Педагогика. 1991. № 1. С. 13–20.
7. Колесникова И. А., Горчакова-Сибирская М. П. Педагогическое проектирование. М.: Академия, 2005. 288 с.

Принципы построения старомонгольского текста

Статья посвящена исследованию принципов построения старомонгольских текстов. Характерной чертой данных текстов является использование длинных синтаксических конструкций, превышающих протяжённость сложных предложений. Автором предлагается новый термин для обозначения подобных конструкций – сложный синтаксический комплекс (ССК). ССК представляет собой полипредикативную конструкцию с зависимыми предикативными единицами и монофинитным механизмом построения. Как средство связи частей ССК выступает категория притяжания.

Ключевые слова: старомонгольский текст, бурятские летописи, сверхфразовое единство (СФЕ), сложный синтаксический комплекс (ССК), полипредикативные конструкции, категория притяжания.

L. B. Badmayeva
Ulan-Ude, Russia

The Principles of Construction the Old Mongolian Texts

The paper is devoted to the study of the principles of construction the Old Mongolian texts. The using of long syntactic constructions exceeding the length of the complex sentence is a characteristic feature of these texts. A new term to denote such construction, namely, a compound syntactic complex, was proposed by the author. The compound syntactic complex (CSC) is polypredicative construction with dependent predicative units and monofinite mechanism of construction. As a means of cohesion of the parts of CSC the category of prityazhaniya is used.

Keywords: the Old Mongolian text, buryat chronicles, a superphrase unity (SPU), a compound syntactic complex (CSC), polypredicative constructions, the category of prityazhaniya.

Долгое время наука о языке ограничивалась изучением отдельных единиц языка – звуков, слов, словосочетаний и предложений. Теперь лингвисты начали изучать более крупные отрезки речи: сочетания предложений, сложное синтаксическое целое, абзац и целый законченный текст. Выяснилось, что текст имеет свои принципы построения. Наблюдения над характером связи между частями текста показали, что отдельные части текста объединяются не только привычными формами связи – союзами, союзными словами, но и другими, менее чётко выделяемыми в ткани текста. К ним относятся анафорические слова, словосочетания, повторы однотипных структур. Такие средства связи получили название *когезии*.

Основными свойствами текста являются цельность и завершённость. Текст включает в себе разные виды сообщений или информации. В зависимости от того, что именно сообщается, можно выделить три вида информации: фактуальная, концептуальная и подтекстовая.

Фактуальная информация текста – это описание фактов, событий, места действия и времени протекания этого действия, суждения автора, движение сюжета и т. д.

Концептуальная информация – это выражение мировоззрения автора, основной мысли, идеи произведения. Концептуальная информация раскрывает замысел автора, рисует картину мира такой, какой он её себе представляет. Данная информация не всегда ясно и чётко выражена словами. Она выводится из взаимодействия разных видов фактуальной информации. Более того, концептуальная информация предполагает различное толкование, поскольку она словесно не уточняется.

Подтекстовая информация также не выражена словами, она только подразумевается. Эта информация возникает благодаря способности слов, словосочетаний, предложений в отдельных небольших отрезках текста таить в себе скрытый смысл.

Лингвистика текста охватывает любые знаковые последовательности, однако основным её объектом является вербальный текст. Исследования по лингвистике текста направлены на два основных свойства текста – связность и цельность. При ориентации на связность на первый план выступает проблема правильности-неправильности построения связного текста.

Текст может иметь разную протяжённость – от объединений двух и более предложений, образующих более крупные, чем предложение единицы речи – сверхфразовые единства (СФЕ), до глав, разделов, повестей, романов, научных монографий и т. д. Обычно законченное речевое произведение называется текстом в широком смысле слова, или макротекстом. Тексты в узком смысле слова, или микротексты, представляют собой тематические отрезки текста. Вместе с тем минитексты могут составлять и законченное речевое произведение, когда они состоят из одного СФЕ (газетная заметка, короткий рассказ, анекдот, объявление и т. д.). Таким образом, единицами текста считаются: 1) СФЕ (микротекст), 2) целое законченное произведение (макротекст).

Важно отметить, что функциональный анализ текста учитывает предварительную обусловленность свободы авторского выбора тех или иных средств выражения смысловой структуры. Этим лингвистика текста отличается от стилистики, которая изучает обусловленность языковых приёмов и единиц требованиями стиля.

Таким образом, в художественном тексте, как и во всяком человеческом самовыражении, обнаруживаются сознательные, управляемые и бессознательные, но столь же объективные компоненты.

Под текстом понимается литературное произведение, сочинение, документ, а также часть, отрывок из него. В частности, Л. А. Черняховская под *текстом* понимает: «... такую упорядоченную и письменно зафиксированную совокупность языковых знаков, которая вместе с заголовком образует законченное и литературно обработанное речевое произведение» [20, с. 117]. Аналогичную трактовку термина «текст» наблюдаем и у И. Р. Гальперина [6, с. 18].

При анализе текста лингвисты обычно имеют дело со сверхфразовыми единствами (СФЕ), которые описаны в трудах А. М. Пешковского, Н. С. Поспелова, И. А. Фигуровского, О. И. Москальской, Т. М. Николаевой, Н. И. Серковой, И. Р. Гальперина, С. И. Гиндина, Т. И. Сильман, И. А. Слюсаревой, Е. А. Реферовской, Л. М. Лосевой, З. А. Тураевой, Л. А. Черняховской и др. СФЕ, в свою очередь, состоят из двух и более цепочек предложений, структурно-смысловых блоков, объединённых общностью содержания и структуры. При изучении текстов бурят-

ских летописей нами выделена еще одна единица – ССК (сложный синтаксический комплекс), полипредикативная конструкция с финитным сказуемым [2, с. 141–162]. Поскольку она обладает рядом признаков, присущих ССЦ (сложным синтаксическим целым), мы ССК наряду с ССЦ относим к СФЕ, т. е. последнее считаем родовой единицей, которой охватываются ССЦ и ССК. В бурятском языкознании в качестве родового (СФЕ) принят термин үгүүлэл [16; 21].

Предложения в составе СФЕ объединяются разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи. Кроме того, оно имеет определённую прагматическую установку.

Одной из важнейших характеристик СФЕ является общность темы предложений, объединённых в нем, т. е. любое СФЕ всегда монотематично. Смысловая целостность текста подкрепляется структурным объединением предложений при помощи лексико-грамматических средств.

Тематическая и структурная целостность СФЕ предполагает, что каждое последующее предложение продвигает высказывание от известного к новому. Этот признак текста – тема-рематическое членение предложений на данное и новое. Тема (или данное) – это информация, известная читателю, рема – часть сообщения, которая содержит новую информацию, неизвестную читателю из предшествующего текста.

Следующим признаком текста является то, что он относится к одному из функциональных стилей литературного языка (художественному, деловому, научно-популярному, публицистическому) и какому-либо функционально-смысловому типу речи – повествованию, описанию и рассуждению.

Единицы языка (лексические, морфологические, синтаксические), функционируя в составе текста, сверхфразовых единств (СФЕ) обретают новые признаки. Например, в монгольских языках имеется своеобразная категория притяжания, которая выражает отношения между предметами по их принадлежности в широком смысле слова [4, с. 101]. Категорию притяжания в XX в. изучали Г. Д. Санжеев, Д. Д. Амоголов, Ц. Б. Цыдендамбаев, Т. А. Бертагаев, С. Л. Чареков, Ц. Ц. Цыдыпов, Л. Д. Шагдаров, Д. Д. Доржиев и др. Монголисты выделяют в качестве морфологических средств выражения значения этой категории личное и безличное (возвратное) притяжание.

Личное притяжание показывает «принадлежность одного предмета другому», которая выражается с помощью окончаний родительного падежа, в том числе и личными местоимениями в родительном падеже [15, с. 96; 1, с. 144]. Эти местоимения чаще всего представлены «усечёнными» формами (-мни, -ни, -мнай, -най, -шни, -тнай; -нь, -ынь, -иинь), которые употребляются постпозитивно после определяемого слова, они пишутся слитно с ним и обычно называются лично-притяжательными частицами. Безличное притяжание показывает принадлежность предмета действующему лицу и передает понятие «свой» [15; 1].

Монголисты рассматривали употребление категории притяжания не только с именами существительными, но и с именами прилагательными, именами числительными, местоимениями, при присоединении к которым происходит субстантивация этих частей речи.

Аффиксы безличного притяжания не способны самостоятельно указывать на лицо, которому принадлежит предмет. Это значение реализуется лишь при наличии субъекта действия. Как указывает Д. Д. Амоголонов, такое действующее лицо выполняет в предложении функцию подлежащего [1].

Представители Новосибирской синтаксической школы [19, с. 20–27] рассматривают категорию притяжания в единстве с категорией абсолютного и относительно (зависимого) лица. Эти показатели ими квалифицируются как аффиксы личного и субъектного притяжания.

Как отмечено в исследовании Б. Д. Цырендоржиевой [17], в рамках сверхфразовых единств, в зависимости от синтаксического контекста морфологические признаки аффиксов притяжания (семь: обозначение принадлежности, субъекта обладания и т. д.) нейтрализуются, и эти показатели становятся мощным средством межфразовой связи, объединяющей составные части СФЕ в единое тематическое, коммуникативное, структурное целое.

Автор приходит к мнению, что частицы притяжания служат средством когезии не только на уровне предложения, но и на уровне СФЕ и в целом текста.

На наш взгляд, всё, что сказано выше о признаках текста, в полной мере присуще и бурятским старописьменным текстам. Для того чтобы подтвердить эту мысль, проиллюстрируем её на примере одного СФЕ из летописи Вандана Юмсунова.

Одним из обязательных признаков текста, как отмечается специалистами, является цельность текста, которая достигается благодаря единой теме и структурному единству. Текст должен быть посвящён какому-то одному предмету (явлению), одной теме. Она обеспечивает смысловое единство текста. А другой его обязательный признак – структурное единство – состоит в том, что все составляющие СФЕ предложения объединены вокруг обозначенной темы.

В качестве примера возьмём отрывок текста, в котором говорится о Чингисхане. В связи с этим следует сказать, что текст летописи В. Юмсунова подразделён на множество пронумерованных отрывков (параграфов) и в большинстве своём эти отрывки совпадают с СФЕ, выделяемыми ныне. Рассказ о Чингисхане (тема данного текста) В. Юмсунова изложен в двух отрывках – в 4-м и 5-м. Приведём этот текст целиком.

4. (1). degere ögülegsen=ber börtü činu=a=yin 11=düki üy=e=yin yisügei bayatur=tur 1162 on=du öngge jisü sayıqan laysin belges tegülder nigen köbegün törügsen=i temüjin kemen neridbei:(.)¹
(2). egünü degüü=ner anu: tabun köbegün nige ökin bölüge:(.) (3). ene=anu yeke bolju kümüjiküi=degen kümün=ü yabudal=ača ketürkei: (.) oyun bilig=inu qurča:(.) küčün joriy=anu yeke aysan=iyar:(.) bide qori=yin ijayur=un böged: börtü činu=a=yin=ču ijayur=un jon ber edüge bayısan engdeki biden=ü onong mürin=ü köbege degere čiyulju qamturan kelelčeged:(.) yisügei bayatur=un köbegün temüjin=i öber=ün dumda qaıan kemen ergümjilen:(.) tegün=ü medel=dü degereki ayımaı=un yisün qoşıyun jon qamturaju köke mongyol kemen nerejijü 9 köke mongyol=un degere 1188 on=du qaıan širegen=e jalaju:(.) ene anu čoytu očir pani=yin qubilyan tngri=eče jayaı=a=tai yajar=un esrua küčün=ü kürdün=i ergigülegči temüjin cutu boyda činggis qaıan kemen aldaršibai:(.)

5. (4). Tere=anu degereki 9 köke mongyol jon=ıyan daqayulan yabuju:(.) kitad töbed terigülenbarayunba:qoyıtujüg=üd=üneris=ün 13 qaıan orud=i medel=degen abuyad:(.) ner=e aldar=anu edüge tuqayılabasu:(.)

¹Цифры в скобках указывают порядковый номер предложения в составе СФЕ. Чтобы показать, насколько совпадают проставленные в старомонгольском тексте знаки препинания с тем, как принято в бурятском литературном языке, после знака в скобках даётся его современный эквивалент.

edüge-yin yirtinču-yin ajiy-a yebropu qoyar yajar-tur degurun aldaršiju: tedeger orud=tur yeke erke medel=tei boluγsan ajuγu:(.) Приведем перевод данного текста.

4. "Родившегося у Исугей батура, в 11-м поколении от вышеупомянутого Бурту Чоно, в 1162 году сына, преисполненного телесных признаков и внешностью прекрасного, называли Тэмуджином. Братьев и сестёр моложе его было у него пять юношей и одна девица. Когда он подросток и возмужал, он превысил обычные поступки людские. Ум его был остёр, а сила и смелость его велики. Вследствие этого народ нашего хоринского происхождения и ведущий род от Бурту Чоно созвал сборище на берегу нашего нынешнего здешнего Онона, устроил совещание и возвёл Тэмуджина, сына Исугей батура, ханом в своей среде. Под его властью объединился народ девяти хошунов вышеупомянутых аймаков и стал называться «синими монголами». Он был возведён на ханский престол над девятью синими монголами в 1188 году и прославился как Тэмуджин, гениальный богдо Чингисхан, вращающий колесо могущества земного Эсруа, небом предопределённый перерожденец лучезарного Ваджапани.

5. Он повёл за собою свой народ вышеупомянутых девяти синих монголов, подчинил своей власти Китай, Тибет и прочие тринадцать царств героев запада и севера. Слава о нём прогремела примерно повсюду в Азии и Европе нынешнего мира и он получил большую силу и власть над теми странами" (перевод Н. Н. Поппе).

Данный текст состоит из двух частей. В первой части (§ 4 у В. Юмсунова) говорится о рождении Тэмуджина, о его братьях и сестре, о его великолепных личных достоинствах, благодаря которым он был возведён ханом над объединёнными им монгольскими племенами. Во второй части (§ 5 у В. Юмсунова) сказано о его внешних завоеваниях и о его всемирной славе.

Текст состоит из одной полипредикативной конструкции, одного простого предложения, одного ССК и одного СФЕ. Первое (полипредикативное) предложение представляет собой зачин текста. В нём говорится о том, у кого родился герой и кто был его предком, какими признаками обладал герой и как его называли. Средняя часть текста представлена коротким простым предложением о его братьях и сестре и одним ССК, в котором повествуется о том, каким он стал, когда подросток и возму-

жал и о том, кто его возвёл в ханы, и каких монголов он объединил, и кем он прославился. В СФЕ (4) рассказывается о том, кого он повёл за собой и какие страны он покорил. В конечной части текста сказано о том, что Чингисхан получил большую силу и власть в покорённых странах и слава о нём прогремела по всей Евразии.

Как известно, тексты обладают коммуникативной целеустановкой. В литературе этот признак иногда называется «основной мыслью», «идеей», т. е. то, о чём хочет сказать автор в своём тексте. Основная мысль может быть сформулирована в разных частях текста – в зачине, средней части или в концовке. Если она прямо не выражена каким-либо предложением, то может вытекать из общего содержания связного высказывания. В приведённом тексте концептуальная информация состоит в том, что Чингисхан своими деяниями прославился как гениальный полководец. В этом тексте усматривается ещё одна, прямо не выраженная целеустановка. Подтекстовая информация состоит в том, что «мы, хоринский народ,» участвовали в выдвигании Тэмуджина в ханы, входили в состав так называемых «синих монголов», т. е. в ядро монгольской народности того времени, участвовали во всех его делах.

Кроме того, неотъемлемым признаком любого текста является его связность, которая выражается в связях между словами, предложениями и частями высказывания, проявляется в сцеплении отдельных членов текста между собой. В результате этого сцепления и образуется формально-смысловое единство, именуемое текстом. Наблюдается два типа связи: связь между соседними предложениями (контактная связь) и связь между предложениями, отделёнными друг от друга другими предложениями (дистантная связь). При этом одна и та же единица может быть связана с несколькими другими смысловыми единицами различных рангов. В этом случае можно говорить о зонтичной связи смысловой единицы с другими. Между компонентами текста могут наблюдаться логико-семантические отношения: противопоставление, причина, следствие, вывод. Связь может быть эксплицитной (открыто выраженной, маркированной) и имплицитной (невыраженной, подразумеваемой).

В предикативной конструкции (1) первый предикативный узел (nigen köbegün törügsen=i) "родившегося ... сына" выражен

причастием прошедшего времени в винительном падеже и отнесён к финитному сказуемому *neridbei* "назвали". Предикативная конструкция (1) связывается со вторым предложением (2) посредством указательного местоимения *ene* "этот" в родительном падеже – *egün=ü* "этого". Эти конструкции связаны единым планом прошедшего времени сказуемых *neridbei* "назвали" и *bölüge* (форма заведомо-прошедшего времени вспомогательного глагола *bö* "быть").

Следующий ССК начинается местоимением *ene* в сопровождении притяжательной частицы 3-го лица *inu*. Это сочетание связывает данный комплекс с первым предложением, т. е. в этом случае, в отличие от предыдущих случаев, имеет место дистантная связь.

Этот ССК состоит из десяти предикативных единиц, которые связываются между собой различными способами. Данный ССК подразделяется на несколько цепочек предложений или структурно-смысловых блоков, связывающихся между собой конечными элементами. Первый блок: *ene anu yeke bolju kümüjiki=degen* (1) *kümün=ü yabudal=ača ketürkei* (2) *oyun bilig=inu qurča* (3) *küçün joriy=anu yeke* (4) *aγsan=iγar* – состоит из 4 предикативных единиц, соединяется со следующей предикативной единицей вспомогательным глаголом *a=* "быть" в форме причастия прошедшего времени в орудном падеже – *aγsan=iγar*, приобретающего причинное значение. Форма *aγsan=iγar* в указанном значении довольно часто встречается в бурятских летописях в связующей функции.

В рассматриваемом блоке первая предикативная единица соединяется со следующим предложением при помощи причастия будущего времени с частицей безличного притяжания: *ene anu yeke bolju kümüjiki=degen* "когда он подрос и возмужал". В свою очередь эта единица соединяется посредством однородных именных предикатов, выраженных именами прилагательными, а также параллельным строением именных предложений: *kümün-ü yabudal=ača ketürkei*, *oyun bilig=inu qurča*, *küçün joriy=anu yeke* "он превысил обычные поступки людские. Ум его был остёр, а сила и смелость его велики".

Последний блок данного ССК, состоящий из предикативных единиц, соединён с именными предложениями, как отмечалось, посредством формы *aγsan=iγar*, которая переведена причинным союзом "вслед-

ствие": (*küçün joriy anu yeke aγsan=iγar*) *bide qori=yin iγayur=un böged: börtü činu=a=yin=ču iγayur=un jon=ber edüge bayıγsan engdeki biden=ü onong müren=ü köbege degere čiyulju qamturan kelelčeged: (1), yisügei bayatur=un köbegün temüjin=i öber=ün dumda qaγan kemen ergümjilen: (2), tegün=ü medel=dü degereki ayımay=un yisun qoşıγun jon qamturaju (3) köke mongγol kemen nerejijü (4) 9 köke mongγol=un degere 1188 on=du qaγan širegen=e jalaju: (5), ene=anu čoytu oçir pani=yin qubilyan tngri=eče jayay=a=tai yaγar=un esrua küçün=ü kürdün=i ergigülegçi temüjin cutu boyda činggis qaγan kemen aldaršibai: (6).* – "Вследствие этого народ нашего хоринского происхождения и ведущий род от Бурту Чоно созвал сборище на берегу нашего нынешнего здешнего Онона, устроил совещание и возвёл Тэмуджина, сына Исугей батура, ханом в своей среде. Под его властью объединился народ девяти хошунов вышеупомянутых аймаков и стал называться «синими монголами». Он был возведён на ханский престол над девятью синими монголами в 1188 году и прославился как Тэмуджин, гениальный богдо Чингисхан, вращающий колесо могущества земного Эсруа, небом предопределённый перерожденец лучезарного Ваджрапани".

Последнее СФЕ, состоящее из четырёх предикативных единиц, соединено с предыдущим ССК контактной связью указательным местоимением с показателем *anu – tere anu*. Предикаты внутри СФЕ выражены соединительными и разделительными деепричастиями, а финитное сказуемое – парным существительным со связками *boluγsan ajuγu*, в котором *boluγsan* – форма причастия прошедшего времени от связки *bol-*.

ССК, в котором говорится о провозглашении Тэмуджина императором и последнее СФЕ о его победах и всемирной славе, изложен высоким стилем, в связи с чем в нём использованы архаичные слова и грамматические элементы, чуждые разговорному бурятскому языку: *köbege* "берег", *ergümjilen* "возвёл (ханом)", *köke mongγol* "синие монголы", *čoytu* "лучезарный", *kürdün* "колесо", *cutu* "гениальный", *terigülen* "прочие", *eris=ün* "героев".

Кроме того, в этой части текста, посвящённой Чингисхану, встречаются архаичные формы множественного числа: *orud=i* (ср. лит. бур. *оронуудые*) "царств", *orud=tur* "в странах" (ср. лит. бур. *оронуудта*).

Следующим признаком текста является законченность, которая в этом тексте выражена единой формой прошедшего времени на *-bai*: *neridbei* "назвали", *aldaršibai* "прославился", а также другими формами прошедшего времени: *bölüge* "было", *boluᠴᠢᠰᠠᠨ ajuuᠢ* "получил". Данные формы прошедшего времени в этом тексте также выполняют функцию объединения СФЕ в единое целое. Завершённость данного текста показывает форма прошедшего времени *ajuuᠢ* от вспомогательного глагола *a-*.

Таким образом, изучение текстовой организации бурятской летописи В. Юмсунова показало, что частицы притяжения служат средством когезии связи не только на уровне предложения, но и на уровне СФЕ, а также на более протяжённых отрезках текста:

- 1) на уровне предложения – связывают слова в предложении;
- 2) на уровне СФЕ – создают как контактную, так и дистантную связь между предложениями в СФЕ;
- 3) на уровне текста, более протяженно, чем СФЕ (например, между главами летописи), – обеспечивают связь между разделами исторического текста.

Анализ текста летописи В. Юмсунова показал, что текст имеет довольно развитую систему авторской сегментации текста: подтемы вынесены в двенадцать глав, в каждой главе выделены субподтемы, сегментированные маркированными абзацами и графическим знаком (*qouar šeg*). Каждый абзац, в большинстве случаев, совпадает с границами сложного синтаксического комплекса (ССК), доминирующей синтаксической единицей текста В. Юмсунова. Сложные синтаксические комплексы (ССК), являющиеся основным смысловым и структурным элементом текстов бурятских летописей, представляют собой полипредикативные конструкции с зависимыми предикативными единицами и монофинитным механизмом построения.

Исследования старописьменных текстов с позиции лингвистики текста кроме теоретической значимости имеют и прикладную ценность. Результаты подобных исследований могут быть использованы при обучении чтению, пониманию и переводу старописьменных монгольских текстов.

Список литературы

1. Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык : учеб. для вузов. Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1958. 337 с.
2. Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 215 с.
3. Бадмаева Л. Б., Шагдаров Л. Д. Особенности текстовой организации бурятских летописных текстов // Языки и письменные источники монгольских народов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 99-106.
4. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань : Университетская типография, 1849. 403 с.
5. Ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1988. С. 153-211.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.
7. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста / некоторые проблемы и результаты (1948-1975) // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык» Т. 36. № 4. 1977. С. 348-361.
8. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова // Тр. Ин-та востоковедения / Н. Н. Попше. Т. IX. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 172 с.
9. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Попше // Тр. Ин-та востоковедения. Т. XXXIII. М. ; Л. : Изд-во СССР, 1940. 106 с.
10. Левицкий Ю. А. Лингвистика текста. М. : Высшая школа, 2006. 208 с.
11. Москальская О. И. Грамматика текста. М. : Наука, 1981. 183 с.
12. Мыркин В. Я. Текст, подтекст и контекст // Вопросы языкознания. № 2. 1976. С. 86-93.
13. Николаева Т. М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». Т. 36. № 4. 1977. С. 304-313.
14. Новиков А. И. Семантика текста и её формализация. М. : Наука, 1983. 215 с.
15. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М. : Изд-во АН СССР, 1953. 237 с.
16. Цыдыпов Ц. Ц. Буряад хэлэнэй синтаксис. Улаан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1985. 174 н.
17. Цырендоржиева Б. Д. Особенности структурной организации сверхфразового единства в современном бурятском языке // Вестн. Бурят. ун-та. Вып. 10. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2008. С. 9-21.
18. Цырендоржиева Б. Д. Межфразовые связи в современном бурятском языке (на материале категории личного притяжения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 22 с.
19. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Опыт формального описания причастно-последложных конструкций // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск : Наука, 1980.
20. Черняховская Л. А. Смысловая структура текста и её единицы // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 117-126.
21. Шагдаров Л. Д. Буряад хэлэн (синтаксис). Улаан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. 192 н.
22. Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. 345 с.

Реализация суггестивно-магической функции языка в текстах заговоров и рекламы

В статье рассматривается специфика суггестивно-магической функции языка, реализуемой в текстах заговоров и рекламы. Сущность данной функции заключается в том, что при помощи средств и приёмов языка осуществляется суггестивное воздействие на подсознание человека. И в текстах заговоров, и в текстах рекламы можно увидеть языковые средства и приёмы, используемые в целях такого воздействия. Анализ специфики данных приёмов позволяет сделать вывод о сходстве этих двух жанров.

Ключевые слова: суггестивно-магическая функция языка, заговоры, реклама, языковые приёмы.

L. V. Butilskaya
Chita, Russia

Implementation of Suggestive-Magical Function of the Language in the Texts of Exorcism (Incantation) and Advertisement

In the article the specific character of suggestive-magical function of the language used in texts of exorcism (incantation) and advertisement is considered. The essence of the given function consists of the fact that suggestive influence on subconsciousness of a person is carried out. Both in the texts of exorcism (incantation) and in the texts of advertisement it is possible to see language means and methods used with the aim of such influence. The analysis of specificity of the given methods enables us to draw a conclusion on similarity of these two genres.

Keywords: suggestive-magical function of language, exorcism, advertisement, language techniques.

Суггестивно-магическая функция языка заключается в его способности подсознательно воздействовать на душевное состояние и поведение человека или общества. Другими словами, конечная цель этой функции – оказать влияние на ход конкретного речевого процесса и на его результат, которое осуществляется через воздействие на психику аудитории.

Слово в суггестивно-магической функции – это объект, обладающий «вполне определёнными материальными свойствами», способный «воздействовать на другие материальные тела» [2, с. 74]. Поэтому можно утверждать, что суггестивно-магическая функция языка закономерна. Предпосылки её проявления исходят из самой природы языка. «Язык, – пишет Л. Н. Мурзин, – устроен таким образом, чтобы воздействовать не только на сознание (репрезентативная функция), но и на подсознание и эмоциональную сферу носителя языка (суггестивная функция)» [6, с. 113].

Суггестивно-магическая функция, прежде всего, реализуется в ритуальных текстах, т. е. там, где происходит соединение разнообразных семиотических единиц

(вербальных и невербальных). К таким текстам относятся заговоры, шаманские песнопения, молитвы и т. п. Язык осуществляет данную функцию также и в тех текстах, которые основаны на пожеланиях, призывах, волеизъявлениях, в тех текстах, которым присущ директивный характер (например, в поздравлениях, тостах, агитационных выступлениях, рекламе и др.). В данной статье мы берём во внимание два жанра, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко видна реализация суггестивно-магической функции языка, – заговоры и рекламу. Следует заметить, что языковые средства и приёмы, используемые в текстах заговоров и рекламы, указывают на сходство данных жанров. Это можно объяснить тем, что главная цель и заговоров, и рекламы заключается в воздействии на подсознание аудитории, которое осуществляется в первую очередь при помощи суггестивных средств и приёмов языка. Кроме того, современная реклама заимствовала многие традиционные заговорные приёмы.

Основными языковыми приёмами и в текстах заговоров, и в текстах рекламы являются сравнение (параллелизм, уподобле-

ние, аналогия), метафора, повторы, персонафикация, перечисление составных частей объектов, намёк на эмпирическое средство достижения желаемой цели, антитеза, апелляция к родственным связям явлений, обращение к природным стихиям и др. Обратим внимание на некоторые из них.

Сравнение. Исследователи заговорной традиции (А. Н. Афанасьев, Л. Н. Виноградова, Е. Н. Елеонская, В. Н. Топоров и др.) считают сравнение самым распространённым способом построения магических словесных формул. «Что касается сравнений, («как»), обильных в заговорах, – пишет В. Н. Топоров, – то они образуют тот строительный материал, из которого строятся «идентифицирующе-усилительные конструкции» («как... так...»), столь характерные для самых разных заговорных традиций...» [7, с. 23]. «Уподобление, аналогия, – считает А. Н. Афанасьев, – играют ... в заговорах самую широкую роль; в наиболее загадочных и наиболее богатых мифическими представлениями заговорах проводится параллель между небесными явлениями природы и теми нуждами заклинателя, которые заставляют его прибегать к вещему слову: «Как потухает кровавая зора на небѣ, так да остановится льющаяся изъ раны кровь; какъ не могутъ устоять демоны противъ громовыхъ стрелъ и палицы Перуна, такъ да бѣжить непріятель отъ оружія ратника...» [1, с. 425]. «В заговорах, – пишет Е. Н. Елеонская, – часто употребляются сравнения с целью усилить приказание или пожелание...» [3, с. 50]. Все принципы сравнения в заговорах основаны на установлении семантического тождества между тем состоянием, которое описывается в символической части формулы, и желаемым: «Как люди смотрятся в зеркало, так бы муж смотрел на жену, да не насмотрелся; как-де соль люди в естве любят, так бы муж жену любил». Таким образом, путём сравнения устанавливаются отношения аналогии: символический мир представляет зеркальное отражение реального.

Рекламный текст (практически каждый) также строится на основе сравнения. Однако сравнение выполняет здесь иную функцию и поэтому основывается на других языковых средствах (чем, больше, дешевле, лучше, выгоднее, самый, единственный, супер-, сверх, необычный в отличие от обычных). Рекламное сравнение помогает легко выделить достоинства рекламируе-

мого товара, отталкиваясь от каких-либо недостатков или негатива, создать эффект преимущества, уникальности, отличительной особенности товара, позволяет выгодно организовать информацию о товаре. «*DayWear Plus. Многофункциональные защитные увлажняющие антиоксидантные средства СЗФ 15. Больше, чем увлажнение. Больше, чем защита*». Или: «*Роскошные объёмные ресницы – лёгкие, словно крылья бабочки. Новая тушь от Max Factor дарит невероятные ощущения: в три раза больше объёма без утяжеления ресниц*».

В рекламном тексте можно встретить как явные сравнения (например, с «обычными» средствами), так и скрытые, часто построенные на контрасте «до применения – после применения» («*За два месяца овал лица восстанавливается, шея становится более подтянутой, лицо вновь обретает очертания своей молодости*»).

Таким образом, сравнение можно считать одним из постоянных приёмов и в заговорных ритуальных текстах, и в рекламных текстах. Однако если в заговорах сравнение выполняет функцию уподобления конкретных действий действиям физических, духовных или астральных сил, то в рекламе сравнение используется с целью показать преимущество конкретного объекта или показать разницу между тем состоянием, которое наблюдалось до применения данного средства и после.

Апелляция к родственным связям явлений как приём заговоров предполагает указание на «родство» двух явлений. При этом подразумевается, что «младший» родственник должен уйти к «старшему», и в этом случае осуществится конечная цель заговора: «<...> а подите, стрелы, цевьем во свою мать во древо, а перьем во свою мать во птицу, а птица в небо, а клей во свою мать в рыбу, а рыба в море, а железом во свою мать в землю, из земли взято в землю и поди <...>» [3, с. 45–46]. Или: «*Месяц на небе, червяк в дубе, щука в воде. Когда эти три брата сойдутся все вместе, тогда у раба божьего (имя) зубы заиграют. Аминь, аминь, аминь*».

В рекламе данный приём заключается в том, что действие конкретного компонента косметики, лекарства, продукта и др. направлено на соответствующую часть организма (часто в рекламе косметических, лекарственных средств), и если объект достигнет нужной точки, то произойдёт положительная перемена в организме (внешности

и т. д.): «*Aqualia Thermal*. Единственный крем-уход, обеспечивающий 24-часовое увлажнение и усиление защитных функций кожи, содержащий богатую редкими минералами Термальную воду Vichy. Железо – доставка кислорода в клетки. Магний – стимуляция регенерации клеток. Марганец – антиоксидант. Кремний – восстановление тканей. Кальций – защита тканей».

Повторы. Любой заговор содержит ключевые и замковые слова, которые несут на себе особую смысловую нагрузку и обязательно повторяются. Этими словами могут быть имена святых (например, Иисус Христос, Пресвятая Богородица, Николай Угодник и др.), «просительные» слова, часто однокоренные либо синонимичные (например, «от думок – от передумок», «от разговоров – от переговоров», «от горя – от тоски», «спаси и сохрани», «выговариваю – заговаривает» (в других заговорах можно встретить: «духи с полудухами», «злые недуги с принедаугами и полунедугами», «в 70 составов, полусоставов и подсоставов», «в 70 жил, полужил и поджилков», «из жил и спожил», «облаками облачуся» и др.). Также в текстах заговоров неоднократно могут повторяться местоимения-обращения: «А будь ты, моё дитячко, моим словом крепким укрыт от силы вражия; ты, свёкор, воротись, а ты, кровь, утолись; ты, сестра, отворотись, а ты, кровь, уймись...».

Другой разновидностью повторов в заговорных текстах является подхват, т. е. повторение в каждой последующей строке заключительных слов из предыдущей строки. Например: «На синем море вышка, на той вышке дуб. На том дубе двенадцать канатов. На тех канатах двенадцать ангелов. Они поют, воспевают, злого духа с раба Божьего (имя) выгоняют...» (из заговора «От испуга во сне»).

В рекламном тексте повторы – это те эмоциональные доводы, которые действуют на адресата независимо от его логики. Поэтому в рекламе часто используются синонимы, тавтологии, плеоназмы: «Совершенно уникален и не имеет аналогов в мире...». Кроме того, в рекламе часты однокоренные слова-антонимы, используемые для демонстрации контраста: «L'OREAL Dermo-Expertise. Против несовершенства – требуйте совершенства!» или «Когда обыкновенное становится необыкновенным: Yves Rocher создала гамму Serum Vegetal, содержащихся в обычном яблоке...». Так же, как и в заговорах, в рекламе используется подхват: «Из чего приготовлены соусы Calve? Соусы Calve приготовлены из простых и натуральных ингредиентов, поэтому они такие вкусные!»

Перечисление составных частей объекта колдовства в заговорах. Например, в заговорах от какой-либо болезни часто встречается перечисление органов и частей тела, в заговорах от нечистой силы – перечисление всех помещений в доме, откуда изгоняется нечистая сила и т. п. Обратимся к заговору «От родимца»: «Бабушка Варварушка, я тебя прошу, сними с младенца, раба Божьего (имя), родимец: костовой, жилой, родимец сердечный. Родимец головной, родимец внутренний, родимец давучий, трепучий и все 12 родимцев, и все 12 худимцев, и все 12 ветреных переломивцев сними с тела белого, с очей ясных, с лица белого, с лёгкого, с печени, с ретивого сердца и со всей алой крови, со всех внутренностей. Аминь». Такое подробное перечисление необходимо было для полноты охвата объектов колдовства, т. к. считалось, что неназванное останется вне поля зрения целебной силы заговора. С другой стороны, колдующий таким образом демонстрировал свою компетенцию, чем мог заслужить доверие у народа.

В рекламных текстах данный приём заключается в перечислении составных компонентов рекламируемого средства («Иновация Vichy. Антиоксиданты для защиты молодой кожи. Витамин С + Витамин Е + Полифенол Цитрусовых...»), его функциональных характеристик («Очищает кожу, удаляет ороговевшие клетки и тонизирует, улучшает кровообращение, усиливает действие антицеллюлитного средства...»), а также в перечислении негативных внешних воздействий («Плохая экология, стрессы, частое окрашивание...», «Усталость, напряжённый график, недостаточное увлажнение...»).

Намёк на эмпирическое средство достижения желаемой цели. В некоторых текстах заговоров исполнитель (колдующий) указывает на какого-либо помощника, который должен «посодействовать» ему в достижении цели, такими помощниками могут быть: «девица с синим платком», «красная девица», «староматёра жена», «Мать Пречистая» и др. Помощник выступает как некий посредник между целителем и высшими силами, он всегда выполняет своё дело, которое ассоциативно напоминает цель процесса заговора. Например: «Есть в чистом поле славное Окиян-море. В том славном Окиян-море есть белый остров. На том белом острове стоит золотой стул. На том золотом стуле сидит староматёра жена, держит золоту иголку с восковой ниточкой, зашивает

у меня, у раба Божия, кровавые железные раны, укладные раны... И стана моя красная кровь, запекился и не капи у меня, у раба Божия...». Также в текстах заговоров обязательно называется то действие, которое должно помочь осуществить цель: перевязывание (зашивание) ран для остановки кровотечения, прижигание для избежания воспаления, омовение святой водой для избавления от испуга и болезней в результате его, разрывание нитей для избавления от рака и т. д.

В рекламных текстах для указания на достижение желаемого результата используется конструкция «чтобы достичь результата, регулярно (обязательно...) делайте (что-либо)». Например, «чтобы укрепить своё здоровье, регулярно пейте Иммунокомплекс». Кроме того, используется и более сложная конструкция: вначале даётся негативная информация, затем говорится о том, что спасение можно найти, в конце предлагается способ, как можно исправить ситуацию и достичь желаемой цели: «Плохая экология, стрессы, частое окрашивание приводят к тому, что волос выпадает больше, чем вы готовы отдать, а растут и восстанавливаются они медленнее, чем хотелось бы. Но можно помочь уснувшим волосным луковицам быстрее пойти в рост. Для этого компания «Линда» разработала инновационную программу по уходу за волосами».

Персонификация. В заговорах перенесение свойств или функций живого лица часто происходит на объект заговаривания, т. е. на то, от чего необходимо избавиться (болезни, глаза, тоски и т. д.): «Рожа-роженица, красная девица, не ходи по белым ногам, не ходи по синим жилам, не делай ран на синих жилах...» (из заговора от рожи на лице). В заговорных текстах одушевлёнными становятся также и все мифопоэтические образы: вода (река, море),

солнце (луна, месяц, звёзды, заря), ветер, деревья. «Молодой месяц – золотой рог, был ты на том свете, видал многих родителей? Видал. У них зубы не болят? Не болят. Спаси, Господи, раба Божьего (имя)» (из заговора от зубной боли).

В рекламных текстах персонификацию можно встретить в рекламе техники, особенно часто – автомобилей, которым приписываются и качества характера человека, и функциональные признаки, и внешность: «Mitsubishi Colt. Лёгкий на подъём, сообразительный, покладистый, компанейский». Также часто автомобиль сравнивается со зверем: «Мускулистые обводы кузова, грациозная подвижность, цепкий «кошачий» взгляд хищника... Все контуры Peugeot 207 выражают стремящуюся освободиться силу...»; «Даже когда Новый Peugeot 308 неподвижен, в нём ощущается сила дикого зверя, власть над дорогой...». Вообще, персонификация – излюбленный приём рекламистов, заимствовавший многие тонкости у заговоров. Как в заговорных текстах природные стихии олицетворяются, так и в рекламных текстах, например, водная стихия персонифицируется, наделяется магической силой: «Для «Пяти озёр» используется природная вода, питающая таёжные озёра. Эта вода не просто чистая. Она уникальная. Содержит серебро и способна исцелять. В народе её называют «живой водой». Живая вода. Живая легенда».

Таким образом, разнообразие языковых приёмов, используемых в текстах заговоров и в рекламных текстах, их функциональная характеристика приводят к выводу о том, что при помощи данных приёмов осуществляется эмоциональное воздействие на психику аудитории, а уже через это воздействие реализуется доминирующая функция языка в заговорах и рекламе – суггестивно-магическая.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М. : Индрик, 1994. Репринт изд. 1865 г., с испр. 800 с.
2. Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1984. 127 с.
3. Елеонская Е. Н. Къ изучению заговора и колдовства въ Россіи. Шамордино, 1917. В. 1.
4. Елеонская Е. Нѣкоторыя замѣчания по поводу сложѣнія сказокъ. Заговорная формула въ сказкѣ. М.: Университ. тип. 1912. 11 с.
5. Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России : сб. трудов / вступ. ст. и сост. Л. Н. Виноградовой ; подготовка текста и коммент. Л. Н. Виноградовой, Н. А. Пшеничной. М. : Индрик, 1994. 272 с.
6. Мурзин Л. Н. О суггестивно-магической функции языка // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина) : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. Пермь, 1998. С. 108–114.
7. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : Избранное. М. : Прогресс – Культура, 1995. 624 с.

Оценочные шкалы и их применение в тестировании письменной речи иностранных учащихся

В данной статье исследуется проблема параметризации, оценивания, соотношения качественных и количественных шкал при тестировании письменной речи иностранных учащихся с целью получения объективных данных о реальных возможностях тестируемых. Актуализируется вопрос о статусе, природе ошибок в письменной речи иностранцев, овладевающих русским языком как иностранным (РКИ), а также вопрос о систематизации ошибок и о соотношении их количества с общим объёмом высказывания.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, тест, письменная речь, оценочная шкала.

L. V. Voronova
Chita, Russia

Estimative Scales and their Application in Written Speech Testing of Foreign Students

In the article the problem of parameterization, estimation, correlation of qualitative and quantitative scales is investigated at testing written speech of foreign students with the purpose of reception of objective data about real opportunities tested. The question on the status, the nature of mistakes in written speech of the foreigners who are mastering Russian as a foreign language, and also the question of classification of mistakes and correlation of their quantity with the total amount of the statement are given.

Keywords: Russian as a foreign language, the test, written speech, an estimative scale.

Оценочная шкала – это средство фиксации результатов измерения путём их определённого упорядочения и выражения в соответствующих числах (цифрах).

Шкалы имеют следующие свойства:

- идентичность, позволяющую однозначно относить объекты к одной из выделяемых категорий;
- транзитивность, способствующую ранжированию объектов контроля в определённом порядке;
- метричность, обеспечивающую единую систему измерений.

При тестировании письменной речи в качестве объектов контроля в оценочных шкалах выступают:

- содержательный компонент;
- интенции;
- композиционная структура и форма;
- качество языковых средств.

Заметим, что представленные объекты контроля трудно соотносятся с количественными параметрами. Всё это снижает объективность в оценивании. Поэтому сегодня на повестку дня выносятся исследование проблемы параметризации, оцени-

вания, соотношения качественных и количественных шкал. Результатом исследования должно стать, на наш взгляд, совершенствование методической теории, практики обучения и тестирования по РКИ.

Отметим, что проблема адекватности оценивания реального уровня владения письменной речью у того или иного пользователя русского языка решается путём соотношения, сопоставления индивидуального результата с определёнными критериями выполнения теста. При этом проблеме критериев и объектов контроля при оценивании письменной речи решать сложно. По мнению ряда учёных: А. А. Реформатского, В. В. Добровольской, Л. К. Мазуновой, не следует считать письменные высказывания лишь фиксацией устных высказываний, хотя в методике обучения РКИ существует даже специальный термин – письменное подкрепление устной речи. На самом деле пишущий выбирает характерные именно для письменной речи средства: восстанавливает внеречевую ситуацию, эксплицирует большинство формирующих её моментов, использует

средства и формы логической связности, развернутости, структурно-семантической организованности письменного высказывания, чтобы добиться целенаправленности, плановости, системности речи.

Применительно к структурно-смысловой организации вторичных текстов (метатекстов) – репродуктивно-продуктивная письменная речь – происходит, прежде всего, восприятие текста-источника с установкой на последующее продуцирование информации, которое формирует действия по аналитико-синтетической переработке исходного текста. Поэтому первое, что влияет на качество письменного продукта (метатекста), – **качество восприятия**: вычленение смысловых частей, компрессия незначимых, второстепенных, иллюстрирующих, излишних элементов информации, и **качество продуцирования** – синтезация значимых элементов и оформление их соответствующим речевым типом и адекватными связочными средствами, развертывание – в случае необходимости – информации за счёт оценки, т. е. согласия, замечания, опровержения, аргументации её правомерности [1, с. 139].

В письменной речи важны умения использовать компенсирующие средства, к примеру, вместо цитат; контактоустанавливающие средства и средства экспликации адресованности; умения вербально выделять особо значимую информацию, делать ссылки на привлекаемый материал [1, с. 140].

Таким образом, объектами оценивания письменной речи выступают умения **осмысления, запоминания, оформления, воспроизведения, трансформирования высказывания и синтеза его с другими**.

В практике учебного контроля активно используются так называемые тесты слуховой модальности, которые направлены на проверку техники письма либо других прагматических навыков и умений: например, диктант, предъявляемый на фоне шума, помех и т. д. Оценивание производится по следующим дескрипторам:

- фонологические ошибки;
- лексические ошибки;
- орфографические ошибки [4, с. 292].

При коммуникативном подходе к контролю в форме тестов **оценка** навыков и умений письменной речи может производиться **по компонентам коммуникативной компетенции**: лингвистическая

компетенция (правильность, т. е. точность лексико-грамматических форм), социолингвистическая компетенция (уместность), дискурсивная компетенция (связность, когезивная организация), стратегическая компетенция (сложность тем, гибкость, независимость), иллюкутивная компетенция (приемлемость).

Общими показателями реализации актов коммуникации, по мнению В. А. Кокоты, являются:

- их результативность (выполнена ли коммуникативная задача, достигнуто ли коммуникативное намерение);
- коммуникативная значимость (релевантность) и ценность (новизна, глубина мыслей) речевых актов;
- экономичность (экономно ли достигнуты цели);
- приемлемость формы и содержания (лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический/страноведческий компоненты коммуникативной компетенции) [2, с. 113–114].

Приведённый выше перечень показателей продуктивной речи (и устной, и письменной) свидетельствует о том, что продуктивную речь с её неповторимой индивидуальностью, вариативностью трудно подвергнуть измерению.

Так, шкала критериев письменной речи на русском языке как иностранном при всех достоинствах всё же не лишена некоторых спорных моментов. Умения тестируемого в письменной речи оцениваются по шестибалльной системе (от 0 до 5).

5 баллов ставится, если качество речевого продукта тестируемого полностью соответствует основным характеристикам данного параметра, при этом тестируемый демонстрирует владение нормами русского языка.

4 балла ставится, если качество речевого продукта тестируемого соответствует основным характеристикам данного параметра, но тестируемый допускает ошибки, не ведущие к нарушению норм выражения данного параметра.

3 балла ставится, если качество речевого продукта тестируемого не вполне соответствует основным характеристикам данного параметра из-за наличия ошибок, искажающих смысл.

2 балла ставится, если качество речевого продукта тестируемого нарушает нормы речевой реализации данного параметра.

1 балл ставится, если качество речевого продукта тестируемого не соответствует нормам речевой реализации данного параметра.

0 баллов ставится, если данный параметр не отражён в речи тестируемого.

По существующей шкале трудно количественно разграничить позиции «качество речевого продукта тестируемого соответствует основным характеристикам данного параметра, **но тестируемый допускает ошибки...**» (4 балла), «качество речевого продукта тестируемого **не вполне соответствует...**» (3 балла), «качество речевого продукта тестируемого **нарушает нормы речевой реализации...**» (2 балла). Представленные объекты контроля трудно соотносятся с количественными параметрами. Следует обратить внимание и на то, что и содержательность, и формально-композиционная структура, и использование языковых средств в соответствии с нормами русского языка являются равнозначными по количеству баллов. Поэтому необходимо усовершенствовать шкалы так, чтобы они включали ряд количественных характеристик, описывающих параметры конкретного речевого продукта и степень его проявления.

Актуальным вопросом для тестирования продолжает оставаться вопрос о статусе и природе ошибок в письменной речи иностранцев, овладевающих РКИ. По мнению Т. М. Бальхиной, «анализ этой проблемы следует, видимо, связывать с концепцией, на которой базируется обучение и контроль» [1, с. 143].

Так, при преобладании когнитивной основы в обучении, когда в центре внимания оказывается формирование языковой компетенции, результат ошибочных речевых действий, отклонение от правил и норм изучаемого языка тщательно фиксируется. При этом часть ошибок не поддаётся самокоррекции в силу того, что они являются лишь отражением определённой стадии освоения иностранного языка, уровневая классификация – «**ошибки развития**». Другая часть, как правило, классифицируется по аспектам (это так называемая аспектная классификация языковых и речевых ошибок):

– **фонетические** – артикуляционные, интонационные, графические, орфографические, пунктуационные и т. д.;

– **морфологические** – в употреблении форм числа, рода, падежа имен, в употреблении глагольных форм времени, вида, глагольного управления существительным; в образовании отглагольных и именных форм и т. д.;

– **лексические** – в словоупотреблении, словообразовании;

– **синтаксические** – в сочетании слов, в построении простых и сложных предложений разных типов, с союзной и бессоюзной связью, в порядке слов и т. д. [1, с. 143].

Кроме привычной, традиционной классификации ошибок предлагаются и другие. М. Бэрт, К. Кипарски, например, различают **глобальные ошибки**, нарушающие суть и логику высказывания (учащийся не владеет типами речи, низкий уровень дискурсивной компетенции не позволяет ему создавать цельный и связный текст, им не учитывается характер ситуации общения, а также социальные роли коммуникантов и т. д.). При этом наличие любой из названных выше ошибок может привести к **коммуникативному сбою**, а их совокупность – к **коммуникативной неудаче**. С другой стороны, выделяются **локальные ошибки**, которые мешают коммуникации, но не нарушают её: «*Посмотрите, какое доброе озеро!*», «*Сегодня красивый день*» и т. д.

Ю. А. Склизов в статье «О функциональных критериях контроля» [5, с. 10] выделяет «**сильные**» ошибки, т. е. затрудняющие понимание речи, и «**слабые**», принципиально не влияющие на её понимание. В ряду выделяемых ошибок есть ошибки, условно названные «**сверхобобщением**». Они возникают как результат неправомерного переноса правил образования и функционирования одних форм или явлений на последующие. Происхождение **ошибок** данного, **трансфертного типа** связано либо с игнорированием исключений, ограничений на применение правил, либо с формулированием ошибочных гипотез по поводу тех или иных языковых явлений и их нормативного употребления. На этих же основаниях различают ошибки **формальные**, как результат плохо сформированных навыков и механизмов речи, и **функциональные**, являющиеся результатом незнания или недоучёта предпочтительного в данном языке варианта выражения из сосуществующих.

В русском языке, как, впрочем, и в других языках, имеется градация норм, с которой соотносится градация ошибок. Норма может констатировать недопустимость в речи определённого употребления или образования. Но в то же время норма может допускать варьирование форм, но ограничивать это варьирование лексическим, тематическим контекстом, контекстом ситуации. Некоторые употребления считаются допустимыми на определённом уровне владения языком.

В обучении русскому языку система языка рассматривается как фундамент овладения речью, фундамент освоения всего диапазона нормативных реализаций языка. Поэтому в тестировании по РКИ различают:

- **формально-языковые ошибки;**
- **коммуникативно значимые ошибки,** нарушающие коммуникацию;
- **коммуникативно незначимые ошибки,** не нарушающие коммуникацию;
- и их совокупность, квалифицируемую как **коммуникативная неудача.**

При оценке уровня владения русской письменной речью, помимо характера допускаемых ошибок, важно учитывать соотношение их количества с общим объёмом высказывания на русском языке – так называемая «плотность ошибок» [3, с. 36].

S. P. Corder в работе «Error Analysis, Interlanguage and Second Language Acquisition»

предложил различать **ошибки-оплошности**, mistakes, допущение которых связано не столько с педагогическими, сколько с психологическими и психолого-физиологическими факторами: усталостью, рассеянностью и т. д., и **собственно ошибки**, errors, являющиеся результатом типичного отклонения от правил и норм при выполнении речевого действия, деятельности.

Следует отметить, что ориентация теста только на фиксацию и исправление ошибок недопустима. Основной целью тестирования по русскому языку как иностранному является надёжное измерение уровня подготовленности учащихся в аспектах языка и видах речевой деятельности. Результаты тестирования позволяют увидеть индивиду свои сильные и слабые стороны в изучении языка и являются своего рода движущей силой в преодолении основных трудностей в овладении языком.

Сегодня, когда тестовая форма контроля завоевывает лидирующее положение в системе обучения русскому языку как иностранному, необходимо решить проблему, связанную с совершенствованием оценочных шкал, применяемых при тестировании письменной речи иностранных учащихся с целью получения более объективной информации о реальных возможностях тестируемого.

Список литературы

1. Бальхина Т. М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного): учеб. пособие. М. : МГУП, 2003. 242 с.
2. Коккота В. А. Лингводидактическое тестирование. М. : Высшая школа, 1989. 127 с.
3. Мусницкая Е. В. 100 вопросов к себе и ученику. М. : Русский язык, 1996. 120 с.
4. Рапопорт И. А., Сельг Р., Соттер И. Тесты в обучении иностранным языкам : итоги двадцатилетнего эксперимента // ИЯШ. 1989. № 6. С. 19–24.
5. Склизов Ю. А. О функциональных критериях контроля // Актуальные вопросы контроля в обучении иностранным языкам в средней школе : межвуз. сб. науч. трудов. М. : Изд-во НИИ школ МПРСФСР, 1986. С. 6–13.
6. Corder S. P. Error Analysis, Interlanguage and Second Language Acquisition. Cambridge University Press, 1979. 120 p.

**Личностное начало в современном научном дискурсе
(на примере текста посвящения к книге)**

В статье рассматриваются особенности проявления личностного начала в современном научном дискурсе на примере текста посвящения к научной книге. Выявляются функциональные, содержательные и структурные характеристики текста посвящения, производится типология данных текстов на различных основаниях. Особое внимание уделяется проблеме актуализации в посвящении аксиологических и культурных смыслов, значимых для автора.

Ключевые слова: научный дискурс, текст, посвящение, личностное начало, автор.

E. I. Golovanova
Chelyabinsk, Russia

**Identity Principle in Modern Scientific Discourse
(by the Example of the Text of Dedication to Book)**

The article deals with peculiarities of identity principle manifestation in modern scientific discourse by the example of the text of dedication to book. Functional, content and structural characteristics of the text of dedication are revealed. Typology of these texts according to different grounds is carried out. Special attention is paid to the problem of actualization in the dedication of axiological and cultural senses meaningful to the author.

Keywords: scientific discourse, text, dedication, personality principle, author.

Характерной особенностью современного этапа развития культуры является усиление *личностного начала* во всех сферах деятельности человека. Личность, её потребности, ценности, интересы, особенности сознания становятся сегодня важнейшим фактором при анализе речемыслительной деятельности в лингвистических исследованиях. В рамках настоящей статьи особый интерес представляет такая составляющая современного научного дискурса, тесно связанная с выражением личностного начала, как посвящение.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой слово «посвящение» толкуется как: 1) действие по глаголу *посвятить*; 2) надпись в начале произведения или вступительная часть произведения, указывающая, кому посвящено это произведение автором [7, с. 312]. Судя по иллюстративному материалу ко второму значению, речь идёт прежде всего о художественном дискурсе, ср.: *Посвящение в стихах. Посвящение этой повести особенно дышит кокою-то неотразимою прелестью теплого и грустного чувства*. Белинский, Мозаисты, соч. Ж. Зандэ; *Когда был отпечатан первый том сочинений Добролюбова, ... я с изумлением увидела, что издание посвящено*

мне. Панаева, Воспоминания [там же]. Для нас важно, что посвящение интерпретируется авторами словаря как текст (а точнее, субтекст или микротекст), выполняющий особые функции и имеющий стандартное расположение внутри большего по объёму сложного текстового целого.

Семантика глагола «посвятить» помогает прояснить фоновые знания, связанные с данным словом. Первое значение в указанном выше словаре «осведомить о чем-то тайном, не всем известном, сделать причастным к чему-л.», хотя и не связано, на первый взгляд, с посвящением напрямую, раскрывает его суть. Посвящение делает явным неявное, скрытое от непосредственного наблюдения или понимания. Второе значение глагола – «предназначить для какой-л. деятельности, занятия и т. п.» – подчёркивает глубоко осознанный, целенаправленный характер посвящения, его связь с образованием смысла (ср. значение, приведённое далее: «наполнить содержанием, непосредственно относящимся к кому-, чему-л.»). И, наконец, словарное толкование прямо указывает на назначение посвящения: «предназначить кому-л. своё произведение как дань своего уважения, почитания, любви и т. п., обычно сде-

лав об этом надпись» [7, с. 312]. Добавим к этим значениям далевское толкование глагола «посвящать»: **ПОСВЯЩАТЬ, ПОСВЯТИТЬ** ... что, кому подносить почётно, из признательности или покровительства [3, т. 3, с. 331].

В лингвистической литературе посвящение никогда не становилось предметом отдельного рассмотрения, мало внимания уделено данному текстовому образованию и в литературоведении (в специальных словарях мы встретили лишь два случая выделения понятия «посвящение» в отдельную статью [5; 6]). Между тем, именно наличие и характер посвящений, на наш взгляд, принципиально отличают современные издания монографий, учебников и словарей от издававшихся ранее. Посвящения в научном дискурсе уже не воспринимаются в настоящее время как единичное явление, они получили широкое распространение и предоставляют автору (авторам) уникальные возможности для выражения собственной позиции и проявления индивидуальности. Если ранее авторы монографий и учебников преимущественно стремились к выражению модальности объективности, «истинности» транслируемого научного знания, то теперь, в эпоху научного плюрализма, доминирования полипарадигмальности в науке, создатели научных трудов всё отчётливее осознают значимость отдельной личности, её индивидуального начала, что находит отражение и в содержании, и в оформлении текстов.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля личность определяется как «лицо, *самостоятельное*, отдельное существо» [3, т. 2, с. 259]. «Российский энциклопедический словарь» (М., 2000) интерпретирует личность как субъект сознательной деятельности, необходимо предполагающей этический момент самоопределения, в связи с чем личность характеризуется системой взглядов, ценностных установок, предпочтений, проявляющихся в действиях и поступках. С этих позиций научный текст, имеющий посвящение, осознается как действие, включённое рефлексией автора в пространственно-временной континуум и наделённое метасмыслом.

Отметим, что любое научное исследование предполагает напряжённую интеллектуальную работу автора, связанную с освоением, осмыслением и обобщением

большого числа разрозненных фактов, их упорядочением и систематизацией, построением целостной концепции, а также рефлексией автора по поводу своих мыслей, их соответствия общему направлению исследования. Учёному приходится преодолевать «сопротивление» материала, его «живой», многообразный, во многом противоречивый характер. Посвящение при таком понимании выступает как словесный поступок, осознанный коммуникативный акт.

Цель посвящения – *включить конкретный текст в контекст культуры* (контекст научной традиции, исследовательской школы или личностного пространства автора). Посвящение при этом выражает важные социальные смыслы (даёт информацию об авторе, значимом для него адресате, отношениях между ними) и выполняет конкретное коммуникативное задание (реализует намерения автора поблагодарить, подчеркнуть значимость кого-либо, отдать дань уважения, выразить признательность, дать оценку кому-, чему-либо).

В научную коммуникацию посвящение пришло из художественной сферы коммуникации. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» посвящение включено в рамочную конструкцию художественного произведения наряду с именем (псевдонимом) автора, заглавием, подзаголовком, эпиграфом, предисловием, послесловием и примечаниями. По мнению авторов энциклопедии, наличие рамочных компонентов придаёт произведению характер завершенности, усиливает его внутреннее единство, создаёт определённую установку восприятия [4, с. 851].

Посвящения как элементы письменного текста возникли в эпоху Средневековья и первоначально были «почти обязательным «украшением» первого листа любой книги» [там же], представляя собой торжественные восхваления важного лица – мецената или покровителя. На рубеже XVII–XVIII вв. в литературный обиход вошли посвящения, носящие предельно обобщённый, высокопарно-символический характер (такие посвящения иронически изображены в романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»).

В конце XIX – начале XX вв. посвящения становятся особым знаком литературной преемственности, служат для выражения

искренней дружбы и сердечной привязанности. В русской литературе представлено немало примеров подобных посвящений. Так, например, И. С. Тургенев посвятил «Песнь торжествующей любви» Гюставу Флоберу («Посвящается памяти Гюстава Флобера»), повесть «Первая любовь» сопроводил посвящением П. В. Анненкову, отдельное издание романа «Отцы и дети» посвящено им памяти В. Г. Белинского. Лев Толстой посвятил И. С. Тургеневу журнальную редакцию своего рассказа «Рубка леса», тем самым подчеркнув связь и преемственность последнего с «Записками охотника». Андрей Белый книгу стихов «Пепел» посвятил Н. А. Некрасову, сборник «Урна» – В. Брюсову. Книга В. Брюсова «Stephanos» посвящена Вячеславу Иванову – «поэту, мыслителю и другу», а «Urbi et Orbi» – «другу и брату К. Бальмонту».

В художественном дискурсе нередки посвящения более интимного характера, обращённые к родным и близким (т. е. людям, которые не связаны с литературным творчеством, но значимы для личности писателя). Подобными посвящениями сопровождаются журнальные варианты «Идиота» и «Униженных и оскорблённых» Ф. М. Достоевского. В первом случае текст был посвящён С. Ивановой, во втором – старшему брату писателя, М. М. Достоевскому. Свой последний роман «Братья Карамазовы» автор посвятил жене – Анне Григорьевне Достоевской. Н. Г. Чернышевский посвятил роман «Что делать?» своему «другу О. С. Ч.» (т. е. Ольге Сократовне Чернышевской, жене писателя), Н. А. Некрасов сопроводил текст поэмы «Дедушка» посвящением «З-н-ч-е» (Зиночке, так он звал свою жену, Фёклу Анисимовну Викторову) [5].

Объединяет посвящения в художественном и научном дискурсах категория автора. Образ автора, явленный в посвящении как начальном элементе разворачивающегося перед читателем текста, оказывается актуальным для всей книги, основой внутреннего единства всех её элементов. Благодаря образу автора весь текст (дискурс) обретает самостоятельную коммуникативную, этическую и эстетическую значимость.

Независимо от прагматической направленности авторское посвящение всегда придаёт особую тональность тексту, определяет его индивидуальное своеобразие, подчёркивает открытость текстовых

границ, придаёт тексту временную и пространственную документированность и эмоциональность.

Современные тексты посвящений в рамках научного дискурса позволяют произвести их внутрижанровую типологию на разных основаниях.

По характеру коммуникации, эксплицируемой посвящением, выделяются: 1) *мемориальные* посвящения (включают слово «память» в дательном падеже), в них представлена коммуникация закрытого типа, т. е. не допускающая обратной связи; 2) *диалогические* посвящения, предполагающие продолжение взаимодействия между автором и адресатом (коммуникация открытого типа).

По характеру адресата различаются посвящения *полиадресатные* (обращены к широкой аудитории) и *моноадресатные* (апеллируют к конкретной личности или личностям).

По типу отношений между автором и адресатом возможно разграничить *экстравертные*, или *социально-ориентированные*, посвящения (в них осуществляется идентификация автора с определённой научной школой, социальной или локальной группой) и *интровертные*, или *ориентированные на личную сферу*, посвящения, связанные с выражением разнообразных интенций по отношению к близким людям.

Рассмотрим конкретные тексты посвящений с учётом того, как в них многообразно совмещаются указанные выше характеристики.

Классическими для научного дискурса являются мемориальные посвящения. Они широко представлены в текстах учебников, монографий, словарей. Так, например, строкой посвящения открывается учебник Н. Б. Мечковской «Общее языкознание: структурная и социальная типология языков» (2-е изд. – М., 2001):

Памяти Адама Евгеньевича Супруна.

Труд А. А. Леонтьева «Основы психолингвистики» (М., 1999) также сопровождается посвящением:

*Памяти А. С. Штерн
и Л. В. Сахарного.*

Посвящением открывается текст «Справочника по правописанию, произношению, литературному редактированию» Д. Э. Розенталя, Е. В. Джанджаковой и Н. П. Кабановой (М., 1994):

Памяти Татьяны Григорьевны Винокур.

Аналогичные посвящения предваряют тексты индивидуальных монографий. Например: *Светлой памяти Ильи Наумовича Горелова* (Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психо- и социолингвистический аспекты. – Саратов, 1999).

Памяти Юрия Владимировича Рождественского

(Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ритора. – Саратов, 2000).

Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачёва

(Чернов А. Ю. Хроники изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. – СПб., 2006).

Тексты мемориальных посвящений нередко включают слово «учитель» или подразумевают его. Так, в монографии К. Е. Кореповой «Русская лубочная сказка» (Н. Новгород, 1999) после оборота титульного листа на отдельной странице до эпиграфа помещено следующее посвящение:

Светлой памяти моего учителя

Владимира Яковлевича Проппа.

Книга Л. П. Крысина «Жизнь слова» (М., 1980) открывается строками:

Светлой памяти моего учителя

Александра Андреевича Лапицкого.

В посвящениях, адресованных конкретным лицам, авторы нередко выражают определённые чувства и переживания. Это могут быть интенции признательности, почтения, благоговения, дружеской или сыновней благодарности. Например:

Моему учителю

Маргарите Николаевне Кожиной,
профессору Пермского университета,
с безграничной признательностью

(Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. – М.: Академия, 2010).

Обобщённый адресат в посвящении обозначается реже. Примером может служить текст, предваряющий университетский курс лекций известного российского философа М. С. Кагана:

Моим учителям и моим ученикам

(Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб.: Петрополис, 1997).

В любом случае за посвящением стоит индивидуальность автора, которая проявляется и в построении данного микротекста, и в выборе вербализуемых в нём смыслов.

Для посвящения характерна общая семантика «рубежности» события – завершения работы над текстом книги, в связи с чем она выступает для автора знаком

переживания этого события. Чаще всего посвящения представлены в индивидуальных монографиях, которые являются итогом многолетних раздумий исследователя над проблемой, результатом долгой и напряжённой работы. Реже посвящениями сопровождаются учебные пособия, курсы лекций, которые также носят знаковый для их авторов характер, знаменуют собой завершение некоего этапа в жизни. Текст посвящения как вербализация личностного смысла рождается уже после того, как готов текст книги, он словно обрамляется строками посвящения, получает свою завершённую форму.

Так, например, коллективная монография саратовских русистов «Хорошая речь» под редакцией М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой предваряется развернутым посвящением:

Светлой памяти

Галины Георгиевны Полищук –
неутомимого борца за чистоту
и красоту русской речи
п о с в я щ а е т с я .

Экстравертные посвящения имеют своей целью подчеркнуть значимость публикуемого труда с точки зрения отдельных парадигм научного знания или – чаще – в рамках определённой научной традиции, направления или школы. Они могут носить общий характер (*Интеллектуалам XXI века посвящается* – Винарская Е. Н. Сознание человека. – М., 2007), но чаще содержат локальные маркеры, как например, в учебном пособии С. Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» (М., 2000):

Посвящается студентам,

преподавателям и сотрудникам
факультета иностранных языков
МГУ имени М. В. Ломоносова.

Гораздо более распространены в научном дискурсе конкретизированные посвящения, включающие имя создателя научной школы. Например, курс лекций В. П. Даниленко «История русского языкознания» (2-е изд. – Иркутск, 2003) предваряется следующим текстом (с фотографией учёного):

Светлой памяти Юрия Сергеевича Маслова
посвящается эта книга.

Книга В. М. Мокиенко «Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии», выдержавшая два издания (Л., 1986; СПб., 1999), перед предисловием содержит посвящение:

Галине Алексеевне ЛИЛИЧ –
моему Учителю.

Сравните с приведёнными тексты посвящений, представленные в монографии А. Л. Топоркова «Теория мифа в русской филологической науке XIX века» (М., 1997): *Светлой памяти Никиты Ильича Толстого*. Или посвящение, включённое в монографию М. С. Родионова «Информационный код русских богатырских былин» (Челябинск, 2007):

*Посвящается
Александрю Ивановичу Лазареву
и Галине Яковлевне Шишмаренковой.*

(В тексте посвящения названы уважаемые профессора Челябинского государственного университета, у которых учились многие поколения студентов, в том числе автор настоящей статьи).

Обычно текст посвящения не превышает более 3–4 строк, но есть исключения. Так, в работе А. П. Авцына и его коллег «Микроэлементоза человека: этиология, классификация, органопатология» (М. : Медицина, 1991) представлен следующий текст:

*Посвящается памяти
основоположника биогеохимии
Владимира Ивановича Вернадского
и его выдающихся последователей
Александра Павловича Виноградова
и Виктора Владиславовича Ковальского,
рано оценивших значение микроэлементов
для жизнедеятельности здорового
и больного организма и много сделавших
для развития этого направления науки.*

В целом экстравертные посвящения более привычны для научного дискурса, они представлены как в учебных изданиях, так и в собственно научных. Структура подобных посвящений позволяет судить о сложившемся стереотипе. Текст посвящения обычно включает слово *посвящается*, которое располагается в абсолютном начале (реже – в конце) текста, например:

*Посвящается памяти
Маргариты Генриховны (Андреевны) Ведель
и Александра Ильича Перельман*

(Алексеенко В. А. Экологическая геохимия. – М. : Логос, 2000).

Названное ключевое слово может отсутствовать в тексте посвящения, в таком случае оно переходит в категорию подразумеваемого, имплицитного. Например:

*Памяти подвижника уральского краеведения
писателя Владимира Павловича Бирюкова –
в год столетия со дня его рождения*

(Шмаков А. А., Шмакова Т. А. Урал литературный : краткий библиографический словарь. – Челябинск, 1988).

В приведённом тексте слово «посвящается» легко может быть восстановлено без изменения общей тональности и информационного наполнения текста.

В нашей картотеке есть лишь один пример отступления от традиционной формулы посвящения. Речь идёт о посвящении, помещённом в научном труде И. А. Зимней «Лингвопсихология речевой деятельности» (М. ; Воронеж, 2001):

*Признательность всем, кто
учил и у кого училась, с кем
работала.*

Данный текст, как и обычное посвящение, расположен над предисловием к книге, содержит интенцию выражения признательности, но нетипичность его формы свидетельствует о его пограничном характере между экстравертными и интровертными посвящениями. В отличие от приведённых выше мемориальных и экстравертных посвящений, в которых указание на конкретное имя исследователя опосредованно информирует о разделяемых автором (авторами) принципах отбора и осмысления фактов, предпочтительных концепциях и методах научного анализа, в данном случае акцент сделан на качествах и оценках самого учёного как личности.

Наиболее интересны для исследования *интровертные* посвящения – относительно новый для научного дискурса вид посвящений. Их появление и постепенное превращение в устойчивый феномен связано с рубежом XX–XXI вв., что, на наш взгляд, не случайно. Как отмечают исследователи, на рубеже веков обостряются ощущения, связанные с культурным временем и пространством, поэтому закрепление нового научного жанра вполне логично. Кроме того, для современного научного дискурса все более характерен процесс интимизации [2].

Интровертными мы считаем посвящения, которые обращены к ближайшему окружению личности исследователя – его родным и друзьям. Этот тип посвящений выявляет обычно скрытые от посторонних глаз взаимоотношения в семье учёного. При этом известно, что личная поддержка родителей, супруга, детей и других родственников оказывается чрезвычайно значимой для каждого человека, посвятившего себя науке.

В большинстве случаев посвящения вербализуют признательность родителям. Это самый распространённый тип интенции в интровертных посвящениях, различия могут быть связаны с объёмом выражаемой в тексте информации, характером коммуникации (открытого или закрытого типа), импликацией или экспликацией ключевого слова «посвящаю». Сравните:

Моим родителям

(Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999).

*Посвящается моим родителям –
Сарычевым Марии Павловне
и Владимиру Григорьевичу,
благородным и светлым людям*

(Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации. – Воронеж, 2005).

*Посвящается памяти
моих родителей*

(Налепин А. Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. – М. : ИМЛИ РАН, 2009).

*Светлой памяти моих родителей –
Петра Ивановича
и Надежды Ивановны Крысиных –
посвящаю*

(Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. : Изд-во Эксмо, 2006).

*Моим родителям
Нине Васильевне
и Александру Фёдоровичу Рязановым
с любовью и благодарностью*

(Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. – Ижевск, 2006).

*Посвящается моей матери,
Н. Ф. Кравченко*

(Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск, 2001).

*Посвящается моей матери
Сибиряковой Р. А. –
преподавателю русского языка
и литературы*

(Сибиряков И. В. Метафора: гносеологический статус, механизмы реализации и роль в познании. – Челябинск, 2006).

*Светлой памяти моего отца,
Кочегарова Виктора Николаевича,
посвящается*

(Мякишева О. В. Пространственная семантика: ресурсы языка и их функциональный потенциал. – Саратов, 2007).

В нашей картотеке есть пример рефренозного использования посвящений родителям в разных публикациях автора:

Посвящается

*светлой памяти моих
бесконечно дорогих родителей*

Р. В. Маковской и М. Л. Маковского

(Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. – М. : ВЛАДОС, 1996).

*Светлой памяти моих бесконечно дорогих
родителей – Михаила Львовича Маковского
и Розалии Вениаминовны Маковской
посвящается. Их образ и имя навеки
останутся для меня святыми*

(Маковский М. М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: сущность – формы – развитие. – М. : Азбуковник, 2000).

Объединяющим во всех приведённых выше текстах оказывается притяжательное местоимение «мой», которое усиливает интимный характер речевого произведения и его эмоциональность.

Второй после родителей фигурой, значимой для личности исследователя, оказывается фигура супруга. Эти посвящения могут носить как стандартный (в рамках жанра), так и творческий характер. Сравните:

*Посвящаю памяти
моей дорогой жены и друга
Чистовой*

Беллы Ефимовны

(Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003).

*Светлой памяти моего мужа
Николая Семёновича Михина*

(Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М. : Азбуковник, 2001).

*Жене, товарищу, другу
Галине Александровне Виноградовой
с любовью посвящаю*

(Виноградов Б. В. Растительные индикаторы и их использование при изучении природных ресурсов. – М. : Высшая школа, 1964).

Посвящаю моей жене Людмиле

(Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – М. : Логос, 2000).

Посвящается

любимой жене Любове Яковлевне

(Лейчик В. М. Люди и слова. Как рождаются и живут слова в русском языке. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009).

*Регине и Виолетте – супругам нашим,
с ангельской кротостью и улыбкой
прощающим нам (иногда)
наши непаремитологические «анти»*

(Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. – СПб. : Нева, 2006).

В последнем примере мы наблюдаем реализацию в тексте посвящения шутильной тональности авторов. Это довольно редкий пример для подобного жанра. Чаще в посвящениях реализуется торжественная тональность, призванная подчеркнуть, что личность автора выступает субъектом ценностных ориентаций, ей присущи активное самосознание, свобода выбора в сочетании с ответственностью.

Местоимение «мой», употреблённое в абсолютном начале текста интровертного посвящения, в сочетании с нетипичным выбором адресата со всей определённо актуализирует личностные смыслы и наделяет их дополнительной выразительностью. Сравните:

Моей семье

(Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004).

Моему сыну

(Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). – М. : МГОУ, 2003).

Моему другу Ларисе Семейн

(Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003).

*Посвящаяю памяти
моего дорогого друга*

Дмитрия Евгеньевича МИХАЛЬЧИ

(Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. – М. : Худож. литература, 1997).

*Моей самоотверженно доброй сестре –
Человеку долга и чести –*

*Нине Георгиевне Зубковой
с восхищением и нежностью*

(Зубкова Л. Г. Общая теория языка в развитии: учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2002).

Единичный пример в нашей картотеке связан с образом бабушки:

Памяти моей бабушки

Бобровой Зинаиды Григорьевны

(Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000).

Дружеская тональность, задушевность интровертных посвящений создают атмосферу доверительного, интимного контакта между автором и читателем научного текста.

В целом посвящения особым образом маркируют научные тексты, делают их самодостаточным фактом культуры, выделяют из общего ряда как наделённые личностным смыслом. По словам М. М. Бахтина, «всякое вступление в сферу смыслов свершается только через ворота хронотопов» [1, с. 391]. Отсюда – эмоциональность и ценностная окрашенность переживания конкретного момента – момента завершения научного труда.

Через посвящение, выражающее отношение к другим, автор транслирует образ самого себя, что позволяет воспринимать научный текст как отражение человеческой личности. Диалог учёного и компетентного читателя наделяется таким образом необходимыми аксиологическими и культурными смыслами.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике // М. М. Бахтин Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. литература, 1975. С. 234–407.
2. Голованова Е. И. Интимизация современной научной речи // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников III междунар. науч. конф.: в 2 т. Челябинск: Энциклопедия, 2007. Т. 2. С. 31–35.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1989–1991. Т. 1–4.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2003. 1600 стб.
5. Посвящение // Достоевский: эстетика и поэтика : словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников. Челябинск : Металл, 1997. С. 199.
6. Посвящение // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1983. Т. 3. 752 с.

Современные тенденции в изучении истории и их преломление в школьном обучении

В статье рассматриваются современные тенденции в изучении истории и их преломление в школьном обучении. Кроме того, освещается воспитывающая функция обучения и некоторые аспекты работы с социокультурно и педагогически запущенными детьми.

Ключевые слова: современные тенденции, информационное пространство, антропоцентричность, антропологическая культура, интеграция, гомогенность, школьное обучение, воспитание.

Е. А. Gorshkova
Moscow, Russia

Contemporary Tendencies in Studying History and their Refraction within School Education

This article analyses contemporary tendencies in history and their refraction within school education. Besides, the problems of school education and upbringing (deviants are included) are under consideration.

Keywords: contemporary tendencies, informational area, anthropocentrism, anthropological culture, integration, homogeneous, refraction, school education, educational influence.

Изучение истории на данном историческом этапе имеет исключительно важное значение, оно даёт знание истории своей страны и других стран, что является непременным условием и мерилем цивилизованности человечества. Давно известно, что изучение истории формирует чувство гражданственности, а именно чувство гражданского достоинства и уважения достоинства других.

В последнее время появилась настоятельная необходимость в формировании уважения к изучению истории.

Произошло это потому, что примерно около двадцати лет назад в историографии произошёл настоящий информационный взрыв, обрушивший на население лавину фактов, доселе не известных. На первый взгляд, да и по сути это явилось весьма положительным моментом. С другой стороны стало ясно, что обилие фактического материала, вернее, его интерпретация, привело к появлению псевдоистории. В упрощённом виде она выглядит так: всё, что изучалось раньше, – не то, все историки искажали факты, а вот сейчас изучается настоящая история, и историки говорят и пишут правду. Настоящая история (что история может быть настоящей или ненастоящей или только настоящей, никто не задумывается), по мнению людей малознающих, –

это огульная критика всего того, что было раньше. При внимательном изучении широко публикуемых работ по «настоящей истории» выясняется, что их авторы исторического образования не имеют, а имеющееся образование, хотя и высшее, далеко от гуманитарного вообще. Глубоких и обширных знаний, соответственно, у них нет, оперируют они непроверенными фактами, а проверенные трактуют как им угодно, чего никогда не сделает профессиональный историк. Так и оказывается: татаро-монгольского ига не было, а было господство рыцарских орденов, полоцкая княжна Рогнеда была женой не Владимира Великого (одной из жён), а князя Святополка по прозвищу «Окаянный»; чисто полицейская по существу акция взятия Казани войсками Ивана IV – военной операцией. И всё это подаётся с апломбом провозвестников истины в последней инстанции.

Подобный подход к истории наносит непоправимый вред мировоззрению людей, формирует негативное отношение к истории своей страны, стирая чувство гражданского достоинства и долга. Особенно негативно этот подход отражается на учащих в силу их недостаточного жизненного опыта, несформированного мировоззрения, несложившегося интеллекта, культурной (в данном случае речь только о ней) запущенности.

Естественно, противопоставить этому можно только строго научный подход к изучению истории, тщательный подбор контраргументов против аргументов апологетов «настоящей истории».

Современные тенденции в изучении истории как раз отвечают этим задачам.

Прежде чем сосредоточить внимание на этом вопросе, нужно кратко охарактеризовать историографию преподавания истории в России и отметить, что в этой статье будут анализироваться не современные тенденции в изучении истории вообще, а конкретно в изучении истории России.

Как самостоятельный учебный предмет история в России начала изучаться в XVIII в., чему немало способствовал Петр I. Это произошло несколько позже, чем в Европе. Впервые история стала преподаваться в Московской гимназии пастором Э. Глюком (1705 г.), а затем в школе Феофана Прокоповича в Петербурге (1721 г). Более поздно, чем в Европе, начало изучения истории как учебного предмета наложило на него свой отпечаток: в основном копировалась европейская модель обучения того времени, основанная на обилии фактического материала и практически требующая его заучивания.

Далее, после 1917 г., история как наука и как учебный предмет стала весьма тенденциозной и чрезвычайно идеологизированной, что отразилось на её объективности.

Только в 90-х гг. XX в., когда стали доступны работы эмигрировавших историков, писателей-историков и мемуары политических деятелей и военных, в истории стали наблюдаться позитивные изменения в сторону объективности с одной стороны и эмоциональности – с другой.

Вероятно, «псевдоистория» – это своего рода болезнь становления нового качества истории: как столкновения характеров и взаимодействия этого столкновения с объективными обстоятельствами. Объективно это позитивный момент, а субъективно ему наносит большой вред некомпетентность лиц, мнящих себя историками.

Поэтому **первой тенденцией** в изучении истории является организация адекватного информационного пространства. Под этим мы понимаем информацию об исторических личностях и исторических фактах, основанную на документальных источниках. К ним мы относим летописи, документы (например, «Повесть вре-

менных лет», «Судебник» 1649 г. и др.), мемуарную литературу. По поводу документальности последней можно поспорить, поскольку мемуарист невольно даёт свою оценку событий, но при внимательном чтении мемуаров вырисовывается ясная картина той или иной эпохи. Кстати, даже такие документы, как «Русская правда» могут дать некоторое представление о личности, работавшей над ними, и более полное – о времени, когда они создавались. Кроме того, к организации информационного пространства относится научная интерпретация документальных источников, основанная на сопоставлении, сравнении, анализе документов определённой эпохи и, соответственно, выводах. Только то, что подтверждено историческими фактами и документами, может входить в информационное пространство.

Авторы учебников истории для средней школы всегда придерживались этого правила: в конце каждой главы приводятся выдержки из документов, иллюстрирующие её содержание. Однако это пространство очень ограничено рамками предмета, а нужно, чтобы оно распространялось на всю сферу интеллектуальной деятельности. Тогда учащиеся не будут заявлять о том, что «учебники врут», а учитель «просто не знает». Конечно, безапелляционность этих высказываний можно списать на подростковый максимализм, но главная опасность подобных заявлений состоит в том, что недостоверный, но ярко и красочно поданный исторический факт подрывает доверие и уважение к педагогам, а отсюда недалеко и от неадекватного поведения на уроках в частности и в жизни вообще. Учащиеся не понимают, что достоверность не нуждается в блестящей упаковке, и того, что чем больше внешнего блеска, тем тусклее внутреннее содержание.

Поэтому перед историками и стоит задача формирования адекватного информационного пространства. Способствовать этому может работа с первоисточниками, т. е. с текстами летописей, законов и мемуарами. Что касается последних, то в них трактовка тех или иных событий и характеристика действующих лиц бывает различной. Это только плюс: учащиеся должны сами разобраться в происходящем и понять, что ни одно историческое событие не бывает однозначным. Равно как и человеческая личность.

Вторая тенденция, зародившаяся в конце 90-х гг., но до сих пор не получившая развития, – антропоцентричность истории. В нашей истории твёрдо укоренилась мысль о том, что всё историческое развитие зависит от развития производства, общественных отношений и общества. При этом забывалось, что общество состоит из личностей и общественные отношения – из отношения личностей. Мы понимаем антропоцентричность в истории (отнюдь не настаивая на безупречности такой трактовки) как влияние личностных и психологических особенностей личности на ход исторического развития во взаимодействии с другими личностями. Кроме того, мы считаем, что личность того или иного исторического деятеля должна рассматриваться во всём многообразии. В преломлении в школьном обучении истории антропоцентричность рассматривается как персонализация истории. Приведём несколько примеров.

Князь Святослав долгое время рассматривался как князь-воин, а отнюдь не как князь-правитель. Он посвящал своё время походам, а правила его мать, княгиня Ольга. А между тем именно Святослав создал чиновничий аппарат, который долгое время работал бесперебойно и который брали за образец последующие правители. Такое под силу только очень талантливому администратору.

Или судьба Андрея Боголюбского. Безусловно, он был не самым приятным человеком, но являлся незаурядным государственным деятелем. Именно он всеми силами старался сплотить разрозненную Русь в единое государство. И поплатился разом и за сложный характер, и за политическую деятельность.

Очень часто реформы в России конца XVII – начала XVIII вв. связывают с именем Петра I. Это не совсем верное утверждение. При тщательном изучении событий того времени становится очевидным, что Петр во многом продолжил государственные и военные реформы своего старшего брата царя Фёдора Алексеевича. Болезненный и слабый, он был одарённым и образованным человеком. Хорошо понимая необходимость преобразований, он проводил их, тщательно подготовившись. Он не кричал, не грозил никому расправой, а между тем все его предложения охотно принимались и исполнялись чётко и быстро. Видимо, он

обладал тем, чего не было у его знаменитого брата, – ярко выраженной харизмой и умением работать с людьми.

Петра III обычно представляют эталом полубезумным пруссофилом. Вёл он себя неумно, но именно в его короткое царствование была ликвидирована Тайная канцелярия, проведён ряд реформ, в частности, закон, освобождавший дворян от обязательной службы, в корне изменивший государственное устройство. Сам он не блистал как государственный деятель, зато приблизил к себе многих талантливых людей, в частности, Дмитрия Волкова.

Екатерина Великая, конечно, была пророческой государыней. Однако часто забывают, что она была необычайно дисциплинирована и трудолюбива. Чёткий распорядок дня, неукоснительное и тщательное выполнение обязанностей главы государства позволяли ей многое успевать. Кроме того, она была очень эрудированна, много читала, великолепно знала всю современную ей литературу, да и сама много писала. Например, она писала сказки для своих внуков, великих князей Александра и Константина, сделала замечательное собрание русских пословиц. Она очень любила кошек; в её дворцах их было несметное количество, и она находила время заботиться о них. Любовь к кошкам была у неё общей со Светлейшим князем Григорием Потёмкиным-Таврическим.

Очень важно пробудить у учащихся чувство сопереживания к личности. Например, к личности Павла I. Нужно донести до них сложность положения человека, изначально доброго и доброжелательного по отношению к людям, да и очень и очень неглупого, который оказался не понятым и не любимым и в своей семье, и в стране. Более того, возбуждавшим в людях неприязнь; впрочем, те, кто хорошо знал Павла, высоко ценили его как человека. И в целом в том, что он не состоялся как государь, его вины нет.

Через двести лет трагедия Павла I повторится в судьбе императрицы Александры Фёдоровны, жены Николая II. Она встретит то же неприятие, непонимание, насмешки. А между тем женщины России до сих пор пользуются результатами её деятельности, женскими консультациями, к примеру.

Таких примеров можно привести множество, педагог может найти их практически в любой изучаемой теме.

Третья тенденция – формирование антропологической культуры. Иногда её называют «гуманизацией истории». По поводу этих терминов среди историков нет единства. Вероятно, полнее всего отражает эту тенденцию стремление показать ценность человеческой личности, её жизни и деятельности и недопустимость посягательств на них. Особенно важно это подчеркнуть, когда учащиеся станут изучать тему «Политические течения второй половины XIX века», особенно когда речь пойдёт о деятельности организации «Народная воля». Здесь важно показать, что убийство Александра II не только затормозило процесс демократизации России. Ведь реформы, проведённые в годы его царствования: отмена крепостного права, городская реформа, судебная, учебная, воинская, – получили название Великих буржуазных реформ. Для России того времени это был громадный шаг вперёд. Это убийство вызвало реакцию, затормозившую движение страны вперёд. Не менее важно, что дети потеряли обожаемого отца, а его вторая жена, княгиня Юрьевская (Екатерина Долгорукая) – любящего и любимого супруга. Важно и то, что народовольцы погубили не только царя, но и себя как личность. Гениальный инженер Николай Кибальчич растратил своё редчайшее дарование на изготовление бомб, Андрей Желябов, прекрасный организатор, разрабатывал схемы покушений. Думается, что, займись они мирными делами, то принесли бы своей стране больше пользы. То же самое – эсер Иван Каляев (он действовал много позже). Добрейший человек, замечательный друг стал убийцей Великого князя Сергея Александровича. Причиной тому были ложно понятые идеалы. Развенчивание таких идеалов и является, по нашему мнению, магистральным направлением в тенденции формирования антропологической культуры.

Исключительно важно это направление в работе с социокультурно и педагогически запущенными подростками, которые, в силу своих психологических особенностей, педагогической запущенности, наконец, просто элементарного бескультурья во имя ложно понятого чувства достоинства, чести, порядочности, способны на самые дикие выходки и даже на преступление.

Четвёртая тенденция – возрастающая роль воспитывающего обучения.

Впервые термин «воспитывающее обучение» был применён немецким педагогом И. Ф. Гербартом (1778–1841). Гербарт считал обучение основополагающим методом воспитания, а главной целью воспитания – развитие в ребёнке добродетели. Формирование и развитие добродетели, т. е. таких нравственных устоев, при которых невозможно совершить некрасивый поступок, тем более правонарушение или преступление, – чрезвычайно актуальная сегодня задача. Эта задача усложняется, когда речь идёт о социокультурно и педагогически запущенных детях, ведь прежде, чем формировать у них добродетель, нужно преодолеть негативный стереотип поведения. Сделать это можно через подбор исторических примеров. Например, рассказать о гордом поведении Рогнеды, прозванной в народе Гореславной, т. е. дочерью горя, несчастной, но несломленной; о том, что Михаил Бренко сознательно переоделся в великокняжеские доспехи во время Куликовской битвы, чтобы отвлечь на себя внимание противника от Великого князя Московского Дмитрия (Донского). Он чётко осознавал, что подвергается риску быть убитым (что и произошло), но зато спасёт князя. Учащимся будет интересно узнать о своеобразии личности Дмитрия Боброка-Волынского, которого считали «ведуном»; о патриотизме Елизаветы Петровны; о сильнейшем характере императрицы Марии Фёдоровны, вдовы Александра III, об интеллигентности и порядочности российских учёных.

История России даёт множество примеров героизма, преданности долгу, любви к Родине, доброты и достоинства.

Дети вообще довольно жестоки, а запущенные – вдвойне. Ребёнок, не похожий на них, становится объектом травли. Причиной может быть маленький рост, какой-нибудь дефект внешности. В таком случае при объяснении нового материала можно ненавязчиво упомянуть, что князь Ярослав Владимирович был хром от рождения, но это не помешало ему войти в историю под прозвищем Мудрый. Александр Невский был небольшого роста, но не знал себе равных в рукопашном бою; маленький и слабый мальчик Саша Суворов стал лучшим полководцем мира.

Пятая тенденция – интеграция. Собственно, эта тенденция может считаться современной только с некоторой натяжкой.

Попытки интегрировать историю с другими предметами были в 20-х гг., потом как-то робко проявились в 60-е, потом исчезли вообще, начали возрождаться в 90-е гг. и очень активно стали проявляться в последнее время. Однако интегрировать историю с другими предметами довольно сложно. Во-первых, нужно отобрать те предметы, интеграция с которыми имеет логические связи. С нашей точки зрения, таковыми являются история литературы и история русского языка. С предметом «Мировая художественная культура» у истории тоже есть связь, но, на наш взгляд, в отдельных темах эти предметы дублируют друг друга. Во-вторых, чтобы успешно осуществить интеграцию, учитель должен обладать незаурядными знаниями историка и словесника. Это – весьма редкое явление.

Шестая тенденция – гомогенность истории России к истории других стран (гомогенность – от *греч.* «однородность»). Эта тенденция является одной из самых современных и актуальных. Хотя, надо отметить, что сам термин «гомогенность» представляется нам не совсем уместным в применении к истории. Его первоначальное значение – степень сходства членов некоторой совокупности между собой. Русская история отличается своеобразием, население страны – менталитетом, весьма отличным от зарубежного. Вероятно, гомогенность можно рассматривать как связь истории России с историей других стран и как её сравнение с зарубежной. Естественно, что определённое сходство есть, но мы считаем, что его нужно проводить не как сравнение историй, а как сравнение исторических эпизодов. Что же касается более глобального применения термина «гомогенность», единство истории России и всемирной истории можно понимать как связь стран на дипломатическом, династическом, культурном и военном уровне. О последнем говорит хотя бы участие России в антифранцузских (антинаполеоновских) коалициях конца XVIII – начала XIX вв. Вообще же гомогенностью увлекаться не стоит в обоих вариантах. Возвращаясь к сравнению исторических эпизодов, можно

проследить сходство между Французской буржуазной революцией (или, как раньше её называли, Великой французской буржуазной революцией) 1789 г. и русской революцией в октябре 1917 г.

Во-первых, в результате этих революций один общественный строй сменился другим. Во Франции на смену феодализму пришёл капитализм, в России развивающийся капитализм сменил социализм.

Во-вторых, в результате этих революций в обеих странах разразилась гражданская война.

В-третьих, обе страны пережили военную интервенцию.

В-четвёртых, в них началась массовая эмиграция, вызванная истреблением дворянства и вообще всех неугодных, в том числе и представителей интеллигенции.

В результате такого сравнения у учащихся постепенно складывается целостная картина исторического процесса, взаимосвязи и взаимовлияния событий, происходящих в разных странах. Однако успешно провести историческое сравнение можно только при условии, что учащиеся имеют хорошую общую подготовку, начитанны и знают историю не только по учебникам, т. е. в гимназических или специализированных классах. К сожалению, социокультурно и педагогически запущенные дети не способны сравнивать события и делать выводы; им даже трудно сделать синхронистическую таблицу (несмотря на все усилия педагога). Поэтому с гомогенностью в преподавании истории в школе нужно быть очень осторожным.

В целом современные тенденции изучения истории можно разделить на новые и возрождающиеся. К первым относятся: формирование адекватного информационного пространства, антропоцентричность, формирование антропологической культуры, гомогенность. Ко вторым – воспитывающее обучение и интеграция.

В преломлении в школьном обучении, на наш взгляд, особенно важно формирование адекватного информационного поля, формирование антропологической культуры, воспитывающее обучение и интеграция.

Список литературы

1. Личман Б. В. История России. Теории изучения. Кн. 1. С древнейших времён до конца XIX в. : учеб. пособие. Екатеринбург : СВ-96, 2001. 368 с.
2. Невская С. С. Воспитательные функции обучения: исторический анализ и современный опыт. М. : НИИ Семьи, 2007. 75 с.

УДК 81. 39
ББК 81. 2(3)

Р. Г. Жамсаранова
г. Чита, Россия

Ойконимический формант *-oi* в топонимии Восточного Забайкалья

Статья посвящена структурно-типологической характеристике ойконимического формантного типа с финалью *-oi* в региональной топонимии, предположительно, древнетюркского языкового происхождения.

Ключевые слова: ойконимический формант *-oi*, региональная топонимия, древнетюркское языковое происхождение.

R. G. Zhamsaranova
Chita, Russia

The Oikonym Formant *-oi* in the System of Geographical Proper Names of Eastern Transbaikalia

The article touches upon the uninvestigated problem of the linguistic origin of the ending *-oi* in the corpus of the names of some places of human settlements which are supposed to be of Old Turkic linguistic origin.

Keywords: the ending *-oi*, regional system of geographical proper names, Old Turkic linguistic origin.

Общеизвестна роль ойконимических формантов для извлечения информационного потенциала в топонимии. «Суффикс в топонимии – своего рода «меченый атом», позволяющий проследить передвижения народных масс» [4, с. 83]. Известно, что регион представляет собой в историческом аспекте ойкумену народов, относящихся по своей этноязыковой принадлежности преимущественно к языкам алтайской семьи. Исходя из результатов изучения субстратной топонимии, особенно тюркской, правомерно поставить вопрос, который до сего времени остаётся открытым, а именно, о конкретной языковой соотнесённости некоторых ойконимических финалей *-ai/-ei/-oi/-ui*.

В специальных работах исследователей по ойконимии этнической Бурятии, Циркумбайкальского региона в целом вышеупомянутые форманты не описаны [2; 10].

Ойконимических названий с данными формантами на территории Восточного Забайкалья, имеющих согласно их архивной датировке относительную временную давность, выделено более 30–40 единиц. Например, это названия следующих населённых пунктов: *Абагайтуй, Акатуй, Акурарай, Бальзой, Булдуруй 1-й, 2-й, Гунэй, Дурой, Дурулгуй, Калангуй, Кокуй 1-й, 2-й, Котой (Катаево), Курунзулай, Могой, Мордой, Онохой, Тут-Халтуй, Улятуй/Улёты, Судунтуй, Усть-Теленгуй, Телергуй, Верхний и Нижний Шаранай, Чикой* и т. д.

С формантом *-ai* в топонимии Забайкалья названий немного: *Акурарай, Ушарбай, Зугалай, Курунзулай, Таптанай, Верхний и Нижний Шаранай*. С формантом *-ei* используются следующие названия: *Гунэй, Зуткулей, Малый Куналей, Чиндалей, Нижний Цасучей*; на *-ui* – *Абагайтуй, Акатуй, Булдуруй, Дурулгуй, Калангуй, Кокуй, Кукуй/Кука, Тут-Халтуй, Усть-Теленгуй*; на *-oi*: *Бальзой, Дурой, Мордой, Котой, Могой, Малый Тонтой, Большой Тонтой, Онохой, Шоной/Шонуй, Чикой*.

Большая часть этих ойконимов имеет письменную фиксацию в архивных документах, что свидетельствует об их относительной давности функционирования в качестве наименований человеческих поселений. Так, по «Ведомости о крестьянских и инородческих поселениях Забайкальской области...» за 1897 г. в селе Котовском проживало 607 душ в 82 дворах [4]. В сёлах Укыр и Шонуй в 193 дворах было записано 472 души; в селе Акагуевском Александровской волости был записан 141 двор, 1340 душ населения; в селении Котойском – 364 души; в Чикое в 1897 г. было записано 12 дворов с 42 душами [1]. По этим данным видно, что поселения были населены людьми давно и некоторые из них стали центрами социально-бытовой жизни. В селе Онохой, где по данным 1897 г. было 67 дворов с 317 душами, имелся свой экономический магазин.

Приграничные с Китаем и Монголией поселения записаны в архивах как ка-

раулы, например, Абагайтуевский караул, Булдуруевский караул, Дуроевский караул, Дурулгуевский караул [8]. Все эти архивные свидетельства позволяют нам считать эти названия относительно давними. Об «исконности» их функционирования на данной территории свидетельствует, на наш взгляд, фонетическая вариативность финалей. Вероятно, что эти вариации ойкоформантов в забайкальской топонимии обусловлены во многом моментами транслитерации названий на какой-либо «принимающий» язык в условиях межъязыковых контактных взаимоотношений автохтонного населения региона.

Это наблюдение основано на версии о тюркском происхождении форманта *-ой*, который, полагаем, и был первоначальной формой ойкоформантов *-ай/-ей/-уй*. Этот формант представляет собой древнетюркское *-өй* "дом; жилище, помещение", развившееся до значения "поселение", зафиксированное «в различных фонетических вариантах во всех тюркских языках и их памятниках» (ссылка Ф. Г. Хисамитдиновой на: Этимологический словарь тюркского языка Э. В. Севортяна) [9, с. 65]. Этот же формант в ряду других отмечен Ф. Г. Хисамитдиновой в основах башкирских ойконимов XVI-XIX вв. [9, с. 65].

Фонетическая вариативность древнетюркского ойкоформанта *-өй* в виде *-уй/-ой* в башкирской ойконимии XVI-XIX вв. может служить типологической основой для этноязыковой интерпретации забайкальских ойкоформантов. Примерами подобного явления могут служить названия: Шоной и Шонуй, Дурай и Дурой, Могой и Могай, Улятуй и Улёты, существующие в региональной топонимии. Поэтому ойконимы с финалями на *-уй/-ой* гипотетически можно отнести к более «ранним» названиям тюркского языкового происхождения.

Ряд названий с формантами *-ай* и *-ей* обнаруживают по своему языковому происхождению связь с монгольскими языками и их диалектами. Как пишет В. И. Рассадин, «Вокализм непервых слогов говоров хоринского типа [бурятского языка – Р. Ж.] отличается от такого старомонгольского языка расширением употребления в непервых слогах широких гласных *a* и *э* за счёт разогубления узких огубленных *и* и *й* и перехода их в *a* и *э*, а также за счёт ассимиляции гласной *i*», «тогда как в системе вокализма реконструи-

рованного древнемонгольского языка в непервых слогах могли употребляться лишь *a – e, и – й*» [7, с. 30; 28]. По-видимому, именно эти явления развития исторической фонетики иллюстрируют то, что в региональной топонимии «появились» названия с финалями на *-ай* и *-ей*. Причём нами отмечено, что распространены ойконимы с этими финалями преимущественно на территории, где искони проживают хори-буряты, тогда как ойконимы с тюркскими *-уй* и *-ой* распространены, преимущественно, в западных и центральных районах Восточного Забайкалья.

К примеру, такие названия как *Акуррай, Ушарбай, Зугалай, Курунзулай, Таптанай, Верхний* и *Нижний Шаранай* имеются в Борзинском, Могойтуйском, Ононском, Актинском и Дульдургинском районах, которые территориально представляют собой юго-восточную часть Забайкальского края. В этой же части края расположены такие населенные пункты, как *Гунэй, Зуткулей, Чиндалей, Нижний Цасучей*.

При этом следует различать финали *-тай/-туй/-той*, которые также могут встретиться в морфоструктуре ойконимов, как, например, *Абагайтуй* и *Акатуй*. Аффикальные окончания *-тай/-туй/-той* являются, по сути, высокочастотными продуктивными суффиксами образования имён прилагательных в монгольских языках со значением «обладания чем-либо» [5, с. 190]. Корневая основа этих ойконимов представляет собой монгольские генонимы средневекового периода истории Даурии – *Абаганаад* и *Аханаад*. Этимология корневых основ названий *Гунэй, Дурой, Дурулгуй, Кокуй, Котой, Могой(туй), Мордой, Улятуй, Судунтуй, Усть-Теленгуй, Таптанай, Телергуй, Шаранай, Чикой* также позволяет нам причислить их к отгенонимным и отэтнонимным названиям племён и народов далёкого прошлого Забайкалья.

В. И. Рассадин пришёл к следующим выводам в своих «Очерках по истории...» о тюрко-монгольских языковых связях: «Не вызывают сомнений уже древние контакты и взаимосвязи бурятских племён с тюркскими. Удалось выявить тюркизмы, бытующие только в бурятском языке и которых нет в других монгольских языках» [6, с. 73–75]. Он пишет, что тюркизмы проникали в бурятский язык как в древнее время, так и после переселения протобурят в район Прибайкалья, где-то в X–XI вв.

Изученное состояние субстратной топонимии Восточного Забайкалья даёт основание утверждать о наличии плотного тюркского субстрата, включая и наличие тюркизмов в корпусе местной географической терминологии, представляющей собой орографические, гидронимические термины [3, с. 95–105].

Функционирование тюркоязычной орографической географической терминологии в региональной системе топонимии предоставляет возможность исследователю объяснять данное явление не только общеизвестной тюрко-монгольской языковой общностью, но и привлечь факты историко-этнографического характера, способные высветить и моменты вероят-

ного диахронного межъязыкового контактирования этносов. Перспективными представляются собственно лингвистические изыскания в аспекте межкультурных средневековых контактов в аспекте сравнительно-сопоставительной типологии на ономастическом материале.

В заключение добавим, что лексико-семантический и этимологический анализ изучения корневых основ ойконимии Восточного Забайкалья с формантами *-ай/-ей/-ой/-уй* обнаружили их явное отэтнонимное и отгенонимное происхождение, что убеждает в правомерности соотнесения финалей этих названий от тюркского ойконимического форманта (термина) *-ой* "дом; жилище, помещение" вплоть до значения "поселение".

Список литературы

1. Государственный Архив Забайкальского края. Ф. 19. Оп. 1. Д. 86.
2. Дамбуев И. А., Шулунова Л. В. Названия городов и сёл Циркумбайкальского региона. Улан-Удэ, 2005. 164 с.
3. Жамсаранова Р. Г. Топонимическая картина Восточного Забайкалья // Языковая культура Восточного Забайкалья / Д. Б. Сундуева [и др.]. Чита : ЧитГУ, 2007. С. 82–117.
4. Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965. 179 с.
5. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста : Изд-во КГУ, 2008. С. 190.
6. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007. Ч. I. 165 с.
7. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М. : Наука, 1982. 199 с.
8. Тяжелов Н. С. История населённых пунктов Читинской области (рукопись). Чита, [б/г.].
9. Хисамитдинова Ф. Г. Названия башкирских населённых пунктов XVI–XIX вв. 2-е изд., испр. Уфа : Информреклама, 2005. 280 с.
10. Шойжинимаева А. В. Ойконимия этнической Бурятии (лингвистический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 18 с.

Характерные черты консонантизма современных русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья

В статье рассматриваются характерные черты консонантизма в русских говорах севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья, в частности, состав согласных фонем, их парадигматические и синтагматические репрезентации. Определяются архаичные диалектные особенности и рефлексы живых фонетических процессов. Среди сохранившихся архаичных черт выявляются более устойчивые и менее устойчивые явления.

Ключевые слова: русские говоры, Восточное Забайкалье, консонантизм, репрезентации.

Characteristic Features of Modern Russian Dialects Consonantism of the North Russian Origin in the Territory of East Transbaikalia

In the given article characteristic features of consonantism in the dialects of the North Russian genesis on the territories of East Transbaikalia, in particular structure of concordant phonemes, their paradigmatic and syntagmatic modifications are considered. Archaic dialect features and reflexes of live phonetic processes are defined. Among the remained archaic lines steadier and less steady phenomena come to light.

Keywords: Russian patois, East Transbaikalia, consonant, modifications.

Статья является итоговым фрагментом в описании особенностей консонантизма современных русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья. Исследуемые говоры являются вторичными говорами, сформировавшимися на основе говоров поселенцев, которые переселялись в Забайкалье в основном из северных областей Российского государства, начиная со второй половины XVII в. Научный анализ диалектных данных проводился на основе описательного метода структурно-системного анализа. Таксономическое описание дополнялось сравнительно-сопоставительным методом, который позволил соотнести исследуемые диалектные системы с другими диалектными системами, в первую очередь, с севернорусскими говорами [3, с. 74–82; 6, с. 34–36], с русскими говорами соседней территории – Бурятии, а также системой литературного языка; кроме того, соотнести с данными исследователей забайкальских памятников деловой письменности конца XVII–XVIII вв. – периода начала формирования русских говоров, которые реконструировали ряд фактов региональной разговорной речи того времени.

Материалом исследования для определения диалектных особенностей послужили:

1. Записи диалектной речи, выполненные в проводимых в течение последних шести лет экспедиционных исследованиях; диалектная речь записывалась на кассетный диктофон и цифровые диктофоны Olympus DW-360, SONY 575 Hrs, общий объём звучания составляет 30 ч.

2. Анкетные данные по «Программе собирания сведений для изучения современного состояния говоров Восточного Забайкалья (фонетика, морфология)» [5], которая была разослана в 123 населенных пункта 22 районов Забайкальского края. Анкеты заполнялись учителями русского языка и литературы школ этих сельских поселений.

3. Для получения данных о распространении диалектных явлений в 70–80-х гг. прошлого столетия использовались рукописные тексты записей диалектной речи, выполненные в этот период Т. Ю. Игнатович и Э. А. Колобовой в различных населённых пунктах региона.

4. Тексты записей диалектной речи, выполненные исследователями О. Л. Аброси-

мовой, Т. Ю. Игнатович, Е. И. Пляскиной и Э. А. Колобовой, опубликованные в хрестоматии в 2005 г. [2].

Диалектные данные, полученные от диалектоносителей 54 сёл из 11 районов Забайкальского края, позволили сделать следующие выводы о характерных чертах консонантизма современных русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья:

1. Русские говоры севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья имеют консонантные системы из 36 согласных фонем: /б/, /б'/, /п/, /п'/, /в/, /в'/, /ф/, /ф'/, /д/, /д'/, /т/, /т'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /г/, /г'/, /к/, /к'/, /х/, /х'/, /л/, /л'/, /м/, /м'/, /н/, /н'/, /р/, /р'/, /ц/, /ч'/, /ж/, /ш/, /й/, /у/, отличающихся друг от друга совокупностью 4 конститутивных признаков: степенью участия голоса и шума, местом образования, способом образования, твердостью-мягкостью. /у/ имеет незначительную функциональную нагрузку, в настоящее время вытесняется фонемой /г/, т. к. может вариантно произноситься в тех же словах и формах. [ш:], [ш:] в пределах морфемы представляет сочетание гиперфонемы /с|с'|з|з'|ш|ж/, включающей все переднеязычные щелевые фонемы, с фонемой /ч'/, [ж:], [ж:] в пределах морфемы репрезентирует бифонемное сочетание гиперфонемы /с|с'|з|з'|ж/ со второй фонемой /ж/.

О. Л. Абросимова в ононских говорах определяет 38 согласных фонем, не выделяя /у/, выделяя в составе фонем /ш:/, /ж:/ и среди аффрикат фонему /дж/, реализующуюся в звуке [д'ж'], парную фонеме /ч/ по признаку «глухость-звонкость» и в непарную по признаку «твёрдость-мягкость» [1, с. 19]. По наблюдениям О. Л. Абросимовой, звук [д'ж'] употребляется в начале слова перед гласными и в середине слова после [н'] перед гласным как в словах литературного языка: *ман'д'ж'еты* (манжеты), *д'ж'иван* (диван), так и в словах, заимствованных из эвенкийского, монгольского, бурятского языков: *олган'д'ж'ь*, *рон'д'ж'ь*, *д'ж'аны*, *ин'д'ж'иган* и др. Диалектолог предполагает, что аффриката [д'ж'] могла перейти в ононские говоры из материнских и до сих пор существует, благодаря контактам ононских говоров с бурятскими диалектами, в которых этот звук есть [1, с. 7-8]. Аффриката [д'ж'] в ряде случаев замещает

звуки [ж]: *ман'д'ж'еты*, *куран'д'ж'а*, наряду с *кураджа* (наименование населённого пункта) и [д']: *д'ж'ен'г'и* и предвставляет собой вариант фонем /д'/ и /ж/, а в словах: *д'ж'емь*, *д'ж'аны*, *олган'д'ж'а* (дурочка) наряду с *ол'гьнжа хан'д'ж'ин* (название улицы в Куранже) – [д'ж'] является представителем особой фонемы /дж/, имеющей слабую функциональную нагрузку [1, с. 8].

В исследованных нами забайкальских говорах произношение [д'ж'] встречается в малочисленных заимствованиях: *Д'ж'ида*, наряду с *Джыда*, *ин'д'ж'иган*, наряду с *инджыган*, *д'ж'ем*, наряду с *джэм*. Употребление вариантов [д'ж'] и [дж] зависит от того, твёрдый или мягкий шипящий имеется в говоре. В настоящее время более распространённым вариантом является [дж]. На наш взгляд, в исследуемых говорах [д'ж'] и [дж] представляют собой сочетания фонем, а не отдельную фонему. Поэтому достаточно часто первый элемент этого сочетания, не имеющий полной смысловозначительной нагрузки, утрачивается: *инж'иган*, *инжыган*, *ж'емп'ер*.

2. Заднеязычные взрывные /г/, /г'/, /к/, /к'/ реализуются в тех же аллофонах, что и в литературном языке. Сфера употребления мягких задненёбных по сравнению с литературным языком несколько расширена за счёт употребления не только в позиции перед гласными переднего ряда, но и в определённых личных формах глагола – перед гласными непереднего ряда, а также сохранения прогрессивного смягчения заднеязычных после мягких согласных в речи старшего поколения диалектоносителей. Позиция перед гласными переднего ряда для задненёбных была неустойчивой, об этом свидетельствует распространённая в исследуемых говорах вариантность в произношении [г'и], [к'и], [х'и] – [гы], [кы], [хы], употребление вариантов мягкого и твёрдого задненёбного в глаголах несов. вида перед суффиксом /-ива/: *запуг'ивал'и*, *вытаск'ивьт'* – *запугьвал'и*, *вытаскьвьт'*, а также случаи замены [г'] на [д']: *д'ивард'ин'ч'ик'и* (георгинчики).

3. Фонемы /в/ и /в'/, /ф/ и /ф'/ реализуются в тех же аллофонах, что и в литературном языке.

Фонема /в/ в сильной позиции реализуется в губно-зубном звуке [в]. В слабой позиции перед глухим согласным и на конце слова – в звуке [ф], т. е. наблюдается пози-

ционное чередование [в] // [ф], спорадически в речи архаического слоя встречается реализация в аллофонах [п]: *пс'о*, [х]: *взрых*. Функционирование фонемы /в/ в забайкальских говорах несколько расширено за счёт употребления протетического [в] в начале слова перед гласными [о], [у]: *воспа*, *вутка*, *трава вастр'еи*, вставного [в] в середине слова между гласными: *рад'ивъ*, *радив'ола*.

Однако в начале слова перед сочетанием двух согласных [в] и [ф] могут не произноситься, сужая сферу употребления реализаций фонемы /в/: *здумат*, *спахат*, *ск'ип'ит'ила*. На конце слова фонема /в'/ имеет два варианта реализации – [ф'] и в речи диалектоносителей преимущественно преклонного возраста архаичный вариант севернорусского генезиса [ф]: *кроф* (кровь), *л'убоџф* (любовь).

Неустойчивость /ф/ в речи диалектоносителей старшего поколения в исследуемых забайкальских говорах проявляется в вариантной замене [ф] > [п]: *автобусы*, [ф] > [х]: *кохта*, *вахл'и*, [х] > [ф]: *маиџф*, *добрыџф*, *в дамаџф*.

4. В современных русских говорах Восточного Забайкалья севернорусского происхождения /ц/ и /ч'/ являются более устойчивыми элементами фонологической системы, чем были в прошлом. По данным историков языка Г. А. Христенко [7, с. 175] – в конце XVII – начале XVIII вв., А. П. Майорова [4, с. 197–198] – в XVIII в. в забайкальских памятниках деловой письменности того времени имеются примеры отражения твёрдого цоканья, чоканья, соканья. В исследуемых современных забайкальских говорах аффрикаты различаются. Сопоставление данных исследований последнего десятилетия с данными наших исследований 70–80-х гг. XX в. и других диалектологов, изучавших отдельные русские говоры этого региона, свидетельствует о сокращении и лексикализации остаточных следов древних типов неразличения этих аффрикат в речи диалектоносителей преклонного возраста: *цџч'ик'и* (чепчики), *ач'ан'ис'* (отцџпись), *сарапаџа* (царапаџается), *св'итоџч'к'и* (цветочки), *ун'истаџаџа*, *с'џч'ик* (чџчик).

5. Из аффрикат у фонемы /ч/ наблюдается больше модификаций, среди которых твёрдый вариант встречается в речи диалектоносителей старшего поколения преимущественно в позиции перед глас-

ными непереднего ряда и перед твёрдыми согласными, полумягкая репрезентация употребляется как промежуточная ступень, но преобладает мягкий вариант, что свидетельствует о завершающейся стадии смены твёрдого [ч] на мягкий [ч']. В середине 70-х гг. в выделявшемся в то время типе Д носителей говора большую распространённость имела твёрдая разновидность данной аффрикаты.

В современных забайкальских говорах фонема /ч/, по сравнению с литературным языком, имеет расширенную сферу употребления за счёт лексикализованного произношения на месте [т']: *ч'ижыло* и [ш':]: *ч'икотка*, *ч'ипаџа* (щипаџается).

6. Исследование вторичных русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья показало постепенную утрату такого архаичного севернорусского системного явления, как мягкость шипящих. Этот процесс, по свидетельству Г. А. Христенко, нашёл уже отражение в Нерчинских памятниках деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII вв. [7, с. 146–149]. Однако, по данным исследования середины первого десятилетия нового столетия, в забайкальских говорах относительно однородного генезиса, процесс отвердения мягких шипящих протекает с разной степенью интенсивности. Наблюдаются разные стадии изменения: остаточная мягкость шипящих во всех позициях – позиционная мягкость шипящих – твёрдость шипящих. Полумягкие шипящие – переходная ступень от мягких шипящих к твёрдым. В говорах севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья позиционная мягкость шипящих более сохранна, чем в старожильческих русских говорах соседней Бурятии [8, с. 46].

7. В исследованных современных русских говорах Восточного Забайкалья наблюдается параллельная вариативность [ш:] и [ш':]. Твёрдый [ш:] был присущ вторичным забайкальским говорам со времён начала их формирования, в настоящее время встречается повсеместно в речи всех возрастных групп. Сопоставление данных разных синхронных срезов: 70–80-х гг. XX в. и середины 10-х гг. нового столетия – показывает активность мягкого варианта, который, поддерживаемый влиянием литературного языка, внутри морфем кон-

курует с твёрдым вариантом. В пределах морфемы [ш':] произносится в любой позиции, а на стыке морфем только перед гласными переднего ряда. Варианты [шч]: *Хрушчова*, [ш'ч']: *ш'ч'ука*, *иш'ч'у*, *ш'ч'и*, *вош'ч'ик* – утрачивающаяся особенность. В произношении долгой глухой шипящей в говорах проявляются две тенденции: приобретение мягкости и утрата долготы.

8. Вариант твёрдого произношения внутри морфемы [ж:] остаётся распространённым, вариант мягкого произношения [ж':] менее распространён. В середине 70-х гг. прошлого столетия диалектологи отмечали употребление мягкого варианта перед гласными переднего ряда. В исследованных нами говорах в начале XXI в. такой зависимости в употреблении [ж':] внутри морфемы от переднего ряда последующего гласного нет. В произношении долгой звонкой шипящей в говорах можно увидеть проявление под влиянием литературного произношения тенденции приобретения мягкости, но активность в литературном языке твёрдого варианта сдерживает процесс замены твёрдого варианта на мягкий. Поддерживает мягкий вариант наличие в говорах позиционно мягких шипящих, особенно в тех случаях, когда утрачивается долгота. Проявляется в говорах и тенденция утраты признака долготы звонкого шипящего.

9. В русских говорах севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья сформированы корреляции согласных по твёрдости – мягкости: /б/ – /б'/, /п/ – /п'/, /в/ – /в'/, /ф/ – /ф'/, /д/ – /д'/, /т/ – /т'/, /з/ – /з'/, /с/ – /с'/, /г/ – /г'/, /к/ – /к'/, /х/ – /х'/, /л/ – /л'/, /м/ – /м'/, /н/ – /н'/, /р/ – /р'/ – являются парными по твёрдости-мягкости, для них этот признак является дифференциальным. Внепарными по твёрдости-мягкости являются /ж/, /ш/, /ц/, /ч'/, /j/, /γ/.

Корреляции /г/ – /г'/, /к/ – /к'/ по сравнению с литературным языком более доказательны за счёт расширения случаев противопоставления перед фонемой /о/: [кo]т – не[к'о]т, [го]д – бере[г'о]т.

Корреляция /х/ – /х'/ менее чётко сформирована, т. к. данные фонемы противопоставляются только перед /и/: *ху[х'у]кать* – *кы[хы]кать*.

10. В исследуемых говорах происходит изменение статуса позиций по твёрдости-

мягкости. В соответствии с мягкими губными на конце слов в литературном языке, в забайкальских русских говорах севернорусского происхождения в настоящее время встречается два варианта произношения: распространён твёрдый губной и активно употребляется мягкий губной. Так, слабая позиция конца слов для губных согласных, где раньше употреблялись только твёрдые губные и отсутствовало противопоставление по твёрдости – мягкости, превращается в сильную, на конце слова наблюдается употребление мягких согласных, оформляется противопоставление твёрдых/мягких губных: *хле[п]* – *сте[п']*, *покро[ф]* – *кро[ф']*, *сье[м]* – *се[м']*.

Позиция после мягких согласных перед гласными для фонемы /j/ ранее была слабой, он ассимилировал с переднеязычными согласными в долгие мягкие согласные С' + j > С'С', но в настоящее время в говорах встречается произношение С' + j без уподобления последнего, что свидетельствует о преобразовании слабой позиции для /j/ в сильную.

Слабая позиция для твёрдости – мягкости согласных перед [e] является достаточно устойчивой, т. к. в говорах в заимствованных словах перед гласным [e] наблюдается произношение мягкого согласного: *компью[т'e]ры*, *фа[з'e]нда*.

11. В русских говорах севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья сформированы корреляции по глухости – звонкости: /б/ – /п/, /б'/ – /п'/, /в/ – /ф/, /в'/ – /ф'/, /д/ – /т/, /д'/ – /т'/, /з/ – /с/, /з'/ – /с'/, /г/ – /к/, /г'/ – /к'/, /ж/ – /ш/. Внепарными по этому признаку являются /м/, /м'/, /л/, /л'/, /н/, /н'/, /р/, /р'/, /х/, /х'/, /ц/, /ч/, /j/.

12. В исследованных нами говорах произношение напряженных придыхательных согласных как остаточное явление отмечается в речи отдельных диалектоносителей. В современных русских говорах Восточного Забайкалья фиксируются случаи мены звонких и глухих в сильной позиции, отсутствия оглушения или озвончения перед глухим или звонким согласным. Однако случаи эти нерегулярны, в отличие от региональных памятников деловой письменности начала формирования забайкальского языкового узуса, в настоящее время встречаются преимущественно в

речи забайкальцев преклонного возраста, что позволяет интерпретировать их как следы бывшего древнего севернорусского противопоставления согласных по напряжённости – ненапряжённости при произошедшем переходе к противопоставлению по глухости – звонкости.

13. В забайкальских говорах, представляющих собой живую речь, в большей степени, чем в литературном языке, проявляются результаты синтагматических процессов, наблюдается большая вариативность.

1) Так, зубные перед мягкими зубными, перед средненёбным [j] могут употребляться в мягком и твёрдом варианте. Вариантно произношение зубного перед мягким губным – со смягчением и с отсутствием смягчения.

2) Сочетание [л] с [ч'] имеет два варианта произношения: [лч']: *малч'ком* и встречающиеся в речи диалектоносителей преклонного возраста [л'ч']: *мал'ч'и, мал'ч'у, тол'ч'ил'и* или [л'ч]: *мал'чйт, мал'чу*. Сосорные [л'] [н'] перед мягкими согласными сохраняют мягкость, перед твёрдыми согласными могут сохранять мягкость и могут ассимилироваться по твёрдости.

3) Согласный [р] обыкновенно сохраняет твёрдость перед мягким согласным, однако зафиксированы случаи его смягчения. В речи деревенских жителей преклонного возраста наблюдается сохранение мягкости [р'] перед задненёбным: *с'в'ер'хутъ, вер'х, ч'етв'ер'к* при повсеместном распространении твёрдого варианта: *верх, ч'етв'ерк*, зафиксировано также полумягкое произношение [р]: *с'ерпал'и, нав'е рху*. При твердости последующего шипящего распространено произношение твёрдого [р]: *старшь, огурцы*, при мягкости последующего шипящего – [р'] и [р]: *стар'и'ь, старш'ь*.

4) Губной повсеместно перед [j] смягчается, перед мягким зубным и мягким задненёбным остаётся твёрдым.

5) Экспедиции, проведённые в середине 70-х гг., фиксировали регулярность проявления такой севернорусской по происхождению особенности, как прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных после мягких согласных в речи диалектоносителей разных возрастных групп: *брав'ьн'ка, П'ет'ка, Марус'к'а, стайк'а, Вал'ер'к'а, С'ер'га, тол'к'а, Ол'г'а*.

Экспедиции последних лет отмечают процесс быстрого вытеснения этой диалектной особенности вариантом без смягчения задненёбных. В настоящее время случаи с результатами прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных наблюдаются в речи диалектоносителей пожилого и преклонного возраста.

6) В исследуемых говорах середины 10-х гг. нового столетия произносительные варианты с результатами регрессивной ассимиляции согласных по назальности – утрачивающаяся диалектная черта.

В период начала формирования рассматриваемых говоров, по данным историков языка Г. А. Хриросенко [7, с. 175] и А. П. Майорова [4, с. 198], в сочетании *бм* наблюдалась регрессивная назализация [б]. В современных забайкальских говорах севернорусского происхождения основным произносительным вариантом в речи информантов всех возрастных групп является произносительный вариант [бм]; вариантно, наряду с [бм], в речи диалектоносителей старшего поколения употребляется архаичный севернорусского генезиса вариант [м]: *ом:орок, ом:ани: 'ик, ом: 'орзла*, или с утратой долготы [м]: *ам'ил'ела, амывайут*. Сочетания *вн* повсеместно произносятся как [вн], *дн* как [дн], в речи диалектоносителей преклонного возраста употребляются архаичные севернорусского генезиса варианты с результатами регрессивной ассимиляции по назальности [вн] > [мн]: *мнук, д'имнь, д'ир'емн'ь, бр'имно, п'с'идн'емны, [дн] > [н]: лан:о, в'ин:о, об'ин:о, холон:ый*. В середине 70-х гг. прошлого столетия в забайкальских говорах большую распространённость имели произносительные варианты с результатами регрессивной ассимиляции согласных по назальности, чем в настоящее время.

7) В современных русских говорах Восточного Забайкалья широко и повсеместно распространена характерная для говоров севернорусского происхождения утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в личных формах глаголов: *знат, быват, над'оргам рыбу-то, д'елаиш*, формах прилагательных: *баса д'и'фчонка, хад'ач'а баушка, руску п'еч'ку, г'лубо плат'ь, скар'е дабрац:а, т'ипл'е сталь*, местоимений-прилагательных: *таку бол'ишу-ть, штан'ишк'и так'и* и порядковых числительных: *п'ерва забота, фтара жына*. Сопоставление данных исследований по-

следних лет с данными памятников деловой письменности начала формирования вторичных русских говоров на этой территории показывает устойчивость и даже расширение на больший круг грамматических форм данной диалектной особенности в современных забайкальских говорах.

8) В современных забайкальских говорах, наряду с сочетаниями согласных с [j], распространены встречающиеся в говорах севернорусского генезиса ассимилированные сочетания согласных с [j]: *св'ин'а, б'ел'о, плат'е, стул'а, валос'а, стакан'а* – с результатом произношения долгого мягкого согласного и с результатом произношения мягкого согласного, утратившего долготу: *св'ин'а, б'ел'о, плат'е, стул'а, валос'а, в'ис'ел'ь*.

9) В современных говорах, как и в просторечии, отмечаются результаты диссимилиации по месту образования [мб] > [нб]: *анбар, данба, банбук*, [мп] > [нп]: *ф кантан'ийи, в'инный кантр'ес*, [мв] > [нв]: *канвол'ный камб'инат*, [мф] > [нп]: *канфару пастав'иль*.

10) Результаты регрессивной диссимилиации по способу образования [кт] > [хт] отмечаются в узусе забайкальской речи с XVIII в. По мнению А. П. Майорова, произношение [хт] на месте [кт] в то время было узуальным [4, с. 188]. В современных забайкальских говорах при распространённости внутри слова варианта [хт]: *хтоэ, н'ихтоэ, праэхт'ика, прадуэхты, траэхтэр, доэхтэр* – параллельно употребляется вариант [кт]. Сопоставление данных исследований середины 10-х гг. XXI в. с данными исследований 70–80-х гг. XX в. не выявляет вытеснения старого произносительного варианта новым, они продолжают функционировать практически равноправно. Однако на стыке предлога и корня преобладает употребление варианта [кт]: *х каму, х Кол'к'ь, х Пасх'е – к тамуэ доэму, к Тоэмок'ь, к Паэсхе, *камуэ (к кому)*.

11) Сочетание [ч'н] в современных русских говорах Восточного Забайкалья имеет вариантное произношение: [ч'н]: *малоч'ный, пиш'ин'ич'ный, сутыч'ный* и [шн]: *табашный, морошнэ, пьдж'илудышнэ, в'ешны кр'ес'т'яны, врушнууи, ыд'инал'и@шнэ, д'ив'иши'ик*, последний вариант, отражающий диссимилиацию по способу образования, более широко распространён (особенно в речи диалектоносителей среднего и пожилого возраста), чем в литературном языке.

12) Широко распространённая в говорах севернорусского происхождения, в том числе в сибирских говорах, утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слов, которая отмечается в узусе забайкальской речи с XVIII в. [7, с. 174; 4, с.], в современных русских говорах Восточного Забайкалья встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп: *хвоэс, јеэс, куэс, моэс, даэс, бол'еэс', поэкос', стаэрс', шээс', јеэс', проэпэс'*. В настоящее время в русских говорах Восточного Забайкалья эта произносительная особенность остаётся устойчивой, поддерживается общерусскими физиолого-акустическими особенностями произношения согласных звуков в конце слова: спадом интенсивности и ослаблением конечного согласного после другого согласного.

13) В современных забайкальских говорах, как и в просторечии, отмечаются упрощения групп согласных [с'т'ј] > [с'ј]: *кр'ис'јанствэвэл'и, п'ьр'ьт пропас'ју*, [здр] > [зн]: *праз'н'ик'и, позно* (поздно – ДЖБ), [дц] > [ц]: *с'ерцэ, бл'уцэ*, [лнц] > [нц]: *сонцэ* (повсеместно), [д'м] > [м]: *на с'амо-ть* (на седьмое), *с'ем'ик*, [жд'] > [д']: *иж'ивл'енкэ, на ижывл'ен'ь*, [стн] > [сн]: *капусный л'ис, чаэй носный, захл'иснулэ*, [стк] > [ск]: *падроксу, горска, н'ив'ескэ, л'иск'и*, [фск] > [ск]: *П'итроскэ* (Петровское) *загов'ьн'ий, л'ескоска* (лесковская), [ств] > [св]: *нэ Рьжд'исво, хаз'айс'вьн'ий, бол'шынсво, л'екаэрсвэ, уб'иэйсвэ, хул'игаэ нсвэ*, [нст] > [ст]: *Кэстант'иньвна*, [нкт'] > [нт']: *в л'икпунт'ь*, [мпл'] > [пл']: *кр'ипл'ины* (А; на стыке приставки и корня), [бв] > [в], например: *ов'енчаэа, крыша овал'илас', овал таэм быэа*.

14) Встречаются выпадения согласного в середине слов между гласными: выпадение звука [б], например: *баушка, баушк'и, бокаушк'а*; выпадение звука [в]: *коо д'елаштэ, коо гоор'у* (говорю) *короа, короу, д'еуш'ек, заут* (зовут), что также характерно для говоров севернорусского генезиса; выпадения слогов: *т'ил'иг'ент'и, кап'ел'цы, д'еицэ, хош* (хочешь – повсеместно).

15) Встречаются замены согласных: [д] > [н]: *кажнэму, кажный*, [м'] > [н']: *н'искэ, н'иск'и*, при вариантном *м'исыч'к'и*, [н'] > [м']: *М'ик'иша, М'ик'ита, М'икалай*. Данная мена отмечена Г. А. Христосенко в Нерчинских памятниках деловой письменности второй половины XVII – начала XVIII вв. [7, с. 170], [т'] > [ч']: *ч'ижолэ, ч'ижолы*, [с'] > [т']:

разукрат'ишс'ь, [с'] > [ш]: *мышк'иравал'ис'* (маскировались), *на шп'ину, штрахофку*, [ш] > [с]: *насп'игован'ый* [ж] > [з']: *з'ималоскь*, [т] > [к]: *какл'еты*.

16) Отмечены случаи с перестановкой звуков: *сѡвран'ец, певро* (первое), *карв'иг'и* (ковриги), *рабоѡтал'и на саиѡйк'ь, амбундирован'ь* (обмундирование), с перестановкой слогов: *Манаконавѡ* (Номоконово).

17) В речи деревенских жителей преклонного возраста отмечается вставной [в] в начале отдельных слов перед лабиализованными гласными, например: *воспа, вотч'им, вумный, вул'ица*. Повсеместно встречаются вставные согласные в сочетаниях согласных: **нр**: *ндрав'ишс'а, ндраѡв, зр*: *н'е здр'а, здр'а* (зря), **ср**: *страмной, строду, ф Стр'еѡт'ьнск* (в Сретенск), в других словах: *абнѡкнав'ены, кас'т'ир, кл'имант, т'иант'ьр*, наряду с производительными вариантами тоже повсеместно без вставных гласных.

18) Наблюдаются результаты дистантной диссимиляции согласных: *гумаѡ, л'иг'истр'ирѡвльс'*, *сипал'ируйем, мангар'ину, пролуп д'ил'ектѡри'и, л'ив'изор* (реvisor), *л'игул'арны вайска, кал'жер* и варианты: *бумаѡѡ, р'иг'истраѡцыйѡ, с'ипар'иѡ руйут, проѡруп'*.

19) Пропуск начального согласного перед согласным: пропускается часто начальный [ф]: *вода скусна, агарѡт скапаѡль, голову скруж'ил, слываѡт'* (всплывать), *ск'ип'ит'иѡла* (вскипятила), *стр'еѡт'иль, спат'еѡль* (вспотела), [в]: *зв'еѡс'ила* (взвесила), *згл'енуѡла* (взглянула), *н'и зашлаѡ* (не взошла), *м'еѡс'т'и* (вместе) *з д'еѡдушкѡй*, вариантно повсеместно произносятся и без пропуска начального соглас-

ного: *фстр'еѡч'а, фс'игдаѡ, фч'ираѡѡ, фкусный*, [д]: *М'иѡтр'ий, ж'еѡмп'ьр* (ДжБ). Пропуск начального согласного, чаще всего губно-зубного [в] отмечает в Нерчинских памятниках деловой письменности второй половины XVII – начала XVIII вв. Г. А. Христосенко, находя соответствия в ряде севернорусских памятников [7, с. 172]. Слово *пшеница* и его производные повсеместно произносятся в варианте, совпадающем с литературным произношением, в речи диалектоносителей преклонного возраста встречается вариант без начального [п]: *ш'ин'иѡцу н'и саѡд'ьт, ш'ин'иѡшну мукуѡ, ш'ен'иѡчка хороѡша былаѡ, ш'иѡн'иѡцу нажаѡр'у*. Встречается произношение без начального [й] перед [и], например: *изыѡк иш'оѡ, иш'оѡ, имуѡ, ијоѡ*.

Консонантизм исследованных забайкальских русских говоров имеет ряд диалектных особенностей, характерных для говоров северного наречия, что свидетельствует о том, что эти черты являются архаичными и унаследованными из говоров материнской основы. Среди архаичных диалектных особенностей выявляются более устойчивые и менее устойчивые черты, последние под влиянием литературного языка и общенародного просторечия в настоящее время находятся на грани утраты. Кроме того, забайкальские говоры, представляя собой живую речь, не сдерживаемую кодифицированными языковыми нормами, демонстрируют в синтагматике проявление живых общерусских фонетических процессов (ассимиляция, диссимиляция, упрощения групп согласных, выпадение слогов, вставки звуков и т. д.).

Список литературы

1. Абросимова О. Л. Фонетическая система русских говоров Читинской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 26 с.
2. Говоры Читинской области : хрестоматия / сост. О. Л. Абросимова, Т. Ю. Игнатович, Е. И. Пляскина. Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2005. 115 с.
3. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. Изд. 2-е, стер. М. : Едиториал УРСС. 2004. 176 с.
4. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 45 с.
5. Программа собирания сведений для изучения современного состояния говоров Восточного Забайкалья (фонетика, морфология) : метод. рек. для науч. сотр., асп. и студ. / сост. Т. Ю. Игнатович. Чита, 2007. 50 с.
6. Пшеничникова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М. : Азбуковник, 2008. 220 с.
7. Христосенко Г. А. Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины 17 – первой половины 18 вв. : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1975. 228 с.
8. Эрдынеева Э. Д. Русские говоры Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1992. 124 с.

УДК 801.3(=82)
ББК 81.2 Р

О. Н. Кондратьева
г. Кемерово, Россия

Концепт души в зеркале орнитологической метафоры

Статья посвящена изучению роли орнитологической метафоры в концептуализации внутреннего мира человека на разных этапах развития общества и языка. Анализируется значение мифологии и религии в возникновении подобных метафор, а также их дальнейшая судьба в древнерусской литературе и литературе нового времени, устанавливается их специфика.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептуализация, орнитологическая метафора, душа, диахрония.

О. N. Kondratyeva
Kemerovo, Russia

Concept Soul in the Mirror of the Ornithological Metaphor

This article is devoted to the analysis of ornithological metaphor which is used in representation of inner world in diachronic aspect of the Russian language. The role of mythology and religion in occurrence of similar metaphors is analyzed, as well as their further destiny in the Old Russian literature and the literature of new time, their specific character is stated.

Keywords: cognitive linguistics, concept, conceptualization, ornithological metaphor, soul, diachrony.

Процесс концептуализации действительности, механизмы формирования концептуальной картины мира и структуры отдельных концептов, а также специфика их объективации в языке являются одной из основных областей рассмотрения современной лингвистики. Концепт – ментальная единица, и он объективируется в языке. Одним из основных способов репрезентации концепта является метафора, в которой антропоцентрическая лингвистика увидела «глобальное свойство языка, один из способов мышления о мире и познания мира» [2, с. 5]. Таким образом, метафоре отводится центральная роль в понимании и структурировании действительности.

Метафора понимается нами как когнитивная операция над понятиями, «средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях» [4]. Особенно велика роль метафоры «для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях» [7, с. 3]. Именно с помощью метафоры происходит объективация в языке концептов внутреннего мира человека.

Задачей настоящего исследования является установление роли орнитологиче-

ской метафоры в репрезентации внутреннего мира человека, в частности, концепта «душа». Для этого необходимо обратиться к мифологии и Библии как источникам возникновения подобных метафор, рассмотреть особенности их функционирования в древнерусских текстах, проанализировать дальнейшую судьбу в литературе нового времени.

Душа человека с древнейших времён уподоблялась птице. Данное сравнение было основано как на языческих, так и на христианских воззрениях. Представления о связи души и птиц были характерны для мифологических картин мира большинства народов [5; 9]. У славян также существовали представления, приписывающие душе зооморфный образ, уподобляющий души птицам. Подобные образы использовались для характеристики души, покинувшей тело человека на определённое время (сон) или навечно (смерть) [1, с. 296–303; 8, с. 164–166].

Существенную роль в сопоставлении души человека и птицы имело Священное Писание. Уподобление бегства человека от опасностей птице, летящей на гору, и птице, вырвавшейся из силков, встречается в Псалтири: На господа оуповахъ, **какъ речете души моеи: превитая по горамъ, ѣкъ птица** (Пс. 10: 1); **Душа наша ѣкъ птица избависъ ^т сѣти лов#щихъ: сѣтъ сокршисъ#, и мы избавлени быхомъ** (Пс. 123: 7).

Как видно из приведённых примеров, метафора «душа – птица» реализуется в Священном Писании идею беззащитности, душа предстаёт как объект охоты, её преследуют, стремятся опутать сетями, таким образом описывается духовная жизнь человека, стремление избежать греха и суетности.

Аналогичная ситуация наблюдается в древнерусской литературе. Книжники развивают образы, заложенные Священным Писанием: аще ли же уловлена будет (душа) от диавола малодушия сетями и увязнет ноги в мрежах слабости жития сего суетнаго, не возможет противустати и малому искушению, нашедшему на ню («Послания Иосифа Волоцкого»); госпоже Богородице, Дево, рожшия Царя Небснаго, смертоснаго часа не минухся, избави душу раба своего, имярекъ, от сети ловящихъ (И. Грозный. «Канон Ангелу Грозному, воеводе»). Душа-"птица" вязнет в суетной жизни, дьявол с помощью искушений стремится заманить её в сети, душа стремится этого избежать.

В древнерусских текстах орнитологическая метафора использовалась также в контекстах, где речь шла о смерти человека, душа, подобно птице, выпархивала из тела: **отторже ми душу и скоро исходи из мене, ис тѣла, яко птица от тенета** («Повесть о споре жизни и смерти»).

Метафора «душа-птенец» актуализировала беззащитность души, её подверженность новым религиозным веяниям: съели тебе старицы белевки, проглотили твою душу, аки птенца, отлучили тебе от насъ! («Повесть о боярыне Морозовой»).

Душа могла описываться признаками конкретных птиц. Данная метафора, широко распространённая в фольклорных текстах, в книжных текстах Древней Руси встречалась достаточно редко. Душа уподоблялась голубице (ср. образ Св. Духа-голубя в тексте Библии): **и царская душа в той церкви** (теле – О. К.), **яко голубица крылы посребренными**, между рамя ея блисталася («Послания А. Курбского И. Грозному»).

Как правило, орнитологические метафоры в характеристике души имели положительную оценку, хотя были возможны и исключения. Так, лишённая добродетелей душа уподоблялась птице «худой и страшной», птице с повреждённым пером: **а котораа душа пуста тех триех сил добродетелных есть, уподобися птици худе и**

страшливи, котораа не стрепит ни перо худо ветром инде помечено («Послания Максима Грека»).

Таким образом, в древнерусской литературе метафора «душа-птица» восходила к тексту Священного Писания и использовалась для описания религиозной жизни человека, демонстрируя беззащитность души, стремление избежать искушений и прегрешений, нахождение в теле человека и выход из тела человека после его смерти.

Литература XVIII–XX вв. продолжает традицию использования орнитологических метафор в описании души. Можно отметить, что данная метафора переживает новое рождение. Это проявляется как в значительном увеличении орнитологических метафор, так и в их детальной структурированности.

Прежде всего, при уподоблении души птице начинает использоваться целый ряд лексем – *птица, птаха, пернатая, пичуга, птенец: Птица-то душа наша грешная, а волк – бес...* (В. И. Немирович-Данченко. «Соловки»); *Душа моя! гостя ты мира: Не ты ли перната сия? – Воспой же бессмертие, лира! Восстану, восстану и я* (Г. Р. Державин. «Ласточка»); *Душа! Психея! Птенчик желторотый! Тебе не выброситься из гнезда* (Б. Лившиц. «Полутораглазый стрелец»); *Душа твоя – бездарная пичуга, завидующая соловью*. (А. Вознесенский. «Хамельонья душа»); *Душа моя! Милая птица! Пернатый комочек тепла!* (М. Левин. «Из Дэвидсона»).

Происходит расширение ряда конкретных видов птиц, с которыми может сопоставляться душа человека. В основном это образы птиц, которые активно использовались в фольклоре и Библии и положительно оценивались в русской лингвокультуре. Чаще всего душа уподобляется голубю, горлице, лебедю, ласточке: *Ты взорами орлица, Дстойная отца; Душою голубица, Дстойная венца* (Г. Р. Державин. «Графине Орловой»); *Душа же – белая голубка Из девственной страны отцов* (М. Ройзман «О, мне, быть может, и отрадно...»); *Горючий поцелуй – и горлицей в груди Душа невестная блаженно задрожала* (Вяч. Иванов. «Огненный змей»); *В певчую прорезь, в запекшийся пыл – Лебедем душу свою упустил!* (М. Цветаева. «Стихи к Блоку»); *И дрогнет лебедь пробуждённый, Моя бессмертная душа* (М. Лохвицкая. «Спящий лебедь»); *Душа, как ласточка в прилёт, В созвучий домик опустелый Пушкинку первую несёт.*

(Н. Клюев. «Путешествие»); *Одинока, нелюдима Вьётся ласточкой душа* (Г. В. Иванов. «Я тебя не вспоминаю»); *Превыспренность душа, парящий мой орел, Для обществу добра, куда б не возлетел?* (В. П. Петров. «Плач на кончину князя Потёмкина»).

Реже душа сопоставляется с соколом, вороном, совой, филином, стрижом, гусем, чайкой, гагарой [7, с. 96–98]: *Если кто теряет своего лебедя, то среди судеб на четвёртом небе будет жить другая его душа-птица: душа-сокол, что роднится с богами; душа-филин, что роднится с духами; душа-ворон, что роднится с предками; или та душа, что живёт среди людей, которая у каждого человека выглядит своей птицей* (А. Иванов. «Сердце Пармы»).

Уподобление души птице также реализуется посредством глагольной метафоры, в результате душе приписываются действия, характерные для жизнедеятельности птиц. Душа "оперяется", "трепещет", "летает", "порхает", "парит", "поёт" и т. д. Так, детство человека метафорически может быть представлено как некое "гнездо", в котором "вылупилась" и "оперилась" душа человека: *детство – наипрекраснейшая пора жизни, свет в ночи, голубая мечта, синяя птица, гнёздышко, где вылупилась и оперилась их душа и куда их якобы неудержимо тянет обратно, Ира вернуться в детство не мечтала* (Г. Маркосян-Каспер. «Кариатиды»).

Наиболее частотными при характеристике души являются предикаты со значением движения и полёта. Данная группа представлена глаголами *лететь, парить, реять, взвиваться, устремляться, выпархивать* и их производными: *И на крылах воображенья, Как ластыца, скиталица полей, Летит душа, собирая наслажденья* (П. А. Катенин. «Златые времена»); *Он почувствовал в эту минуту, что не пьяница он и злодей, а взметнувшаяся, как птица в бурю, российская душа и что для геройских дел он пригоден не хуже другого* (А. Н. Толстой. «Хождение по мукам»). Как видно из приведённых примеров, "полёт" души является обычно метафорой воображения, воодушевления, творческого процесса.

Сохраняется в литературе нового времени и тенденция использования метафор "выпархивания" души из тела для описания смерти человека: *Каплуном-то вместо голубя – Порх! Душа – при вскрытии* (М. Цветаева. «Квиты: Вами я объедена»); *Раскрытый рот, через который вылетела*

душа, хлопотливые крылья косынки над прахом (М. Цветаева. «О Германии»); *Говори, если не хочешь, чтобы твоя трусливая душа вылетела из тела* (А. Р. Беляев. «Человек-амфибия»); *Для начала навстречу вооружённым мужчинам взвился крылатый чёрный зверёк, сидевший, оказывается, на груди Волкодава, и в неверном факельном свете на миг померещилось – вылетела душа!* (М. Семёнова. «Волкодав»).

Душа предстаёт птицей, рвущейся на волю. В этих случаях тело человека и его отдельные части (рёбра, грудь) метафорически концептуализируются как клетка, гнездо, в которых душа бьётся, трепещет и рвётся на волю. Подобные метафоры характерны как для религиозного, так и для поэтического дискурсов: *тело не является как бы изношенной одеждой, которую мы сбросили с плеч, из которой, как из клетки, выторхнула душа* (митрополит Антоний. «Православие и западный мир»); *Как два крыла, Душа в груди забилась... и вдохнула...* (В. И. Иванов. «Психея»); *Душа! Психея! Птенчик желторотый! Тебе не выброситься из гнезда* (Б. Лившиц. «Полутораглазый стрелец»); *Птица клетке костной даёт развод* (М. Цветаева. «На заре – наимедленнейшая кровь...»).

Орнитологическая метафора в описании души может реализовываться посредством описания внешнего вида птицы, характеристики значимых особенностей её строения: клюва, крыльев, оперения и т. д. Доминантным в этом случае является приписывание душе "крыльев". Прослеживается чёткая закономерность: наличие крыльев у души метафорически характеризует пребывание в состоянии положительных эмоций, восторг, прилив жизненных сил. "Окрылённость" души особенно характерна для юного возраста, когда много энергии, жизнь эмоционально и событийно насыщена: *Но я чувствовал крылья души своей, когда был юн* (Б. Васильев. «Были и небыли»).

Появление у души крыльев связывается с переломными моментами в жизни: *Обломки свергнутых кумирен Я собираю не спеша: Мой путь далёк, мой путь эфирен, И крылья чувствует душа* (К. М. Фофанов. «Возрождение») и выходом из подавленного состояния: *И у меня вдруг точно крылья выросли на душе, я повеселела, стало мне легко и опять захотелось работать, работать...* (А. П. Чехов. «Три сестры»).

С такими же переломными моментами и с положительными эмоциями связывается "расправление" крыльев: *Ты влечёшь к высотам незакатных огней, Где желанья властней и больней, Где расправлены крылья бессмертной души, Мой далекий, мой близкий, спеши!* (М. Лохвицкая. «В разлуке»); *Грудь замерла, и развернула крыла Душа, о тех возжегшихся мольбой, За кем чертог свой Мать-Земля закрыла* (В. И. Иванов. «Феофил и Мария»); *Бывают дни, когда, оковы сокруши, Встряхнёт неожиданно мощными крылами, Восстав от сна, бессмертная душа* (М. Лохвицкая. «Бывают дни, когда – в пустыне разговоры ...»); *Мазурка сладостно и звучно, И весело, и радостно гремит, Со мной красавица летит, На крыльях радости душа моя стремится* (И. П. Мятлев. «Фантазия на мазурку Шопена»).

Соответственно, отрицательные эмоциональные состояния препятствуют "расправлению" душевных "крыльев": *крылья соколины Душа расправила б моя, Когда бы ранние кручины Из урны бешеной судьбины Не проливались на меня!* (В. Г. Тепляков. «Оправданье»).

Переживание отрицательных эмоций может быть также представлено с помощью метафор "повреждения" душевных "крыльев": *Тяжки были ему муки существования, пропала вера в жизнь, величайшим счастьем начинало казаться небытие; с подбитыми крыльями, душа бессильно позржала в угрюмый туман отчаяния* (В. В. Вересаев. «Аполлон и Дионис»); *хитро льстили неопытным наклонностям порывистого, смятенного сердца её и мало-помалу резали крылья у вольной, свободной души, не способной, наконец, ни к восстанию, ни к свободному порыву в настоящую жизнь...* (Ф. М. Достоевский. «Хозяйка»).

Показателем усталости, апатии и разочарования являются сложенные или поникшие "крылья" души: *И, истомясь, сложила крылья Вольнолюбивая душа... И на снегу, едва дыша, Он впал в спокойствие бессилья* (А. М. Жемчужников. «Сны»); *Крылья моей души повисли. Я вспомнил её ночные слова и почувствовал, что не в состоянии забыть эту грубость* (Ф. Искандер. «Поэт»).

Орнитологическая метафора позволяет репрезентировать такие свойства души, как её вольнолюбие, стремление к свободе, независимость от уз и преград: *С той поры, развернувшая крылья, Начинает душа свой полёт, И пред нею напрасны усилия Всех препятствий и тесных тенет* (В. А. Рождественский «Есть какая-то вещая сила...»); *В самом деле хороша, Бесконечно старомодна, Тучка, ласточка, душа! Я привязан, ты – свободна* (А. С. Кушнер. «То, что мы зовём душою»).

Таким образом, орнитологическая метафора является значимым способом осмысления концепта «душа». Метафора «душа – птица» имеет мифолого-религиозные истоки, однако в литературе нового времени она обогащается новым содержанием, что проявляется в увеличении способов репрезентации данной метафоры и в разнообразии ситуаций, описываемых с её помощью. Изучаемая метафора способна характеризовать разные моменты жизни человека – рождение и смерть, эмоциональные подъёмы и спады, вдохновение и разочарования, прилив жизненной энергии и бессилие. В заключение отметим, что орнитологическая метафора создаёт образ души как особой сущности, лёгкой, подвижной, обладающей свободой передвижения и стремлением к небесам.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М. : Индрик, 1996. 640 с.
2. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 216 с.
3. Библия. М. : Российское библейское общество, 1997. 1660 с.
4. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода. URL: www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7339&y=2002&vol=6077
5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М. : ВЛАДОС, 1996. 416 с.
6. Пименова М. В. Дух и душа: особенности концептуализации. Кемерово : Графика. 386 с.
7. Телия В. Н. Предисловие // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебрянников. М. : Наука, 1988. С. 173–204.
8. Толстая С. М. Душа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 162–167.
9. Трессидер Д. Словарь символов. М. : Гранд, 1999. 454 с.

**Особенности сочетаемости мифонимов, перешедших
в имена нарицательные**

Статья посвящена мифонимам, перешедшим в имена нарицательные. Анализируются два вида сочетаемости, присущие данным единицам – антропоморфная и неантропоморфная; рассматриваются контексты, в которых реализуются эти виды сочетаемости; кроме того, подробно анализируется один из синонимических рядов, включающих мифонимы, перешедшие в имена нарицательные.

Ключевые слова: имя собственное, имя нарицательное, мифоним, апеллятивизация, олицетворение, семантика, синонимы.

A. A. Kudryavtseva
Volgograd, Russia

**Peculiarity of Compatibility of the Mythic Proper Names which Converted
to Appellative Names**

The article is devoted to mythic proper names, which converted to appellative names. The two kinds of compatibility such anthropomorphous and non-anthropomorphous were analyzed. Both of them are specific to these units. The contexts are considered in which these two kinds of compatibility are realized. One the synonymous lines, which includes mythic proper names converted to appellative names is analyzed in detail.

Keywords: proper name, appellative name, mythic proper name, appellativisation, personification, semantics, nomination, convertible terms.

Апеллятивизация, т. е. явление перехода имён собственных (онимов) в разряд имён нарицательных (апеллятивов), достаточно широко распространена в русском языке. Данный переход осуществляется на основе стилистического приёма прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [3, с. 227]. Среди онимов, перешедших в имена нарицательные, заметную часть (около 10%) составляют мифонимы – имена «любой сферы ономастического пространства в мифах, эпосах, сказках, былинах» [8, с. 261]. Это имена персонажей античных мифов (главным образом, богов), которые, подвергшись апеллятивизации, стали обозначать природные объекты или явления (луну, солнце, ветер, зарю), режечувства (любовь), физиологические (сон) и гражданские (брак) состояния, некоторые отвлечённые понятия (возмездие).

Переход данных единиц в имена нарицательные произошёл на основе олицетворения. Олицетворение – это «особый вид метафоры; стилистический приём, состоящий в том, что неодушевлённому предмету, отвлечённому понятию, живому существу, не наделённому сознанием, приписывают свойства, действия, поступки,

присущие человеку, например: *Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой, Ведут беседу меж собой* (Тютчев) [3, с. 285].

Как отмечают учёные [2, с. 101; 5, с.18], своим происхождением олицетворение обязано тем особенностям архаического мышления, которые получили название анимистических (от *лат.* *anima* – «дух, душа»). Термин «анимизм» ввёл в научный обиход английский этнограф Э. Б. Тайлор, который, анализируя первобытную мифологию и религию, пришёл к выводу о том, что люди в первобытном обществе приписывали наличие души, наравне с человеком, также и животным, растениям и даже верили в «существование отдельной души, или духа, в палке, камне, оружии, лодке, пище, одежде, украшениях и других предметах, которые кажутся нам не только неодушевлёнными, но даже безжизненными» [9, с. 239]. Данный факт объясняется следующими особенностями архаического мышления: во-первых, «высокой степенью слияния индивида с окружающей природой» [4, с. 152], во-вторых, верой в то, что «свойства одних живых существ могут переноситься на другие живые существа и даже неодушевлённые предметы» [4, с. 163]. Сопоставление человеческой жиз-

ни с природной в художественном творчестве А. Н. Веселовский назвал «психологическим параллелизмом» [2, с. 101]. Именно психологический параллелизм лежит в основе олицетворения. Олицетворение, по мнению исследователей, является одним из наиболее распространённых стилистических приёмов; чаще всего оно встречается в фольклоре и художественной литературе (преимущественно в поэзии), а также в публицистике и в языке средств массовой информации [3, с. 183; 6, с. 34; 1, с. 285].

Исследованный нами материал показал, что у апеллятивизированных онимов, образованных на основе олицетворения, наблюдается два вида сочетаемости – антропоморфная и неантропоморфная.

Антропоморфную сочетаемость рассматриваемые единицы приобретают, как нам представляется, тогда, когда актуализируется вспомогательный субъект метафоры, т. е. внутренняя форма апеллятивизированного онима. Приведём примеры подобных случаев: *Или, покрывшись облаками, / Не хочет Феб на нас взглянуть?* (П. А. Вяземский. «Погреб»; ср.: человек (бог) хочет взглянуть); *Когда туманами одетая Аврора / В лесу поющих птиц не будет слышать хора* (П. А. Вяземский. «Послание к Жуковскому в деревню»; ср.: одетая девушка (богиня), девушка (богиня) слышит); *Пока своё чело за роцею далёкой / Диана нежная скрывает...* (А. А. Фет. «Подражание 14 идилии Биона»; ср.: чело девушки (богини), девушка (богиня) скрывает); *Как майский голубокий / Зефир – ты, мой друг, хороша* (А. А. Фет. «Как майский...»; ср.: голубокий юноша (бог)). Нам представляется очевидным, что в приведённых примерах солнцу, луне, заре и ветру приписываются различные качества и свойства, которые могут быть присущи антропоморфному существу – человеку или богу.

При актуализации основного субъекта метафоры рассматриваемые единицы приобретают неантропоморфную сочетаемость, например: *Без неё [без мечты] – с огням Феба / Что лазурный мне алтарь?* (В. Г. Бенедиктов. «Жалобы дня»; ср.: с огнями солнца); *Люблю... Диану полную над детской колыбелью* (А. А. Фет. «К Морфею»; ср.: полная луна); *Уж первый луч Авроры / Блистает сквозь туман на отдалённых горы* (К. Н. Батюшков. Отрывок из 8 песни «Освобождённого Иерусалима»; ср.: луч зари); *Небесного зефира дуновение / Я узнавал в дыхании святом*

(В. Г. Бенедиктов. «Красавица, как райское виденье...»; ср.: дуновение ветра); *Когда, последуя холодному Борею, / Опустошаешь ты зелёные луга* (А. А. Дельвиг. «Дщерь хладна льда!..»; ср.: холодный ветер); *Я слышу: свищет аквилон* (Е. А. Баратынский. Шумы, шуми с крутой вершины...; ср.: свищет ветер). Следует отметить, что примеров, подобных приведённым выше, несколько меньше, чем тех, в которых наблюдается антропоморфная сочетаемость.

В некоторых случаях в одном контексте у апеллятивизированного онима прономинанта наблюдается одновременно два вида сочетаемости, например: *И раскалённый Феб с безоблачного свода / Обишем поля счастливые дарит* (К. Н. Батюшков. «Послание к И. М. Муравьеву»; ср.: раскалённое солнце и бог дарит); *Пусть сияют ваши дни, / Как ваши мысли, ваши взоры / Или пленительной Авроры / Живые, свежие огни* (Н. М. Языков. «М. Н. Дириной»; ср.: пленительная девушка и огни зари); *И в розовых кустах зефиры легки спят* (Ф. И. Тютчев. «Послание Горация к Меценату»; ср.: лёгкие ветры и люди спят); *Диана полная, глядя между ветвей, / Благославляла стол улыбкою своей* (А. А. Фет. «Питомец радости, покорный наслаждению...»; ср.: полная луна и богиня благославляла стол улыбкой). Считаем необходимым особо выделить пример, в котором по отношению к апеллятивизированному ониму аквилон использован эпитет бурнодышащий: *О, спи! безгрешно спи в пределах наших льдистых! / Лелей по-своему твой подземный сон, / Наш бурнодышащий, полночный аквилон, / Не хуже веющий забвеньем и покоем, / Чем вздохи юные с душистым их упоем* (Е. А. Баратынский. «Дядьке-итальянцу»). Здесь в одном слове соединились неантропоморфная (ср.: бурный ветер) и антропоморфная (ср.: дышащий человек) сочетаемость.

Апеллятивизированные мифонимы, образованные на основе олицетворения, образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды с соответствующими апеллятивами. Нами выявлено пять подобных синонимических пар (солнце – поэт. Феб, любовь – поэт. Киприда; сон – поэт. Морфей; брак – поэт. Гименей (Гимен); возмездие – поэт. Немезида) и три синонимических ряда (заря – поэт. денница, Аврора; ветер – поэт. Зефир, Борей, Аквилон, Эол; луна – поэт. Диана, Цинтия, Геката, Луцина).

В качестве примера проанализируем наиболее мощный синонимический ряд.

Это синонимический ряд с доминантой *ветер*, который образовался при участии апеллятивизированных онимов поэт. *Зефир*, *Борей*, *Аквилон*, *Эол*. Все данные апеллятивизированные онимы образовались от имён персонажей античных мифов. Зефир – греческий бог западного ветра, Борей – греческий бог северного ветра, Аквилон – римский бог северного ветра, Эол – повелитель ветров, правитель острова Эолия). Анализируемые единицы встречаются в русской поэзии XIX в.

Апеллятивизированный оним *Зефир* обнаруживает способность иметь как неантропоморфную, так и антропоморфную сочетаемость: *И веет с пурпурных садов /Зефир восточным ароматом* (Д. В. Давыдов. «Полусолдат»; ср.: *веет ветер*); *Какой зефир тебя занес /В мою печальную обитель?* (В. А. Жуковский. «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу»; ср.: *ветер занёс*); *Как зефира дуновеньем, /От каштановых волос /Тонкий запах свежих роз* (К. Н. Батюшков. «Привидение»; ср.: *дуновенье ветра*); *Не сказывай, что взор встречается, /Когда покров с себя ночной /Откинет лёгкою ногой, / Или зефир его сдувает!* (П. А. Вяземский. «К подушке Филлиды»; ср.: *ветер сдувает*); *Гиацинт своих кудрей /За колечком вил колечко, /Но шепнул ему зефир /О твоих кудрях словечко* (А. А. Фет. «Гиацинт своих кудрей...»; ср.: *человек шепнул*); *От незримых уст зефира /Влага блещет чешуей* (А. А. Фет. «На волнах Гвадалквивира...»; ср.: *уста бога*); *Зефир, в волосы вплетаясь, /Локоном играет* (А. А. Дельвиг. «Тленность»; ср.: *ребёнок играет*); *Не долетает к сим стенам /Зефира лёгкое дыханье* (В. А. Жуковский. «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу»; ср.: *дыханье человека*).

Апеллятивизированный оним *Зефир* традиционно используется в значении "приятный, лёгкий ветер". Это подтверждается множеством примеров: *Дотронешься к лесам – и деревья пустеют /Не зефир между их, но бурный ветр свистит* (А. А. Дельвиг. *Дочь хладна льда!..*; доказательством наличия у анализируемой единицы семы "лёгкий" служит наличие в тексте противопоставления); *Дышит влагою прохладной / Упоительный зефир* (А. И. Полежаев. «Романсы»; эпитет *упоительный* может быть использован, только если речь идёт о легком, приятном ветре); *Но я – не к счастью пробуждён /Зефира тихими крилами* (К. Н. Батюшков. «Пробуждение»); *Как тихо веянье зефира по водам /И гибкой ивы трепетанье* (В. А. Жу-

ковский. «Вечер»); *...По синеве морей /Зефир скользит и тихо веет* (А. С. Пушкин. «Земля и море»); *Оставь, о Дорида, на стебле лилею; / Она меж цветами прелестна, как ты: /Пусть тихо зефиры колеблются с нею /И рой легкокрылый собирает соты* (А. А. Дельвиг. «Лилея»); *Зефир цветы едва целует* (П. А. Вяземский. «Отложенные похороны»).

Апеллятивизированный оним *Борей* также обнаруживает способность к разным типам сочетаемости: *Бореи свищут, прах метут* (Д. В. Давыдов. «Чиж и роза»; ср.: *ветры свищут*); *Наконец Борей в досаде /Замолчал; и вдруг из туч /Показало солнце луч* (В. А. Жуковский. «Солнце и Борей»; ср.: *бог в досаде замолчал*).

Анализируемая единица употребляется в значении "неприятный, холодный ветер": *Сокрылось солнце – и ужасной /Борей завыл в стране, где всё животворил /Зефир дыханьем благодатным* (В. Л. Пушкин. «Гнев Зевеса»; ср.: **лёгкий, приятный ветер завыл*); *И мразы бурные от дремоты проснутся /И ратовать Борей на землю полетит* (А. А. Дельвиг. «Дочь хладна льда!..»; употреблённое поэтом слово *мразы* свидетельствует о том, что речь идёт о зиме, когда дуют только холодные ветры); *Вослед, метелями повита /Зима с бореями придёт* (А. А. Дельвиг. «Настанет час ужасной брани...»); *Бывало, ни Борей /Суровый... /Ни снег и дождь – ничто неймёт его* (Н. М. Языков. «Элегия»); *Бореи свищут, прах метут; /Листочки розы побледнели.* (Д. В. Давыдов. «Чиж и Роза»; ср.: **лёгкие, приятные ветры свищут*). И *листья на другом [деревце], размокнув и желтея, /Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борей* (А. С. Пушкин. «Румяный критик мой...»; то, как описаны листья, свидетельствует о том, что поэт говорит об осени, когда ветры становятся холодными).

Апеллятивизированный оним *Аквилон*, подобно рассмотренным выше единицам, может иметь как антропоморфную, так и неантропоморфную сочетаемость: *Я слышу: свищут аквилон* (Е. А. Баратынский. «Шумы, шуми с крутой вершины...»; ср.: *свищут ветры*); *Нет! взгляните: в бурное ненастье, /Стихий свободию дыша, /Сквозь дождь он город пробегает, /И сельский Аквилон играет /На древних дикостью скалах /В его измоких волосах!* (А. А. Дельвиг. «Поэт»; ср.: *ребёнок играет*).

Рассматриваемый апеллятивизированный оним, как и слово *Борей*, имеет значение "неприятный, холодный ветер". Данный факт можно подтвердить рядом при-

меров: *Зачем ты, грозный аквилон, / Гростник прибрежный долу клонишь? / Зачем на дальний небосклон / Ты облачко столь гневно гонишь?* (А. С. Пушкин. «Аквилон»; к приятному, лёгкому ветру не может быть применён эпитет *грозный*); *И аквилон в широком поле / Останки Рима разнесёт* (А. И. Полежаев. «Гимн Нерона»; ср.: *лёгкий ветер разнесёт останки Рима). Однако нами зафиксирован пример, где слово *аквилон*, судя по всему, не содержит сем "неприятный", "холодный": *Нард, алой и киннамон / Благовонием богаты: / Лишь повеет аквилон / И закаплет ароматы* (А. С. Пушкин. «Вертоград моей сестры»). Во-первых, анализируемая единица сочетается с глаголом *повеет* (веять – «дуть, обдуть дуновением» [7, с. 73], дуновение – «лёгкое движение воздуха» [7, с. 167]). Во-вторых, в контексте упоминаются южные растения. По нашему мнению, данная единица употреблена здесь в значении "лёгкий, тёплый ветер".

Апеллятивизированный оним *Эол* гораздо менее частотен, чем рассмотренные выше синонимы слова *ветер*. Данная единица также обнаруживает способность иметь разногипсную сочетаемость: *С тех пор – игралнице Эола – / Кружусь печально среди дола* (Д. В. Давыдов. «Листок»; *игралнице (игрушка)* может быть только у антропоморфного существа); *Пробудится ненастливый Эол, / Пред ним помчится прах летучий* (Е. А. Баратынский. «Осень»; ср.: *пробудится человек и ненастливый ветер*); *И вдруг прыжок, и вдруг летит, / Летит, как пух от уст Эола* (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»); ср.: *уста человека*). Приведённые примеры, как нам представляется, не позволяют говорить о каких-либо семантических различиях между словом *Эол* и словом *ветер*.

Таким образом, апеллятивизированные онимы *Зефир*, *Борей*, *Аквилон* и *Эол* отличаются от доминанты *ветер*, во-первых, стилистически, т. к. используются, в отличие от неё, только в поэтической речи. Кроме того, все они отличаются от доминанты данного синонимического ряда эпидигматически. Апеллятивизированные онимы *Зефир*, *Борей* и *Аквилон* имеют также семантические различия с доминантой: *Зефир* – "приятный, лёгкий ветер", *Борей* и *Аквилон* – "неприятный, холодный ветер". Значение доминанты шире: ветер может быть холодным и тёплым, приятным и неприятным, тихим и ураганным и т. п. Апеллятивизированные онимы *Борей* и *Аквилон*, на первый взгляд, являются абсолютными синонимами. Однако рассмотренный выше пример показывает, что у последнего семы "холодный, неприятный" могут и не актуализироваться. По отношению к апеллятивизированному ониму *Зефир* данные единицы являются семантическими синонимами.

Следует отметить, что входящие в данный синонимический ряд единицы являются ярким примером того, как внутренняя форма слова может оказывать регулирующее влияние на его семантику. Так, имена греческого и римского богов северного ветра стали нарицательными при обозначении холодного, неприятного ветра, а имя повелителя всех ветров применяется при обозначении ветра вообще.

Результаты рассмотрения синонимических пар и рядов, которые включают апеллятивизированные онимы, образованные на основе олицетворения, позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что в качестве лексической основы олицетворения нередко выступают имена собственные.

Список литературы

1. Бельчиков Ю. А. Олицетворение // Русский язык. Энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. С. 285.
2. Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. С. 101–154.
3. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
4. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М. : Прогресс, 1983. 304 с.
5. Константинова С. К. Семантика олицетворения. Курск : Изд-во КГПУ, 1997. 112 с.
6. Некрасова Е. А. Олицетворение как элемент художественного идиостиля // Стилистика художественной литературы. М. : Наука, 1982. С. 34–45.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд-е 11-е, стер. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1975. 846 с.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.
9. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 376 с.

УДК 821.161.1.09
Ш 5(2=P)5

Ф. В. Макаричев
г. Санкт-Петербург, Россия

Полилог драматических направлений и жанров в поэтике Достоевского

В статье обращается внимание на стилевое и жанровое многообразие драматургического элемента поэтики Достоевского. Расширяется значение термина «полифония» за счёт исследования взаимодействия «сценариев» разных героев в едином пространстве художественного текста.

Ключевые слова: сценарий, сюжет, репетиция, постановка, роль, режиссёр, сцена, театр, художественный метод, стиль, жанр.

F. V. Makarichev
St. Petersburg, Russia

Polylogue of Drama Directions and Genres in Dostoevsky's Poetics

The author of article pays attention to style and genre variety of a dramaturgic element of poetics of Dostoevsky. The meaning of the term «polyphony» by means of research of «scenarios» interaction of different characters in uniform art text space is extending.

Keywords: scenario, plot, rehearsal, statement, role, director, scene, theatre, art method, style, genre.

Во многом масштаб художественного дарования писателя определяется прозорливостью в отношении будущего искусства. И здесь, нам кажется, Достоевский как никто другой выступает предтечей многих направлений в искусстве и философии XX в. Обычно понятие полистилистики связывают с явлением постмодернизма, однако его элементы можно обнаружить у Достоевского. А понятие полифонии, введённое в научный оборот М. М. Бахтиным в 20-е гг. прошлого века, – со множественностью голосов и сознаний героев в художественном мире Достоевского. Но явления литературной жизни середины-конца XX в. дают возможность интерпретировать полифонию в более широком смысле. Например, как полифонию направлений, стилей, жанров в искусстве, которые в той или иной мере проявляются в поэтике Достоевского.

Достоевский «писал сценами». Драматургичность его произведений отмечалась ещё в начале XX в., в частности Вячеславом Ивановым. Позднее к этой теме возвращались многие исследователи творчества писателя [3]. Но, пожалуй, никто не усматривал сценарной полифонии в романах писателя, а ведь «сценаристов» в художественном мире Достоевского предостаточно.

Вот, например, сцена «За коньячком»: Смердяков разыгрывает целый спектакль, адресованный разным зрителям. Но особенности этой сцены таковы, что спектакль Смердякова находится как бы внутри дру-

гой постановки – Фёдора Павловича, который, почувствовав режиссёра-конкурента, гонит его «за кулисы» – в лакейскую. Или, например, сцена встречи Екатерины Ивановны и Грушеньки, в которой каждая пытается разыграть свой сценарий. Слово «сценарий» употребляется здесь в условном значении: оно передаёт специфику поведенческих ролей, которые герои то и дело избирают для себя, навязывают другим...

Ещё несколько примеров «режиссёров» из других произведений: Варвара Петровна Ставрогина, «сочиняющая даже костюм» Степану Трофимовичу; Петр Верховенский, раздающий роли, «сочиняющий лица» себе и другим; Фома Фомич Опискин, который буквально тиранит своими «сценариями» семейство Ростанева; Мармеладов, умудряющийся вписать монологи самого Господа Бога в собственный сценарий о страшном суде... Ещё один яркий пример – встреча Тихона и Ставрогина. Ставрогин пытается выстроить сценарий их диалога по законам своего театра. Это отражается не только в словах, но и в пластике, жесте, интонации, мимике, столь выразительно сопровождающих каждое высказывание героя. Но вдруг, по каким-то причинам, рампа, отделяющая режиссёра-демиурга от действия, рушится, и Ставрогин сам попадает в чужой сценарий. Как только Ставрогин теряет «авторитетную точку вневходимости» (Бахтин М. М.), он сам становится сопричастным чужому действию, в

котором он может быть уже героем, причём не первого плана. Такое сложное, напряжённое взаимодействие сценариев – отличительная черта поэтики Достоевского.

Когда-то Бахтин утверждал практическую невозможность адекватной постановки произведений Достоевского на сцене: «Достоевский завлекает нас в мир героя, и мы не видим его вовне. <...> Специфичность мира Достоевского изобразить на сцене принципиально нельзя. <...> рампа разрушает правильное восприятие произведения. Театральный эффект его – это тёмная сцена с голосами, больше ничего» [1, с. 406]. Возможно, сложность постановки состоит ещё и в том, что любое произведение писателя – это полиспектакль. Сознание человека стремится к монологичности, иначе в нём воцаряется хаос. Монологическое сознание режиссёра всегда игнорирует множественность сценариев и стремится к одному, своему или авторитетному чужому – не важно.

Например, Лужин приходит к Раскольникову не просто с готовым сценарием их встречи, а даже с хорошо отрепетированной ролью. Но вдруг попадает в другой сценарий, и его чуть не спускают с лестницы. Сам же Раскольников многократно репетирует свою речь, читая письмо матери, и, соответственно, создаёт свой сценарий. Он так убедительно входит в роль, такие мрачные декорации расставляет! Или тот «кастинг», который он устраивает старухе-процентщице! Режиссёрские «пробы» Раскольникова напоминают черновые прогоны. Однако, помимо своего сценария, Раскольников часто попадает в сценарии других персонажей: Сони, Порфирия Петровича, Свидригайлова. Эти герои тянут Раскольникова в свои спектакли, но и он сам тянется к ним, а иногда даже пытается играть во всех «спектаклях» одновременно. Но эта театральность для героя не самоценна: «эстетическая я вошь, и более ничего», – заключает о себе Родион Романович. Возможно, из-за этого актёрского «дилетантства» он и «не выдерживает роли» в сцене признания в преступлении. И в результате, его «целование земли» в восприятии невольных зрителей – всего лишь «лобызание грунта». Попав в сценарий Сони, «он стал на колени <...> и поцеловал эту грязную землю. <...>

– Ишь нахлестался! – заметил <...> парень. Раздался смех.

– Это он в Иерусалим идёт, братцы, с детьми, с родиной прощается, <...> город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, – прибавил какой-то пьяненький из мещан» [2, т. 16, с. 405]. Раскольников не единственный персонаж, неудачно исполняющий некоторые роли. Вспоминаются, например, и неудачные «пробы» Версилова на роль то ли «христианского послушника», то ли «православного постника», и его собственное покаянное признание: «Друзья мои, я очень люблю бога, но – я к этому не способен» [2, т. 13, с. 447].

На более искушённых в области эстетики персонажей игра Раскольникова производит посредственное впечатление. В их театрах он явно не тянет на главные роли, а на второстепенные он сам не согласен. Даже его дилемму – «Тварь я дрожащая – или право имею» – можно истолковать в театральных терминах: «Актёр я в этом театре жизни или участник массовки?» Раскольников как бы претендует на главную роль, не имея ни необходимого опыта, ни яркого таланта. Хотя перспективы творческого роста отмечают и Порфирий, и Свидригайлов, который аттестовал Раскольникова как будущего большого актёра, правда, когда «дурь повысочет». Но это требует большого труда и работы над собой, а Раскольникову «весь капитал разом подавай»!

Но то, что Порфирий и Свидригайлов не пускают Раскольникова на «главные роли» в своих театрах, может быть связано ещё и с чуждым художественным направлением. Ведь характер постановки и место в ней каждого героя напрямую зависят от мирозерцания автора сценария или режиссёра. На страницах романов Достоевского мы можем встретить и классическую трагедию, и модернистские постановки, и элементы театра абсурда. Поэтому полилог сценариев осложняется и полилогом художественных методов, направлений, стилей, а, следовательно, происходит столкновение и различных драматургических жанров. Одни герои предпочитают работать в жанре трагедии, другие стремятся втянуть их в свою буффонаду или фарс или пытаются сделать героями репризы. Поэтому один и

тот же герой в одном сценарии может быть драматическим персонажем, а в другом, параллельном, – комедийным.

Например, в сценарии Ивана Карамзова он сам – трагедийный персонаж, которому не надо «миллионов, а надобно мысль разрешить». В своём моноспектакле он обнажает проблему мирового зла, порочности человеческой природы и т. д. Следует отметить, что «сценарий» Смердякова о русском солдате – проще, но на ту же тему. Это своеобразная пародия на Легенду о Великом Инквизиторе. Отчасти отсюда и происходит взаимное эстетическое отторжение Ивана и Смердякова: у них, несмотря на поразительное сходство в плане «этического» содержания и выводов (отрицание греха через апелляцию к логике), огромное различие в плане эстетического самовыражения (с одной стороны – романтический жест «возврата билета» Богу, с другой – лакейско-казуистский выверт в вопросе о грехе ренегатства).

В своём жизненном сценарии Смердяков прочит Ивана на роль Великого Инквизитора и пытается навязать ему эту роль. Так, из своего спектакля, в котором Иван выступает режиссёром и стоит над Христом и Инквизитором, он переходит в спектакль Смердякова, где оказывается одним из актёров, подчиняющихся воле постановщика.

В театре Фёдора Павловича Иван – «пыль поднявшаяся», «медь звенящая, любви неимущая». И Фёдор Павлович высылает этого «Карла фон Мора» подальше из своего театра, как списывают из столицы в провинцию бездарного актёра второго плана. Кульминация творческого фиаско наступает, когда Иван, охваченный тоской, садится в поезд.

Интересны роли Ивана в трагикомическом театре Дмитрия и модернистском – Хохлаковой. Театральные постановки Хохлаковой заслуживают отдельного внимания. Они предвосхищают модернистский театр, т. к. зачастую не требуют заранее написанного сценария, а творятся «здесь и сейчас».

В театре Хохлаковой задействованы практически все герои, причём в разных, постоянно сменяющихся амплуа. С одной стороны, в сюжете с Катериной Ивановой Хохлакова отводит Ивану роль положительного героя, если не трагедийного, то, по крайней мере, серьёзного драмати-

ческого; с другой – в сюжете с Лизой она низвергает Ивана с этого пьедестала и стремится тактично выставить из своего семейного театра.

Хохлакова – мастер импровизации, но не на заданную тему, а параллельно как бы на несколько заданных тем. Её сценарии словно «наступают друг другу на пятки»; не доиграв и не дорежиссировав одно, она переключается на другое. Поэтому любая её пьеса может начаться как трагедия, а закончиться фарсом. Например, Дмитрий по жизненному сюжету должен быть трагическим персонажем. Он едва ли не Эдип-отцеубийца. Но мастерство Хохлаковой таково, что она снимает трагические ноты и низводит трагедию до фарса. Она, как талантливый режиссёр-постановщик, даже мыслит сценами. Так, она рассказывает о Дмитрие: «...пришёл и кричит: денег, денег, три тысячи, давайте три тысячи, а потом пошёл и вдруг убил. <...>

– Да ведь он же не убил, – немного резко прервал Алёша. <...>

– Знаю, это убил тот старик Григорий. <...> Как Дмитрий Фёдорович ударил его по голове, он очнулся и получил аффект, пошёл и убил. <...> Только видите ли: лучше, гораздо лучше будет, если Дмитрий Фёдорович убил. Да это так и было, хоть я и говорю, что Григорий, но это наверно Дмитрий Фёдорович, и это гораздо, гораздо лучше! Ах, не потому лучше, что сын отца убил, я не хвалю, дети, напротив, должны почитать родителей, а только всё-таки лучше, если это он, потому вам тогда и плакать нечего, так как он убил, себя не помня или, лучше сказать, всё помня, но не зная, как это с ним случилось. Нет, пусть они его простят; это так гуманно, и чтобы видели благодеяние новых судов <...> и потом, коли его простят, то прямо из суда ко мне обедать, а я созову знакомых, и мы выпьем за новые суды. Я не думаю, чтоб он был опасен, притом я позову очень много гостей, так что его можно всегда вывести, если он что-нибудь, а потом он может где-нибудь в другом городе быть мировым судьей или чем-нибудь, потому что те, которые сами перенесли несчастье, всех лучше судят. А главное, кто ж теперь не в аффекте, вы, я – все в аффекте, и сколько примеров: сидит человек, поёт романс, вдруг ему что-нибудь не понравилось, взял пистолет и убил кого попало, а затем ему всё про-

щают» [2, т. 15, с. 18–19]. Эта развёрнутая цитата прекрасно иллюстрирует, что сама реальность не слишком интересует Хохлакову. Её реальность – эстетическая, и если верить классикам, то художника надо судить по законам его творчества. А Хохлакова по-своему гениальна, её творческий гений с лёгкостью прощает настоящие пакости Ракитину, она, как Моцарт, не замечает яда.

Хохлакова живо представляет игру каждого актёра во всех нюансах: кто как должен выйти, что и как должен сказать, отмечает внезапную смену сцен и ролей, даже успевает мысленно создать декорации. Вот как она описывает свои муки творчества, свой метод и неблагодарного зрителя: «Только вдруг я лежу, как вот теперь перед вами, и думаю: будет или не будет благородно, если я Михаила Ивановича вдруг прогнать за то, что неприлично кричит у меня в доме на моего гостя? И вот верите ли: лежу, закрыла глаза и думаю: <...> и не могу решить, и мучаюсь, мучаюсь, и сердце бьётся: крикнуть аль не крикнуть? Один голос говорит: кричи, а другой говорит: нет, не кричи! Только этот другой голос сказал, я вдруг и закричала и вдруг и упала в обморок. Ну, тут, разумеется, шум. Я вдруг встаю и говорю Михаилу Ивановичу: мне горько вам объявить, но я не желаю вас более принимать в моём доме. <...> Я сама знаю, что скверно сделала, я всё лгала, я вовсе на него не сердилась, но мне вдруг, главное вдруг, показалось, что это будет так хорошо, эта сцена... Только верите ли, эта сцена всё-таки была натуральна, потому что я даже расплакалась и несколько дней потом плакала, а потом вдруг после обеда всё и позабыла. Вот он и перестал ходить уже две недели, я и думаю: да неужто он совсем не придёт?» [2, т. 15, с. 17]. В последней фразе сосредоточена какая-то досада на глупость и недопонимание эстетически «недоразвитого» Ракитина. Это вполне объяснимо, т. к. театр Хохлаковой не реалистический, а, скорее, модернистский театр абсурда, и неподготовленные зрители оказываются сбитыми с толку.

Другая ситуация складывается во взаимоотношениях Хохлаковой и Дмитрия. Его театральная деятельность и по стилю, и по методу очень близка ей самой. Но Мите, как и Хохлаковой, не хватает зрелой аудитории. Так, в один из своих экспромтов он

едва не довёл прагматичного купца Самсонова до нервного срыва. Кстати, после встречи с Самсоновым Митя через «угар в избе» попадает в «пьяный сценарий» Лягавого, где его записывают в типаж чуть ли ни Миколки-красильщика из «Преступления и наказания»...

Между Хохлаковой и Дмитрием происходит эстетическое отторжение вследствие несоблюдения полярности – они слишком похожи. Поэтому эстетическая проблема Дмитрия и Хохлаковой общая – аудитории ещё нужно расти до понимания их театрального искусства. Но когда зритель начинает понимать законы творчества Хохлаковой и Дмитрия, условность их немедленных постановок, всё становится на свои места. Или, если зритель не понимает, важно хотя бы не противоречить и не раздражать этим режиссёров. Так, Алёша спокойно реагирует на возможные сюжеты исхода Дмитрия: в Америку – так в Америку, на каторгу – так на каторгу...

Если метод «Хохлаковой–Дмитрия» слишком новаторский для своего времени, то метод Фёдора Павловича, наоборот, слишком стар, отдалён от своего времени и своей культурной среды. Он какой-никакой дворянин, помещик, а обращается к народному театру, к балагану; в спектаклях же с участием женщин возрождает ещё более древний жанр – «вакханалии». Фёдор Павлович и сыновья оказываются как бы из разных миров и культур. Они – из христианского романтического «верха», он – из древнего языческого «низа». Хотя Дмитрий, пожалуй, стоит ближе всего к отцу.

Фёдор Павлович обращён ко всем и открыт для всех, он играет на любой площадке, не отказывается ни от какой роли, а актерский состав его театра очень обширный: от интеллигента Ивана до приживальщика Максимова и лакея Смердякова; от Аделаиды Ивановны до кликуши и Лизаветы Смердящей. А его дом напоминает театр со множеством «пряталок», «чуланчиков», «кулис»...

Фёдор Павлович втягивает всех в своё действие, даже монахов и Зосиму. Его театр, можно сказать, демократичный. Иван же, в отличие от Фёдора Павловича, претендует на элитарность в искусстве. В его театре нет места «хамам и лакеям» ни на сцене, ни в зрительном зале. Даже Дмитрий в его

театре как безбилетник. Поэтому когда Смердяков или Чёрт оказываются вдруг на главных ролях, Иван испытывает эстетический шок.

Ещё один актер-сценарист, претендующий на элитарность – Ставрогин. Правда, работает он уже в несколько ином, модернистском стиле. Он даже не чужд эпатажа, более характерного для авангарда. Примером могут служить сцены, когда он кусает одного за ухо, другого водит за нос. Что это, как не приём реализации метафоры, свойственный, например, Маяковскому? Его поведение призвано эпатировать публику, это художественно разыгранный скандал, «пощечина общественному вкусу». Ставрогин, как и многие герои Достоевского, стремится перенести театральное искусство в жизнь и, по сути, занимается жизнотворчеством. Ведь его женитьба на хромоножке – такой же эпатаж. Сценарий с Дашей – декадентская мрачная пьеса в стиле Леонида Андреева.

Даже Алёша, хотя и скромно, но тоже дебютирует на театральном поприще. Ведь и у него есть свой сценарий – «Житие старца Зосимы» и своё место в нём. И у него есть своя повесть о «Капитане Копейкине» – Кана Галлилейская. Есть у Алёши и другой, не реализованный, правда, до конца сценарий – измены своим идеалам. Этому сценарию не суждено было стать трагическим, хотя и комедия или буффонада до Алёши, «как до ангела», не коснулись.

Итак, у Достоевского, даже в рамках одного произведения, обнаруживается такая полифония сценариев и сюжетов, иногда переходящая в какофонию, что реальность как таковая как будто ускользает, происходит подмена действительности эстетической реальностью, точнее, реальностями. Но если каждый герой – творец собственной реальности, то возникает справедливый вопрос о реализме Достоевского, но на то он и фантастический!..

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука. 1973–1990.
3. Достоевский и театр : сб. статей / под. ред. А. А. Нинова. Л. : Искусство, 1983. 510 с.
4. Ерофеев Вен. Мой очень жизненный путь. М. : Вагриус. 2003. 623 с.

Н. Дж. Мамедханова
г. Баку, Азербайджан

Взаимосвязь реализма О. Бальзака и Ф. М. Достоевского

Статья посвящена исследованию взаимосвязи реализма Бальзака и Достоевского. Творчество Бальзака имело заметное влияние на молодого Достоевского: это и совпадение сюжетов, и сходство характеров, а также чувство родства. Бальзак ставил задачу изучить социальную картину общества, не оставив без внимания ни один характер, а Достоевский не только проникал в суть современной действительности, но и видел, что прорастёт из неё в будущем, какие трагедии могут произойти из случайных событий.

Ключевые слова: Достоевский, Бальзак, реализм.

N. J. Mamedkhanova
Baku, Azerbaijan

The Interrelation of Balzac and Dostoevsky Realism

This article is devoted to research of interconnection between realism of the two great XIX century writers – Balzac and Dostoyevsky. The aspiration of both writers was to demonstrate the variety of possible human outlook and psychological positions while global social and moral problem setting. Besides Balzac had the aim to study social picture of society, paying attention to every character. But Dostoyevsky penetrated into the very core of his modern time reality, and also saw, what would grow from it in future, which tragedies may occur because of occasional events.

Keywords: Dostoyevsky, Balzac, realism.

Творчество Бальзака знаменует собой важнейший этап в истории развития французского критического реализма XIX в. Бальзак понимает, что только реализм, только суровая правда могут помочь художнику преодолеть трудности, встающие перед ним при разработке «непоэтических» тем, при изображении «непоэтических» героев.

На протяжении всей «Человеческой комедии» Бальзак постоянно обращается к одной и той же теме – к показу того, как современное ему общество развращает людей, уродует естественные человеческие чувства и отношения. Человек, усвоивший мораль этого общества, одержим стремлением к личному обогащению.

Величайшая заслуга Бальзака заключается в том, что он показал, как в мире истинных человеческих отношений эта власть терпит поражение. Можно купить любовницу, но не любовь, можно заставить художника и писателя служить своим интересам, но то будет не настоящее искусство, не настоящая литература. В конце концов, эти люди, воплотившие в себе, по выражению Бальзака, «принцип денег», сами оказываются рабами золота. Ростовщик Гобсек живёт в жалкой конуре,

отказавшись от радостей жизни, разрывая узы, связывающие его с близкими. Банкир Нусинген, полюбивший куртизанку, не в состоянии даже с помощью миллиона вызвать в ней ответное чувство любви. У него нет друзей, и в собственной жене он склонен видеть врага. Старик Гранде, скопивший огромное состояние, всецело поглощён дальнейшим преумножением своего богатства. Интересы собственной семьи отступили перед единственной целью – золотом. Бальзак увидел общество, где грубый денежный интерес стал главной пружиной человеческих действий, где патриотизм и законы – только слова для лицемерного прикрытия этого интереса, вызывающего бесчисленные преступления; деньги разъедают семью; превращение духа в товар ставит людей науки и искусства в принижённое положение, порождая бесчисленные трагедии; золото извращает все чувства и отношения. Этот строй жизни развязывает эгоизм, возводит в принцип разъединение людей и ведёт к упадку высоких человеческих ценностей.

Творчество Достоевского соединено многообразными нитями с предшествующей и современной ему литературой – русской и зарубежной. И вместе с тем оно ока-

зало и продолжает оказывать громадное воздействие на развитие всей позднейшей мировой литературы.

Исследователи творчества Достоевского настойчиво подчёркивают заметное влияние О. Бальзака на молодого Достоевского. И здесь дело не в совпадении отдельных сюжетов, не в сходстве некоторых характеров и ситуаций в их произведениях. Как раз подобных совпадений в творениях Достоевского можно отметить не так уж много. Суть дела в данном случае не в заимствованиях из Бальзака, не в отдельных фактах частных влияний, а в том мощном чувстве родства с талантом великого европейского мастера, которые так остро ощущал Достоевский.

Сходны во многом и пути их в литературу. В сфере юношеских фантастических грёз и мечтаний у обоих возникают первые творческие замыслы. Даже сюжеты, к которым начинающие писатели обращаются, в известной степени совпадают. Весьма характерны для обоих авторов романтические мечты о славе, которую предстоит им завоевать на писательском поприще. И для Бальзака, и для Достоевского одинаково характерно необычайно серьёзное отношение к своему творческому дару, стремление начать свой творческий путь с ещё неведомого миру шедевра.

Творческий метод того и другого имеет одну очень существенную общую черту, характерную уже для нового, реалистического этапа развития мировой литературы. Бальзак ставит себе задачу изучить социальную картину общества, не оставив без внимания ни один тип, ни один характер. Достоевский, вышедший из недр «натуральной школы», направляет своё внимание на широкие слои «маленьких людей», «униженных и оскорблённых». Новаторство Бальзака и Достоевского заключалось в их умении проникать во внутренний мир человека.

Достоевский не только проникал в суть современной ему действительности, но был способен увидеть, что прорастает из неё в будущем, какие трагедии могут произойти из случайных, второстепенных событий, иногда удостоенных всего лишь беглого взгляда участников или случайных созерцателей зарождающейся всемирно-исторической драмы.

Достоевский стремится в «маленьком» человеке найти большого человека, – человека, который способен благородно действовать, благородно мыслить и чувствовать, несмотря на свою нищету и социальную приниженность. В этом заключается тот новый вклад, который сделал Достоевский по сравнению с Гоголем в развитии темы «маленького человека».

Достоевский, в отличие от реалистов первой половины XIX в., ставящих задачу социальной характеристики своих персонажей, стремился показать сложную диалектику социального и нравственного начала в характере своих героев. Раскрытие всех тайн человеческой души было важнее живописания среды и условий быта. Это обстоятельство позволяет выдвинуть характер на центральную позицию в художественной системе Достоевского. Раскрытие особенностей эпохи и общественной жизни через характеры становится главным творческим принципом писателя.

Характерология Достоевского чрезвычайно оригинальна. Во-первых, у него много повторяющихся типов. Л. П. Гроссман выделил такие основные типы у Достоевского: «мыслители и мечтатели, поруганные девушки, сладострастники, добровольные шуты, двойники, подпольные, русская широкая натура, чистые сердцем праведники, отверженцы, тёмные дельцы, гордые и кроткие женщины, впечатлительные дети и размышляющие подростки» [1, с. 399].

Бальзак по-разному рассматривает и по-разному показывает различные персонажи. Он видит и указывает индивидуальности, которые ломают условия среды, рисует людей, находящихся полностью во власти своих инстинктов.

Творческий метод Бальзака, художественные особенности его романов определяются теми задачами, которые перед собой ставил романист. В особенностях творческого метода Бальзака сказывалось понимание правдивого и типичного, которое им было выработано.

Задача эта – по возможности глубже познать действительность, раскрыть причины явлений, законы их возникновения, объяснить до конца характеры. Бальзак не случайно совмещал кропотливейшее изучение обстановки, вещей, личности, наружности действующих лиц с большим художественным обобщением. Все персо-

нажи Бальзака социально детерминированы, все мысли, поступки, всё поведение определено их социальным бытием, средой, даже обстановкой их жизни.

Бальзак убеждён в том, что вполне определённые социальные и материальные условия порождают в людях те или другие страсти, обуславливают как поведение людей, так и их стремления и те конфликты, которые возникают в результате столкновения вполне конкретных интересов.

Все романы Бальзака отличаются большим единством. Цель художника в каждом из отдельных произведений «Человеческой комедии» – возможно полнее раскрыть тот или другой отрезок социальной жизни в наиболее типичных его проявлениях. Всё необходимое для выполнения этой задачи привлекается, всё второстепенное решительно отстраняется.

Каждый роман Бальзака строится на основе той или другой типичной ситуации, в которой сталкиваются и противопоставляются те или другие типичские персонажи, хотя начинается драматический конфликт столкновением нескольких противоположных интересов. В динамично развивающемся сюжете сталкиваются характеры и интересы, противопоставляются не только люди, но и классы. Основные действующие лица романов – их герои – рисуются автором с величайшей глубиной проникновения в их типическую сущность.

Достоевский тоже не отрицал влияния среды на формирование характера и судьбы личности. Но он не считал человеческий характер исключительно следствием влияния социальных условий. Достоевского больше волнует другое, – то, каким образом социальная травма влияет на душу человека, как деформирует и калечит грубая и пошлая действительность прекрасные натуры.

Герои Достоевского не только переживают разлад с окружающим обществом, но и несут в себе груз порождённых ими ложных идей и иллюзий, а потому самым страшным врагом их являются они сами.

В центре внимания Достоевского стоит не нормальная и здоровая, а потрясённая, разорванная и больная психика. Его привлекает по преимуществу анализ ложных форм сознания и болезненных переживаний, порождённых современной ему общественной жизнью и нередко принимающих патологический характер.

Бальзак выводит людей, выдающихся по страстности, интеллекту, воле, активности, выражая в них свою веру в возможности человека; герои эти увидены в реальных современных обстоятельствах, укоренены в них и типичны в своей глубокой сущности, так что их необыкновенные личные качества придают особую рельефность их типичной природе. Для Бальзака тип – реальное олицетворение целого строя в наиболее мощном его развитии. Он и события стужает, и нагнетает нередко до степени фантастики, но даёт им совершенно реальную основу: он производит подлинный переворот в жанре романа, строя фабулы не на истории любви в условной обстановке, а на сделках ростовщика или банкира, на истории магазина или имения, на корыстных махинациях прессы, на судьбе изобретения или открытия, на закулисной стороне предвыборной борьбы. Мощное кипение страстей и событий в его романах завязано вокруг материальных интересов и вокруг важнейших социальных, нравственных, философских проблем.

По мнению Бальзака, вовсе не нужно быть героем, избранником, великим человеком, чтобы вобрать в себя всю силу страдания и страсти. Трагедия современного общества уравнила всех. Самого маленького человека окружает ореол величия, когда он испытывает сильные страдания или большую страсть.

Герои Бальзака в большинстве случаев проявляют почти маниакальные страсти, причём одна ведущая страсть, как правило, определяет действие каждого из персонажей. События, развивающиеся в романе, являются в изображении Бальзака результатом столкновения различных страстей, стечения различных обстоятельств.

«Страсти героев Достоевского производят огромный эффект вследствие того, что заключают в себе важнейшие гуманистические ценности: это переживания того, что особенно дорого для человека как личности – его достоинства, чести, свободы, что является его индивидуальным достоянием и вместе с ним важно для каждого. Сила страстей у Достоевского и в том, что они целицельны, житнетворны для людей: если страсти и не спасают его героев от моральных бездн и гибели, они всё-таки пробуждают в них потребность истинной жизни – жизни, достойной человека» [3, с. 367].

Главное внимание Бальзак-художник сосредотачивает на человеке как носителе определённых общественных функций. Конечная его цель – общество, которое он пристально изучает, стремясь познать законы, им управляющие. Недаром Бальзак называл себя «доктором социальных наук».

Характерной чертой Достоевского-художника является стремление при постановке любой крупной общественной и моральной проблемы показать разнообразие возможных человеческих взглядов и психологических позиций по отношению к ней. В романе Достоевского действие развивается почти всегда одновременно в бытовом и идеологическом плане. Каждое действующее лицо является не только участником описываемых событий, но и выразителем определённой точки зрения на них, представителем той или иной идеологической позиции по отношению к основным, интересующим Достоевского морально-философским вопросам.

Проблемы, которые волновали и мучили Достоевского, – это вековые, старые, как мир, и новые, как завтрашний день, вопросы человека о мире, вопросы о счастье и смысле жизни. Ставя и разрешая задачи общечеловеческого характера и значения, Достоевский ведёт нас к познанию жизни своим особым путём, мучительно выстраданным и всесторонне продуманным. Чаще всего счастье и смысл жизни, по Достоевскому, достигаются путём страданий.

Но они не самоцель. Это духовный путь человека, пытающегося найти своё место в несправедливо устроенном мире.

В основоположнике французского реализма Бальзаке Достоевский ценит глубокого и трезвого аналитика современного бытия и сознания, но кардинально расходится с ним в философско-историческом осмыслении того и другого. Для Бальзака мир – объект, свидетельство о котором он пишет, общество и его законы – та загадка, которую он разрешает, исследование мира и приговор ему – его главная задача. Ну, а нравственные оценочные критерии, с которыми он подходит к миру, они для Бальзака всегда и всюду не подвергаемая вопросу, прочная, устойчивая данность. Он нигде и никогда не ставит перед собой задачи их обоснования – он «вводит» их в роман «готовыми» и судит мир на основании этой, «до романа» существующей и по отношению к нему «априорной», извне введённой в него системы ценностей.

У Достоевского всё наоборот, хотя он тоже судит и мир, и героя. Но он судит не из «готовой» системы ценностей. Утверждая её лишь в ходе опровержения жизненной позиции своего героя, он тем самым как бы заново выводит и обосновывает её в самом романе. И вот это-то выведение и обоснование коренных, исходных нравственно-оценочных первоначал, определяющих сам способ жизненной ориентации человека в мире, составляет ведущий, стрелковой сюжет романа.

Список литературы

1. Гроссман Л. П. Достоевский-художник. Творчество Достоевского. М. : Молодая гвардия, 1959. 404 с.
2. Фридлиндер Г. М. Реализм Бальзака. М. : Наука, 1964. 371 с.

УДК 947.07(571.5)
ББК 63.3(2)53-33(253.5)

Т. В. Паликова
г. Улан-Удэ, Россия

Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX – начала XX вв.

Статья посвящена всё ещё малоизученной теме общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX – начала XX вв. На основе неопубликованных, сохранившихся в региональных архивах, и законодательных источников автор акцентирует внимание на ходе избирательных кампаний, выявляя специфику их проведения на окраине империи, определяет состав органов общественного управления и социальный портрет забайкальского гласного.

Ключевые слова: город, органы общественного управления, избирательная кампания, состав.

T. V. Palikova
Ulan-Ude, Russia

Formation and Structure of the Public Authorities in Towns of Zabaikalye in the Last Third of the 19th – the Beginning of 20th Century

The article is devoted to the still poorly studied subject of public administration in the towns of Zabaikalye in the last third of the 19th – the beginning of the 20th century. The author focuses on electoral campaigns on the basis of unpublished, preserved in the regional archives, and legal sources, identifying the specificity of their conduct on the outskirts of empire, defines the structure of the public authorities and social portrait of Zabaikalye glasnyi (member of the urban assembly).

Keywords: town, public administration, election campaign, structure.

Насущная потребность изменения системы городского управления, как и проведение городской реформы, известны каждому историку. Однако малоизвестным фактом следует считать её осуществление и последующее функционирование на местах. Если организация и деятельность органов городского управления в России и Западной Сибири достаточно подробно исследована [1; 25; 27], то формирование и состав городских дум в Забайкалье находятся в процессе изучения, освещаясь лишь в единичных публикациях [23]. Данная статья представляет собой попытку осветить некоторые особенности выборных кампаний в Забайкальской области последней трети XIX – начала XX вв.

В середине 1870-х гг. «по усмотрению» министра внутренних дел в Забайкалье было введено Городовое Положение. Оно стало новой нормотворческой базой функционирования городской администрации, определяя состав органов управления, компетенцию, источники финансирования, механизмы реализации решений. Право участия в выборах и право быть избранными распространялось на мужчин не моло-

же 25 лет, обладавших необходимым имущественным цензом и цензом осёдлости. Все избиратели подразделялись на 3 курии. К «первому разряду причисляются, – говорилось в Городовом Положении 1870 г. (ГП), – избиратели, которые, внося высшие размеры сборов, уплачивают вместе одну треть общей суммы сборов, платимых всеми избирателями; ко второму – причисляются следующие за ними по списку избиратели, уплачивающие вместе тоже одну треть всех сборов; к третьему – все остальные избиратели». Исходя из этого, право участия в Верхнеудинске имели 460 человек: первое собрание включало трёх избирателей, плативших в городской бюджет 1688 р., второе – 18 (1652 р.), третье – 439 (1591 р.). Первый и второй разряды в соответствии со ст. 21 были представлены и совокупными избирателями (акционеры гостиного двора и Верхнеудинское уездное училище соответственно). Голосовали 14, 16 и 22 января [20, л. 5–6, 12 об; 15]. 9 ноября 1875 г. состоялось первое заседание городской думы в составе председателя и 36 гласных. Число гласных устанавливалось ст. 48 ГП из расчёта 30 гласных при

300 имеющих право голоса, с каждым последующими 150 избирателями дума увеличивалась на 6 гласных до тех пор, пока её состав не достигал 72 человек. В Троицкосавске правом голоса обладали 540 плательщиков (436 мужчин и 104 женщины). Поскольку избирательное право определялось налогом с недвижимости, торговых документов или их совокупностью, то из 12 троицкосавцев первого разряда один отнесён к первой категории, остальные – к третьей. По второму разряду из 34 человек 20 принадлежали ко второй категории. Как правило, третий список включал горожан-налогоплательщиков с недвижимости. Таковых в Троицкосавске оказалось 494 человека. Первое заседание думы было проведено 30 ноября 1875 г. [22, л. 3–24]. В Чите правом участия в выборах в учреждения местного самоуправления пользовались 270 человек. Выборы прошли соответственно 18, 24 и 31 марта. Гласные дали присягу 4 мая 1875 г., а 6 мая собрались на первое заседание [23, с. 60]. 27 ноября 1875 г. состоялось собрание городской думы Селенгинска, с 3 мая вводилось Городовое Положение в Нерчинске. В Акше «по мало-значительному населению» городское самоуправление не учреждалось [6, л. 82, 85, 92].

Проведение избирательных кампаний на отдалённой окраине России почти всегда сопровождалось трудностями, с которыми организаторы сталкивались уже на этапе составления разрядных списков. Отсутствие достаточного числа крупных собственников приводило к несоразмерности избирательных разрядов. Предвидя это, законодатель позволял городским думам в установленном порядке обращаться к министру внутренних дел об изменении правил по составлению избирательных собраний (ст. 25 ГП 1870). В 1882 г. в первый разряд Нерчинска вошли только двое – Н. Д. и М. Д. Бутины (1134 р.), во второй – 22 из 321 избирателя. В результате изменения критерия формирования курий (деление суммы всего вносимого налога на равные части) в первой – оказалось 18 человек «из купеческой нации», во второй – 303 человека мещан и чиновников (26, 21 ноября). Ситуация повторилась в 1886 г. при некотором увеличении числа избирателей без изменения состава первого собрания. Перераспределённые разряды включали 30 и 354 выборщика [9, л. 4, 16 об.]. Тогда же в списки избирателей Верхнеудинска были

внесены фамилии 10 % жителей. Как указывал городской голова Н. Шляпкин, в собраниях насчитывалось 8, 26 и 305 человек. При составлении списков на очередное четырёхлетие (1891–1894) Баргузинский городской голова Т. Кожевин «встретил недоразумение» как по числу избирателей, так и по сумме уплачиваемого ими налога: 1-й разряд – 9 человек (215 р.), 2-й – 52 (218 р.) и 3-й – 86 (9 р.) [4, л. 1]. Между тем каждое собрание должно было избрать треть от общего числа выборщиков по разрядам. С 1882 г. по двум разрядам голосовали избиратели в Чите [15, л. 22–24 об.].

По Городовому Положению 11 июня 1892 г. критерии, определявшие избирательные права горожан, изменились – они обуславливались стоимостью недвижимого имущества в зависимости от статуса города: в «...губернских, областных и входящих в состав градоначальства... не менее одной тысячи рублей; в остальных городских поселениях – не менее трёхсот рублей». Такой подход резко сократил число выборщиков, которые образовывали теперь одно избирательное собрание, и численный состав дум. Городовое Положение в полном объёме было введено только в Чите, Верхнеудинске и Троицкосавске со слободами, о чём сообщалось в телеграмме правителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора от 4 марта 1894 г. за № 300 (17, 18 марта). В Нерчинске, Акше, Баргузине и Селенгинске, позднее Мысовске «по недостаточности городских средств, свойству занятости населения и степени развития торговли и промыслов» вводилось упрощённое общественное управление: вместо гласных избирались уполномоченные.

С неправильным составлением списков был связан ряд предвыборных скандалов. Одним из самых громких можно считать скандал, вызванный «делом Бутиных» из-за списка нерчинских избирателей 1-го собрания на очередное четырёхлетие (1887–1890), потребовавший вмешательства имперской власти [9, л. 2, 53 об.; 126]. Суть его заключалась в казусной трактовке положения братьев Бутиных после назначения над делами Торгового дома администрации. Согласно п. 4 ст. 18 ГП, как подвергшиеся несостоятельности, они лишались избирательных прав и в списки не попали, но по ст. 17 п. 3, как выкупившие торговое свидетельство, сохраняли

их. Указ Его Императорского Величества из Правительствующего Сената за № 4647 от 12 апреля 1891 г. подтвердил права Бутиных. Сложность решения подобных вопросов заключалась в том, что в списках избирателей оказывались лица, находившиеся под следствием или лишённые права голоса, оговоренные в ГП (ст. 18, 1875 г. и ст. 33, 1892 г.). О многократных нарушениях при составлении списков в Баргузине свидетельствуют документы Областного по городским делам присутствия. По всей видимости, такие затруднения привели к ужесточению законодательства в этой области. Если в 1870 г. списки избирателей составлялись, пересматривались управы, за 2 месяца до выборов доводились до сведения выборщиков и исправленные предоставлялись на утверждение думы, то с 1892 г. они объявлялись за 3 месяца до выборов и представлялись на утверждение губернатору с последующей публикацией исправленных списков («Забайкальские областные ведомости»).

Другой проблемой выборных кампаний в забайкальских городах была низкая активность избирателей. Так, в 1875 г. участие в верхнеудинских выборах приняли 76 человек, в читинских – 65, в Троицко-савске по первому разряду (пришло менее 2/3 всех избирателей) проводились повторные выборы [22, л. 31]. Ситуация не изменилась ни через 10, ни через 20 лет после введения городского самоуправления. В 1882 г. в Нерчинске голосовало 42 избирателя, в Чите – 17 (1893), 38 (1897), 28 (1901), в Верхнеудинске – 24 (1899), 36 (1903) и т. д. [7, л. 9; 21, л. 63–71; 2, 12 сент.]. В особенно сложной ситуации находились малые города области. В частности, в ходе баргузинской избирательной кампании 1896 г. из-за недостаточного числа «подлежащих баллотировке за отказом некоторых и состоящих уже по выборам в службе лиц» пришлось баллотировать внесённых в список людей, находящихся в отпуске, а в 1910 г. в нарушение ст. 43 (ГП 1892) были внесены в список и избраны отказавшиеся от баллотировки пятеро мещан [5, л. 26]. В 1899 г. в Акше выборы перенесли из-за отсутствия в городе более 2/3 домовладельцев, находившихся на заработках на строительстве железной дороги [13, л. 3]. Отсутствие кворума – традиционное явление, учитывая саму процедуру голосования, которая растягивалась

на несколько часов и была крайне утомительна: голосовали за каждую кандидатуру отдельно, подсчитывали поданные голоса, фиксировали в специальных листах.

Стоит обратить внимание и на нарушения, встречавшиеся в ходе самого голосования. Так, 22 ноября 1880 г. зафиксировано отступление от процедуры подачи голосов в третьем собрании Читы, когда явившиеся после окончания баллотировки избиратели были допущены к выборам. Областное по городским делам присутствие, перенеся день выборов, предписало провести избрание вновь [10, л. 88–91]. 28 ноября 1882 г. в Нерчинске к голосованию по второму разряду допустили 10 избирателей, пришедших после начала выборов [7, л. 4]. В Баргузине (1899) в процедуре голосования не только принимали участие, но и были избраны уполномоченными госслужащие, не представившие согласия начальства (по ст. 30 ГП 1892 г. представители различных учреждений должны назначаться руководством с документами, подтверждающими полномочия) [11, л. 26, 29; 14, л. 19 об.; 5, л. 26]. Несоблюдение буквы закона в ходе избрания должностных лиц в 1907 г. привело к тому, что баргузинский городской староста И. Цивилев вынужденно исполнял обязанности еще один срок. В 1910 г. председатель Баргузинского схода А. Кузнецов позволил себе грубейшее нарушение законодательства, выступив с агитационной речью, в которой назвал фамилии нужных гласных [11, л. 26, 29; 14, л. 19 об.; 5, л. 26]. Желаемый результат мог достигаться благодаря искусственно заниженной оценке городских имуществ, в результате чего список избирателей сокращался и избрание «своих» кандидатов облегчалось [11, л. 29]. Допускался и подкуп избирателей. В своей жалобе избиратель 2-го разряда А. П. Мигунов информировал Областное по городским делам присутствие, что «подача голосов за водку» в 1887 г. на Верхнеудинских выборах практиковалась открыто: «Для того чтобы вполне руководить собранием, крестьянин Курлин, купец Кудрашев и другие лица открыли даровое угощение вином... При помощи такого угощения... проводили своих кандидатов, так что получившие шары избиратели кучками выходили на улицу для сговора...». Как следует из той же жалобы, под разными предложениями у избирателей, не хотевших участво-

вать в собрании, особенно женщин, «выманивались» доверенности [16, л. 18–23]. Таким образом, у некоторых избирателей удваивались голоса. Ст. 23 (1870) позволяла выборщику иметь не более двух голосов – один лично и один по доверенности.

Система выборов, предложенная законодателем в 1870 г., предполагала преобладание в органах городского самоуправления представителей крупной буржуазии и купечества, что соответствовало их устремлениям. Свидетельством тому могут служить выборы на очередное четырёхлетие в Верхнеудинске (1888). Тогда, «в ходе избирательной компании младший член Городской Управы купец А. В. Овсянкин сформировал партию из мясников и торговцев» для того, «...чтобы избрать тех гласных, которых они признавали так называемой “черной сотней”, не допуская никого из интеллигенции, и затем вместе со своими ассистентами забрать в свои руки городское хозяйство и Общественное Управление...». Эти выборы, признанные недействительными, нарушили сразу несколько статей Городового Положения и повлекли за собой губернское расследование [16, л. 18–23].

Как свидетельствует статистика, наиболее активными избирателями и гласными были купцы. Купечество и почётные граждане на протяжении 1870–1890-х гг. определяли «лицо» городского самоуправления Троицкосавска (почти 60 %), Читы (56,6 %), занимали второе по численности место в Верхнеудинске, Нерчинске и Селенгинске. К началу XX в. они постепенно уступают свои позиции чиновничеству, численный состав которого, например, в Чите к 1912 г. возрастает до 72 % [23, с. 60]. Что вполне закономерно, учитывая статусную категорию города. В других городах рост представительства чиновничества в органах ГУ не столь значителен, но общая тенденция характерна даже для Троицкосавска, где позиции купечества традиционно сильны. Для сравнения: в Томске за 3 избирательных периода (1871–1875, 1879–1883 и 1883–1887 гг.) среди гласных думы было 67 % купцов и почётных граждан, 15 % мещан, 16,8 % чиновников и дворян [1, с. 81–80]. Наиболее стабильна численность в органах ГОУ мещанства с небольшими колебаниями по отдельным четырёхлетиям, оно в среднем составляло 27,3 % в Чите, 56 % в Верхнеу-

динске, 30 % в Троицкосавске, почти 90 % в малых городах [8, л. 11–111; 9, л. 3–8; 14, л. 54; 18, л. 84–91; 19, л. 1–5; 4, л. 83 об.].

Социальный состав органов городского самоуправления определялся городской спецификой, т. е. функциями, которые город выполнял в урбанистической системе области. К сожалению, городская делопроизводственная документация не позволяет выявить точный профессиональный состав гласных, однако мы можем определить их образовательный и возрастной ценз (1895–1898). Из совокупных данных, рассчитанных по материалам обследования управленческого состава городов в начале 1890-х гг., следует, что только 48,1 % гласных городов обучались в школах разных ступеней, при этом 14,3 % не имели законченного курса уездных училищ и 37,5 – средних учебных заведений [8, л. 11–111]. В то же время более 14 % гласных обучались дома, что логично, т. к. основное количество гласных – люди, ученический возраст которых пришёлся на 1855–1865 гг., когда школьная система в городах находилась на начальном этапе своего развития. Поэтому стоит согласиться с исследователями, считающими одним из недостатков избирательной системы высокий возрастной ценз [27, с. 34]. По имеющимся данным, в 1895–1898 гг. были избраны только 10 человек в возрасте до 30 лет. В то же время именно люди от 30 и старше обладали важным практическим, в том числе и хозяйственным опытом, необходимым для рационального управления городскими делами. Средний возраст гласных составил чуть меньше 50 лет, более молодой – в Чите (42 года), самый высокий возрастной ценз в малых городах (49 лет) [8, л. 5–75]. Если помнить о том, что эти данные имеют отношение уже к думах созыва по Городовому Положению 1892 г., когда изменилась сама избирательная система, направленная на повышение уровня образования представителей самоуправления в городах, то образовательный ценз гласных 1870–1880-х гг. будет ещё ниже. Социальный облик забайкальского гласного типичен и соответствует социальным характеристикам гласных других городов Сибири [25].

Таким образом, создание органов городского общественного управления напрямую связано с реализацией соответствующих статей Городового Положения. Особое внимание уделялось избирательной

кампании, тщательно регламентированной законодателем и состоящей из ряда этапов: выявление потенциальных избирателей, составление списков, их уточнение и утверждение, собственно голосование, подсчёт голосов и формирование состава дум. На окраине России этот процесс имел специфику, связанную с отдалённостью территории, ограниченным кругом избирателей,

их инертностью, в том числе и вследствие правил процедуры голосования. Несмотря на устремления законодателя, происходило постепенное изменение социального состава городских дум, определявшегося положением города в урбанистической системе области. Забайкальский гласный последней трети XIX – начала XX вв. имел общие черты, характерные для гласных Сибири.

Список литературы

1. Алисов Д. А. Городское общественное самоуправление и губернская власть в Западной Сибири: проблемы взаимоотношений (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX веков. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 205 с.
2. Восточное обозрение. 1893.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 1133.
4. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2685.
5. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 67.
6. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6.
7. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 40.
8. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 50.
9. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 56.
10. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 89.
11. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 93.
12. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 96.
13. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 108.
14. ГАЗК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 274.
15. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 5.
16. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 12а.
17. Забайкальские областные ведомости. 1894.
18. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 30.
19. НАРБ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 19.
20. НАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1394.
21. НАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 1118.
22. НАРБ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 3.
23. Насибулин С. А. Из истории выборов в Читинскую городскую думу в конце XIX – начале XX вв. // Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. Ч. 1. 170 с.
24. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л. : Наука, 1984. 260 с.
25. Раева Т. В. Городские думы Южного Урала: особенности развития самоуправленческой инициативы в начале XX века. URL : <http://kulgor.narod.ru/kongress/kongress.html>.
26. Сибирь. 1882.
27. Толочко А. П., Коновалов И. А., Меренкова Е. Ю., Чудаков О. В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск : Омск. гос. ун-т, 2003. 196 с.

ББК Ш-142.12
УДК 81'1

М. В. Пименова
г. Кемерово, Россия

**Метод описания концептуальных структур
(на примере концепта *надежда*)**

В статье рассматриваются способы вербализации концепта в языковой картине мира. Основное внимание обращено вопросу метода анализа концептуальных структур, т. е. формирующих признаков. В качестве примера избран концепт «надежда».

Ключевые слова: языковая картина мира, внутренний мир человека, концептуальная метафора, концепт, прототип.

M. V. Pimenova
Kemerovo, Russia

**Descriptive Method of Conceptual Structures
(by the Example of the Concept *надежда*)**

The article presents the analysis and description of the concept *надежда* metaphors in the language picture of the world.

Keywords: the language picture of the world, person's inner world, conceptual metaphor, concept, prototype.

В данной статье предлагаются некоторые подходы к описанию концептов и способов их вербализации в языковой картине мира. Такие подходы рассматриваются на примере концепта *надежда* [5, с. 47–67].

Концепт – это означенный в языке национальный образ, символ, идея. Концепт имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами. Информация о познаваемом объекте (фрагменте мира) может быть получена различными способами восприятия (при помощи зрения, слуха, обоняния, осязания и т. д.). Такая информация формирует парадигму периферийных концептуальных признаков. Информация о познаваемом объекте (фрагменте мира) может выражаться в виде вторичной категоризации, что составляет ядро структуры концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры.

Один из подходов концептуального анализа основывается на изучении внутренней формы слова, его этимологии. По мнению М. Фасмера, слово *надежда* заимствовано из церковнославянского языка, «из *na-dedia от *на* и *деть, deti*», «ср. *народн. надѣжа, болг. надзѣжа, др.-рус. надежа*» [8, III: 37]. *Надежда* – это некий стержень, опора.

Лексема *надежда* определяется в «Словаре Русского Языка» как «ожидание чего-либо, соединённое с уверенностью в возможности осуществления» [7, II, с. 343]. *Надеяться* означает «иметь надежду, рассчитывать на что-либо» [7, II, с. 344]. *Надеяться* во втором значении имеет дефиницию «полагаться на кого-либо/что-либо, быть уверенным в ком/чём-либо» [7, II, с. 344].

Когнитивные принципы организации информации восходят в прототипическому образцу, свойственному носителям конкретного языка. Одна из концепций прототипического подхода принадлежит Э. Рош, которая изложена в трудах по когнитивной психологии [10]. Э. Рош определяет прототип как единицу, проявляющую в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы, а также как единицу, реализующую эти свойства наиболее полно, без примеси иных свойств. В прототипическом образце слова заложена схематическая репрезентация концептуального ядра.

Прототипический анализ концептов приводит к изучению языковых схем, свойственных для реализации этих концептов в языке. Концепт – это воплощённый в знаке образ мира или его фрагмента. Регулярное употребление тех или иных закреплённых в языке сочетаний указывает, по мнению Дж. Байби, на то, что носители языка одни языковые единицы действительно хранят в памяти в готовом виде, а другие порождают в

процессе речи. «То, что хранится в памяти, – это не элементы «словаря», а скорее совокупность наиболее релевантной информации. В частности, наиболее употребительные языковые единицы (даже построенные по регулярным моделям) носителями языка, скорее всего не членятся, а хранятся в памяти в готовом виде» [1, с. 304].

Концепт – это так или иначе означенный в языке образ. Образы мира или фрагментов мира относятся к двум взаимосвязанным областям человеческого опыта – реальной действительности и метафизической, идеальной стороне бытия. Вся сфера бытия предстаёт в человеческом сознании в виде некоторых устойчивых образов. Каждый образ формируется значимыми и незначимыми деталями. Это может быть национальный образ, символика которого определена культурой народа. «Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [2, с. 15].

Применительно к исследованию концептов, прототипом будет наиболее репрезентативный образ, в котором отражены все типичные признаки, свойственные концепту. Признаки, которые закреплены в языке в виде устойчивых и свободных сочетаний, считаются типичными; окказиональные признаки, встреченные только у конкретных авторов, – периферийными. При исследовании концептов возникает понятие эпизодической и семантической памяти. Эпизодическая память включает информацию, непосредственно приобретенную из окружающего мира в процессе социальной и познавательной деятельности, семантическая память черпается из встреченных устных и письменных текстов. Структура любого концепта в языковой картине мира экстериоризирует как эпизодическую, так и семантическую память носителей языка.

Эпизодическая и семантическая память прослеживается в признаках, свойственных концепту *надежда*. Через признаки концепта «прочитываются» когнитивные модели. «Надежда – растение» – это когнитивная модель, которая в языке выражается в виде различных концептуальных метафор (ср.: *надежда растёт; что подпитывает надежду; ростки надежды*). Концептуальная мета-

фора – это способ видеть одну область через призму другой. Под когнитивной моделью, которую в лингвистике называют также фреймом или сценарием, понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, наше к нему отношение, а также то, что мы желаем выразить. Иными словами, значение слова может быть представлено в виде фрейма – структуры представления знания – связанной схематизацией опыта, в которой фиксируются прототипические знания о действительности, содержится основная (типовая) информация о том или ином концепте. Когнитивные модели, так или иначе реализованные в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах.

Концепт *надежда* относится к абстрактной области, поэтому большинство сочетаний с именем *надежда* являются метафорическими. Под метафорой в широком смысле понимается любое переносное значение слова. В современном языкознании метафору рассматривают как особый способ мышления о мире, который использует прежде добытое знание. В таком случае метафора представляет собой модель выводного знания, когда формируется новый концепт за счёт использования буквального значения выражения и сопутствующих ему ассоциаций. В. Н. Телия пишет, «при этом, поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта, метафора по своей природе антропометрична: она соизмеряет разные сущности, создавая новый "гештальт" из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нём признаки гетерогенных сущностей, что является характерной чертой метафоризации и что позволяет получить "на выходе" этого процесса совершенно новые смыслы (и соответственно – понятия, а на их основе и значения)» [8, с. 4].

Все когнитивные модели находят своё отображение в языковых схемах, которые носители языка употребляют для описания актуальных событий. Языковые схемы – это различные формы и способы выражения в соответствующем языке знаний об отдельных фрагментах мира. Все исследуемые

концепты имеют закреплённые формы выражения в языке, у соответствующих лексем отмечены специфические ограничения на сочетаемость. По словам Е. В. Рахилиной, «все те свойства, которые определяют сочетаемость, не являются собственными свойствами объектов как таковых, потому что они не описывают реальный мир. Они соотносятся лишь с отражением реального мира в языке, т. е. с тем, что принято называть языковой картиной мира» [6, с. 338].

Для русского языкового сознания свойственно чувственное начало, которое предопределяет исход событий в жизни. Человек может сделать невозможное, если это действие предваряется наличием надежды (*есть надежда на что/ на кого; (не) существует надежда на что/ на кого*). Позиция субъекта слова надежда в конструкции указывает на то, что в основании любого действия находится идеальный компонент, некоторый план действий. Этот план имеет отличительные особенности, он строится не на рациональных, а на эмоциональных принципах (*надежда основана на чём*). Надежда – это чувство, которое обычно не бывает объективным (*льстит себя надеждой*). Первичность такого аспекта, как наличие или отсутствие надежды, предопределяет возможность или невозможность завершения задуманного действия.

Надежда может выступать в качестве деятеля (агенса). Надежда уподобляется живому существу, которое *живёт, воскресает, поселяется* или *вселяется* в сердце или душу, движется (*надежда умчалась, унеслась, улетела*). Надежда концептуализируется признаками помощника, спутника (*надежда не покидает кого*). Надежда переосмысливается через образы облака, тумана или газа; она *рассеивается, улетучивается*. Надежда в некоторых контекстах предстаёт в образе некой частицы огня (искры), которая *тлеет* в душе или сердце (*искра надежды в сердце/ душе потухла/ тлеет*). Надежда может передаваться в образах зари, лучей солнца (*надежды луч горит, надежда озарила ум*).

Анализ функционирования лексемы надежда в тексте показывает, что эта лексема чаще всего находится в постглагольной позиции, т. е. надежда концептуализируется признаками объекта, претерпевающего над собой действия того, на что направлено действие некоего субъекта. Надежду-объект *таят, скрывают, берегут, подают, носят* и *уно-*

сят. Как за ребёнком, за надеждой-объектом ухаживают: *надежду лелеют, питают, пробуждают, растят, возвращают, ей верят*. Надежда, как ребёнок, бывает простодушной и наивной (*простодушная/ наивная надежда*).

Как некоего жителя, надежду поселяют в душу или в сердце (*вселить/ поселить надежду в душу/ в сердце*). Душа человека, как сосуд, наполняется надеждой (*душа полна надежд*). Как некий ресурс или имущество, надежду-объект *теряют, утрачивают, (не) оставляют, подают, имеют, её лишаются, от неё отказываются*.

Для лексемы надежда свойственно употребление в конструкциях с возвратными глаголами, в таких случаях возможно говорить об обозначении ситуации эмоционального состояния (*предаваться несбыточной надежде; сердце томится надеждой; льститься надеждой; обольститься надеждой; утешаться надеждой; ср. также: обмануться в надежде; льстить себя надеждой*).

Собранные языковые факты свидетельствуют о таких закреплённых за лексемой надежда глагольных сочетаниях:

- 1) надежда + глаголы сохранения (*таить, скрывать, беречь*);
- 2) надежда + глаголы передачи (*подавать, передавать*);
- 3) надежда + глаголы ухаживания (*лелеять, питать, пробуждать, будить*);
- 4) надежда + глаголы бытия (*жить, воскресать, поселяться, вселяться, умирать*);
- 5) надежда + глаголы движения (*умчаться, унести, улететь*);
- 6) надежда + глаголы горения (*тлеть, гореть*);
- 7) надежда + глаголы природных и погодных явлений (*рассеиваться (как туман); озарять*).

Анализ возможных сочетаний лексемы надежда показывает, что надежда концептуализируется тремя основными способами: 1) надежда уподобляется живому существу; 2) надежда воспроизводится через образы метеорологических или стихийных явлений; 3) надежда понимается как некий ресурс, который стараются сберечь.

Концепт – это сложный комплекс признаков, исследование которых позволяет максимально полно выявить структуру искомого концепта. Опираясь на тексты, можно определить практически весь набор признаков, которые формируют структуру того или иного концепта. Признак – это

то основание, на котором происходит уподобление, сравнение или отождествление явлений мира. Как отметил В. В. Колесов, «признак – всегда образ, история каждого древнего слова и есть сгущение образов – исходных представлений – в законченное понятие о предмете» [3, с. 11]. Анализ концептуальной метафоры показывает, по словам Е. О. Опариной, что «её значение формируется на основе взаимодействия двух компонентов – обозначаемого и образного средства. Обозначаемое метафоры задаёт её направление в зависимости от представления говорящего об объекте и коммуникативного намерения вспомогательный компонент выбирается среди ряда возможных в зависимости от того языкового понятия, которое он выражает и которое согласуется с намерением говорящего – обозначить определённую грань непредметного объекта» [4, с. 77].

Исследование и сопоставление стереотипных признаков концептов позволяет выявить общие и специфические особенности народных (ненаучных) систем знаний о внутреннем мире человека, а также выводить некоторые заключения о свойствах национальной ментальности. Интерпретация языковых средств, служащих для таксономии отдельных фрагментов внутреннего мира, является одним из методов исследования процессов категоризации субъективной действительности и отражения их в языковых структурах.

Описание разнообразных сторон внутренней жизни человека происходит в соответствии с развитием концептуальной системы этого мира, которая, в свою очередь, являет собой «познанную» структуру и свойства человеческой психики. Языковая концептуализация внутреннего мира представляет осмысление его фрагментов, которое объективируется в виде соответствующих языковых единиц. Концептуальные структуры знаний о внутреннем мире эксплицируются в системных парадигматических и синтагматических связях таких языковых единиц.

Основной способ постижения всего мира заключается в постижении его фрагментов путём членения и установления тождества между отдельными компонентами. Подобный подход используется и при постижении внутреннего мира; он строится на осознании единства внешнего и вну-

треннего мира при одновременном понимании объективности и субъективности их существования.

Структура концепта формируется несколькими группами признаков, которые отображают прототипические способы описания фрагментов мира. В языке метафоризация происходит на основе некоторого исходного образа, который в лингвистике называют корневой или концептуальной метафорой, в психологии – архетипом. Например, время в русской языковой картине мира переосмысливается в образах водного потока – *время течёт, утекает, иссякло*, летающего существа – *время летит, уносится, проносится* или некоего ресурса – *тратить чьё время, время закончилось, время – деньги*, деньги представляются через образы песка – *сыпать деньгами, рассыпать мелочь* или воды – *деньги утекают сквозь пальцы, деньги потекли к нему рекой*, которая понимается как освоенная область стихийного мира: деньги – это водный поток, находящийся под контролем человека – *регулировать/ контролировать денежные потоки*. Концептуальная метафора является результатом процесса образного подобия, переходящего во внутреннюю форму. Концепты абстрактной сферы формируются за счёт признаков предметов или явлений, уже названных и познанных, представленных в виде знаков в данной семиотической системе. Концептуальные метафоры объединяются на основе вегетивных, зооморфных, антропоморфных, социоморфных, предметных, метеорологических, стихийных, пространственных признаков.

Так, некоторые устойчивые сочетания преподносят прототипический образ *надежды* через биоморфные признаки "живого существа". Группа признаков концепта *надежда* в таком случае представляется в следующем виде:

надежда – живое существо (*живая надежда; надежда жива в ком; надежда живёт и не умирает; надежда умирает последней; воскресшая надежда; воскресить надежды в ком*);

надежда – насекомое: мотылёк (*крылатая устар. поэт./ трепетная/ крохотная разг./ крошечная надежда; порхать на крыльях надежды*);

надежда – двигающееся существо (*надежда пришла к кому; надежда покинула кою*);

надежда – (плохо) воспринимающее существо (*глухая надежда; слепая надежда*);

надежда – питающее существо (*питать надежду книжн.*);

надежда – спящее существо (*пробудить в ком надежду*);

надежда – существо с характером (*верная/ вольнолюбивая устар./ простодушная/ робкая/ смелая/ тихая/ честолюбивая/ добрая надежда*);

надежда – говорящее существо (*голос надежды; надежда в сердце говорит*);

надежда – жилец/ поселенец (*вселять/ вселить в кого надежду высок.; вселить надежду в сердца людей высок.*);

надежда – гость (*надежда появилась у кого; надежда посетила кого; с надеждой проститься*);

надежда – ребёнок (*лелеять надежду книжн.; поддерживать надежду*);

надежда – обманутое существо (*обмануть чьи надежды*).

Как любое живое существо, надежда живёт и обладает способностью воспринимать (ср.: *Могу ль сказать: живи надежде?* Жуковский. «Песня»). Надежда – живое существо может умереть (*надежды умерли*). Фактический материал показывает, что возможны окказиональные признаки у концепта надежда, свойственные авторским картинам мира. Так, например, сценарии надежды могут воспроизводить образы помощника (*Где, где ты, Надежда, которой только свистни – и рванёт на выручку?* Л. Беляева. «Бабка с луны»), молодого существа (*Я полон дум, когда, закрывши вежды, Внимаю шум Младого дня и молодой надежды; Я полон дум. А. Фет. «Я полон дум, когда, закрывши вежды...»*).

Вторую группу – малочисленную – формируют признаки концепта надежда, актуализирующие прототип "отношение к жизни":

надежда – не рациональное отношение к жизни (*безрассудная/ безумная/ глупая/ нелепая/ наивная/ опрометчивая надежда*);

надежда – эмоциональное отношение к жизни (*волнующая/ восторженная/ мучительная/ безотчётная/ неясная/ отчаянная/ страстная/ романтическая надежда устар.*).

Третья группа, входящая в структуру концепта надежда, восходит к прототипу "обман":

надежда – обман/ тщета (*заманчивая/ иллюзорная/ ложная/ лукавая/ напрасная/ несбыточная/ обманчивая/ пустая/ тщетная/ эфемерная надежда; жить, обманывая себя надеждой; надеяться напрасно/ зря разг.; напрасные надежды*);

надежда – обольщение (*ветренная/ дразнящая/ манящая/ неверная/ неопределённая/ обольстительная/ обманутая/ сладкая/ сладостная/ томительная/ чарующая надежда*).

Обольщение – это и есть надежда. Тщета ожидания определяется обольщением, надеждой (*льститься/ обольщаться надеждой*). Надежда – это не только индивидуальное качество человека. Надежды обобщаются до национальных размеров. Надежда-обольщение для славян, например, может заключаться в ожидании вольности, воли – ключевого концепта русской и, шире, славянской, культуры. Надеждой обманывают собственную душу (*И было у него во власти Большую душу как-нибудь На миг надеждой обмануть!* М. Лермонтов. «Ангел смерти»). Желания и надежды объединяются общим признаком "обман" (*Желаний и надежд томительный обман...* А. Пушкин. «Погасло дневное светило»).

Четвёртая группа концепта надежда определяется прототипом "тайна":

надежда – секрет/ тайна (*тайная/ сокровенная надежда*);

надежда – личное, интимное (*личные надежды*).

Надежды хранятся в тайниках сердца и души (*надежду таить в душе/ сердце*). Личные надежды таят в самых глубинах души. Такие надежды составляют утешение жизни человека (*Николушка и его воспитание, Андре и религия были утешениями и радостями княжны Марьи; но, кроме того, так как каждому человеку нужны свои личные надежды, у княжны Марьи была в самой глубокой тайне её души скрытая мечта и надежда, доставлявшая ей главное утешение в её жизни. Л. Толстой. «Война и мир»*).

Пятая группа в структуре концепта надежда образуется признаками прототипа "стихия", реализуемого посредством трёх характеристик – воды, воздуха/ дыма и огня/ света:

надежда – вода (*капля надежды; ни капли надежды*);

надежда – туман (*надежда рассеялась*);

надежда – газ/ дым (*надежда улетучилась; ср.: И прежний фимиам несбыточных надежд У ног их всё ещё дымится. А. Фет. «В полуночной тиши бессонницы моей...»*);

надежда – (слабый/ тусклый) свет/ звезда (*золотая/ блестящая/ бледная/ слабая/ светлая/ далёкая надежда*);

надежда – огонь/ солнце (*горячая/ жаркая/ лучезарная устар./ немеркнущая/ безза-*

катная/ ослепительная/ пыльная/ сияющая/ угасшая/ яркая/ ясная надежда; у кого/ в ком теплится надежда; луч надежды).

Концепт надежда включает в свою структуру признаки "солнца", которые в текстах реализуются разнообразными способами. Надежда наделяется лучами, светом, озаряющим душу и тело. Надежда уподобляется звезде (*Звезда надежды благодатная, Звезда любви волшебных дней, Ты будешь вечно незакатная В душе тоскующей моей!* В. Чуевский. Гори, гори, моя звезда...). Надежда концептуализируется признаками "частицы огня". Искрами надежды характеризуется нерукотворный – небесный – огонь. Надежда уподобляется искре, хранимой в сердце, или углям, тлеющим в сердце.

Шестая группа концепта надежда восходит к прототипу "растение":

надежда – растительность (*бесплодная надежда; буйная надежда* устар.);

надежда – сладкий плод (*плод сладостных надежд; сладостные надежды; сладкая надежда*). Надежда передаёт признаки "созревшего плода";

надежда – сад (*надежда расцветает/ цветёт*; ср.: *Расцветь в надежде неуклонной...* А. Фет. «Сентябрьская роза»).

Седьмая группа структуры концепта надежда объединяет признаки, зафиксированные в лексикографических источниках: надежда – «ожидание чего-либо желаемого, соединённое с уверенностью в возможности его осуществления». Надежда в таком случае реализуется через признаки виртуальных, планируемых и реальных, осуществляемых событий:

надежда – желание/ ожидание (*надежда на кого/ на человека/ коллектив/ команду/ событие; надежда на что/ на помощь/ поддержку/ сочувствие/ на успех/ выздоровление/ спасение/ счастливое будущее/ на лучшее/ на счастливый случай; надежда сделать что/ победить/ поступить/ спасти кого; выразить надежду*);

надежда – занятие (*предаваться несбыточной надежде; ум исполнен надежд*);

надежда – жизнь (*жить одной надеждой; отрадная надежда; приятная надежда*);

надежда – цель жизни (*жить и надеяться; дразнящая/ манящая/ далёкая/ заманчивая/ неопределённая/ несбыточная/ пустая/ неверная/ нелепая надежда*);

надежда – поступок (*опрометчивая/ отчаянная надежда; разрушительная надежда; дерзкая/ дерзостная надежда*);

надежда – ответственность (*возлагать на кого надежду* книжн.).

Жизнь представляет поле битвы, где любой поступок человека может быть описан метафорами геройства или трусости. В жизни человеку приходится воевать с трудностями, с самим собой, в таком преодолении помощь может заключаться в наличии надежды (ср.: *Нет ни надежд, ни сил для битвы – Лишь, посреди ничтожных смут, Как гордость дум, как храм молитвы, Страданья в прошлом восстают.* А. Фет. «Всё, что волшебным так манило...»).

Надежда в некоторых контекстах означает «смысл жизни» (*Он [друг] был рождён для мирных вдохновений, Для славы, для надежд; но меж людей Он не годился – и враждебный гений Его душе не наложил цепей.* М. Лермонтов. «Л***»). Надежда – это сама жизнь (*жить надеждой на что*). Начало жизни – молодость – воспринимается как период, наполненный надеждами и ожиданиями (ср.: *Молодость трудная, Полная страсти, надежд, увлечения...* Некрасов. «На смерть Шевченко»). Надежда составляет смысл жизни, она исчезает только после смерти (ср.: *И в тех лишь нет надежды вновь, В ком навсегда застыла кровь!* Н. Некрасов. Новый год).

Надежда может заключаться в ожидании осуществления планов (*надеяться «ожидать»*), их воплощения (*исполнение надежд*). Обычно свои надежды скрывают. Ситуации объявления о намерениях передаются метафорами разделения надежды-ресурса со вторым участником ситуации (*поделиться с кем-л. своими надеждами; обсудить с кем-л. свои надежды*).

Многие ситуации, которые связаны с надеждой, предполагают нескольких участников – двух или нескольких. К таким ситуациям относятся ожидание славы, прощение, ожидание взаимности в любви (ср.: *безнадёжная любовь*), счастье (*надежды на счастье*), ожидание встречи и взаимопонимания. Другими словами, встреча, взаимопонимание, слава, прощение, любовь и счастье – это явления социальные в русской культуре и, соответственно, в языковой картине мира. Общий смысл надежды состоит в ожидании изменений в будущем в лучшую сторону.

Надежда – это пустое занятие (*предаваться пустым надеждам*; ср. *предаваться пустым занятиям*). По этому признаку надежда и мечта – синонимы (*Навеки отдана угрюмому невежде, Не предавалась ты несбыточной надежде – Тебя пугала мысль восстать про-*

тив судьбы... Н. Некрасов. «Родина»). *Надежда* одновременно – это некое наслаждение (*На надежду услаждает, Возвратишься скоро ты*. Г. Державин. «На отсутствие её велич. в Белоруссию»). *Надежда* – это занятие ума. Интересно, что сфера чувств проникает в русской языковой картине мира в сферу ума (*чувствовать надежду*). И наоборот, мысли могут локализоваться в сердце или душе (ср.: *мысль на сердце пала; мысль в душу заронилась*).

Структура концепта *надежда* включает группу эмоциональных признаков, восходящих к прототипу "чувство/ эмоция":

надежда – чувство (*щемлящая надежда; с надеждой смотреть/ взглянуть на кого; надеяться в глубине души; выразить надежду на что*; ср.: *выразить чувства*);

надежда – радость (*отрадная/ приятная/ радостная надежда*);

надежда – настроение (*радостная/ светлая надежда*).

Надежда является утешением жизни человека (*утешать себя надеждой*). *Надежда* при этом – это кратковременное состояние. *Надежда* заполняет душу или сердце, этим и определяет настроение человека.

Группа предметных признаков концепта *надежда* относится к двум прототипам – "имущество" и "опора":

надежда – имущество (*потерять всякую надежду; утратить надежду; оставить надежду; лишиться надежды; лишить кого надежды; не оставить кому надежды; подать кому надежду; с надеждой; от какой надежды отказаться; не теряйте надежды; иметь надежду; есть надежда на что/ кого; сделать что нет никакой/ ни малейшей надежды (К сожалению, у него нет ни малейшей надежды пройти по конкурсу); хранить надежду; ср.: иметь/ терять/ оставлять/ хранить имущество*);

надежда – опора (*кто/ что – чья надежда «о том, на кого или на что можно надеяться, опереться, положиться» (Сын – наша единственная надежда); шаткая надежда; разрушенная надежда; твёрдая надежда; слабая надежда (Я очень надеюсь на вас; На этого человека нельзя надеяться; молодые – опора будущего)*).

Для русской культуры опора только на себя, на свои силы расценивается негативно. В языке такое явление обозначается как *самонадеянность*. *Опора* и *надежда* в некоторых контекстах выступают в качестве синонимов (– *Боже мой, боже мой! И это – молодёжь, надежда страны!..* – воскликнул

Сергей Андреевич. В. Вересаев. «Поветрие»). Особенностью русской культуры является то, что не на каждого человека возлагают *надежды*: эмоциональные люди не вызывают доверия.

Вариантом группы признаков "надежда – имущество" может быть "надежда – ресурсы" (*надежда появилась/ иссякла*). Как ресурсы, *надежду* имеют, берегут, утрачивают, теряют. Ресурсы *надежды* определяются количественными характеристиками: их считают (*первые надежды; последняя надежда*), определяют (*есть надежда; нет надежды*). *Надежды* подают, отдают. Ресурсы-*надежды*, исчезая полностью, оставляют после себя только тень (*осталась только тень надежды*) или пропадают бесследно, как мыльные пузыри (*надежда лопнула*).

Группу предметных признаков концепта *надежда* можно дополнить дименсиональными признаками размера: размер *надежды* бывает разнообразным (*большая/ великая/ огромная надежда; малейшая/ маленькая надежда*). *Надежда* может измеряться количественными признаками воды; капля считается мельчайшей единицей измерения *надежды* (*если осталась хоть капля надежды*). Эта группа включает также признаки последовательности или количественности:

надежда – череда (*первые надежды; последняя надежда*);

надежда – количество (*никакой надежды не осталось; не осталось ни крохи надежды; единственная надежда*).

Надежды «пересчитывают», уточняя их количество (*мало надежды; одна надежда; последняя надежда*), определяя, что осталось в ресурсе.

Концепт *надежда* может быть представлен несколькими пространственными группами:

(1) группой пространственной вертикальной оппозиции "небо-земля":

надежда – небо / небесное явление/ создание (*высокая надежда; далёкая надежда; радужная надежда; светлая/ тёмная надежда; туманная надежда; розовая надежда; заря надежды поднимается в ком; смутная надежда; большая/ великая/ огромная надежда; святая надежда; надежда озаряет что*);

надежда – земля/ почва (*земная надежда; зыбкая надежда; ср.: зыбкая почва*).

Надежда обычно относится к области идеального, возвышенного, неземного (ср.: **В сердце – надежды неземные...** А. Блок. «Сумерки, сумерки вешние...»).

(2) группой внутреннего пространства: надежда – дом (*жить в надежде*); надежда – вместилище (*быть/ находиться в надежде на что*).

Надежда уподобляется некоему мифологическому пространству, в котором пребывает человек (*пребывать в надежде*). С таким мифологическим пространством сравнивается состояние, в котором находится человек (*Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье*. А. Пушкин. Дубровский).

Последняя группа структуры концепта надежда определяется признаками "времени" и "жизни". "Время" надежды это:

длительный процесс/ жизнь (*продолжать надеяться; жизненная надежда*);

отставание в пути-жизни (*запоздалая надежда*);

конец пути-жизни/ точка в пути (*конечная надежда* устар.).

смерть – конечная точка жизненного пути – обозначается признаком "окончание надежд" (*конец всех надежд*).

Анализ признаков концепта надежда, выявленных на основе устойчивых сочетаний, позволяет объединить их в следующие когнитивные модели, которые в языке представлены группами таких концептуальных метафор, как:

- НАДЕЖДА – РАСТЕНИЕ;
- НАДЕЖДА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (ЧЕЛОВЕК/ НАСЕКОМОЕ);
- НАДЕЖДА – ЖИЗНЬ (ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ/ СОБСТВЕННО ЖИЗНЬ/ ДВИЖЕНИЕ ПО ЖИЗНЕННОМУ ПУТИ/ ПОСТУПОК/ ЦЕЛЬ ЖИЗНИ);
- НАДЕЖДА – ЧУВСТВО;
- НАДЕЖДА – ЖЕЛАНИЕ/ОЖИДАНИЕ;
- НАДЕЖДА – ОБМАН (ТЩЕТА/ ОБОЛЬЩЕНИЕ);
- НАДЕЖДА – ТАЙНА;
- НАДЕЖДА – СТИХИЯ (ВОДА; ВОЗДУХ/ДЫМ; СВЕТ/ОГОНЬ);
- НАДЕЖДА – ОПОРА;
- НАДЕЖДА – ИМУЩЕСТВО;
- НАДЕЖДА – ВЕРТИКАЛЬ "НЕБО/ ЗЕМЛЯ";
- НАДЕЖДА – ДОМ/ ВМЕСТИЛИЩЕ.

Как отмечает Е. О. Опарина, «глубину концептуальной метафоры можно охарактеризовать как способность высвечивать важные для обозначаемого концепта признаки» [4, с. 72]. Наиболее развитые по набору признаков представляют собой группы кон-

цептуальных метафор НАДЕЖДА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и НАДЕЖДА – ЖИЗНЬ. Основные образы надежды в русской языковой картине мира – это надежда-ребёнок, которого вращивают и лелеют; надежда-человек, от которого ожидают поддержку; надежда-жизнь или, точнее, способ жизни, цель и смысл жизни, а также отношение к ней. Надежда в таком случае выступает в качестве символа русской культуры, вобравшего в себя специфику отношения к жизни и отношения к детям и людям.

Таким образом, признаки и соответствующие группы в структуре концепта надежда актуализируют такие традиционные антонимичные свойства, как "живое-неживое"; "абстрактное-конкретное"; "тайное-проявленное"; "материальное-идеальное"; "природное-рукотворное", "светлое-тёмное" и нетрадиционные антонимичные качества, как "вертикаль-поверхность"; а также отдельные, не противопоставленные чему-либо, характеристики надежды, такие, как "обман", "опора".

Процесс ментальной репрезентации знаний проявляется и закрепляется в виде когнитивной модели (или фрейма). Когнитивная модель (фрейм) – это структура данных, хранимых в памяти человека для представления стереотипных ситуаций, конкретизирующая, в частности, что является для данной культуры характерным и типичным (существует узкое понимание фрейма как базисных элементов, которые носитель языка в состоянии идентифицировать в рамках ситуаций).

Актуализация фрейма надежда проявляет стереотипные сценарии поведения человека, которые реализуются в языке в виде глагольных конструкций. Сценарии отражают наиболее частотные речеповеденческие ситуации, которые фиксируются и хранятся в сознании носителей языка и выражаются в языке в виде устойчивых и свободных сочетаний. К типичным сценариям надежды относятся следующие:

- желание/ ожидание (*хотеть надеяться на что; надеяться очень/ зря разг.; надеяться на кого/на друга/на сына/на коллектив/на команду/на чью честность/на чьё мужество/на чью верность/на свою память/только на себя; Мы почти не надеялись застать его дома; ср: Там наконец я всё, чего душа алкала, Ждала, **наделась**, на склоне лет найду И с лона тихого земного идеала На лоно вечности с улыбкой перейду*. А. Фет);

- труд (*устать надеяться*);
- помощь (*надеяться на кого/на что; надеяться на помощь*);
- поддержка (*надеяться на кого/на что/на поддержку*);
- сочувствие (*надеяться на сочувствие*);
- счастье (*надеяться на счастье/счастли- вый исход/случай*);
- здоровье (*надеяться на выздоровление*);
- спасение (*надеяться на спасение*);
- победа (*надеяться победить/одержатъ победу/ уйти от поражения*);
- лесь (лестная надежда устар.; лстить себя надеждами);
- встреча (*надеяться застать/увидеть кого*);
- деяние (*надеяться сделать что*);
- цель/стремление (*надеяться добиться чего*; ср.: Он надеялся нажать большие деньги как адвокат. Ф. Достоевский. «Идиот»);
- оптимистический взгляд на жизнь (*надеяться на лучшее*);
- пессимистический взгляд на жизнь (*перестать надеяться*);
- неуверенность/робость поведения (*надеяться робко на что; но в глубине души она всё же робко надеялась, что в следующее воскресенье он придет к ней опять*. Н. Чуковский. «Балтийское небо»);
- твёрдость, решительность поведения (*надеяться твёрдо/несмотря ни на что*);
- скрываемые чувства (*в глубине души надежда/надеяться*).

Таким образом, можно заключить, что прототипическая ситуация надежды отображает национальное видение мира, которое специфицируется в виде четырёх блоков: НАДЕЖДА – ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ (оптимизм, пессимизм); НАДЕЖДА – ПОВЕДЕНИЕ (неуверенность, решительность); НАДЕЖДА – СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (помощь, поддержка, труд, победа, встреча, деяние, спасение); НАДЕЖДА – ЧУВСТВО (сочувствие, счастье, скрываемые чувства, желание, стремление).

Список литературы

1. Кибрик А. А., Плуниан В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сб. обзоров. М. : МГУ, 1997. С. 276–339.
2. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск : Петрозаводский ун-т, 1995. С. 13–24.
3. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2000. 326 с.
4. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 65–77.
5. Пименова М. В. Концепт надежда в русской языковой картине мира // Человек и его язык: к 75-летию проф. В. П. Недалкова; отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово : Графика, 2003. С. 47–67. (Серия «Филологический сборник». Вып. 4).
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2000. 415 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
8. Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 3–10.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1987. Т. III.
10. Rosch E. On the Internal Structure of Perceptual and Semantics Categories // Cognitive Development and Acquisition of Language / T. E. Moore (ed.). N. Y., 1973.

Н. М. Сергеева
г. Кемерово, Россия

Восточнославянская фразеология сквозь призму образов умственной деятельности человека (на материале концептуальной сферы «умственные способности человека»)

В данной статье рассматривается актуальная проблема, посвященная описанию концептуальной сферы «умственные способности человека» на материале восточнославянской фразеологии. Структура концепта представляет собой мозаичную структуру. Образы в концептуальной сфере «умственные способности человека» объективируются во фразеологизмах восточнославянских народов разными метафорическими моделями: антропоморфными, фитоморфными, витальными.

Ключевые слова: концепт, метафорическая модель, компонентный анализ, антропоцентризм.

N. M. Sergeeva
Kemerovo, Russia

The East Slavonic Phraseology in the Light of Human Intellectual Faculties Images (the Concepts «the Human Intellectual Faculties»)

This article focuses on the concepts «HUMAN INTELLECTUAL FACULTIES» in the east Slavonic phraseology. This concept represents a mosaic structure of different images. «HUMAN INTELLECTUAL FACULTIES» appears at one and the same time as an animate and inanimate object in author's picture of the world. That is why «HUMAN INTELLECTUAL FACULTIES» turns out to be an object which is influenced and consequently, is to be changed.

Keywords: the concept, the metaphor, the comparative analysis, the anthropocentrism.

В отечественном и зарубежном языкознании лингвисты предлагают разные способы объяснения языкового материала лексики и фразеологии. Известны теории семантических полей [3, с. 105–113; 9; 15; 16, с. 30–63], лексико-семантических групп [3, с. 105–113; 5], логическая классификация семантики (компонентный анализ) [1; 17, с. 1–9; 20, с. 104], когнитивные исследования семантики [2; 7; 8, с. 56–61; 13, с. 195–208; 14].

Логическая классификация предполагает этапную систематизацию семантических элементов – от системы к частностям, в которой выделяется общее и частное значение слова. Когнитивные исследования рассматривают языковое поведение слов, представляющих разные типы, способы отображения действительности в языке, значимые языковые объекты для человека.

Таким образом, антропоцентричность в семантических исследованиях настоящего времени, ориентированность на человека характерна для теоретического взгляда на язык. По мнению А. Вежбицкой, антропоцентричность описания языка должна быть его главной доминантой: в языковой картине мира никак нельзя «упустить» информацию, которая значима для человека [4, с. 80].

Е. В. Рахилина отмечает, что когнитивный подход в семантике осознал вторичность всех собственно лингвистических исследований: «...никакой языковой образ никогда прямо не соответствует конкретному объекту действительности. <...> Он отражает некоторые канонические представления носителя языка о том, каким он должен быть» [13, с. 21].

В семантических теориях отечественного языкознания вводится новый метод исследования языкового материала – концептуальный анализ, который, ориентируясь на прототипическую организацию значения [13, с. 45], по-иному организует толкование слов – семантическим описанием, объяснением взаимосвязей культурологических, исторических, психологических представлений о предмете (или концептом).

Предметом исследования в данной статье послужили фразеологические единицы, собранные путём тематического отбора тех идиом, в которых содержался семантический компонент «умственные способности человека».

Основным, базовым языком в ходе классификации материала является русский язык. Параллельно с классификацией рус-

ского фразеологического материала на основании тех же принципов проводилась и классификация восточнославянских языков. Последовательное описание классификации будет даваться только по русскому фразеологическому материалу. А для украинского или белорусского эквивалента будут даны классификационные схемы.

В словаре С. И. Ожегова «умственные способности человека» определяются через следующий синонимический ряд: природная одарённость, талантливость, относящаяся к деятельности ума, сознания [12, с. 921].

Анализируя собранный фактический материал, следует расширить компонентный состав семантической группы «умственная деятельность человека» следующими смыслами: природные умственные способности отождествляются с «образованностью», «грамотностью», «знанием», «отличной учёбой» (по данным ассоциативного эксперимента слово-реакция «отличник» сопровождается слово-стимул «ум»). Так, например, фразеологическая единица (ФЕ) *учёная голова* употребляется в значении "очень умный человек".

Значение большей части ФЕ, характеризующих человека со стороны его образованности, в словарях определяется одновременно двумя семемами-антонимами: "умный и образованный (знающий)" и "глупый, необразованный" (ср.: *міністэрская галава* (белорус.) – реализуется сема "умный, знающий человек" и *тюха-пантюха* (Кем., Кр.) – "невежда, глупый, тёмный человек"; см.: *не лыком шит, Кремлёвская голова, ходячий университет, ходячая библиотека, ходячий университет* (белор.), *не в тімья битый, лаптем щі хлебать, лыком шит, ликом шитий* (укр.), *пень горелый* (диал.).

ФЕ данной группы включены в концептуальную сферу «умственные способности человека» и имплицитно содержат объяснение семантического компонента «умный/образованный»/ «неумный/необразованный», который закрепляется в сознании носителя языка и заменяется ФЕ: "умный вследствие образованности", "глупый вследствие необразованности": Ср.: *Ну, да и мы тоже не лыком шиты. Может, и перехитрим других, прочих-то. Мамин-Сибиряк. «Золотая ночь». Вот как купцы живут, которые, когда были серыми мужиками, щі лаптем хлебали* Н. Лейкин. «В старом гнезде».

В исследуемое смысловое поле ФЕ, содержащих семы «умственные способности человека», «отсутствие умственных способностей человека», включены ФЕ, характеризующие состояние интеллектуальной активности человека: "тщательность в отборе интеллектуальных средств" (*ломать голову, сушити [ламати, морочити] голову [мозок]* (укр.), *ламаць галаву* (белорус.), *перекидывать в уме [в памяти, в мыслях, в голове], раскидывать умом, перебирати в памяти [в думках, в голові]* (укр.), *розкидывати [розкинути] розумом [думами]* (укр.); "сосредоточенность, сопровождающая мыслительную деятельность" (*собираться с мыслями, збирати думки* (укр.), *шевелить мозгами, ворошити [ворохнути, повертати] мозгом* (укр.), *варушыць галавою* (белорус.), *круциць галавою* (белорус.)).

Антонимом среди совокупности значений концептуальной сферы «умственные способности человека» выступает сема «отсутствие умственных способностей». Репрезентация данной семы сопровождается метафорической моделью «ум → дом». Причём, у слова *дом* значимыми для данной метафорической модели становятся два семантических компонента: "строение", "семья, члены семьи, домочадцы". Ср.: *Крыша поехала; Крышу сносит; Не все дома; Не всі дома* (укр.); *3 Максимом* (укр.); *Не усе дома* (белорус.).

Во ФЕ, характеризующих отсутствие интеллектуальной активности, реализуются метафоры, в которых источник наименования связан с «предметностью» (*винтиков [клёпок] не хватает [не достает] в голове, не стаэ клепки в голові* (укр.), *без сьмой [десятой] клепкт в голові* (укр.), *без клёпки [без клёпок] у голове, Алёша с вальтами, Альоша з мильного заводу* (укр.), *читать на умах, не пером пишу умом*) или с «нарушением пропорциональности» (*мозги набекрень, пускай ум наперёд, а не наоборот*).

Во многих ФЕ, характеризующих отсутствие интеллектуальной активности, содержится дополнительный семантический компонент "отклонение в психическом состоянии", реализуемый через фрейм или сценарий-метафору, где описывается сюжет несчастного случая (падения на голову мешка/кирпича) или намеренного нападения (удар из-за угла): *Как [будто, словно] из-за угла мешком прибитый [ударенный]; як [мов, наче] з-за вугла [із-за рогу] мішком прибитий; мяшком ударены* (белорус.).

В сферу концептов, представляющих интеллектуальную деятельность человека, входят ФЕ, чьи смысловые компоненты содержат семы, относящиеся к периферии концептуальной сферы «умственные способности человека», которые характеризуют иные качества и действия человека, но опосредованно они связаны с умственными способностями человека. Это параметры языка, волос: излишняя длина данных частей тела человека влечёт за собой ущербность интеллекта у женщин или мужчин. Ср.: *Язык довгий, ум короткий (укр.); Волос долог, ум короткий; Одна голова, два языка (иркутское); Ни тюза, ни губ (иркутское)*.

Если разделить ФЕ с содержанием указания на типы, виды умственной деятельности человека на функционально-семантические классы, то получим категориальные смыслы, которые характеризуются предельной абстрактностью: «ум – сообразительность», «целенаправленное мышление», «эволюция ума». Категориальное значение вычленяется путём разложения значений ФЕ на минимальные смысловые элементы. Такое деление производится на основе анализа словарных дефиниций.

Значение ФЕ представляет собой сложное образование, совокупность нескольких смысловых (концептуальных) признаков (элементов), которые находятся между собой в определённых иерархических отношениях. В каждом фразеологическом значении можно выделить доминирующие и второстепенные, интегральные и дифференциальные признаки.

В семантической структуре ФЕ очень трудно разлагать фразеологическое значение на элементарные смысловые составляющие. Тем не менее, принципы концептуального анализа в сочетании с компонентным членением применимы и к рассмотрению значения ФЕ. Так, например, ФЕ *"хромать на обе ноги"* содержит несколько смысловых компонентов: во-первых, "иметь значительные проблемы в знаниях"; во-вторых, "протекать, идти плохо, с перебоями" (о каком-либо деле); в-третьих, "быть совсем плохим".

Только первое значение из всего набора предложенных смыслов реализуется в сфере концептов «умственная способность человека», вернее, неполнота реализации интеллектуальной активности у человека. На понятийном уровне данная ФЕ, т. е. в со-

знании говорящего на русском языке реализуется метафорической моделью «ум → человек, с физическими недостатками, которые задерживают его активность».

Таким образом, мы получаем следующее категориальное значение, которое закрепляет в сознании носителя языка данный опыт: отсутствие умственной деятельности сопровождается недееспособностью. Эта модель закрепляется в памяти человека и реализуется в речи говорящего неоднократно благодаря мнемоническим функциям мозга.

ФЕ *"без головы"* передаёт в русской языковой картине мира несколько смыслов, которые реализуют доминантные значения для представления концептуальной сферы «умственные способности человека»: 1) "глупый, несообразительный"; 2) "не обдумав, безрассудно".

Концептуальная сфера «умственные способности человека» включает в себя ФЕ, отражающие мышление как процесс, и ФЕ, обозначающие интеллектуальные свойства и состояния человека.

По семантическому признаку в компонентном составе сем ФЕ, репрезентирующих концептуальную сферу «умственные способности человека», выделяют несколько категорий: «наделён умом» (*голова на плечах, светлая голова, с царём в голове, ума палата, голова на плечах [на в'язях] (укр.), мати макітру на в'язях (укр.), мець галаву на плечах (белорус.), світла [ясна] голова (укр.), з галавою (белорус.), з царём у голове (белорус.), розуму палата (укр.); «лишён ума» (ума лишен, с ума сшедший, сойти с ума, мешаться в уме, спасти [сходить] з ума (укр.), страциць розум (белорус.), з'іхати з глузду (укр.), зрРозуму тронуцца (белорус.); «больной ум» (выживать из ума, бог с дороги збив (укр.), не хапае у голове (белорус.), не в своём уме, не в порядке с умом, не при своём розуму (укр.), несповна розуму (укр.), дурья голова, дурья башка, тронуться [повредиться] умом [рассудком, в уме, в рассудке]; «неумный» (не ведает, что творит, богом обижен, мозги тяжёлые, маленько не хватает, как богом обиженный, не в уме, не при уме).*

Категория «наделён умом» наполнена следующими смыслами, которые обнаруживаются в результате компонентного анализа семантики слов в составе ФЕ: «голова → орган, где локализована активность мозга», «мозг → орган мыслительной деятельности человека». Данные смыслы реализуются с

помощью метафорических моделей, которые представлены сочетанием самостоятельных слов, значения которых приобретают в составе ФЕ зависимый характер.

Метафорические модели категории «наделён умом» следующие: «голова → часть тела» (ср.: "голова на плечах", "иметь голову на плечах": *Была бы голова на плечах, а хлеб будет; Будет голова, будет и борода, Тяжело голове без плеч, худо и телу без головы; Куда голова, туда и животы*); «голова →местилище» (ср.: "с царём в голове", "мозги в голове" – эти смыслы передают наличие умственных способностей; "труха в голове" "каша в голове" – эти смыслы характеризуют антонимическую часть концептуальной сферы «умственные способности человека»: глупость, необразованность: *Без головы; Без царя в голове; Не имеет царя в голове; Без головы (укр.); Порожня голова (укр.); Галавы няма (белорус.); Без царя у голове (белорус.), Мозги в голове тронулись [перевернулись, потекли]*).

Метафорическая модель «голова →местилище» является частью образного компонента концепта *голова*, характеризуемого представлениями о том, что *голова* выступает преимущественно как местилище ума, мозга, мыслей памяти. Это признак нашёл выражение в ряде фразеологизмов: например, *улетучиваться из головы, дырявая голова, укладываться в голове, забить голову, голова забита, держать в голове, солома в голове, набивать голову, выбрасывать из головы, пустая голова*. В случае *улетучиваться из головы голова* имеет признак "сосуда", "местилища мысли", которая в данном случае уподобляется мгновенно испаряющемуся химическому веществу. В ряде случаев фразеологизм *дырявая голова* представляет голову сосудом, из которого вытекает содержимое.

В значении слова *голова* содержится семантический компонент "голова – предмет". Данная сема в сочетании с содержанием глаголов *вбить, забить* реализует смыслы "запоминание", "внушение/ вера": *Дениска наш вбил себе в голову, что деревня пустая стоит* В. Вересаев. «В мышеловке».

Как предмет, у которого известен материал изготовления, *голова* выступает во фразеологизмах типа: *голова мякинная, голова дубовая, голова еловая*.

Предметные образы для концепта *голова* воплощаются в сравнительных оборотах, когда сопоставляются их функции: например, *голова*, как котелок, в котором варят:

голова варит. Ср. *Ты что же полагаешь, что я за одну зарплату лес стерегу? Хватай выше! Я хоть и не учёный, а котелок у меня варит* К. Паустовский. «Повесть о лесах». Он решительно объявил, что *голова его ничего не варит при тощем желудке*. И. Лажечников. «Последний Новик».

Признаки физического состояния, характерные для живой материи, репрезентируются следующими фразеологическими единицами: *голова пухнет, голова распухла, валить с больной головы на здоровую*, если точнее, то обладает витальными признаками.

Голова отождествляется с жизнью, что выражено в таких идиоматических выражениях: *голову сложить, давать голову на отсечение, свернуть себе голову, снять голову, выдавать головой, сорвать голову, положить голову; Бог не судил мне сыном красоваться. В честном бою голову сложил*. А. Островский. *Василиса Мелентьева*.

Для категории «лишён ума» определяющим признаком является "потеря умственных способностей", который реализуется в яркой метафорической модели с религиозным содержанием «ум, разум → дар [от Бога/ от природы]»: ср. "лишиться ума": *И тут я спохватился! Проневался бог: разума лишил!* Н. Некрасов; *Вот, подлинно, если бог хочет наказать, так отнимает прежде разум*. Н. Гоголь.

В категории «больной ум» реализуется смысловой компонент "недостаточность/нехватка умственных способностей". Метафорические модели, представляющие концептуальное содержание данных ФЕ, характеризуют образы "жизни/ одушевлённой предметности": "ум → сосуд жизни/ тело для жизни", "ум → живое существо", "ум → больной человек (дурак/ олух – в терминологическом значении, "душевнобольной"). Ср.: *выйти из толку, ума сдвинуться, закрут его берёт, дурне, як кірасінова робка (укр.), заплішений [набитый] дурень (укр.), дурний, як колода (укр.), дурний, як стріха (укр.); олух Царя Небесного, мухи летают – олухов оплетают, вислоухий олух, олух на олуха идёт, олухом погоняет*.

Концепт *ум* в русской языковой картине мира характеризуется витальным признаком "болезнь", объективированным в адекватных и глагольных словосочетаниях с лексемой "ум" таких производных слов, в которых есть корень "боль-/ бол-", содержащий

сему "больной, т. е. нездоровый": *больной, болей, болезненный*, где выражается концептуальный признак "нездоровое состояние живого существа" (*больной ум, болит ум; И не в одних приговорах его ума было дело: своему мрачному, одиночному и больному уму он бы и не поверил; но доходило до проклятий что тут и не до слез, если и не наружных, так внутренних.* Ф. Достоевский). Данный образ "ум → больной" включается в содержание метафорической модели "ум → дурак/ олух (в терминологическом значении, душевнобольной)" и характеризует в сфере концептов «умственные способности человека» ту часть, которая мыслится как антонимы: концепт *глупость*, концепт *дурак/ олух*.

Концепт *ум* может быть представлен через признак "болезнь", реализуя метафорическую модель "ум → нездоровый орган человека" в сочетаниях: *болеть умом, вылечить ум*. Ср.: *Половину вы вчера от меня уже слышали: я вас считаю за самого честного и за самого правдивого человека, всех честнее и правдивее, и если говорят про вас, что ум... то есть что вы больны иногда умом, то это несправедливо; я так решила и спорила, потому что хоть вы и в самом деле больны умом...* Ф. Достоевский; *Желаю вам вылечить ваши ум и ваши подслепые глаза.* Ф. Достоевский.

По мнению Б. В. Маркова: «Внутреннее тело преобразуется в процессе вытеснения переживаний и замещения их этическими ценностями. <...> И те и другие являются коммуникативными: на основе морали и долга вырабатывают внутренние чувства вины и покаяния, благодаря которым преобразование тела становится внутренней проблемой отдельной личности, сдерживающей и контролирующей свои побуждения и витальные аффекты» [11, с. 85].

Для категории «неумный» определяющим признаком является "отсутствие ума – полное или частичное": *не сполна ума, не при уме, не в уме, несповна розуму (укр.), не у поуным розуме (белорус.), не хапае у голове (белорус.), маленько не совсем, маленько не хватает*.

Образ *дурака* в категории «неумный» реализуется метафорическими моделями вегетативного содержания: "неумный → пень", "неумный → дерево", "голова → сад", "голова → капуста", "голова → дерево", "голова из соломы" "голова с опилками", "неумный → трава", "неумный → дубина/ балда".

Метафорическая модель "неумный → дерево" реализуется в сочетаниях со словом

пень, причём, используемое с различными эпитетами: *берёзовый, осиновый* и т. д. Ср.: *пень в два обхвата, пенёк с ушами, пень осиновый*.

Метафорическая модель "неумный человек → дуб" содержит семантический компонент "дерево" – дуб, ель, осина: *дурный, як довбна (укр.), ступа дувбавна (укр.), дубовая голова, голова еловая*.

Метафорические модели "голова → сад", "голова → капуста", "голова → дерево", "голова из соломы" "голова с опилками" реализуются в следующих ФЕ: *голова деревянная, голова соломенная, в голове опилки, солома в голове, голова набита соломой, голова садовая, голова капустяна (укр.), голова садова (укр.), галава, як капуста, соломяна голова (укр.), салома у галаве (белорус.)*.

Метафорические модели "неумный → трава", "неумный → дубина/ балда" реализуются в следующих сочетаниях: *бестолковый, как трава, балда стоеросовая, дубина стоеросовая*.

Для языческой картины мира были сопоставимы значения «дерево» и «ум» через образы Мирового древа и Мирового разума. Мировое дерево по представлениям язычников обладало Мировым разумом.

Из исследовательского материала М. М. Маковского следует, что если сравнить слова со значениями "дерево" и "ум" во всех языках индоевропейской семьи, то можно обнаружить определённое сходство. Это сходство можно обнаружить как в звуковом сочетании слов со значениями "дерево" и "ум", так и в производных с общим корнем: «...ср. лит.. *meds* "дерево", но лат. *meditare* "думать", и.-е. **ag-* "дуб", но гот. *aha-* "разум"» [17, с. 138–139].

В текстах Библии образ дерева – это символ источника познания добра и зла, но не всякое дерево обладало этими чудодейственными особенностями: «И заповедовал Господь человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь, ибо в день, в который ты вкусишь, смертью умрёшь». Библейских образ дерева, как источника познания, интерпретируется богословами как источник вечной жизни. Сорвав плод с древа жизни, с древа познания добра и зла, первый человек – Адам – разделил мир на живые и мёртвые сущности: сорванный плод – это символ неодушевлённой вещи.

М. М. Маковский отмечает, что «семиологические параллели соотношения

значений «вещь» – «дерево» можно найти в таких языках: др.-англ. *ceatt* "вещь", но осет. *gäid* "дерево"..." [10, с. 139].

Вещь является частью дерева, но дерева, утратившего живительный источник. Такой вещью представляется столб. Язычники поклонялись столбам. Это связано с мифологическими представлениями о том, что дерево символизировало не только Вселенную (Мировое древо), но и создателя Вселенной – божество. С появлением христианства языческие божки в виде деревянных фигур стали восприниматься как пустые, не имеющие силу, а, значит, глупые. Слово *болван* соотносится со значением "деревянный столб в углу печи, изваяние, идол". Это слово в некоторых славянских языках приобрело дополнительное значение "глупый".

Символом глупости, неумного человека в восточнославянских языках выступают деревянные предметы или части деревьев, утратившие питательную среду, а, следовательно, прекратили существовать как «живое дерево»: *балда* "шишка, дубина", *болван* "бревно, брус, идол". Во ФЕ с использованием данных слов проявляются концептуаль-

ные символические признаки: «дерево» и «часть "мёртвого" дерева», как показатели категории «без/ума/отсутствие ума»: ср. *балда стоеросовая, дубина стоеросовая, балда осиновая, пень берёзовый*.

Таким образом, ФЕ восточнославянской лексики репрезентируют регулярные метафорические модели "ум → голова", "ум → образованность", "ум → природная одарённость", "неумный человек → дерево, трава, овощ", "ум → дар, которого можно лишиться", "ум → больной".

Концептуальная сфера «умственная деятельность человека» включает смысловую оппозицию, выраженную категориями: «ум – сообразительность», «целенаправленное мышление», «эволюция ума», «наделён умом» и противопоставленные им в содержательном отношении категории «лишён ума», «больной ум». Данные категории реализуются прямыми значениями и метафорическими сочетаниями ФЕ, в которых один из семантических компонентов передаёт представление о природе умственных способностей человека.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, 1995.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 520 с.
3. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
4. Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М. : Прогресс, 1986. С. 336–371.
5. Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической структуры языка (тезисы докладов). М., 1971. № 1. С. 35–40.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1994. Т. 1–4. 1889 с.
7. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика // Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сб. обзоров / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М. : Прогресс, 1997. 400 с.
8. Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 56–61.
9. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М. : Просвещение, 1986. 428 с.
10. Маковский М. М. Дерево // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М. : ВЛАДОС, 1996. С. 134–141.
11. Марков Б. В. Разум и сердце: История и теория менталитета. СПб. : СПбГУ, 1993. С. 85.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : ЭЛПИС, 2003. 944 с.
13. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2000. С. 13–21.
14. Селевёрстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов (на материале некоторых русских глаголов). М. : Просвещение, 1975. 400 с.
15. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж : ВГАУ, 1979.
16. Уфимцева А. А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М. : Просвещение, 1961. С. 30–63.
17. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. М., 1992. С. 1–9.
18. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М. : Просвещение, 1974.
19. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985. P. 45.
20. Harris Z. Componential analysis or a Hebrew paradigm // Language, 1948, 24, 1. P. 87–91. P. 104.

УДК 821.161.1.09
ББК 84.3 (2 РОС) 6

А. И. Смирнова
г. Москва, Россия

Литературная традиция и «эпистолярный дневник» В. П. Астафьева

В статье впервые подвергается анализу «эпистолярный дневник» известного русского прозаика В. П. Астафьева, представляющий собой собрание писем автора с 1952 по 2001 гг., обосновывается вывод о том, что Астафьев, с одной стороны, развивает традиции эпистолярной литературы, с другой стороны, создаёт новую форму эпистолярного повествования, приближающуюся к писательскому дневнику.

Ключевые слова: эпистолярная литература, традиция, дневник, письмо, исповедь.

A. I. Smirnova
Moskva, Russia

The Literary Tradition and «The Epistolary Diary» by V. P. Astafyev

In the paper the analysis of «The Epistolary Diary» by the known Russian prose writer V. P. Astafyev that represents a collection of the author's letters from 1952 to 2001 has been performed for the first time. Here the conclusion is made that Astafyev develops the traditions of the epistolary literature, on the one hand, and creates a new form of the epistolary narration which appears closer to the literary diary, on the other hand.

Keywords: epistolary literature, tradition, diary, letter, confession.

Эпистолярная литература имеет давнюю традицию: в античные времена письма сочинялись как литературные произведения, именно поэтому чёткую границу между частной перепиской и эпистолярной стилизацией порой трудно установить. «В средневековой Европе межмонастырская переписка была средством публичной богословской полемики» [5, с. 1234]. К наиболее известным образцам русской публицистики времён Московского царства относится переписка Ивана IV с князем А. М. Курбским и письма протопопа Аввакума.

В XVII–XVIII вв., по наблюдению исследователей, «форма эпистолярной литературы используется как способ придания непосредственности интеллектуальному общению» [5, с. 1234], эта тенденция проявляется в «Письмах к провинциалу» (1656–1657) Б. Паскаля, «Письмах к сыну» (1774) Ф. Честерфилда, в переписке Вольтера. Среди эпистолярной литературы этого времени вызывает особый интерес «Дневник для Стелы» (1710–1713) Дж. Свифта, т. к. собрание частных писем стало, по сути, началом формирования английского социально-психологического романа. И «использование эпистолярной формы как способа повествования породило особую жанровую разновидность, иногда называемую эпистолярным романом» [5, с. 1234], хотя, по верному наблюдению В. С. Муравьёва, «сколько-нибудь определённой содержательной эпистолярной специфики она не имеет» [5, с. 1234].

М. М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров» обращает внимание на механизм трансформации первичных (простых) жанров в составе вторичных (сложных) жанров, относя к первым наряду с другими и письмо «во всех его разнообразных формах» – как бытовой жанр письменного общения. «Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры. <...> В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [3, с. 239].

Прозаические литературные произведения, использующие форму письма или переписки, условно можно разделить на публицистическую и художественную прозу. В первом случае форма письма – это риторический приём («Персидские письма» Л. Монтескье, «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского и др.), во втором – органичная часть художественного целого – романа или повести («Страдания юного Вертера» И. В. Гёте, «Мартовские иды» Т. Уайлдера и др.).

Проследивая традицию, в русле которой развивалась русская эпистолярная проза как разновидность публицистического повествования, необходимо выделить переписку выдающихся деятелей, имеющую несомненное историко-культурное значение. К явлениям такого рода можно

отнести «Эпистолярную прозу А. С. Пушкина», издание писем «Ф. М. Достоевский и А. Г. Достоевская. Переписка», «Письма А. Блока к жене», «Эпистолярную прозу М. Цветаевой» и др.

После Второй мировой войны эпистолярная форма приобретает особое значение как непосредственное, подлинное, лирически насыщенное свидетельство. Эта тенденция наиболее отчётливо проявилась в «эпистолярном дневнике» В. П. Астафьева «Нет мне ответа» (2009), в который вошли письма писателя 1952–2001 гг. Необычная история этой книги заключается в том, что собрание писем было составлено и озаглавлено не самим автором, а издателем – Геннадием Сапроновым. В название книги вынесена итоговая строка из астафьевского повествования в рассказах «Царь-рыбы» [1, с. 544], которая вошла и в эпиграф, открывающий «эпистолярный дневник»: «Все течёт, все изменяется – свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет.

...Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?

Нет мне ответа» [2, с. 11].

Несколько сотен писем, опубликованных посмертно (к 85-летию со дня рождения В. П. Астафьева) и расположенных в хронологическом порядке, по предельной искренности и открытости авторской позиции являются подлинной исповедью. Перед нами, образно говоря, кардиограмма жизни писателя, без которой не понять его личности и творческого пути, не объяснить отношения к прошлому, к пережитому, к истории; не почувствовать его боли, которая, по-видимому, когда-то и подвигла к творчеству. Писательство для Астафьева – тяжёлая работа, о чём он не устаёт повторять начинающим авторам. «<...> Литературу я ставлю на один шаг с тяжелейшей службой и мужской работой» (И. Соколовой, 1973) [2, с. 178]. «Я вообще изнашиваюсь сильно, когда работаю. <...>» (В. Юровских, от 6 декабря 1973) [2, с. 179]. Или в другом письме тому же адресату с горечью пишет: «На износ живу» [2, с. 257]. Для Астафьева литературный труд – это и мука, и счастье.

В одном из писем 1973 г. Астафьев заметил по поводу изложенных другими биографическими сведениями о его жизни: «А биографию надо писать. Пишут все и врут, либо нажимают на жалостливые и выигрышные моменты: «тяжёлое детство», «солдат», «рабочий» и вот вам – писатель. <...> Так маскируют трагедию личности и

литератора, значит, и всего общества, как охотно и поспешно теряющего своё нравственное и национальное достоинство» [2, с. 173]. Письма, собранные воедино в «эпистолярный дневник», и стали самой объёмной биографией писателя с момента вхождения в литературу, по крупицам из года в год создававшейся им самим. В то же время это и срез литературной жизни на протяжении полувека.

В. П. Астафьев раскрывается в письмах как живой человек со своими индивидуальными чертами – внимательный и чуткий к людям, сердечный и благодарный, жёсткий и резкий, не поступающий своим мнением и своей правдой; как муж и семьянин, сын и отец. Наконец, как товарищ «по цеху», заботящийся о пишущей братии, «пристраивающий» произведения начинающих авторов; требовательный читатель-профессионал, критикующий и помогающий, радующийся успехам других. Но главное, в письмах речь идёт о процессе создания будущих книг, запечатлено творческое напряжение, в котором постоянно пребывает автор. Он поглощён мыслями о своих произведениях, находящихся в этот момент в работе, будь то создание текста, его последующая доработка, перипетии, связанные с публикацией, требованиями цензурного порядка, переживаниями по поводу прохождения рукописи. Своими переживаниями по поводу подготовки к публикации «Царь-рыбы» в журнале «Наш современник» Астафьев делится с критиком Валентином Курбатовым, его постоянным адресатом. Их переписка ранее была опубликована в книге «Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России» [4]. В письмах, вошедших в «эпистолярный дневник», раскрывается творческая история многих его произведений: запечатлены муки творчества, поиски слова, звука, детали, образа; процесс рождения новых замыслов и создания произведений.

Живя проблемами литературного общества и принимая активное участие в литературной жизни, заботясь о семье и более душой за свою многочисленную родню, тоскуя по малой родине, В. П. Астафьев постоянно стремится удалиться в деревню, на природу, чтобы писать и писать. Это та мучительная страсть, которая не отпускает его и не даёт покоя – вопреки болезням, контуженой голове, ранениям,

полученным на фронте, вопреки бытовому комфорту. Мощная творческая энергия буквально «распирает» писателя, ему, по-видимому, тесно и в рамках определённого жанрового канона, в границах художественного произведения, может быть, поэтому он – в лучших отечественных традициях эпистолярного жанра – пишет пространственные письма, очень разные по характеру выражения чувств (в зависимости от адресата), в которых отчётливо проявляется его способность живописать. Так, в одном из писем от 7 апреля 1975 г. читаем: «Утром едва расходился. Истопил печь и сел работать. Сделал немного, только беру разгон в новой главе. <...>

Глядь, с верхнего плёса пошла льдина. Дыбится, ломается, кусты на пути гнёт и режет.

Пообедав, отправился на реку. Потихоньку пошёл я по берегу к устью Сиблы, соображая, где потом и как можно будет рыбачить. Пришёл к Сибле, она разлилась, затопила кусты, бушует, грязная, взъерошенная, издали шумит, словно большой поезд на железной дороге.

<...> Но вот на той стороне вскипел белый бурун, донёсся шум, треск, что-то ахнуло, сломалось, и я увидел, что вся льдина двинулась, пошла почти незаметно глазу! <...>

Как прекрасна эта живая, трепетная река, пусть немножко холодноватая, тёмная и жуткая с виду, но тело её дышит, плоть, переполненная силами, куда-то стремится, чего-то ищет, ждёт. Снова я подумал о своей дочери на сносях, о том, что жизнь, как и чем бы её ни умирляли, берёт своё, всё хочет рожать, продолжать себя в нас» (здесь и далее курсив мой – А. С.) [2, с. 205]. Так, в «первичном речевом жанре», обычном письме проявляется характерное для автора особое восприятие и специфическая функция природного описания, соединившего в себе глубоко личное и сугубо профессиональное. Творческий процесс продолжается в переписке, в ней отгачивается слово, проверяется на зоркость «глаз», быстрыми и уверенными «мазками» выписывается картина. Переписка для Астафьева – это больше, чем способ общения, это ещё и художественная мастерская, «подспорье» в его писательском труде.

Дневниковый характер писем проявляется в том, что их автор открыто, прямо, иногда резко выражает свою позицию, будь то происходящее в стране, в литературе, в писательской среде. В девяностые годы его многое не устраивает в наступив-

шем «водвороте» жизни, в письмах доминирует оценка общественно-политической ситуации, нежели литературной. В мае 1990 г. одно из писем Астафьев завершает словами: «Что-то будет? *Уцелеет ли Россия и мы вместе с нею?*» [2, с. 444]. Его беспокоит состояние современной литературы. Так, размышляя о «тщете слов и пустопорожности суеты», писатель замечает: «Скоро слово никому не нужно будет совсем... Художники новых времён будут идти не от жизни, а всё от той же литературы, от зауми и беспочвенной выдумки. Их уже много, находящихся между небом и землёй, но ближе к ничейному пространству, а будет ещё больше, они выдоят до крови всё молоко, всю жидкость из великой литературы прошлого и станут перепевать друг друга, да и уже перепевают» [2, с. 445]. Астафьев выступает с позиций писателя-реалиста, продолжателя традиций русской классической литературы.

Несмотря на то, что автор «эпистолярного дневника» выступает против коммунистов, постоянно говорит о зле, которое принёс с собой большевизм, о вреде, нанесённом великой русской литературе соцреализмом, но и он сам, свободно мыслящий, не «оглядывающийся» на авторитеты, резкий в суждениях и оценках, – плоть от плоти своего времени. Исходя из своего жизненного опыта и эстетических пристрастий, Астафьев не желает разбираться в «новой» литературе, не доверяет «молодой» критике. В основе его взглядов лежит убеждение в том, что художественная литература призвана воздействовать на жизнь, меняя её к лучшему. Так, в одном из писем 1995 г. Астафьев сетует, что ему не пишется, скорее всего, потому, что одолевают «мысли о беспомощности своего дела, вопрос, задаваемый не только мной самому себе: «Книжечек-то вон сколько, а сделали они людей лучше?» Надежда только на Бога и на время...» [2, с. 573].

Прочитав рукопись повести прозаика и поэта В. Болохова, Астафьев в февральском письме 1991 г. даёт ей резкую оценку: «Я считаю твою повесть *антилитературой*, и коли существует *антижизнь*, то и литература, ею рождённая, должна была явиться. И думаю, что половина читателей поймет *антиязык* литературы подобного рода. Ведь мы и сами не заметили, что более чем наполовину наш обиходный язык уже состоит из блатного сленга, косноязычия и сквернословия.

Не знаю, есть ли будущее у литературы подобного рода? Почему бы и не быть? Ведь привился же рок к слаборазвитым народам...» [2, с. 459]. «Антилитературе», «антикультуре» Астафьев противопоставляет «классическую русскую культуру и прежде всего литературу» – прозу Бунина, Тургенева, Гоголя, Пушкина: «как тянет глотнуть чистого воздуха после душного помещения» [2, с. 459].

В одном из писем автор с горечью говорит о том, что «люди, толпа на земле всегда были недостойны своих гениев», удерживающих «собратьев по роду и по земле» «опуститься обратно на четвереньки». <...> Гениям среди нас уже делать нечего, *мы у края жизни, морали*, и вот пришли певцы и проповедники этого края, осквернители слова, надругатели добра, люди вялой, барахольной мысли и злобного пера.

Ещё никогда так открыто не проповедовалось зло в его омерзительном облике, и только так возможно восприятие этих, к сожалению, передовых художников, совершенно точно выражающих распад времени и морали совершенно разнузданными средствами» [2, с. 489].

В письме В. Я. Курбатову от 10 февраля 1998 г. В. П. Астафьев ставит свой диагноз современной словесности: «...*Литература от литературы* приняла массовый характер и давно уже несёт в своём интеллектуальном потоке красивые фонарики с негасимой свечкой, обёртки от конфеток, меж которых для разнообразия вертится в мелкой стремнине несколько материализованных щепок, оставшихся от строившегося социализма. <...> *Белокровие* охватывает литературу, занимающуюся строительством «новых» направлений на прежнем месте и из уже давно отработанных материалов» [2, с. 632], но не тех, что «сработали» Пушкин, Лев Толстой, Достоевский и Лесков.

В июньском письме 1993 г. Астафьев напоминает об ответственности писателя перед читателем: «*Живём и работаем абы как, и это после той блистательной литературы, которая за нашей спиной не то что неосвоенная, не постижимая умом, но даже и не прочитанная как надо (Гоголь прежде всего)*» [2, с. 512]. И сам спасается работой, чтобы «отвлекала от суеты и помогала забыть», чтобы «не особо остро *раниться* о современную жизнь...» [2, с. 520].

Писателя беспокоит ситуация с литературными периодическими изданиями,

его тревожит и будущее литературно-художественных журналов и альманахов. Он много пишет о плачевном состоянии культуры в провинции. Письма 90-х гг. изобилуют оценками и новых литературных произведений. Астафьев радуется успехам Евгения Носова и высоко оценивает его рассказ «Красное, жёлтое, зелёное»: «Увядаяще-прекрасный и светлый островок среди параш, камер, казарм, общаг и московских квартир, где маются интеллектуалы с похмелья» [2, с. 517]; хвалит Алексея Варламова за повесть «Рождение» и Михаила Черкасского за книгу «Сегодня и завтра, и в день моей смерти». Отмечает произведения Михаила Кураева, Леонида Бородин, Инги Петкевич и др.

По-особому раскрывается автор «эпистолярного дневника» в письмах, адресованных писателям-фронтовикам: Евгению Носову, Вячеславу Кондратьеву, Юрию Бондареву и др. Он радуется их успехам, рекомендует их произведения своим адресатам, проявляет удивительное внимание, чуткость, заботу и доброту. Так, его отличает совершенно удивительное, сердечное отношение к Евгению Носову, которого Астафьев высоко ценит и дорожит его дружбой. Он стремится помочь вдове Константина Воробьева, чтобы восстановить справедливость по отношению к писателю трагической судьбы, пишет Вячеславу Кондратьеву сразу по прочтении его повести «Сашка» («очень хорошую, честную и горькую книгу собрал»).

Астафьевские письма – это и уникальный материал, связанный с его литературным окружением, раскрывающий взаимоотношения с ним. Уважительно, по-человечески тепло он относится к С. Залыгину, К. Воробьеву, Е. Носову, В. Быкову, Ю. Гончарову, И. Акулову, Л. Леонову, А. Солженицыну, Н. Рубцову, Ю. Нагибину, Ю. Сбитневу. Письма также свидетельствуют о том, что отношение Астафьева в силу объективных причин со временем может меняться: так, в девяностые годы он не примет позиции и настроен критически к В. Распутину, В. Белову, Ю. Бондареву. И хотя система оценок Астафьева не знает полутонов, однако подавляющее большинство писем свидетельствует о добром и товарищеском отношении к собратьям по «цеху».

Для понимания астафьевской позиции, его оценки литературной ситуации 1990-х гг. важно «самоощущение» писателя,

его восприятие времени. Болезненной для Астафьева темой остаётся война. В письме Евгению Носову он признаётся: «Весь праздник, и день рождения свой, и этот горький День Победы постараюсь пробыть в тайге. Там я себя равноправным существом чувствую, а здесь, как деревянная куколка на нитке: и дёргают, и дёргают со всех сторон, и то ты кверху задом, то вниз головой» [2, с. 560].

К войне у бывшего фронтовика Астафьева особое отношение. Не случайно, одной из «сюжетообразующих» линий в книге стала война в жизни и творчестве писателя. Его первый рассказ «Гражданский человек» (1951) был написан о войне, повести 1960–70-х гг. «Звездопад», «Где-то гремит война», «Пастух и пастушка» о ней же, как и итоговый роман «Прокляты и убиты», а также примыкающие к нему повести 1990-х гг., составившие своего рода трилогию («Так хочется жить», «Обертон», «Весёлый солдат»). В письме к А. М. Борщаговскому от 22 ноября 1965 г. писатель признаётся: «На очереди небольшая повесть о войне. А я писать о войне всякий раз боюсь. Боюсь перед памятью убитых друзей сделать что-нибудь недостойно, лукавить, а ещё памяти своей боюсь. Иной раз так и думаю, что сдохну, разворошив всё и заглянув в нутро войны. Словом, всякий раз будто перед вразправдавшим боем. Оттого и так мало я написал о войне – уваливаю всё» [2, с. 77]. Будучи сквозной в книге, тема войны раскрывается многими гранями: в фактах собственной биографии, в сведениях об однополчанах, в отношении к писателям-фронтовикам, в оценке работ историков и литературных произведений о войне, в воспоминаниях о ней, в изложении творческой истории военных повестей, в раздумьях о романе, посвящённом Великой Отечественной войне.

Военная биография Астафьева раскрывается во многих письмах. В частности, в одном из них он вспоминает: «Летом 41 года – учился в ФЗО на станции Енисей, поработал полгода и на фронт. Воевал сперва на Брянском фронте, а потом всё время на 1-м Украинском. Воевал рядовым солдатом в артиллерии, был трижды ранен (бойкий наскочет!) и рядовым снят с учёта в 50 лет» [2, с. 268]. Писатель активно переписывается и с однополчанами, вспоминает своих фронтовых друзей.

Он много и мучительно размышляет о войне, на протяжении нескольких десятилетий собирает материал о ней, вынаши-

вает замысел создания романа, постепенно вырабатывая свою философию войны. В апреле 1983 г. Астафьев пишет резкое письмо в редакцию газеты «Московские новости» по поводу полемики Василия Морозова и Александра Самсонова, опубликованной на страницах газеты в 13-м номере: «<...> Советские историки в большинстве своём, а сочинители и редакторы «Истории Отечественной войны» в частности, давно потеряли право прикасаться к святому слову «*правда*». <...>

Вся двенадцатитомная «История» создана, с позволения сказать, «учёными» для того, чтобы исказить историю войны, спрятать концы в воду, держать и дальше наш народ в неведении относительно наших потерь и хода всей войны, особенно начального её периода» [2, с. 325]. Как фронтовик, знающий о войне не понаслышке, страдающий от наслоений лжи о ней и близко к сердцу принимающий эту ложь, Астафьев обострённо воспринимает и болезненно реагирует на искажение исторической правды. Именно поэтому писателю важно донести до читателя свою правду, показать ту войну, которую он знал, добраться до её «нутра».

Замысел итогового романа о войне возник у Астафьева, по-видимому, по завершении повести «Пастух и пастушка», в процессе её доработки. В одном из июньских писем 1974 г. И. Стрелковой он упоминает о том, что у него «вчерне написанный лежит второй уже год роман о войне» [2, с. 188]. Причём, эта работа не даёт писателю покоя, 9 августа того же года в письме А. Михайлову он вновь возвращается к роману: «Собираюсь всерьёз и вплотную заняться военной темой после «Царь-рыбы» [2, с. 189]. Для исследователей творческой истории произведений Астафьева особое значение будут иметь все упоминания, связанные с будущим романом.

Любое эпистолярное повествование отличается фрагментарностью, и тем важнее, что Астафьев в письмах вновь и вновь возвращается к неотступно владеющей им мысли написать эпическое произведение о войне. В одном из летних писем 1978 г. он признаётся: «Я всё думаю над трилогией о войне, она у меня уже обрисовалась, в общем-то, и на будущий год, жив буду, приступлю к этой невероятно трудной работе, и хватит мне её, наверное, до конца дней моих» [2, с. 259]. Через три года, переехав из Вологды на свою «малую родину» в

Сибирь, Астафьев в коротеньком письме, адресованном В. В. Воробьёвой, упоминает и о романе: «В Сибири всё ещё устраиваюсь, но и помаленьку начинаю работать. Осенью надеюсь начать свой роман. О войне. Годы летят, а всё кажется, что *главная книга* всё ещё не написана. Что она впереди» (29 августа 1981 г.) [2, с. 301].

И уже работая над романом, в письмах автор делится планами, рассказывает о том, как продвигается его труд. Однако работа над ним периодически прерывается: то из-за «Печального детектива» (1985), новых рассказов – глав «Последнего поклона» и других произведений, то из-за многочисленных поездок и писательских «представительских» и прочих обязанностей, то из-за домашних забот и семейных горестей. Но причина, возможно, и в другом. В 1985 г. в письме к Г. Ф. Шаповалову Астафьев с горечью замечает: «Просят, умоляют написать о войне, напишешь – не проходит в печать: всем нужна война красивая и героическая, а та, на которой мы были, с грязью, вшами, подлецами-комиссарами вроде начальника политотдела нашей дивизии – такая война никому не нужна, а врать о войне я не могу...» [2, с. 348].

В письмах вновь заходит речь о романе уже в конце 80-х гг., автор сообщает В. А. Линнику, что работа над второй и третьей книгами завершена, и он заканчивает первую (24 ноября 1989 г.). В связи с началом публикации в 1992 г. в «Новом мире» романа «Прокляты и убиты» Астафьев сообщает своему другу Евгению Носову: «В 10–11-м номерах «Нового мира» собираются печатать мою первую книгу романа («Чёртова яма» – А. С.), готовлюсь ко второй и вижу, какая «лёгкая» была первая. Одолею ли? Надел сам на себя хомут и тащу на стёртой шее» [2, с. 495]. В связи с публикацией второй части романа «Плацдарм» в 1994 г. («Новый мир», № 10–12) в письме В. Я. Курбатову Астафьев жалуется, что его это не радует, т. к. «пришлось сокращать семь листов, резать по живому...» [2, с. 546].

Роман «Прокляты и убиты» сразу же после публикации оказывается в центре жёсткой полемики, многие фронтовики его не принимают. Они пишут Астафьеву, и он вынужден оправдываться, объяснять свою позицию, спорить, убеждать: «Что же касается неоднозначного отношения к роману, я и по письмам знаю: от отставного комиссарства и военных чинов – ругань, а от солдат-окопников и офицеров идут письма одобрительные, многие со словами: «Слава богу, дожили до правды о войне!..»

Но правда о войне и сама неоднозначная. С одной стороны – Победа. Пусть и громадной, надсадной, огромной кровью давшаяся и с такими огромными потерями, что нам стесняются их оглашать до сих пор. Вероятно, 47 миллионов – самая правдивая и страшная цифра <...>» [2, с. 551–552].

Позиция Астафьева, проявившаяся в романе, высказывалась им и ранее – в публицистике, в интервью, поэтому он вынужден был отвечать на письма своих оппонентов и вести нелёгкий для себя самого и другой стороны разговор. В литературную летопись Великой Отечественной войны Астафьев, несомненно, вписал свою страницу. Может быть, поэтому он так долго «болел» этим романом, так мучительно размышлял о противоречиях, итогах и уроках войны.

Материал «эпистолярного дневника» настолько насыщен, уникален и значителен, что масштабное исследование его ещё впереди. Астафьевские письма, создававшиеся на протяжении полувека и собранные под одной обложкой, стали документом своего времени, в котором автор запечатлел жизнь духа на фоне исторической действительности второй половины XX столетия. И в этом состоит главное значение и жанровая новизна книги Астафьева, в которой, с одной стороны, сохраняется верность отечественной литературной традиции (эпистолярное повествование, приближающееся по форме к писательскому дневнику), с другой, активно осваивается новое содержание.

Список литературы

1. Астафьев В. Царь-рыба : повести и рассказы. М. : Эксмо, 2004. 960 с.
2. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск : Сапронов, 2009. 720 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
4. Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов : письма из глубины России / сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск : Издатель Сапронов, 2002. 512 с.
5. Муравьев В. С. Эпистолярная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Ин-т научн. информации РАН. М. : Интелвак, 2001. С. 1234, стб. 2.

**От согласия – к спору: библейский эпиграф в русской литературе
XIX–XX веков**

Концепция и логика статьи, посвящённой анализу функционирования библейских эпиграфов в творчестве Ф. М. Достоевского и А. А. Ахматовой, основываются на следующих научных положениях. Во-первых, на обозначении тех узлов русской культуры, что глубинно связывают имена Достоевского и Ахматовой: Пушкин, Петербург, Православие. Во-вторых, на исследовании связи эпиграфов из Библии с мировоззренческими, этическими и художественными принципами писателя и поэта. В-третьих, на обнаружении того существенного семантического и функционального сдвига, который принципиально отличает две литературные эпохи.

Ключевые слова: Библия, эпиграф, литературная эпоха, духовное пространство, нравственный идеал, этическая и религиозная норма.

T. A. Snigireva, A. V. Podchinenov
Yekaterinburg, Russia

**From the Consent – to the Dispute: Holy Writ Epigraph in Russian Literature
of the XIX–XX centuries**

Conceptually and logically, the article, being devoted to the analysis of Holy Writ epigraphs functioning in Feodor Dostoevsky's and Anna Akhmatova's works is based on the following scientific statements. Firstly, they mark those Russian cultural connections which deeply associate the names of Dostoevsky and Akhmatova: Pushkin, St. Petersburg, Orthodoxy. The second thing is the study of Holy Writ epigraphs as connected with ideological, ethical, and creative principles stated by the author and by the text. Finally, the article is an attempt to discover that basic semantic and functional shift which makes the main distinction between two epochs in literature.

Keywords: Bible, epigraph, epoch (in literature), inner space, moral ideal, ethic and religious norm.

«Скращение судеб» русской литературы уникально своим многообразием и неожиданностью проявлений. Так, сразу можно обозначить те узлы русской культуры, что глубинно связывают имена Достоевского и Ахматовой: Пушкин, Петербург, Православие. Пушкин – как знак абсолюта русской культуры. Петербург – как знак абсолюта места («гений места») русской культуры. Православие – как знак приближённости к духовному и этическому абсолюту в его русском варианте. Сама высота уровня сближения позволяет поэту XX в. при помощи имени художника XIX в. определить состояние всей России, имя становится символом целой эпохи: «Россия Достоевского. Луна / Почти на четверть скрыта колокольной» [2, с. 214]. Или, не называя имени, используя изблюбленный приём Пушкина – тайнопись, определить существенную черту русской литературы, присущую Достоевскому, – дар пророчества:

Страну знобит, а омский каторжанин
Всё понял и на всём поставил крест.
Вот он сейчас перемешает всё
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесётся. Полночь бьёт.
Перо скрипит, и многие страницы
Семёновским припахивают плацем [2, с. 215].

Используя аллюзии и намёки, приоткрыть тайну творчества писателя, с предельным лаконизмом дать абрис его мира и, в конце концов, определить роль и судьбу художника в России:

А в Старой Руссе пышные каналы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стёкла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдём.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(«А в Опинной мне больше не бывать...») [2, с. 215].

Отсыл к Достоевскому сделал возможным одно из самых блистательных определений Петербурга, известных в русской литературе:

И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман [2, с. 243].

Определение, в котором город отмечен вымороченной дьявольской пустотой и окутан тем обаянием тайны пустоты, что сделало возможным заполнять его пространство бесконечными поэтическими смыслами.

Достоевский для Ахматовой связан и с особым открытием значимости и безусловности иной – художественной реальности. В дневниковой записи 1965 г. зафиксировано незабываемое до конца жизни ощущение: «Первая бессонная ночь – чтение «Братьев Карамазовых». <...> В Ташкенте возникла тема "Дост[оевский] и Толстой"» [1, с. 332].

Ощущение существования в едином духовном пространстве позволяет художнику вести непрекращающийся диалог не только со своими предшественниками, но и с предтечами. И это уже не явный, но потаённый сюжет, позволяющий рядоположить имена Достоевского и Ахматовой.

Анализ эпиграфистики писателей двух веков позволяет обнаружить как явную, так и потаённую «воздушных путей переключку» российской словесности, поскольку эпиграф, с одной стороны, – наиболее отчуждённый от авторского «я» фрагмент текста, с другой – выбор эпиграфа всегда связан с чётким осознанием своего магистрального культурного вектора. В этом смысле совпадающая частотность обращения Достоевского и Ахматовой к Библии не только показательны, но и сущностны: мир Библии несёт в себе этический код, по которому сверяет свою судьбу человек, осознавший себя Творцом.

Библия изначально по генезису и по гносеологическому осознанию неразделима с литературой [10]. Не случайно у Достоевского, тяготеющего к философски экзистенциальному восприятию бытия, впервые эпиграф из Евангелия появился в сочетании с пушкинским (роман «Бесы»). Евангельский эпизод об исцелении гадаринского бесноватого Христом, символизирующий размышления писателя о судьбах

России и Европы, подкрепляется «Бесами» Пушкина, констатирующими временный характер духовных болезней «эпохи цивилизации» [5, с. 253–254]. Достоевский видит в великом поэте современного пророка, помогающего прочесть «великий код» вечной книги, в данном случае – миф падения и искупления. Писатель, для которого использование эпиграфов, скорее, редкость (разве что для создания пародийного или полемического дискурса в «Крокодиле» и «Записках из подполья»), обращается к тексту Нового Завета и творчеству Пушкина, предваряя ими свои концептуальные романы «Бесы» и «Братья Карамазовы» и воспринимая их как доминанту современной культуры.

Безусловно, отправной точкой для Достоевского всегда было Евангелие, в нём он видел нравственно-гуманистическую основу православной веры русского народа. Евангельская любовь, сострадание, милосердие, человеколюбие и есть та нравственная сила, которая, согласно «третьезаветничеству» великого писателя, способна внести в личную и общественную жизнь гармонию и мир. И вполне закономерно неприятие и порой враждебное отношение к Православию Достоевского со стороны части русских религиозных философов и литераторов.

Таким образом, Евангелие, как и Православие в целом, представляет собой такую параллель к Достоевскому, без которой духовная природа его творчества не может быть понята во всей полноте [7].

«Ахматова и христианство» – тема вполне традиционная и, казалось бы, очевидная. Однако в последние годы в связи с публикациями главным образом мемуарного характера в вопросах «поэт и религия», «Ахматова и её религиозность» стала возникать некоторая двусмысленность. С одной стороны, несомненно личная религиозность Ахматовой, чему есть множество самых разных подтверждений. Достаточно вспомнить то, с каким неизменным постоянством И. Бродский пишет об А. Ахматовой не столько как об учителе в поэзии (недаром неоднократно упоминается ахматовская фраза, к нему обращённая: «Вам мои стихи не могут нравиться»), сколько как о человеке, научившем его христианскому отношению к миру и людям: «В те времена я был абсолютный дикарь, дикарь

во всех отношениях – в культурном, духовном, я думаю, что если мне и привились некоторые элементы христианской психологии, то произошло это благодаря ей, её разговорам, скажем, на темы религиозного существования. Просто то, что эта женщина простила врагам своим, было самым лучшим уроком для человека молодого, вроде вашего покорного слуги, уроком того, что является сущностью христианства» [3, с. 120].

С другой стороны, не менее близкий друг «последнего призыва», Ан. Найман, с некоторой ожесточенностью пишет о недопустимых для религиозного человека ахматовских трактовках библейских сюжетов, образов, мотивов: «И когда Ахматова обращается к Богу: "Ты, росой окропляющий травы, / Вестью душу мою оживи, / Не для страсти, не для забавы, / Для великой земной любви", – и начало четверостишия очевидно повторяет молитву Иоанна Златоуста на 11-й час дня: "Господи, окропи в сердце моём росу благодати Твоя", – то конец столь же очевидно противопоставляется его молитве на 10-й час ночи: "Господи, сподоби мя любить Тя от всей души моя и помышления..." В контексте стихотворения эта "великая земная любовь" сродни карамазовскому толкованию евангельских слов о грешнице, которая "возлюбила много": "...она «возлюбила много, – кричит Федор Павлович, –, а возлюбившую много и Христос простил..." – "Христос не за такую любовь простил..." – вырвалось в нетерпении у кроткого отца Иосифа» [8, с. 75].

Ошибки, связанные с конфессиональными требованиями к поэзии, проявляют себя порой в парадоксально карикатурном виде. Так, автор «Заметок о Анне Ахматовой», великолепно знающий и чувствующий её творчество, в своих претензиях к «вольностям» христианского порядка (особенно его раздражает ранняя любовная лирика, известные строки о «молитвенном коврике» или не менее известные: «Благослови же небеса – / Ты первый раз одна с любимым») становится неуловимо похож на сурового и одновременно невежественного идеолога советской эпохи, сказавшего об Ахматовой печально знаменитое: «полумонашенка, полублудница».

При безусловной значимости для Ахматовой христианского мироощущения, властном существовании в её творчестве

библейских образов, мотивов, сюжетов и ситуаций, «мощный интеллектуализм» (Д. Самойлов), рождённый самим типом личности и усиленный катастрофизмом эпохи, заставлял Ахматову не только продолжать, но и отталкиваться от этической гармонии Библии, создавая свою новую гармонию. В этом смысле Ахматова – осознанно дерзкий поэт. Не случайно она предостерегает своих учеников об опасности обращения к Библии всуе: «Зато, когда после «Исаака и Авраама», всем и высоко оцененных, он (И. Бродский – А. П., Т. С.) вскоре начал ещё одну вещь на библейский сюжет, она высказалась резко в том смысле, что Библия не сборник тем для сочинения стихов, и хотя каждый поэт может натолкнуться в ней на что-то своё, собственное, но тогда это должно быть исключительно личным, и что вообще нечего эксплуатировать однажды добытый успех» [8, с. 369]. Предупреждение не означает запрета, но исключает суетность. Сама Ахматова постоянно обращается к Библии, вплоть до внешнего (отметим сразу, но не сущностного) стихотворного пересказа/ переложения: «Библейские стихи», «Реквием». Восемь раз библейские строки выносятся в одну из самых сильных позиций текста – эпиграф.

1. И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показали ему за несколько дней, потому что он любил её. Книга Бытия. Библейские стихи. Рахиль. 1921.

2. Жена же Лотова оглянулась и стала соляным столпом. Книга Бытия. «Библейские стихи». «Лотова жена». 1922–1924.

3. Но Давида полюбила... дочь Саула, Мелхола. Саул думал: отдам её за него, и она будет ему сетью. Первая Книга Царств. «Библейские стихи». «Мелхола». 1922–1961.

4. Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи. «Реквием». «Распятие». 1935–1940.

5. Пс. 6, ст. 7. «Майский снег». 1917.

6. И сделалась война на небе. Апок [алипсис]. «Лондонцам». 1940.

7. ... и настало ему время идти путём всея земли. Кн. Царств. «Путём всея земли». 1940.

8. ... и Ангел поклялся живущим, что времени больше не будет. Апокал[ипсис]. «Путём всея земли». 1940.

Выбор Ахматовой эпиграфа всегда точен, определён, жёстко подчинён авторским намерениям. Есть многочислен-

ные свидетельства, как настойчиво искала она оптимальный для её замысла вариант эпиграфа. Так, в 1965 г. она вновь и вновь «перекраивала», почти без надежды на публикацию, «роскошное» (ахматовская горько-ироническая реплика) издание «Бега времени» и в связи с этим возникает дневниковая запись: «Это оказалось несколько сложнее, чем я предполагала. Все-го труднее подобрать тексты для будущих эпиграфов. Меня до сих пор ещё не удовлетворяет мой выбор и мерещится что-то лучшее» [1, с. 332]. В этом же году появляется запись-размышление о возможности (необходимости?) эпиграфа к столь, казалось бы, не нуждающемуся в эпиграфе жанру, как прозаические заметки: «Взять эпиграф к «Листкам из дневника» ... «Из чего же он (Человек) состоит: из Времени, Пространства, Духа?». И сразу же объясняет свой выбор, прямо соотнося его с главными целями своего собственного творчества: «Писатель, надо думать, и должен, стремясь воссоздать Человека, писать Время, Пространство, Дух» [1, с. 357].

Библейский эпиграф в поэзии Ахматовой выполняет как общепринятые, так и свойственные только её творческой индивидуальности функции. Прежде всего, назовём традиционные приёмы использования эпиграфа.

1. *Отсыл к предтече, прямое указание на следование традиции.* Поэму «Путём вся земля» (1940), как и «Реквием», А. Ахматова называла «панихидой по самой себе». В. М. Жирмунский, наряду со стихотворениями «Когда погребают эпоху...» и «Лондонцам», поэму «Путём вся земля» считает решительным переломом в творчестве Ахматовой, который вызван очередным «ощущением надвигающегося исторического кризиса, отражающегося в кризисе сознания самого автора» [6, с. 136]. Первоначальные названия поэмы – «Ночные видения» и «Китежанка». Последнее отсылает к трагической мифологии России и ближе всего к замыслу поэмы, но и оно было заменено строками из Ветхого Завета: «Вот я ныне отхожу в путь всей земли. А вы знаете всем сердцем вашим и всею душою вашей, что не осталось тщетным ни одно слово из добрых слов, которые говорил о вас Господь, Бог ваш; всё сбылось для вас, ни одно слово не осталось неисполвшимся» (Библия. Кн. Иисуса Навина, 23.14). Контекст цита-

ты углубляет замысел Ахматовой, прямо соотносящийся с магистральной темой её творчества: нетленности царственного (= поэтического) Слова. Два эпиграфа предваряют поэму: «...и настало ему время идти путём вся земля», «...и Ангел поклонялся живущим, что времени больше не будет». Первый является сложной комбинацией слов из Поучения Владимира Мономаха («Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до сих дней грешного сохранил») со строками из Третьей книги Царств («Вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и мужественен». 2.2). Второй является вольной цитатой из Апокалипсиса: «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу. И поклонялся Живущим во веки веков, который сотворил небо и все, что на ней, и море и все, что на нем, что времени уже больше не будет» (Откровение святого Иоанна Богослова. 10. 5–6). Оба эпиграфа отсылают к уже названному, а следовательно, пережитому человечеством чувству вселенского катастрофизма мира и мужественной необходимости пройти (избыть) свой тернистый путь.

2. *Предварение основной мысли.* В раннем стихотворении «Майский снег» (1916), адресатом которого, по свидетельству П. Лукницкого, был Б. Анреп, эпиграф представлен в виде кода - «Пс.6, ст. 7», расшифровка которого («Утомлён я вздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе моё, слезами моими я омочаю постель мою»). Из псалма 6-го царя Давида) прямо «рифмуется» с финальными строками стихотворения: «И ранней смерти так ужасен вид, / Что не могу на Божий мир глядеть я. / Во мне печаль, которой царь Давид / По-царски одарил тысячелетья» [2, с. 261]. В той же функции артикулирования, усиления основной мысли произведения выступает эпиграф из Апокалипсиса «И сделалась война на небе», предваряющий трагическое стихотворения 1940 г. «Лондонцам».

3. Доминантной для Ахматовой является *диалогическая функция эпиграфа*, поскольку «он является одним из средств связи с мировым поэтическим текстом» [4, с. 126]. Углубляя мысль о принципиальном диалогизме эпиграфа Ахматовой, Т. В. Цивьян называет его принципиально открытым, фрагментарным, незавершённым. Выбранные Ахматовой эпиграфы требуют

не только знания исходного текста, но и соотношения этого текста с её произведением. Отметим, что ахматовский эпиграф не предполагает воспроизведения исходного текста: цитата намеренно восстановлена по памяти и обращена к активной памяти читателя» [11, с. 126–127]. Точно подмечено исследователем эпиграфов из Боратынского к «Чёткам» и второй главе «Поэмы без героя»: «Прочтение Ахматовой было оригинальным и точным: вглядываясь в поэтическое наследие Боратынского, она отбирала *своё* (выделено авторами – Т. С., А. П.) – то, что могло бы быть сказано ей, и предвещало её лирику» [4, с. 125]. С особой очевидностью обнаруживает себя диалогическая функция эпиграфистики Ахматовой в цикле «Библейские стихи» (1921–1961), причём в весьма остром, чуть ли не конфликтом к источнику варианте. Все три «портретных» (выражение Ахматовой) стихотворения цикла предварены эпиграфами, содержащими фабульную канву библейских притч. «Рахиль»: *И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показали ему за несколько дней, потому что он любил её (Книга Бытия).* «Лотова жена»: *Жена же Лотова оглянулась и стала соляным столпом (Книга Бытия).* «Мелхола»: *Но Давида любила... дочь Саула, Мелхола. Саул думал: отдам её за него, и она будет ему сетью (Первая Книга Царств).* Но лирические сюжеты трёх ахматовских новелл входят в конфликт с библейской фабулой. Женщина становится не объектом эпического повествования, но субъектом лирического переживания. Это женщина говорящая, любящая и страдающая. Авторскую волей библейская Лотова жена, у которой нет имени, но есть только знак принадлежности – «Лотова» – и знак наказания заслушания – «соляной столп» – из безымянной грешницы становится истинной героиней, вызывающей не только сочувствие, но и восхищение: «Кто женщину эту оплакивать будет? / Не меньшей ли мнится она из утрат? / Лишь сердце моё никогда не забудет / Отдавшую жизнь за единственный взгляд» [2, с. 402].

Стремление в «чужом» увидеть «своё», а также установка на активный диалог с читателем провоцировали Ахматову на неточность цитирования эпиграфа, что встречается довольно редко, во всяком случае, много реже, чем неточное цитирование в основном тексте. Эпиграф по

определению должен быть точен, иначе у читателя может возникнуть ощущение досадной ошибки, небрежности или игры, провала памяти. На последнее чаще всего и ссылаются при объяснении неточностей в эпиграфистике Ахматовой. Однако есть строки безусловные, в которых ошибиться весьма сложно, и в таком случае «неточность» должна оцениваться как сознательный художественный приём.

Так, «Распятие» предваряет неточная цитата из ирмоса IX-й песни канона службы в Великую субботу: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе...» Ахматова актуализирует семантику смертности в пространстве ослепшей к людскому горю страны: «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи...» Дневниковые записи свидетельствуют, что Ахматова знала точное звучание строк. В Страстную неделю 1965 г. она делает следующую запись: «Среда. Ирмос 9-й [есни] канона. В вел[икую] Суб[боту]. Не рыдай, Мене, Мати, зрящи во гробе, его же во чреве без семени зачала еси сына; восстану бо и прославолюся и вознесу со славою непрестанно яко Бог, верою и любовью тя величающая» [1, с. 321].

Кроме обозначенных традиционных функций, не исключаящих, но предполагающих функцию диалогическую, эпиграфика Ахматовой отмечена индивидуальными особенностями, специфической структурно-смысловой нагрузкой, которую поэт на неё возлагает. Эпиграфы у Ахматовой становятся «скрепами» смысла цикла, поэмы, книги и даже системы поэтических книг. Здесь необходимо заметить, что многие эпиграфы появились у Ахматовой *post scriptum*, порой после первых публикаций. Так, эпиграф к стихотворению «Рахиль» впервые появляется в 1943 г. Первый вариант эпиграфа к «Лотовой жене» звучал весьма архаично («И озереса жена его вспять и бысть столп слан») и был приведён в стилевую соотнесённость с другими эпиграфами при позднем формировании цикла. «Мелхола», первоначально датированная 1959–1961 гг., не имела эпиграфа. Позже, при формировании цикла, Ахматова и этому «сильному портрету», «горчайшему» стиху (её собственные оценки) даёт эпиграф и изменяет время написания – 1922–1961, тем самым укрепляя целостность «Библейских стихов».

Ахматова, несмотря на очевидную связь с христианской культурой, остаётся поэтом

XX в. Опираясь на свой жизненный и творческий опыт, она переосмысляет Библию: любовь, история, судьба, христиански понятное предназначение человека становятся в мире Ахматовой страданием, роком, трагедией. Достоевский тоже по-своему воспринимает Библию и Новый Завет, но судьба и личность Христа для него – непреложный нравственный идеал, «вековечный от века», что позволяет сохранять веру в торжество добра и справедливости, любви и сострадания в «эпоху цивилизации», обособления людей, эпоху индивидуализма, своеволия и бесовства. Библейские эпитафии в творчестве Достоевского напоминают человечеству о вечном и неизменном пути, который оно каждый раз проходит в своём постиже-

нии смысла бытия, пути, сопряжённом с сомнениями, разочарованиями, духовными потерями и обретениями. Писатель XIX в. предопределяет то нравственное и экзистенциальное содержание священной Книги, которое будет востребовано последующими поколениями. Очевидно, что собственно конфессиональный подход к явлению и сути искусства не всегда или всегда себя не оправдывает. Каждый большой художник вне зависимости от глубины и серьезности веры всегда становится еретиком, ибо, беря на себя миссию Творца, он создаёт свой мир, мир человеческий, прекрасный и яростный, явленный с нечеловеческой (божественной) точностью и красотой: «и творчество, и чудотворство!» (Б. Пастернак).

Список литературы

1. Ахматова А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Эллис Лак 2000, 2002. Т. 6. 672 с.
2. Ахматова А. Я – голос ваш... М. : Кн. палата, 1989. 384 с.
3. Бродский И. Большая книга интервью. М. : Захаров, 2000. 704 с.
4. Гельфонд М. Эпитафии из Боратынского в творчестве Анны Ахматовой // Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилёва в контексте поэзии XX века. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2004. С. 121–132.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. Т. 12. 376 с.
6. Жирмунский В. М. Творчество А. Ахматовой. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 184 с.
7. Звозников А. А. Достоевский и Православие : предварительные заметки // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1994. С. 179–191.
8. Найман Ан. Рассказы о Анне Ахматовой. М. : Вагриус, 1999. 432 с.
9. О Великом Инквизиторе : Достоевский и последующие. М. : Мол. гвардия, 1992. 272 с.
10. Халациньска-Вертеляк Х. Евангелие от Святого Иоанна и эпизод романа «Братья Карамазовы» : литературное произведение в перспективе «великого кода» // Достоевский и мировая культура : альманах № 15. СПб. : Альт-Софт, 2000. С. 112–119.
11. Цивьян Т. В. Об одном ахматовском способе введения чужого слова: эпитафия // Семиотические путешествия. СПб. : И. Лимбах, 2001. 248 с.

Т. Б. Тагарова
г. Иркутск, Россия

К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными

Статья посвящена описанию бурятских фразеологических единиц с числительными с широкой точки зрения в культурологическом аспекте. Числа являются культурологическими универсалиями и имеют одновременно национальное своеобразие. Числительные усиливают экспрессивность фразеологических единиц и участвуют в противопоставлении «много-мало», передавая значение неопределённо большого и малого количества. Национальная специфика проявляется в частотности зоонимов и соматизмов в составе этих единиц.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологические единицы с числительными, национальная специфика, культурологическая универсалия, экспрессивность, противопоставление «много-мало», неопределённо большое и малое количество.

T. B. Tagarova
Irkutsk, Russia

To Language and Cultural Characteristics of Buryat Phraseological Units with Numerals

This article is devoted to phraseological units of the Buryat language with numerals. In the article phraseological models with numerals are presented as elements of the language picture of the world. It is revealed that phraseological units are universal culturalogical units and at the same time they have national specificity. Animalist and somatic words dominate in the structure of phraseological units. The numerals make expressiveness of phraseological semantics stronger, take part in the contrasting 'many-small', give indefinitely many or indefinitely small quantity semantics.

Keywords: language picture of the world, phraseological units with numerals, national specificity, universal culturalogical units, expressiveness, contrasting 'many-small', indefinitely many or small quantity semantics.

Как известно, фразеология представляет собой языковое выражение фрагмента действительности, языковой картины мира, передающей специфическое восприятие мира народа. «...Система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [7, с. 215].

Труды таких известных учёных-фразеологов монголоведов России, как Т. А. Бертагаев (1949), Ц.-Д. Б. Будаев (1970), Ш.-Н. Р. Цыденжапов (1980), Г. Ц. Пюрбеев (1972), Монголии – Чой. Лувсанжав (1970), Г. Аким (1999, 2001) и др. внесли большой вклад в развитие исследования лексико-грамматических особенностей, семантики и структуры фразеологических единиц

(ФЕ) монгольских языков. ФЕ в стилистическом аспекте с широкой точки зрения на фразеологию рассматривались автором этих строк (2002, 2008). Несмотря на успехи в изучении фразеологии монгольских языков, в лингвокультурологическом аспекте (Ж. Баянсан, 2002), исследований ещё не достаточно. В этом аспекте большой интерес представляют ФЕ с числительными, одними из самых ранних языковых единиц, обозначающих фрагменты картины мира.

Цель данной статьи – выявление особенностей употребления числительных (1–10) в ФЕ бурятского языка, роли чисел в отражении национального своеобразия этнических культур.

В языкознании имеются интересные исследования лексического выражения числовых понятий монгольских языков с точки зрения содержащейся в них символики [9, с. 509–515], о значении сакрального числа 108 [2, с. 25–27], числа 13 в эпосе и ми-

фологии [1, с. 238–244] и т. д. Этих авторов объединяет мнение о том, что мифологическое число рождается традицией, идущей из глубин веков, оно сродни магическому слову, и его сакрализация является выражением особого мироощущения, данному этносу присущего [3, 243].

По работам таких отечественных и зарубежных учёных, как Н. Л. Жуковская, С. Дулам, В. Н. Топоров, Д. О. Добровольский, Д. О. Шепшинг, В. В. Новицкая, У. Шмидт и др. известно, что число относится к важнейшим универсальным концептам культуры, при помощи которых люди воспринимают мир и создают его.

Числительные в составе ФЕ в выбранном ракурсе исследования мы рассматриваем как словесное выражение ментально обусловленных в употреблении чисел. В мировой культуре "один" (единица) символизирует первичную целостность, свет или солнце, источник жизни. В монгольских языках "единица" также значит начало, это первый шаг творения (монг. *анх(а)* – первый и *ганц(са)* – единственный). Единица – символ жизненной силы, духа и судьбы человека [5, с. 270–271]. Это иллюстрируют следующие фразеологические выражения (паремии) со значением большого потенциала одного:

Монг. *ганц морьт уралдаач, ганц дээлт барилдаач*, бурятский вариант – *ганса моритой урилдааша, гахай ябаган барилдааша* – с одним конём в скачках участвует, с одним дэли, да борец (пеший подобно свинье борец); монг. *ганцаас газар дүүрч, хоёроос хошуу дүүрэх*, бур. *гансаага газар дүүрэхэ, дуьалһаа далай болохо* – от одного земля заполнится, от двоих село заполнится (от капли море будет); монг. *нэг сумаар хоёр туулай буудах* – одной стрелой двух зайцев стрелять; *нэг тэмээний хорголд мянган тэмээ хальтардаг* – на помёте одного верблюда тысяча верблюдов подскользывается и т. д.

Отметим, что зачастую монгольские и бурятские ФЕ с числительными совпадают по семантике, по структуре, т. к. это генетически родственные языки.

Приведём бурятские ФЕ с числом "один": *нэгэ зулаар* – одним махом; *ганса сусал галай эхэ, ганса үнээн зөөриин эхэ* – одна головня начало огня, одна корова имущества начало; *ганса дуьал тоншооор хатуу шулууе мүлидэг* – одна капля долбит и шпли-

фует твёрдый камень; *зуруулай гансахан модон бүхэли гэр шатаадаг* – одна спичка сжигает целый дом и т. д.

Число **один** символизирует и начало, человеческое «я», и знак одиночества. Например, *ганса сусал гал болохогүй, ганса хүн хүн болохогүй* – одна головешка огнём не станет, один человек человеком не станет, ср. рус. "один в поле не воин"; *ганса бэе, гозон толгой (гахай ябаган)* – букв. одно тело, одна голова (свинья пешая) – одинокий человек, бобыль; *ганса модондо гал халдасагүй* – к одному дереву огонь не пристанет; *гансаараа нуухада гал хани* – у живущего в одиночку огонь – друг и т. д.

Наблюдается превалирование ФЕ со значением противопоставления "мало – много": *ганса модон гал гуламташые унтаргадаг, хоёр болобол, хээрэшые шатадаг* – одно дерево гасит очаг, два сжигают степь; *олон – бүхэ, ганса – хэбэрэг* – много – крепко, один – слабо; *олон модон – ой, ганса модон гадаһан* много деревьев – лес, одно дерево – кол и т. д.

ФЕ со словом «один» реализуют значения единого целого, единственности, противопоставления множественности.

Как известно, **два** – символ двойничества. В бурятских ФЕ наблюдается передача значения неопределённости положения, при этом числительное *хоёр* выполняет функцию сочинительного союза: *үхээн амидын хоёрой хоорондо* – между смертью и жизнью; *газар тэнгэри хоёрой хоорондо* – между небом и землёй и т. д.

Выражается значение противопоставления и сопоставления: *тэмээн ямаан хоёр* – верблюд и коза (по размеру); *гал уһан хоёр* – огонь и вода (по характеру); *хоёрой хоорондо хоро хаяха* букв. между двоими яд бросить – посеять семя раздора и т. д.

Передаётся значение преимущества в силе, возможности, значение усилительности: *хоёр хүнэй тэбэрилдэмэ (мүргэлдэмэ) (харанхы)* – так темно, что два человека столкнутся, обнимутся ≈ хоть глаз выколи (темно); *газар тэнгэри хоёр ниилэхэ мэтэ* – словно земля и небо соединяются (о буре); *хоёр заяанда нүгэлгүй* – в двух судьбах безгрешен; *хоёр нюдэнэй хоорондо буулгаха* букв. между двух глаз опустить – ударить в переносицу; *хуурай газар дээрэ хоёр ишгнүүр загаһа баряа* букв. на сухой земле два лотка рыбы наловил – заниматься бессмыслицей; *хоёр дол-*

гиной хоорондо хоол хэжэ нууха букв. между двумя волнами пищу готовить – успевать быстро что-л. делать и т. д.

ФЕ о противоречии в чём-либо: *хоёр үзүүртэй зүүгээр хубсаага оёжо болохогүй* букв. обоюдоострой иглой нельзя одежду шить – о невозможности продуктивного действия на противоречии; *хоёр үхэрэй тархи нэгэ тогоондо багтахагүй* букв. головы двух быков в одном котле не поместятся – о несовместимости кого-л.; *хороной хорондо хоёрой нэгэндэ* ≈ назло чему-л. и т. д.

Отрицание раздвоенности в помыслах, делах отражается в ФЕ: *хоёр нюуртай* – двуличный; *хоёр шандага эрьюүлээд нэгыеньшье барибагүй* – за двумя зайцами погнался, ни одного не поймал и т. д.

Выражение утверждения убедительности какого-либо действия: *хоёр шэхэньээ хойшо гарабал хоол болохо* букв. то, что заходит за два уха – еда; *хоёр гараа зүрхэн дээрээ наманшалжа* – положила руку на сердце; *хоёр хүлтэй, хохимой толгойтой* букв. с двумя ногами, с головой-черепом – человек; *хоёр яна хахасаха* букв. две кости расстанутся – разрешиться бременем, родить и т. д.

Числительное «два» в составе ФЕ несёт в себе значение неопределённо-малого количества. Число «два» во фразеологии выражает как положительные (значения превосходства над одним, мгновенности, краткости), так и отрицательные коннотации (значения несовместимости, двойственности, двуличности). Наблюдается полная реализация концепта «два». Зачастую в основу многих ФЕ ложатся образы парных органов.

Три – символ гармонии, совершенства, также можно отнести к мифологическим универсалиям, т. к. его культурологическая интерпретация аналогична в разных культурах.

Так общемонг. *гурв(б)ан эрдэни* – три драгоценности (Будда, буддизм, ученики – сангха). Бур. *гура алаан газараа гурба дахин эрхэхэ* – на место убийства изюбра три раза возвращаются; *гурба хоноод намгаяа бү найрха, гурбан жэл болоод найрха* – не хвастайся женой после трёх суток, через три года хвастайся; *гомдолтой хүн гурба дахиha* – с жалобой человек три раза ходит; *гуйһан хүн гурбан жэл хүлээхэ* – проситель три года ждёт и т. д. Встречаются числительные в

названиях космических объектов, созвездий: *Гурбан ногоон* букв. три изюбрихи – созвездие Орион.

В данных ФЕ числом 3 реализуется значение как неопределённо-малого, так и неопределённо-большого количества, сема завершенности.

Четыре – общеизвестный символ универсальности, целостности, власти, справедливости. Четыре первоэлемента – земля, воздух, огонь и вода, четыре стороны света, четыре стихии – важное число в монгольской картине мира. Так *дүрбэн тэгшэ* букв. четыре ровных – о сбалансированности чего-либо; *дүрбэн шэгээ (табиха) алдаха* – потерять душевное равновесие; *дүрбэн булантай саахар дүрбэн тээньээ амтатайхан* – сахар четырёхугольный с четырёх сторон сладок; *дүрбэн нохойе үлдэшиггүй, дүшэ хүрэнье нургашагүй* – не стоит прогонять четырехпсов, нельзя учить сорокалетнего; *дүтэнь хаража, дүрбэ хонобо* – видя близость, четверо суток переночевал и т. д.

Концепт числа «четыре» также является культурной универсалией. Число «четыре» соотносится с пространственно-временной сферой.

Пять в монгольских ФЕ символизирует постоянство, незыблемость, определённую, мощь: бур. *табан хушуу мал* пять видов скота (традиционных); *табан хурган шэнги мэдэхэ* – знать как пять пальцев; *олон табые хэлэхэ (шашаха)* – много болтать; *архи арбан хүүр үлүү хэлүүлхэ, тамхин табан хүүр үлүү хэлүүлхэ* – от вина десять слов лишних, от табака пять слов лишних; *тарган табан хоногойхи* – жирного (хватает) на пять суток и т. д.

Зачастую во ФЕ слово «табан», так же как и «арбан», употребляется для аллитерации. Фразеологическое значение образуется на ассоциации с количеством органов, например, пальцев на руке и т. д.

Шесть в мировой культуре – символ равновесия и союза, что можно отнести и к бурятской культуре: *Зуун түхэригтэй байнхаар, зургаан һайн нүхэртэй бай* – чем иметь сто рублей, имей шесть хороших друзей.

Используется в значении "быстро", "мало" в противопоставлении: *Зоболон гасалан хоёр зургаа хоноод, эртэ ерэхэ, зол жаргал хоёр зуу хоноод, орой ерэхэ* – несчастье через шесть суток рано приходит, счастье приходит поздно, через сто суток.

Культурный концепт числа «шесть» не достаточно интерпретирован в культурологии. ФЕ с данным числительным в монгольских языках редки.

Семь – священное число, символ божественности. В числе семь сосредоточена идея Вселенной – семь звезд Большой медведицы (*Долоон үбгэн* букв. семь старцев), семь планет (*долоон гараг*) и т. д.

Универсальность значения этого числа очевидна в составе монгольских ФЕ: бур. *долоон заяанай* – давно; *долоон голтой* – живучий; *досоомни долоон наран гараба* – внутри у меня семь солнц взошло; *досоомни долоон нохой ухөө* – внутри у меня семь собак умерли; *долоон уулын с(ц)аагуур* букв. за семью горами – очень далеко (ср. рус. "за тридевять земель") и т. д.

Концепт числа «семь» также универсален для многих культур. Ср. рус. "семеро по лавкам", "семеро одного не ждут", "семь Семионов" и т. д. Число 7 употребляется в значении неопределённо большого количества.

Восемь – общепринятый символ равновесия, устойчивости, постоянства. Это промежуточные направления четырёх сторон света. Монгольские ФЕ показывают значение множества, следствием которого является равновесие, устойчивость: бур. *найман найман хүлтэй* букв. у торговли восемь ног – об изменчивости торговли и/или о скорости реакции торговли на потребительский спрос (в зависимости от контекста); *долоон хэдын саагуур, найман хэдын наагуур арил!* – за семь гор, перед восемью горами уходи! ≈ с глаз долой! и т. д.

Основное значение – значение усиленное: *долоон булшархай, найман найлзуурхайгаа тоолохо* – рассказывать о чём-то своём подробно и не к месту; *наймаалжа олоон мунгэн найман хүлтэй* – букв. у денег с торговли восемь ног – торговые деньги быстро тратятся и т. д.

Концепт числа «восемь» употребляется редко в составе монгольских ФЕ.

Девять – почитаемое число у буддистов. Девять – время от зачатия до рождения ребёнка. Число 9 представляет целостность [2, с. 26]. Девять – священная константа в фольклорно-мифологической традиции бурят и является её усиленной ипостасью или эквивалентом в ряде сакральных моментов [3, с. 243]. Число 9, имея значе-

ние неопределённо большого количества, употребляясь как символ количества вообще, умеренно встречается в бурятской фразеологии. Например, в ФЕ дидактического характера: *найн эрэ юэн нагасая таниха* – хороший мужчина знает девять дядей (по материнской линии); *найн эрэ юэн толгойтой* – у хорошего мужчины девять голов; *эрэ хүн юэ дахин өвдэлхэ, юэ дахин уруудаха* – мужчина девять раз поднимается, девять раз вниз по наклонной идёт; *эхэ юумэ һанаад юэн хоног хооһон* – много возжелав, девять суток голодом быть; *үгээн хүндэ юэшиье эхэ, абанан хүндэ арбашиье бага* – давшему и девять – много, взявшему и десять – мало и т. д. Шутливая ФЕ *юухэлдэйн юэн эрэн халааша* – букв. девять пёстрых калачей юхэлдэя, говорится из-за нежелания отвечать на вопрос юу? что?

Концепт числа «девять» более реализован в мифологии, монгольской культуре.

Десять – употребляется в значении «много» и также участвует в противопоставлении: *арба дахин хэхэб гэһнээ, нэгэ дахин хэхэб гэһн дээрэ* – лучше один раз сделать, чем десять раз обещать; *арбан жэлдэ атан ябанхаар, нэгэ жэлдэ буура ябанан дээрэ* – чем десять лет быть кастрированным верблюдом, лучше один год быть верблюдом-производителем и т. д.

Число 10 во ФЕ приобретает также усиленное экспрессивное значение: *айхада арбан харагшан* букв. боишься, десять чернушек кажется ≈ у страха глаза велики; *алдаан хүн арбан нүгэлтэй* букв. у потерявшего десять грехов; *арба худалдаха* букв. десять раз продать ≈ быть очень изворотливым, превосходить в уме, способности; *арбан шүдэн хам* букв. десять зубов сомкнув ≈ сжав зубы (молчать); *аяга сай дээрээ арба хубилха* букв. на чашке чая десять раз меняться – часто менять настроение и т. д.

Числом «десять» выражается значение неопределённо большого количества, противопоставление по шкале много-мало. При этом данное число может выполнять и усиленную функцию.

У чисел 1, 2, 3 наблюдается наиболее полная реализация в речи. Реализация в языке концептов чисел 6 и 8 минимальна и незначительна. Числительное «четыре» в составе ФЕ употребляется в количественном значении при обозначении пространственно-временных характеристик.

Национальная специфика заключается в частотности зоонимов, соматизмов в составе ФЕ с числительными, а также в отражении религиозных верований.

Таким образом, любое число из десяти в ФЕ теряет сему нумеральности, при этом числительные приобретают сим-

вольное значение, употребляясь в составе ФЕ бурятского языка наряду с функцией выражения неопределённо большого или малого количества, усиительности в атрибутивной функции. Числительные придают ФЕ дополнительный потенциал экспрессивности.

Список литературы

1. Баянсан Ж. Соёл, хэл, үндэстний сэтгэлгээ. Улаанбаатар : МУИС-ийн Хэвлэх үйлдвэр, 2002. 118 х.
2. Гармаева А. Э. Тайна числа 108 // Баяртуевские чтения-1. Мир бурятских традиций в контексте истории и современности : материалы междунар. науч. чтений, посвящ. 10-летию кафедры бурятской литературы. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. С. 25-27.
3. Дугаров Б. С. Символика числа 13 в бурятском эпосе и мифологии // «Нүүдлийн соёл иргэншил ба буриад-монголчууд» сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Улаанбаатар : Буриад судлалын академ Бэмби сан ХХК, 2010. С. 238-244.
4. Мадасон И. Н. Бурят арадай оньһон, хошоо үгэнүүд. Улаан-Удэ : Буярадай номой хэблэл, 1960. 401 с.
5. Скородумова Л. Г. Монгольский язык : образы мира. Улан-Батор : Бемби Сан, 2004. 328 с.
6. Тагарова Т. Б. Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. Иркутск : ИГУ, 2008. 341 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
8. Фразеологические единицы в языке бурятской прозы / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск : ИГУ, 2006. 420 с.
9. Шулунова Л. В. Временные понятия числовой символики в монгольских языках // Время как объект изображения творчества и рефлексии : материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 1 июля 2010 г.). Иркутск : ИГУ, Ин-т славистики ун-та Христиана-Альбрехта (Киль, Германия), 2010. С. 509-515.

О грамматической природе родительного падежа
в монгольских языках¹

Родительный падеж в предложении выступает в роли атрибута и чаще всего является притяжательным определительным и средством грамматической связи между зависимыми словами части и целого. Некоторые послелоги управляют родительным падежом. В синтаксических конструкциях оформляется как актанта действия.

Ключевые слова: грамматическая природа, формальные показатели, родительный падеж, значение принадлежности.

S. M. Trofimova
Elista, Kalmykia

On the Grammatical Origin of Genitive in Mongolian Languages

Genitive case in the sentence serves as an attribute, and often it is attributive possessive and play role of grammatical connection between dependent words of the part and the whole. Some postpositions govern genitive. In some syntactic structures it is registered as an actant of the action.

Keywords: grammatical origin, the formal parameters, the genitive case, the sense of possessive.

Известно, что каждый падеж выступает как выразитель различных отношений: грамматических и обстоятельственных и соответственно деление монгольских падежей на: грамматические (именительный, родительный и винительный) и обстоятельственные (совместный, соединительный, исходный, дательно-местный, направительный, орудный). В монгольских языках форма родительного падежа образуется посредством следующих аффиксов:

1) в классическом языке, как свидетельствует Г. Д. Санжеев [6, с. 159], *-и/-ий, -ин/-ийн, -уин*:

-и/-ий получают имена с конечным согласным *-н* типа *morin-и* "коня";

-ин/-ийн получают основы с прочими согласными: *ger-ийн* "дома";

-уин получают имена с любым гласным типа *podai-yin* "собаки", *ada-yin* "брата";

2) в калмыцком языке *-а/-э, -эн, -ин/-гин, -ын, -н*:

-а/-э получают слова типа *modn-a* "дерева", *kun* "человек, *kunə* "человека";

-эн ставится после *-н* и неустойчивого *-н* в мягкорядных словах типа *mor(n)* "конь" – *morən* "коня", *xə(n)* "овца" – *xəhən*, где на месте *-н* появляется соединительный согласный *-h*. Также после долгих гласных в

конце слова при наращении данной формы появляется *-h*: *тоо* "счёт" – *тооhin* "счёта", *зее* "внук" – *зееhin* "внука";

-ин в словах типа *har-ин* "руки", *эмэл-ин* "седла";

-ын в словах, оканчивающихся на заднеязычные гласные после согласных *-л, -н, -д, -т*: *hal* "огонь" – *hal-ын* "огня", *хад* "скала" – *хад-ын* "скалы"; *багш* "учитель" – *багшын* "учителя";

-гин в словах с конечным *-ң*: *aң* "зверь" – *aң-гин* "зверя";

-н в словах на конечный гласный типа *ноха* "собака" – *нохан* "собаки", *делкэ* "мир" – *делкэн* "мира";

3) в халха-монгольском языке *-ын/-ийн, -ы/-ий, -н, Ø*:

-ын присоединяется к основам на согласный, кроме шипящих *-ш, -ж, -ч, -н(-г)* и заднеязычного *-г* в твёрдорядных словах: *ном* "книга" – *номын* "книги", *ах* "брат" – *ахын* "брата";

-ийн присоединяется после согласных в мягкорядных словах, кроме *-н*, а также шипящих *-ш, -ж, -ч*, мягких согласных, конечного *-и* и заднеязычного *-г* в твёрдорядных словах: *эмээл* "седло" – *эмээлийн* "седла", *гэр* "дом" – *гэрийн* "дом", *багш* "учитель" – *багшийн* "учителя", *багаж* "инструмент" – *бага-*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №10-04-00496а

жийн "инструмента", анги "группа" – ангиин "группы", тараг "кефир" – таргийн "кефира", сурагч "ученик" – сурагчийн "ученика";

-ы ставится после -н и скрытого -н в твёрдых словах типа ус(н) "вода" – усны "воды", хаан "хан" – хааны "хана", морь(ин) "конь" – морины "коня";

-ий после конечного -н и скрытого -н в мягкорядных словах: хүн "человек" – хүний "человека", үнэн "правда" – үнэний "правды";

-н после дифтонгов типа нохой "собака" – нохойн "собаки", тэмээ(н) "верблюд" – тэмээний "верблюда", гахай "свинья" – гахайн "свиньи";

-гийн после долгих гласных: Дулмаа – Дулмаагийн, Москва – Москвагийн;

-Ø ставится в том случае, когда родительным падежом оформляются однородные члены, при этом падеж присоединяется к последнему члену: Хүн малын ундаа болсон тойром бүрд уснууд "Вода в каждом водоёме стала напитком для человека и скота";

4) в бурятском -иин/-ын, -ай/-ой/-эй, -гай/-гой/-гэй, -н:

-иин получают слова, оканчивающиеся на краткие гласные, типа: *хургуули* "школа" – *хургуулиин* "школы";

-ын получают основы на все гласные, кроме кратких гласных, типа *тэргэ* "телега" – *тэргын* "телеги", *хада* "гора" – *хадын* "горы";

-ай/-ой/-эй получают слова, оканчивающиеся на твёрдые согласные: *арад* "народ" – *арадай* "народа", *ном* "книга" – *номой* "книги", *эмээл* "седло" – *эмээлэй* "седла", *мори(н)* "конь" – *мориной* "коня", *мод(он)* "дерево" – *модоной* "дерева", *ном* "книга" – *номой* "книги", ср. *ан(г)* "зверь" – *ангай* "зверя", *дэн(г)* "свеча" – *дэнгэй* "свечи";

-гай/-гой/-гэй получают слова, оканчивающиеся на долгие гласные или заднеязычный -н(г): *буу* "ружьё" – *буугай* "ружья", *дохео* "сигнал" – *дохеогой* "сигнала";

-н присоединяется к основам, оканчивающимся на дифтонг и -ы: *нохой* "собака" – *нохойн* "собаки", *харгы* "дорога" – *харгын* "дороги".

Родительный падеж в предложении выступает в роли атрибута и чаще всего является притяжательным определительным. В большинстве языков мира Genitiv представляет собой категориальную форму падежа, которая выражает прежде всего значение принадлежности, обладания, связи,

отношения. Как подчёркивал Г. И. Рамстедт, родительный или притяжательный падеж вместе с именительным падежом является, в частности, в монгольских языках падежом адноминальным, что отличает его от других косвенных падежей, падежей адвербиальных, – и определённым образом сближает его прежде всего в атрибутивной функции с падежом именительным. "Атрибутивные отношения изначально выражались, должно быть, как путём особого падежного образования, так и посредством синтаксического соположения имён" [6, с. 33]. Различие этих, по сути однотипных, падежей заключается в том, что родительный обязательно оформлен, а именительный – не оформлен.

Первоначальным показателем родительного падежа Г. И. Рамстедт, вопреки некоторым своим предшественникам и последователям, считал -н, перед которым при основе на согласный "слышался соединительный гласный" [6, с. 33].

В монголоведении бытует мнение, что для исходной фонетической структуры корневых и аффиксальных морфем согласный + гласный находит своё подтверждение в материалах засвидетельствованных языков фонетический архетип морфемы, который развился в показателе родительного падежа, который можно восстановить так: *-ни > -ни/-и, -ни/-н' / -н. Показатель этот, как отмечает О. П. Суник, генетически связан с личным местоимением 3-го лица, который утратил инициальный согласный н-, [5, с. 174]. Но, как показывает языковой материал, -н в древнемонгольском языке был представлен во всех падежах. В процессе эволюции языка в именительном падеже современного монгольского языка он отбрасывается, но сохраняется в бурятском и калмыцком языках. Ср.: и «он» склоняемая основа *ин-*, р. п. *и-ни/ин-и*. В монгольских языках *и: *и-ну* – форма р. п., этот -н сохранился в ряде морфологических дериватов – в притяжательных суффиксах монгольских языков: -н' < *-ни.

Конечный -н в основах косвенных падежей в монгольских местоимениях первых двух лиц, частично и 3-го лица, является исторически суффиксальным элементом. Ср. монг. *би* – **ми-н-*, *ба – **ма-н-*, *чи* – *чи-н, *та* – *та-н, *и – *и-н.

В языках показатели родительного падежа отличаются значительной вариатив-

ностью, связанной с фонетическими чередованиями *n/j*, *y/i*, *a/э* и т. д., что зависит от вокализма и конечного звука основы.

Из сравнительного анализа вариантов данного падежа, сделанного Г. Д. Санжеевым [4, с. 158], можно заключить, что в наиболее архаическом виде интересующий нас формант представлен в монгорском языке: *-ни* без позиционных фонетических модификаций, который сохраняет ряд иных архаических черт, по сравнению с другими монгольскими языками или их диалектами. Показатель этот, как замечает Г. Д. Санжеев, совпадает с показателем винительного падежа в монгорском языке, также не имеющем фонетических вариантов.

Такое явление было свойственно ряду монгольских языков, и, принимая во внимание многочисленные случаи фонетической дифференциации винительного и родительного падежей путём «дополнительного» *-н* ~ *-ң* в показателе родительного падежа, общемонгольскую исходную форму его можно представить в виде **-нин* > *-жин* ~ *нин* ~ *ин* ~ *-йн* ~ *-н* с вокалическими вариантами, которые обусловлены вокализмом основы. По-видимому, и в монгольских языках такого типа аффикс мог бы быть исторически составным **-ни-н*, в котором основная "генитивная" функция падала на *-н*, что и дало основание для восстановления прамонгольского показателя родительного падежа в виде **-н* [3, с. 194], а для совпадающего ныне в ряде современных монгольских языков с суффиксом родительного падежа показателя винительного падежа – праформы **-ги* [3, с. 194]. Что касается монгольских притяжательных местоимений, то они образованы посредством общеалтайского суффикса **-эи/*-кэи* > *-ки/ -хи* от обычных "генитивных" форм соответствующих местоимений: основа + *-ну* ~ *-ни* + *-кай/ -гай* > *-ки/-хи*, а не от *-н-кэи /-н-гэи*. Ср. общемонг. би "я" – *ми-ну-кай* "мое", "принадлежащее мне", хотя в локативных падежах, образованных на базе "генитива", этот конечный *-н* показателя родительного падежа может быть легко обнаружен: *-н-ду* ~ *-йн-ду*, *-н-да* ~ *-йн-да*, *-н-лу* ~ *-йн-лу*, *-н-на* ~ *-йн-на* [3, с. 208]. Его также можно выявить в лично-притяжательных частицах 3-го лица, не различающихся по числам: монгор. *-нини*, ордос. *-йнин* ~ *-нин* < **-ни-ни* ~ *-ни-н*. Присоединение *-ги/ -ки* к основам с показателем, совпадающим

с формой дательного-местного падежа, широко распространено в монгольских языках: *-да-ки*.

Особенностью "генитивных" притяжательных форм в монгольских языках является то, что они могут быть не только средством выражения отношений между двумя основами имени, но и соединения притяжательно оформляемой основы с другими именными показателями, в том числе с показателями некоторых падежей, не говоря уже о связи со служебными словами – послелогами, а также с субстантивно-адъективным словообразовательным аффиксом *-ки/-ги/-хи*. Всё это не только противопоставляет, но и в большей степени сближает материально не выраженные именительный и родительный падежи, форма которых сохраняет слишком много словообразовательного, присущего настоящему падежу. Не удивительно, например, что в калмыцком языке имеется два разных показателя родительного падежа, например, *-йн// -гин/-н* а также наблюдается даже комбинация двух этих показателей *ин-а/-а-гин*, не говоря уже о полном наборе всех иных падежей, образованных на базе того же "генитива": В. п. *-йн-иг/-а-г*, Д. п. *-йн-да/-а-да*, INSTR. п. *-йн-ар/-а-нар*, ISX. п. *-йн-ас/-а-нар*, совм. п. *-йн-тэй/ -эй-тэй*. С родительным падежом в этом отношении успешно конкурирует "совместный падеж" на *-тай/-тэй*, *-тэй/-тэй* и т. д. Интересно, что и в этом случае может быть совместный падеж от основы в "совместном же падеже". Ср. калм. *-тэй-тэй*, не говоря уже о всех других падежных формах такой "комитативной основы". Вопрос этот исследован на монгольском материале З. К. Касьяненко [1, с. 35–45]. То же, но, может быть, в менее яркой форме, относится и к формам, называемым во всех случаях только формами "родительного падежа". Однако аффикс и этого падежа образует не только адноминальные определительные формы, но и по сути формы адъективные, а в случае их склонения – субстантивные образования, употребляемые по преимуществу адвербиально, в формах косвенных падежей. По всей вероятности аффикс родительного падежа в этих разных случаях можно признать двумя омоформами, хотя в этом нет никакой необходимости, если отвлечься от методических целей.

З. К. Касьяненко [1, с. 45] считает слова в форме родительного падежа типа *суул-ийн* "последний", *хан-ын* "стенной" именами

прилагательными в сочетаниях *суул-ийн хан* "последний хан", *хан-ын сонин* "стенная газета". Известно, что функция родительного падежа в монгольских языках выражает отношение и принадлежность. Здесь налицо отношение, выраженное формой родительного падежа. Ср. монг. *гутлын фабрик* "сапожная фабрика", *паспортын ширээ* "паспортный стол", *хүнсний дэлгүүр* "продуктовый магазин", но *ахын малгай* "шапка брата".

Таким образом, монгольским языкам характерны синкретические основы: имена по внешнему признаку не отличаются друг от друга. Ср. форма именительного падежа в *модон гэр* "деревянный дом" выражает определение, *булган малгай* "соболья шапка" – материал, из которого сделан предмет, *монгол охин* "монгольская девушка". Так, В. Л. Котвич [2, с. 186] различал в монгольских языках два генитивных падежа: родительный I (genitivus) и родительный II (possessivus), аффиксы которых суть: *-ийн, -ун, -най, -аи*. Ср. калм. *-йн, -й-*. Комбинация такого рода сходных по значению аффиксов, например, калм. двойной падеж *-ийнй ~ -йгин*, способна привести, по всей видимости, к возникновению единого собственно падежного форматива – родительного, который будет исключать образование от него других падежных форм. Также возможно отграничение падежной формы от формы притяжательного прилагательного или существительного.

Итак, основным значением монгольского родительного падежа является значение субъекта: он употребляется при определяемом, выраженном отглагольным именем

существительным, например, калм. *усна урсхл*, бур. *уһанай урадхал* "течение воды". Родительный субъекта может употребляться в причастных и деепричастных оборотах: калм. *мини умшн дегтр*, бур. *минии уншаһан ном* "книга, прочитанная мною"; родительный объекта употребляется для выражения косвенного дополнения при отглагольном или процессном имени, например, калм. *усна һурвн бээдл*, бур. *уһанай гурбан байдал* "три вида воды". Существительные в родительном падеже имеют назначение предмета: калм. *усна суулһ* "ведро для воды", бур. *сайны аяга* "чайная чашка". Также ему свойственно определительное значение, т. к. монгольским языкам не характерна категория притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных. В роли определения чаще всего выступает имя существительное в родительном падеже типа калм. *ахин махла*, монг. *ахын малгай*, бур. *ахын малгай* "братова шапка" или калм. *мини дегтр*, монг. *миний ном*, бур. *минии ном* "моя книга". Имя существительное в родительном падеже в монгольских языках также может выражать отношение части и целого, т. е. выполнять функцию партитива, например, калм. *морнэ толһа*, монг. *морины толгой*, бур. *мориной толгой* "голова лошади", также обозначать коллектив, организацию или лицо, к которому имеет отношение другой предмет типа калм. *дунд сурһулин ахлач*, монг. *дунд сургуулийн дарга*, бур. *дунда һуургуулийн директор* "директор средней школы", калм. *балһсна сурһульч* "городской ученик", монг. *хотны оуютан* "городской студент", бур. *заводой хүдэлмэришэд* "рабочие завода".

Список литературы

1. Касьяненко З. К. О двойном склонении в монгольском языке // Филология стран Востока. Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 35–45.
2. Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 371 с.
3. Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л. : Изд-во АН СССР, 1931. 130 с.
4. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М. : Наука, 1953. Т. 1. 240 с.
5. Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1982. 247 с.
6. Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология / пер. с нем. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 254 с.

УДК [003.086:821.161.1Лолита7Набоков.08](045)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

И. В. Труфанова
г. Москва, Россия

Об одном факте авторской пунктуации в романе В. В. Набокова «Лолита»

В. В. Набоков в романе «Лолита» сорок раз использовал тире в конце предложения, где согласно правилам русской пунктуации следовало бы употребить многоточие. Многоточие в романе также функционирует. Авторская пунктуация отражает важные с точки зрения сюжета этапы развития взаимоотношений Гумбрехта и Лолиты.

Ключевые слова: авторская пунктуация, тире, многоточие, В. В. Набоков, «Лолита».

I. V. Trufanova
Moscow, Russia

About One Fact of an Author's Punctuation in V. V. Nabokov's Novel «Lolita»

V. V. Nabokov uses dash 40 times in his novel «Lolita» at the end of the sentence. According to the rules of the Russian punctuation we have to use dots. The author also uses dots in the novel. The punctuation of the author reflects the important stages of the development of the relations of Gumbrecht and Lolita.

Keywords: punctuation, dash, dots, Nabokov V.V., «Lolita».

Термин «авторская пунктуация» допускает двойное толкование. С одной стороны, под этим термином понимаются особенности пунктуационного оформления текстов, носящие индивидуальный характер, присущие тому или иному писателю (набор применяемых им знаков, преимущественное использование одного из них, расширение функций этого знака), в целом не противоречащие принятым в данный период правилам [8, с. 425–435; 9; 3; 4; 13; 10]. С другой стороны, указанный термин трактуется как сознательное отступление от действующих норм пунктуации и особое применение знаков препинания в художественных текстах [6]. Д. Э. Розенталь, к точке зрения которого мы присоединяемся, полагает, что чёткую границу между этими двумя понятиями провести трудно и представляется возможным рассматривать авторскую пунктуацию в обоих аспектах [15, с. 19].

В романе В. В. Набокова «Лолита» мы обнаружили необычную пунктуацию: предложение заканчивает тире, два раза после тире стоит точка, семь раз – вопросительный знак, двадцать семь раз не следует никакого знака препинания. Два раза тире стоит после точки в конце абзаца, и один раз тире употреблено после восклицательного знака и закрытой скобки. И тире, завершающее предложение, и тире, предложение начинающее, мы считаем одним и тем же знаком, хотя, является ли этот знак только пунктуационным или он наделён значением, стоит подумать. Первоначально

но мы хотели назвать статью «Тире в функции многоточия» или «Тире или многоточие»: общим во всех употреблениях тире, о которых пойдёт речь в статье, является то, что на месте этого тире можно было бы поставить многоточие, и многоточие было бы знаком препинания более привычным и соответствующим имеющимся пунктуационным правилам в современном русском языке. Приведём примеры: «Не принадлежит в данное время ни к какой церковной организации. Кстати, мистер Гейз, её мать была –? Ах, вот оно что. А вы сами –? Да, конечно, это никого не касается – кроме, может быть, Господа Бога» [12, с. 239].

«Покачала головой чрезвычайно решительно. Считала, что уже поздно устраивать скандал – и что всё равно я никогда не поверю невероятному, невероятнейшему. – Я встал, говоря, что мне пора, привет мужу, приятно было повидать её» [12, с. 332].

«Она усмехнулась и, платьём задев меня, быстро вышла из комнаты, Я чувствовал, будто моё сердце бьётся повсюду одновременно. Никогда в жизни – даже когда я ласкал ту девочку на Ривьере – никогда. –» [12, с. 58].

Она продолжала, отодвигая щёку от моей наступающей щеки (и это был, заметь, ещё лёгкий день, о мой читатель!) –» [12, с. 205].

«Ах, это очень больно, сэр, не надо больше... Ах, это просто невыносимо больно, мой дорогой сэр. Прошу вас, воздержитесь. Ах, до чего больно... Боже мой! Ух! Отвратительно... Знаете, вы не должны были бы –» [12, с. 69].

Многоточие, как видно из последнего примера, в романе используется также. Значит, у тире на его месте какие-то особые функции.

Окказиональное использование тире имеет место в речи персонажей, прямой, реже несобственно-прямой: в том числе в речи Лолиты четырнадцать раз; в речи Гумбрехта восемь раз; пять раз в речи директорши гимназии; где учится Лолита; мисс Пратт; четыре раза в речи Куильти; по два раза в речи Джона Фарло; Шарлотты; мисс Чатфильд; по одному разу в речи Виндмюллера; Джоаны; мисс Финтон Лебон; работника отеля «Очарованные странники».

В риторике известны риторические фигуры, использующие многоточие в знак недоговаривания [16]. Акопа – это умышленное недоговаривание последнего слога или слогов в слове в связи с достаточно прозрачным намёком на смысл недосказанного. Умолчание, или апосиопеза (некоторые лингвисты считают, что это две риторические фигуры), – недоговаривание предложения, потому что слушающий легко сможет это сделать сам [16, с. 210–211, с. 274]. В «Лолите» акопа встречается один раз: «Конечно, среди наших торговцев много италийцев, – сказал рассудительный Джон, – но зато мы до сих пор были избавлены от жи –». Джоана стремительно перебила его: «Как было бы хорошо, если бы наши девочки проводили это лето вместе!» [12, с. 101].

В одном примере читатель точно знает, какое слово передано тире: «Ты, действительно хочешь знать, кто это был? Так вот, это был –» И тихонько, конфиденциально, высоко подняв узкие брови и выпятив запёкшиеся губы, она с лёгкой иронией, но не без нежности, и как бы издавая приглушённый свист, произнесла имя, какое пронизательный читатель давно уже угадал» [12, с. 333].

В двух случаях читателю известен денотат, но, в каком слове он был выражен, остаётся неопределённым, потому что вместо этого слова или словосочетания употреблено тире: «Она думала, что я живу в Калифорнии. А как поживает –? С изысканнейшим наслаждением, я сообщил ей, что моя падчерица только что вышла за блестящего молодого инженера-горняка, выполняющего секретное правительственное задание в северо-западном штате» [12, с. 354]. «Он думал, что я живу в Калифорнии. Не преподавал ли я одно время в Бердслейском университете? Туда только что поступила его дочь. А как поживает –? Я дал полный отчёт о миссис Скиллер» [12, с. 354].

В одном случае ничего не было сказано: персонажу не хватает нужных слов, их за него далее договорил повествователь, тире передаёт паузу, предназначенную для их поиска: «Нет, – повторила она. – Об этом не может быть речи. Я бы, скорее, вернулась к Ку. Дело в том, что –" Ей не хватало, видимо, слов. Я мысленно снабдил её ими – ("... он разбил моё сердце, ты всего лишь разбил мою жизнь")» [12, с. 341–342].

В четырёх случаях тире обозначает, что персонаж сам прервал свою речь, передумал говорить то, что намеревался: «Вот здорово, – сказала она, мигая, всё ушло. Теперь второй глаз". "Глупый вы человек, – начала она, там ровно –". Но тут она заметила мои собранные в пучок приближающиеся губы и покладисто сказала: "Окэй"» [12, с. 58]. Персонаж не произносит фразу до конца, т. к. обессилел; наконец, фразу неприлично произнести: «Я ответил, что не знаю, о какой игре идёт речь, не знаю, во что она с Чарли играла. «Ты хочешь сказать, что ты никогда –?», начала она, пристально глядя на меня с гримасой отвращения и недоверия. «Ты – значит, никогда –?» – начала она снова» [12, с. 165].

В двух случаях тире сигнализирует о паузе, никакие слова не произносились, но говорящий демонстративно держал паузу, предлагая её заполнить слушающему: «"Мы зашли в молочный бар" "И вы заказали там –?" "Ах, просто по кока-коле"» [12, с. 276]. «Долли написала непристойный термин, который, по словам нашей докторши Кутлер, значит писсуар на низкопробном мексиканском жаргоне, – написала своим губным карандашом на одной из брошюр по здравоохранению, их раздавала девочкам мисс Редок, которая выходит замуж в июне, и мы решили, что Долли останется после классов – этак полчаса. Но если вы желаете –» [12, с. 243].

В четырёх случаях с точки зрения повествователя неважно, что говорилось, поэтому оно не передаётся, о факте речи сигнализирует тире: «Она отрицательно покачала головой. "Нет, совсем другая. Её отец – большая шишка. Он –" "Так, может быть – Роза Кармин?" "Конечно, нет. Её отец –" "Не Агнесса Шеридан случайно?"» [12, с. 168]. «Когда я у него была последний раз, он мне рассказал совершенно неприличную историю про племянника. Оказывается, –» [12, с. 113].

В одиннадцати случаях тире появляется на месте многоточия в прерванных предложениях [1], прерванных потому, что говорящего перебили. «Сосредоточьтесь, –

сказал я, – на мысли о Долли Гейз, которую вы похитили –» «Неправда! – крикнул он. – Вы чушь порете. Я спас её от извращённого негодяя» [12, с. 363]. «<...> кроме того, я могу устроить вам присутствие при казнях, не всякий знает, что электрический стул покрашен в жёлтый – Я выстрелил» [12, с. 368]. «"Голубчик мой, – сказала Шарлотта, – я право же –" "Нет, погоди!"» [12, с. 115]. "Ежели ты действительно хочешь победить в себе идею смерти –" "Завёл шарманку", – сказала Лолита и томно покинула комнату» [12, с. 350].

В пяти случаях тире появляется потому, что происходит смена способа передачи речи персонажа с прямого на несобственно-прямой и, наоборот, с несобственно-прямого на прямой. «Какие бы сомнения ни мучили подлеца, они рассеялись от вида моей арийской розы. Он сказал, что, пожалуй, найдётся кое-что, да – номер с двойной постелью. Что же касается кровати – «Мистер Ваткинс, как насчёт кровати..?» Кроваткинс, тоже розовый и лысый, с белыми волосками, <...> подошёл и заговорил <...>» [12, с. 147]. «Джон сказал, что всё чрезвычайно просто: он устроит, чтобы тамошняя полиция разыскала бы экскурсантов – это у них и часа не займёт; он, кстати, сам хорошо знает местность и – "Послушайте", – продолжал он, – почему бы мне теперь не съездить туда на автомобиле? <...>» [12, с. 126]. «Попав вместо неё на Лолиту, я сказал – трепеща и упиваясь властью над роком – что женюсь на её матери. Мне пришлось это повторить, так как что-то мешало ей отнестись с полным вниманием к моим словам. "Вот так здорово", – проговорила она со смехом. – Когда свадьба? Погодите секундочку – тут у меня щенок – щенок занялся моим носком. Алло –". Она добавила, что, по-видимому, развлечения у неё будет уйма... И я понял, повесив трубку, что двух часов в детском лагере было достаточно, чтобы новые впечатления совершенно вытеснили из головы маленькой Лолиты образ неотразимого господина Гумбрехта» [12, с. 92].

В пяти случаях тире выражает эмоциональную паузу. Начало письма госпожи Гейз к Гумбрехту выглядит: «Это – признание: я люблю вас –» [12, с. 113]. «Потому что предельная скорость в этом дурацком штате всего пятьдесят миль в час, а мы – нет, нет, не замедляй, ты тоже глуп как пуп. Он теперь далеко» [12, с. 142]. Для выражения эмоций служит также тире после точки и восклицательного знака (примеры см. в начале статьи).

Все перечисленные функции, кроме указания, что содержание неприведённой речи неважно, свойственны многоточию.

Проследим, в каких содержательных фрагментах появляется тире, чтобы понять, почему В. В. Набоков использовал его, а не многоточие. Первые два случая связаны с тем, что Гумбрехт впервые прикоснулся к Лолите: он вынимает у неё соринку из больного глаза и целует здоровый глаз. Третий раз тире на месте многоточия появляется в письме Шарлотты к Гумбрехту с признанием в любви и требованием жениться на ней, в первую секунду Гумбрехту кажется, что это письмо от Лолиты. В четвёртый раз в речи Лолиты по телефону при известии, что Гумбрехт женится на её матери. В пятый раз тире появляется при упоминании о неприличной истории про Куильти в речи Джоаны. В речи Шарлотты, которую Гумбрехт перебивает, чтобы добиться для себя в принципе права не всегда быть с нею согласным. В речи Джона, который намерен привезти Лолиту из лагеря на похороны матери. В речи Лолиты, отвечающей полицейскому, что они не видели обогнавшего их синего седана, хотя странно, что полицейский не понимает, что их синий седан и есть разыскиваемая им машина, водитель которой превысил скорость. С ситуацией превышения скорости связано и употребление тире вместо многоточия в речи восторгающейся по данному поводу Лолиты. Тире появляется в речи служителя отеля «Очарованные странники», выясняющего, найдут ли в номер Гумбрехта и Лолиты вторую кровать. Три раза в речи Лолиты, рассказывающей Гумбрехту о сексуальных извращениях, которым предаются её однокурсники, и удивляющейся, что он не знает, в какую игру она играла в лагере с Чарли. Пять раз в речи директора гимназии, в которой учится Лолита, мисс Пратт по поводу того, как Гумбрехт воспитывает девочку и какие недостатки имеют место вследствие такого воспитания, она добивается разрешения для Лолиты участвовать в спектакле по пьесе Куильти. В речи соседки мисс Финтон Лебон, которая слышит перебранку Гумбрехта и Лолиты об их настоящих отношениях. Четыре раза в речи Гумбрехта в связи с тем, что Лолиту утомяет его страсть, его общество, и она отталкивает его от себя при каждой возможности. Один раз в связи с исчезновением Лолиты незадолго до её похищения, или исчезновения навсегда. Четыре раза в речи Лолиты о том, что её похитителем был Куильти, и о его роли в её жизни. Три раза в диалоге Гумбрехта с жителями Рамздэля, в их вопросах о том, как поживает

Лолита. Пять раз в диалоге Куильти с Гумбрехтом, когда Куильти уговаривает Гумбрехта не убивать его, отвлекает его, пытается перехитрить. Приходится сделать вывод, что тире вместо многоточия – это пунктуационный знак, фигурирующий в важных для Гумбрехта поворотах сюжета. Нельзя не согласиться с Т. М. Николаевой в том, что функциональная нагрузка пунктуационных знаков связана с понятиями «событие», «автономный компонент события», «отношение между компонентами одного события и между событиями» [14]. В теории типов предикатов событие определяют как жизненно важное явление в жизни человека.

Д. Э. Розенталь обнаружил, что в русской поэзии тире как конечный знак встречался у Ф. И. Тютчева: «Кончен пир – умолкли хоры – Опорожнены амфоры – Опрокинуты корзины – Не допиты в кубках вины – На главах венки измяты – Лишь курятся ароматы В опустевшей светлой зале...» [15, с. 19]. С. Друговейко-Должанская нашла пример употребления в конце предложения рядом двух тире «для усиления эффекта неожиданности» [7] у Б. Пильняка: «В голове окончательно спутаны мозги, бред, ерунда, а желудок, кишечник, – желудок лезет в горло, в рот – – – и тогда всё, всё равно, безразлично, негу качки, – единственная реальность – море, бред, ерунда – –» (Б. Пильняк. «Заволочье»).

Можно предположить, что в «Лолите» В. В. Набоков использовал английские правила постановки знака тире, потому что это, хотя и авторизованный, перевод с английского и потому что реплики диалога, прямая речь оформлены в «Лолите» в единичных случаях в соответствии с правилами русской пунктуации, а чаще по правилам английской пунктуации. Подобные факты пунктуационных окказионализмов известны: «Встречаются и другие случаи авторской пунктуации, <...> отражение особенностей пунктуации иностранного языка в переводных текстах» [15, с. 19].

В английской пунктуации у тире (Dash) больше функций, чем в русской: тире помогает разобраться в структуре и содержании предложения, прерывая его, чтобы привлечь внимание читателя к отдельным его фрагментам. Функция тире подобна функции запятой и скобок – поместить дополнительную информацию. Вторая функция тире – вводит драматическую или ироническую паузу. Третья – отделять список или перечень от слов, которые следуют за ними. Тире ставится также перед перечисляемыми однородными членами или после них, если они употребляются с

обобщающими словами. Тире употребляется для обозначения на письме длительной паузы с целью произвести эффект: Roger was sitting upright in his chair – bed. Неожиданный поворот мысли также может быть отражён на письме с помощью тире: What on earth – I mean, who are you? Тире способствует усилению эмоциональной выразительности сказанного, произведению большего эффекта на читающего: ...a plan to set the stage – for what? В середине предложения тире может обозначать паузу в речи, вызванную волнением говорящего: "I – err – mean", – said Bill (или стремлением найти подходящее слово). В конце предложения тире является показателем незавершённости высказываемой мысли: I tried to call you, but – (2). В английской пунктуации у многоточия меньше функций, чем в русской: в произведениях современных английских и американских писателей в конце незавершённого по смыслу предложения вместо многоточия чаще встречается тире. Для того чтобы подчеркнуть, что за пределами предложения остаётся многое, о чём должен догадаться читатель, автор иногда, вместо многоточия, ставит два тире. Тем не менее, традиционно, многоточие используется в следующих случаях: в конце незаконченного по смыслу предложения: "Apparently you ladies don't realize this is private room", – he said, "and you're interrupting a dinner party which isn't...." Как видно из приведённого примера, многоточие завершается точкой, которая обозначает конец повествовательного предложения. Восклицательные и вопросительные предложения заканчиваются в таких случаях соответствующим пунктуационным знаком, следующим за многоточием. Многоточие используется также, чтобы показать колебания или волнение говорящего: "I mean... my brother's I really glad to see you!" Ещё один вариант использования многоточия – показать, что данный текст составляет сокращённую версию оригинала [2].

В русском языке многоточие употребляется для отображения заминок речи (даже посреди слов), для указания, что начало или конец цитаты не совпадает с началом или концом предложения в цитируемом тексте, для обозначения пропуска внутри цитаты, в начале текста или предложения с целью отразить сбивчивость мысли, либо большой временной интервал, отделяющий предложение от предыдущего, в местах, где окончание фразы общеизвестно, например: «с кем поведёшься...», «хотели как лучше...» [17, с. 60–64]. Многоточие на-

ряду с общей отделительной функцией обладает рядом конкретных, разнообразных значений, которые чаще всего отражают эмоциональную окраску речи. Это знак, передающий недосказанность, недоговорённость, прерванность мысли, часто – её затруднённость, вызванную или большим эмоциональным напряжением, или иными причинами. Многоточие может передавать многозначительность сказанного, указывать на подтекст, скрытый смысл [5, с. 347].

Поскольку В. В. Набоков использует и многоточие, и тире в соответствии с правилами русской пунктуации, за исключением фактов, о которых идёт речь в статье, нельзя объяснить его авторскую пунктуацию влиянием английского языка. Автор художественного произведения, как бы ни своеобразна была его тематика, как бы индивидуален ни был его языковой стиль, как бы оригинальна ни была его художественная манера, не может сколько-нибудь далеко отойти от принятой в данной письменности пунктуационной системы [15, с. 19; 17, с. 64; 11]. В. В. Набоков использует тире вместо многоточия, потому что у этих знаков препинания в русском языке есть общие функции: указывать на пропуск, недоговорённость, неожиданность, эмоциональную паузу, сигнализировать о переходе от прямой речи к несобственно-прямой и наоборот.

Если прочитать английское название тире по-немецки, название знака препинания звучит как «дашь». Лолиту Гумбрехт называет иногда Долли, у русских дворян это имя было эквивалентом имени Дарья, Даша. Зная о пристрастии В. В. Набокова к языковой игре, можно предположить, что тире в конце предложения несёт информацию об основном противоречии, раздирающем Гумбрехта: Лолита для него – объект сексуальной озабоченности (дашь), а с другой стороны, – дар божий. В начале романа записная книжка, в которой он вёл дневник в первые недели проживания в Рамздэле, названа им «щуплый выпадыш из гнезда феникса» [12, с. 54] не случайно.

В лингвистической литературе отмечалось, что В. В. Набоков любит мультиязычные каламбуры [11, с. 147–157]: слово у него одновременно используется как слово, принадлежащее нескольким этническим языкам, причём значения одного языка являются внутренней формой для значений другого. В использовании знаков препинания писатель проявил ещё большую виртуозность: они используются не только как знаки препинания, графические единицы, но и тире в окказиональном употреблении выражает внутреннюю форму имени Долли, т. е. выступает как лексическая единица.

Список литературы

1. Артюшков И. В. Прерванные предложения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 16 с.
2. Багагова Е. В. Пунктуация в английском языке : учеб. пособие по грамматике англ. яз. URL : <http://festival.1september.ru/articles/511001/>.
3. Валгина Н. С. «Ни моря нет глубже, ни бездны темней...» (о пунктуации А. Блока) // Русская речь. 1980. № 6. С. 21–29.
4. Валгина Н. С. Стилистическая роль знаков препинания в поэзии М. Цветаевой // Русская речь. 1978. № 6. С. 56–58.
5. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. С. 347.
6. Гришко Ф. Т. Авторские знаки препинания // Русский язык в школе. 1978. № 2. С. 88–91.
7. Друговеико-Должанская С. Знаки «препинания» // Культура письменной речи. URL : <http://www.gramma.ru/RUS/?id=1.8>.
8. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М. : МГУ, 1957. С. 425–435.
9. Ефимов А. И. Стилистические функции скобок в языке Салтыкова-Щедрина // Русский язык в школе. 1946. № 1. С. 25–33.
10. Иванчикова Е. А. Об одном приёме аффективной пунктуации Достоевского // Современная русская пунктуация. М. : Наука, 1979. С. 223–234.
11. Люксембург А. М., Рахимкулова Г. Ф. Магистр игры Вивиан Ван Бок: игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура. Ростов н/Д : Изд-во ин-та массовых коммуникаций, 1996. 202 с.
12. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода : в 5 т. Т. 2. Лолита. Смех в темноте. СПб. : Симпозиум, 2003. С. 9–390.
13. Николаев А. А. Пунктуация стихотворений Тютчева // Современная русская пунктуация. М. : Наука, 1979. С. 202–222.
14. Николаева Т. М. Что стоит за сложными правилами русской пунктуации // Т. М. Николаева. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 291–298.
15. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. URL : http://www.modernlib.ru/books/rozentalditmar_elyashevich/spravochnik_po_russkomu_yaziku_punktuaciya/read_20.
16. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика. Ростов н/Д : Феникс, 1999. С. 192–289.
17. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М. : Просвещение, 1974. С. 60–64.

Фразеологизмы в формировании предпосылок лингвокультурной компетентности у детей-билингвов

В статье рассматривается значение фразеологизмов в формировании предпосылок лингвокультурной компетентности у детей дошкольного возраста в условиях двуязычия. Приводятся виды бурятских и русских фразеологизмов по степени их эквивалентности. Выделяются требования к подбору фразеологизмов для детей дошкольного возраста. Описываются экспериментальные данные по пониманию семантики фразеологизмов на бурятском и русском языке детьми-билингвами.

Ключевые слова: фразеологизмы, семантика фразеологизмов, лингвокультурная компетентность, дети-билингвы, бурятско-русское двуязычие, понимание, толкование, родной и неродной язык.

А. И. Ulzytueva
Chita, Russia

Using Phraseological Units in the Process of Creation Prerequisites for Bilingual Children Linguistic and Cultural Competence

In the article the meaning of using phraseological units in the process of creation prerequisites for pre-school children linguistic and cultural competence in bilingual surrounding is considered. The examples of using Buryat and Russian phraseological units for pre-school children are given. The experimental data of phraseological units' semantics, understanding and learning of the Buryat and Russian languages by bilingual children are viewed.

Keywords: phraseological units, semantics of phraseological units, linguistic and cultural competence, bilingual children, Buryat-Russian bilingualism, understanding, interpreting, native and non-native languages.

В поликультурных условиях России обычным явлением стало двуязычие. Специфика функционирования неродного языка состоит в том, что его коммуникативная функция должна обеспечивать межкультурное общение. Межкультурное общение должно отвечать такому важному условию, как обеспечение взаимопонимания. Это возможно при формировании у обучаемых лингвокультурной компетентности.

Л. А. Городецкая предлагает следующее определение: «Лингвокультурная компетентность – это та часть культурной компетентности, которая ответственна за коммуникативное поведение личности в рамках данной лингвокультуры, при этом лингвокультурная компетентность есть феномен культуры, а не феномен языка» [1, с. 15–19].

В дошкольном возрасте при помощи родного и неродного языков осуществляется первичная социализация и культуризация личности, приобщение к культуре двух народов. В связи с этим можно гово-

рить о формировании предпосылок лингвокультурной компетентности у детей-билингвов.

Л. П. Крысин выделяет уровни овладения вторым языком:

1) собственно-лингвистический: умение строить тексты на данном языке и преобразовывать их друг в друга;

2) ситуативный: умение применять языковые знания сообразно с ситуацией;

3) лингвострановедческий: владение национально обусловленной спецификой использования языковых знаков, в частности владение системой коннотаций, сопровождающих употребление языковых единиц [4].

Наше исследование по формированию раннего двуязычия проводилось в детских садах Могойтуйского района Агинского бурятского округа Забайкальского края.

Одним из средств решения задачи формирования предпосылок лингвокультурной компетентности являются, на наш взгляд, фразеологизмы.

Обучение неродному языку бывает успешным, если оно ведётся на живой речи. Известно, что во фразеологии национально-культурная специфика языка проявляется наиболее ощутимо. И именно фразеологизмы как выразительные средства языка и речи способны обеспечить не только обогащение словаря детей, но и позволяют развивать у дошкольников коммуникативные умения, вызывают интерес к познанию языковых явлений и к народной культуре.

Фразеологизмы, или фразеологические обороты, – устойчивые в своем составе, лексически не делимые, воспроизводимые сочетания слов, единство которых создаётся переосмыслением (целостность значения) [3, с. 119].

Дифференциальные признаки фразеологизмов:

- лексическое значение, присущее всему обороту в целом;
- компонентный состав;
- наличие в его структуре грамматических категорий.

От свободного сочетания слов фразеологический оборот отличают следующие признаки:

- воспроизводимость: фразеологизм не создаётся в процессе общения, а как и слово, воспроизводится в виде целостной единицы;
- целостность значения, которое не зависит от составляющих его элементов: во фразеологическом обороте происходит как бы «переосмысление» словосочетания, в результате процесса десемантизации входящих в него слов образуется новая единица со своим собственным значением;
- устойчивость состава, постоянство тесно связанных между собой частей: компоненты фразеологического оборота располагаются друг за другом в строго определённом порядке; всякое изменение состава фразеологизма ведёт к образованию фразеологического неологизма; в своих связях с составляющими его словами фразеологизм неделим на части, поэтому в предложении он выполняет роль одного из его членов;
- непроницаемость: большинство фразеологизмов не допускает вставки других слов [3, с. 119].

Фразеологизмы бурятского и русского языков также отражают культуру, быт, традиции и обычаи, их национальную специфику.

Т. Б. Тагарова рассматривает три группы фразеологизмов по степени их эквивалентности:

1. Фразеологизмы с полным семантическим соответствием, когда совпадает внутренняя форма, а грамматическая структура имеет расхождения в аффиксах, частицах и т. д.

2. Фразеологизмы, эквивалентные русским фразеологизмам по семантике, но имеющие в основе другой образ, с различной лексико-грамматической структурой.

3. Фразеологические единицы, не имеющие в русском языке активно используемых фразеологических аналогов – своеобразные лакуны (пропуски).

Соотношение этих групп фразеологизмов таково, что большая часть активно используемых бурятских фразеологизмов имеет межъязыковые параллели в активной части русской фразеологии [6, с. 22].

Источниками обогащения бурятскими и русскими фразеологизмами речи ребёнка в ДОУ являются языковая среда, произведения фольклора и художественной литературы, занятия по развитию речи на русском языке и кружок бурятского языка. Изучение неродного языка вносит немало нового в усвоении родного: во-первых, дети впервые сталкиваются с выбором языка для выражения своей мысли; во-вторых, они убеждаются в общности значительной части лексики, в родстве языков, в-третьих, это стимулирует общее языковое и речевое развитие [5, с. 216].

Процесс развития и усвоения семантики фразеологизмов детьми является объектом исследования психолингвистов и лингвистов. При этом основное внимание уделяется не только выявлению особенностей речевой деятельности индивидов, становлению речевой способности, но и вопросам формирования объёма значения на разных этапах речевого развития [2, с. 92].

При подборе фразеологизмов для эксперимента мы руководствовались следующими требованиями:

- 1) фразеологизмы должны служить для обозначения понятных детям явлений, качеств, событий;
- 2) для установления первичного понимания фразеологизмы брались вне контекста;
- 3) для лучшего толкования значений фразеологизмы использовались в контексте.

Эксперимент проводился с детьми старшего дошкольного возраста в двух дошкольных образовательных учреждениях: МДОУ «Бэлиг» пос. Могойтуй и МДОУ «Солнышко» с. Ага-Хангил. Из МДОУ «Бэлиг» в эксперименте принимали участие дети, достаточно хорошо общающиеся на русском языке и владеющие бурятским языком в большей степени на репродуктивном уровне. У другой группы детей из МДОУ «Солнышко» с. Ага-Хангил отмечается бурятско-русское двуязычие. В данном селе проживают преимущественно представители бурятской национальности, дети, поступающие в детский сад, общаются только на бурятском языке, однако в МДОУ реализуется программа на русском языке.

Детям были предложены для толкования следующие бурятские и русские фразеологизмы:

1. Халбагаа хахарха – буквально: ложку свою расколоть (рассориться); рус. фразеологизм: кошка пробежала между ними.

2. Тэмээн ямаан хоёр – буквально: верблюд и коза; рус. фразеологизм: слон и Москва.

3. Тэмээнэй тархи дээрэ эбэр ургахы хулеэхэ – буквально: ждать, пока не вырастут рога на голове у верблюда; рус. фразеологизм: когда рак на горе свистнет, после дожидка в четверг и т. д.

4. Хэлээ булюудэхэ – буквально: язык свой точить; рус. фразеологизм: точить ляды, сплетничать, много болтать и т. д.

5. Хамараа ургэхэ – буквально: нос свой поднять; рус. фразеологизм: задрать нос – зазнаваться, быть высокомерным, гордым.

6. Адуунай зэргээр хуугайлха – буквально: по размеру своего табуна кричать; рус. фразеологизм: протягивай ножки по одежке – по своим силам, возможностям что-то делать, рассчитывать и т. д.

Педагогам была предложена инструкция по проведению опроса детей старшего дошкольного возраста, в которой содержалась таблица обследования детей по пониманию семантики фразеологизмов. Детям предлагалось перевести фразеологизм на русский язык и объяснить, как они понимают значение выражения.

В МДОУ «Солнышко» в опросе участвовало 12 детей в возрасте от 5 лет 9 мес. до 6 лет 6 мес. Фразеологизм халбагаа хахарха

перевели на русский язык все дети, однако ни один ребёнок не понял данное выражение в значении «поссориться».

Фразеологизм тэмээн ямаан хоёр также был переведён детьми на русский язык, и трое детей поняли данное выражение как противопоставление по размеру (дети объяснили, что можно это выражение заменить на выражение *большой и маленький*).

Фразеологизм тэмээнэй тархи дээрэ эбэр ургахы хулеэхэ перевели на русский язык 10 детей, объяснить значение выражения смог один ребёнок «У верблюда рогов не бывает. Не надо ждать, когда вырастут рога».

Фразеологизм хэлээ булюудэхэ перевели на русский язык 12 детей, при этом толкование дали следующим образом: трое детей объяснили данное выражение в значении *болтать*, остальные дети толкование не дали.

Фразеологизм хамараа ургэхэ перевели на русский язык все дети, 11 детей дали правильное толкование – *зазнаваться*.

12 детей перевели фразеологизм адуунай зэргээр хуугайлха следующим образом: *кричать как лошадь*, не уловив скрытого смысла, т. е. поняли данное выражение как *кричать громко*.

Таблица 1

испытываемые	1		2		3		4		5		6	
	перевод	понимание	перевод	понимание	перевод	понимание	перевод	понимание	перевод	понимание	перевод	понимание
1	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-
2	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
3	+	-	+	-	-	-	+	-	+	+	+	-
4	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-
5	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	+	-
6	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-
7	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-
8	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-
9	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-
10	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
11	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-
12	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+	-

В МДОУ «Бэлиг» в опросе принимали участие 15 детей от 5 лет 5 мес. до 6 лет 5 мес. Дословный полный перевод фразеологиз-

ма халбагаа хахарха не выполнил ни один ребёнок, первое слово из выражения перевели 10 детей.

Фразеологизм тэмээн ямаан хоёр всё выражение перевели на русский язык 10 детей; 5 детей перевели одно слово из выражения (трое детей назвали из выражения слово *коза*, двое – *верблюд*).

Фразеологизм тэмээнэй тархи дээрэ эбэр ургахы хулээхэ 12 детей перевели на русский язык как слово *верблюд*, дословного перевода фразеологизма ни один ребенок не выполнил.

Фразеологизм хэлээ булюудэхэ 13 детей перевели на русский язык слово *язык*, глагол *булюудэхэ* на русский язык перевести не смогли.

Фразеологизм хамараа ургэхэ перевели на русский язык всё выражение 13 детей, два ребёнка перевели на русский язык существительное *хамараа*, 8 детей правильно поняли смысл фразеологизма.

Фразеологизм адуунай зэргээр хуугайлха не перевёл ни один ребёнок дословно: трое детей перевели два слова из фразеологизма, 10 детей – одно слово, два ребёнка не справились с переводом.

Таблица 2

испытываемые	1		2		3		4		5		6	
	перевод	понимание	перевод	понимание	перевод	понимание	перевод	понимание	перевод	понимание	перевод	понимание
1	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-
2	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
3	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
4	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-
5	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-
6	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-
7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-
9	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-
10	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-
11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
13	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
14	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
15	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-

Эксперимент проводился с каждым ребёнком индивидуально. В ходе его ребёнку

предлагалось перевести на русский язык и ответить на вопрос: «Как ты понимаешь это выражение?» В случаях, когда ребёнку было трудно справиться с заданием и вопросом, предлагались уточняющие вопросы: «О ком (о чём) здесь говорится?»; «Как можно сказать по-другому?». Мы учитывали, что когнитивные возможности детей находятся примерно на одном уровне.

Сравнительный анализ перевода и понимания детьми бурятских фразеологизмов выявил отчасти предсказуемую ситуацию: бурятско-язычные дети из с. Ага-Хангил справились с переводом фразеологизмов на русский язык лучше, чем дошкольники из пос. Могойтуй, в котором общение детей в дошкольном учреждении происходит в основном на русском языке, в семьях общение осуществляется на двух языках (результаты нашего социолингвистического исследования 2008–2009 гг.).

Фразеологизмы для эксперимента были подобраны разных уровней трудности, состояли из разного количества слов, при этом все устойчивые выражения относятся к бытовой сфере употребления. Во всех фразеологизмах доминирующее место занимает коннотативный план. В соответствии с типологией фразеологизмов по степени эквивалентности детям были предложены устойчивые выражения второй и третьей групп (Т. Б. Тагарова).

Анализ картины перевода фразеологизмов на русский язык детьми из с. Ага-Хангил свидетельствует о том, что лучше были переведены выражения «халбагаа хахарха», «тэмээн ямаан хоёр», «хэлээ булюудэхэ», «хамараа ургэхэ». Объяснение этому мы видим, во-первых, в структурной простоте фразеологизмов; во-вторых, в широкой употребительности слов, входящих в данные фразеологизмы.

Фразеологизмы «тэмээнэй тархи дээрэ эбэр ургахы хулээхэ» и «адуунай зэргээр хуугайлха» достаточно сложны по структуре: фразеологизм «тэмээнэй тархи дээрэ эбэр ургахы хулээхэ» представлен в виде целого предложения. Предметно-логический план индивидуального общего значения данных фразеологизмов также вызвал трудности в их понимании.

Неполный перевод (перевод отдельных слов) бурятских фразеологизмов детьми из МДОУ «Бэлиг», как отмечалось выше,

вполне закономерен; дети справились с переводом слов, часто употребляемых в быту. При этом выявилось полное непонимание сложных с точки зрения структуры фразеологизмов.

Знание и понимание фразеологизмов служат исследованию лингвокультуры и одновременно являются отражением культуры того или иного этноса, социума. Лингвокультурологический подход к изучению фразеологизмов предполагает всестороннее изучение механизмов их бытования в естественном языке как вербализованных знаков культуры. Исследование знания и понимания бурятских фразеологизмов детьми-билингвами может при-

внести определённый вклад и в изучение механизмов их функционирования.

Важность включения в детскую речь фразеологизмов в условиях двуязычия обусловлена, с одной стороны, тем, что они делают речь образной, выразительной, служат средством повышения речевой культуры. С другой стороны, фразеологизмы, выражая сущность сложных явлений, национального менталитета, способствуют приобщению к культуре двух народов. Таким образом, фразеологизмы являются средством формирования предпосылок лингвокультурной компетентности у детей-билингвов.

Список литературы

1. Городецкая Л. А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М. : МГУ им. Ломоносова, 2007. С. 15–19.
2. Детская речь: проблемы и наблюдения : межвуз. сб. науч. тр. / ред. Г. А. Чемоданов. Ленинград, 1989. С. 160.
3. Заскока С. А. Введение в языкознание : конспект лекций. М. : Приор-издат, 2009. 272 с.
4. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М. : Наука, 1989. 165 с.
5. Львов М. Р. Основы теории речи : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2000. 248 с.
6. Тагарова Т. Б. Функционирование фразеологических единиц бурятского языка в газетно-публицистическом стиле. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 178 с.

Порядок слов в художественном тексте

Статья посвящена порядку слов и его эстетическим коннотациям в художественном тексте. Изменение порядка слов в предложении не обязательно связано с инверсией. Следует различать естественный для языка и культурно заданный порядок слов.

Ключевые слова: порядок слов, инверсия, текст.

A. V. Florya
Orsk, Russia

Order of the Words in the Fictional Text

This article is devoted to the word order and aesthetic connotations of this method in the fictional text.

Keywords: word order, inversion, text.

Порядок слов как средство актуального членения не обязательно связан с инверсией. Инверсия – это изменение прямого, строго закреплённого порядка слов – например, постановка сказуемого перед именованным подлежащим, определения – после определяемого слова.

Однако и в этих случаях далеко не всё однозначно. По-видимому, следует различать естественный для языка и культурно заданный порядок слов. В общеупотребительном русском языке нормально положение определения перед определяемым словом, и его изменение можно трактовать как инверсию.

Но иногда писатель – например, в целях стилизации – пользуется готовыми культурно кодифицированными формулировками с обратным порядком слов: «Перед вечером *море Галилейское* замирает»; «По *земле Палестинской* издавна бродили пророки, вещающие надежды, грозящие гибелью»; «– Кто ты? – непочтительно спросил Симон. – *Сын Человеческий*» (В. Тендряков. «Покушение на миражи»). Если в выделенных евангельских словосочетаниях и есть инверсии, то они принадлежат не автору – В. Тендрякову. В его тексте приём скорее фразеологический (использование уже существующих оборотов), чем синтаксический (Тендряков не меняет порядка слов; если бы он переставил их, установив прямой порядок – вот тогда это, как ни парадоксально, была бы инверсия).

В поэтической речи свободный порядок слов воспринимается как книжная черта, а вот в прозаической – по мнению И. Б. Голуб, как разговорная. Он имеет сугубо стилистическое значение, не зависит от тематического членения высказывания и проявляется не только в старинных текстах,

но и в более современных: «*Большие* зеленеют почки» (М. М. Пришвин); «*Ранний* перепадал снежок» (М. А. Шолохов) [1, с. 357]; «*Бесстрастная* стучит машинка» (Г. Шенгели).

Возможны и другие варианты перенесения ремы в препозицию: «Неизвестно, как бы дальше продолжалось его развитие, если бы, года три назад, не произошёл в его жизни переворот. *Случайно* он открыл ключи к счастью» (Ю. Мамлеев. «Борец за счастье»); «"Слушай, Милка, – пьяно заикаясь, приступил Варакин. – Давай мы *тебя* украдём". – "Как это украдём?" – "Ну, умыкнём, значит. Обычай не знаешь? Без этого ни одна свадьба не варится"» (В. Личутин. «Миледи Ротман»).

Инверсия в прозе может поддерживаться некоторыми дополнительными факторами – например, однородные подлежащие тяготеют к постпозиции: «За последний месяц перед ним прошли *сотни людей: стрелочники, кондуктора, инженеры, ревизоры движения и пути*» (Л. М. Леонов. «Дорога на океан»).

Перестановка подлежащего и сказуемого может обосновываться композиционно – как оформление зачина повествования: «*Приехали мы* в Ленинград, в командировку, с председателем нашего месткома» (М. А. Булгаков. «Египетская мумия») – это косвенное указание на наличие экспозиции, предыстории.

Иногда в поэтической речи слова ставятся в определённом порядке для создания размера и рифмовки. Понятно, что прилагательные, отодвинутые в постпозицию, рифмуются легче – хотя такие рифмы несколько однообразны и банальны. Однако можно ли считать этот формально обусловленный порядок инверсией? Не исключено,

что автор поставил слова таким образом для технического удобства, а не для создания каких-то смысловых нюансов.

Ответить на этот вопрос можно с позиций стилистики декодирования. Нельзя с полной уверенностью судить о том, чего именно хотел автор, но готовый текст в известной степени становится автономным по отношению к нему. Читатели рассматривают текст как единое целое и вправе, не задумываясь о намерениях автора, находить в тексте смыслы, которые он в принципе допускает. Иначе говоря, мы вправе считать, что непрямой порядок слов играет в поэзии не сугубо формальную роль (ритмически-упорядочивающую), но и содержательную – в постпозицию ставятся слова, на которые автор обращает внимание читателей, – т. е. мы можем усматривать здесь инверсию как приём: «Нева шумела. Бился вал // О пристань набережной *стройной*, // Как челобитчик *беспокойный* // Об дверь *судейской*» (А. С. Пушкин. «Езерский»).

Отметим, однако, что сама по себе инверсия не выделяет значимые слова – она действует на фоне прямого порядка слов.

Такую же роль может играть прямой порядок – если в тексте основной ритмики является инверсия: «Мне жаль, что мы, руке *наемной* // Дозволя грабить свой доход, // С трудом ярем заботы *тёмной* // Влачим в столице круглый год, // Что не живём семьёю *дружной* // В довольстве, в тишине *досужной*, // Старея близ могил *родных* // В своих поместьях *родовых*, // Где в нашем тереме *забытом* // Растёт пустынная трава; // Что геральдического льва // Демократическим копытом // У нас лягает и осёл: // Дух века вот куда зашел!» (А. С. Пушкин. «Езерский»). За счёт семи инверсий Пушкин создаёт определённую ритмическую инерцию восприятия текста. Читатель привыкает к такому порядку слов, и вдруг автор резко разрушает этот стереотип, производя эффект *обманутого ожидания*. Именно поэтому в конце текста ярко высеиваются наиболее важные в смысловом отношении определения, не подвергнутые инверсии: «*пустынная трава*» – т. е. забвение аристократами своей культуры, традиций, – и особенно антитеза «*геральдический лев – демократическое копыто осла*».

В поэтических текстах произвольный порядок слов может восприниматься как подчинение ритмическим требованиям – например: «В века старинной нашей славы, // Как и в худые времена, // *Крамол и*

смуты в дни кровавы, // Блестят Езерских имена» (А. С. Пушкин. «Езерский»). Прямой порядок был бы таким: «*имена Езерских блестят в кровавы дни крамол и смуты*». На первый взгляд, ни для чего другого, кроме необходимости соответствовать размеру, пушкинский порядок слов не предназначен: он очень затрудняет чтение. Однако поэт здесь говорит о старине в духе самой этой старины – и произвольный порядок слов выглядит как стилизация.

А вот в обороте «*бездны мрачной на краю*» («Пир во время чумы») перемещение составного отымённого предлога «*на краю*» имеет иллюстративную функцию: резко меняется «нормальный» порядок жизни – и столь же резко меняется естественный порядок слов во фразе, описывающей эту ситуацию. Читая текст, мы как будто сами перемещаемся на этот «край».

В повести Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Киж» перемещение прилагательных (в составе именных сказуемых) в постпозицию употребляется в тексте, характеризующем личность Павла I, и производит впечатление склонности этого императора к канцелярскому мышлению и стилю поведения. Он как будто стремится всё расклассифицировать, всему дать особое определение, которое ставится после определяемого компонента, как в бюрократических номенклатурах: «"Караул" был *крик нелепый*, и вначале у Павла Петровича был *гнев небольшой*, как у всякого, кто видит дурной сон и которому помешали досмотреть его до конца <...> Потом было любопытство: кто и зачем кричал "караул" у самого окна? Но когда во всём дворце, метавшемся в большом страхе, не могли сыскать того человека, гнев стал *большой*» (это естественный порядок слов, но в этом контексте он внешне похож на инверсию – А. Ф.). Отметим также, что другие люди – не бюрократы – испытывают, хотя и негативное, но естественное чувство – «*большой страх*». В этой формулировке нормальности эмоции соответствует естественный порядок слов – по контрасту с чувствами бюрократа императора – «*гневом большим и небольшим*».

Итак, изменение порядка слов в предложении – не обязательно инверсия. Следует различать конструктивно (технически) и эстетически обусловленное нарушение порядка слов. Роль этого приёма бывает не только композиционной, но и собственно художественной, передавать психологические нюансы и смыслы, связанные с текстовым целым.

Список литературы

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М. : Рольф, 2001. 448 с.

УДК 947.081 (571.54)
ББК 63.3 (2) 5 (2 Рос. Бур.)

И. Н. Шагдурова
Улан-Удэ, Россия

Буряты на государственной службе Российской империи

В статье рассматривается проблема привлечения бурят на государственную службу, а также деятельность бурятского чиновничества в административном аппарате Российской империи.

Ключевые слова: инородцы, аманаты, тайши, зайсаны, шуленги, ясак, переводчики.

I. N. Shagdurova
Ulan-Ude, Russia

The Buryats on the Public Service of the Russian Empire

The article deals with the problem of the Buryats public service and the Buryat officials' activity in the administrative machinery of the Russian Empire.

Keywords: indigenous dwellers, amanats, taishis, zaisans, shulengas, yasac, interpreters

Сибирские народы, в том числе и буряты, в Российской империи назывались инородцами. Процесс инкорпорации инородцев в административно-политическую систему Российской империи представляет собой уникальный исторический опыт. Одним из важнейших аспектов этого процесса является привлечение инородцев к государственной службе. Уже в период присоединения Сибири к России зародились предпосылки формирования инородческого чиновничества в административном аппарате государства. В данный период все действия власти определялись главной задачей – сбором ясака (дани пушниной). При его сборе выявилась потребность в людях из коренных народов, которые могли бы оказывать помощь в сборе ясака и влиять на своих соплеменников.

В начальный период присоединения инородцы привлекались на службу фактически насильственным путём. Была введена система аманатства, которая заключалась в том, что детей знати забирали в заложники для обеспечения успешного сбора ясака. Сроки аманатства могли быть различными. За период своего заложничества некоторые аманаты порой успевали выучить русский язык, воспринять русский быт. Такие аманаты становились толмачами (переводчиками) и фактически первыми государственными служащими из инородцев, помогали власти в управлении инородцами. Наряду с этим власть целенаправленно готовила своих ставленников в качестве глав органов бурятского самоуправления для того, чтобы ей было легче

управлять краем. Этот процесс нашёл своё отражение в устном народном творчестве бурят. Мангатхан Маласагаев, собиратель произведений устного народного творчества бурят в начале XX в., записал предание, в котором указывается: «Хуриншодора Бурлаевича десятилетним мальчиком увезли в Москву. Через 10 лет его привезли обратно с русской женой и поставили главным родоначальником. Он бегал за бурятскими девушками, тогда жена его зарезала сонного. У него был от царя Алексея Михайловича каменный указ. Мать после смерти сына этот указ выбросила в озеро. После этого во второй раз из хынгелдэрского рода Яравхана Булюевича увезли в Москву на учёбу. И опять обратно отправили его, но около Тобольска по дороге его убили. На его могиле поставили памятник в виде юрты. Прислали указ из Москвы и хотели передать родному брату Яравхана, но отец отказался, боялся, что и другого сына убьют, сказал больше сыновей нет, хотя имел пять сыновей. Указ передали потомку абзаевского рода Олинго Бердаеву, и он был западнобурятским тайшой в 1640, 1645, 1650-м годах» [24, л. 35].

Особенно интересно сложилась судьба одного из бурятских мальчиков, взятых в аманаты, описанная уже не в легендах, а в архивных документах. Бурятское имя его Бароно сын Имэгэна. В 90-х гг. XVII в. в 13 лет он оказался в аманатах сначала в Селенгинском остроге, затем в городе Енисейске. Там он был выкуплен купеческим приказчиком Иваном Михайловичем Сердюковым за 10 рублей, был крещён и стал

Михаилом Ивановичем Сердюковым. Он выучился русскому языку и грамоте и в 1695 г. оказался в Москве. Вместе с приёмным отцом он совершал торговые поездки от Архангельска до Астрахани, побывал в Персии. В 1700 г. 22-летний Михаил в связи со смертью Ивана Сердюкова перешёл приказчиком на службу к влиятельному московскому купцу Матвеем Григорьевичу Евреинову. У него он познакомился с царём Петром I. Царь попросил Евреинова отпустить Михаила. В том же 1700 г. по указу царя юноша был записан в новгородские купцы и начал самостоятельную торговую деятельность на новгородской земле. Он оказался очень способным человеком и получил широкую известность в связи с восстановлением Вышневолоцкого канала, соединяющего Балтийское море с Волгой. Проведённые с 1700-х гг. работы голландских мастеров по сооружению водного пути оказались не качественными и в 1718 г. во время наводнения канал был разрушен. Михаил Сердюков несколько раз обращался к царю с предложениями по восстановлению канала и, наконец, в 1719 г. он получил его разрешение на управление каналом и шлюзами. Три года он трудился над восстановлением канала и добился его функционирования. После этого он ведал каналом, значение которого было огромно. Также он успешно занимался строительством судов как для себя, так и на продажу. За заслуги перед Отечеством в 1742 г. императрицей Елизаветой Петровной он награждён титулом потомственного дворянина [2, с. 94].

Переводчики из инородцев составили основную массу инородческого чиновничества в административном аппарате Сибири. В период правления Петра I система аманатства была отменена, а переводчиков в крае стали готовить уже профессионально. По Указу Петра I в Иркутске в 1725 г. при Вознесенском монастыре была открыта русско-монгольская школа. Причем это была первая и единственная школа в Восточной Сибири в тот период, что свидетельствует о том, насколько переводчики тогда были востребованы. В 1813 г. в Кяхте также была открыта русско-монгольская школа.

Одними из первых известных переводчиков из бурят являются Амур, сын Андагая, внук могущественного монгольского

Тушету-хана, вместе с отцом перешедший на сторону России, и старший сын Окина-тайши, Лубсан. Они оказали неоценимую помощь российскому послу Савве Рагузинскому при проведении российско-монгольской границы и подписании Буринского договора 1727 г. с Китаем. Лубсан имел буддийское образование, владел маньчжурским и китайским языками, состоял в ламском сословии, но, после смерти отца в 1723 г. он унаследовал его титул и должность [1, с. 245–246]. Амур отлично владел русским и монгольским языками, основал и возглавил Подгородный род среди селенгинских бурят.

Во второй половине XVIII в. власть впервые привлекает бурят к работе в государственных органах управления. Так, в составе Нерчинской верхней расправы (выборном органе управления) в 1784 г. было 10 заседателей, 5 русских и 5 инородцев: Гантимуров, Оронкуев, Ламанцуев, Серенов и Ильдуев. Последние двое были буряты, остальные трое – тунгусы. Из них семеро, в т. ч. все русские, участвовали в заседаниях, а о троих, замыкающих список, сказано: «Присутствия не имели за неприбытием к должности». В 1786 г. упоминавшийся выше заседатель Ильдуев представил рапорт о болезни, засвидетельствованный зайсаном, шуленгой, засулом и для большей достоверности ещё священником, двумя русскими казаками и одним крестьянином. Несмотря на столь широко заверенный документ, расправа обратилась к главному тайше хоринских бурят лично освидетельствовать Ильдуева, и «если нет по болезни его крайней опасности, то немедленно ево в сию верхнюю расправу к должности выслать». В данном случае оказалось, что действительно болезнь не дала возможности заседателю выполнять свои обязанности. Другой же бурятский заседатель Ботогон Серенов добился в том же 1786 г. отставки «по старости лет, одиночеству и недостаточеству», замены зайсаном шараитского рода Аргалчиевым. Бекельман (правитель Нерчинской области) по поводу избрания Аргалчиева предписал в «полном присутствии управы при переводе привести его на братский разговор к присяге, а потом в должность заседателя принять» [3, с. 111–114]. Попытки уклониться от участия в заседаниях расправы и просьбы об отставке говорят о том, что за-

седателям от инородцев было очень трудно находиться в непривычной обстановке, вдали от дома, с плохим знанием русского языка, а порой и вовсе не знавшим его.

В XIX в. по мере формирования и развития самой системы местного управления Сибири привлечение бурят на государственную службу возросло. Так, в 1830 г. в Санкт-Петербурге побывал бурят Ринчин Ванчиков, служивший переводчиком, пограничный казак из Кяхты. Он был представлен императору Николаю I и удостоился высочайшего внимания «к учёным его сведениям и познанию русского языка в ознаменование сего всемилостивейше пожалованы ему серебряная медаль с портретом государя императора и надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте и сверх того кафтан, обложенный золотыми галунами и кортик на золотой португее». Ванчикову также был выдан специальный «Аттестат» шефом жандармов Бенкендорфом [25, л. 183]. Образование Ванчиков получил у английских миссионеров, обосновавшихся в окрестностях Селенгинска с целью распространения католичества. В Санкт-Петербурге он оказался, сопровождая полковника Мишлова, возвращавшегося из инспекционной поездки в Бурятию, во время которой он служил ему переводчиком. Тогда же был принят императором. Вернувшись на родину, он продолжительное время работал учителем в Троицкосавской войсковой школе, сотрудничал с известными монголооведами О. М. Ковалевским и А. В. Поповым [6, с. 97–98].

Во всех главных административных органах Восточной Сибири в это время были введены официальные должности штатных переводчиков. В Иркутске находился административный центр Иркутской губернии. В Иркутском губернском правлении служил переводчиком монгольского языка бурят Фёдор Санжихаев. Он обучался монгольскому языку при Селенгинской пограничной канцелярии с 1774 по 1787 гг. В 1790 г. он назначен учителем монгольского языка в Иркутском народном училище, затем в гимназии [2, с. 93].

В Иркутске при генерал-губернаторе Восточной Сибири чиновником особых поручений работал Доржи Банзаров (1822–1855), первый бурятский учёный. Он родился в урочище Ичетуй в Джидинской долине. В

1832 г. он поступил в Троицкосавскую войсковую школу, где учителем его являлся Ринчин Ванчиков. По её окончании в 1836 г. он поступил в Казанскую гимназию по рекомендации профессора Казанского университета, монголооведа О. М. Ковалевского. В июне 1842 г. он успешно окончил гимназию и поступил на философский факультет Казанского университета. В 1846 г. он окончил университет с защитой кандидатской диссертации по теме «Чёрная вера, или шаманство у монголов». В 1847 г. он отправляется в Петербург, где знакомится со многими выдающимися учёными и занимается научной деятельностью. В 1850 г. он вернулся в Восточную Сибирь, получив назначение на должность чиновника особых поручений при генерал-губернаторе, где совмещал службу с научной работой [4, с. 267].

В Иркутском губернском управлении переводчиком служил еще один бурятский учёный – Епифан Иванович Сычевский. Ранее он являлся переводчиком в одной из духовных миссий в Пекине. В 40-х гг. XIX в. он работал в Троицкосавске советником Кяхтинского пограничного комиссара. Там он написал научный труд по истории русско-китайских отношений в XVII–XVIII вв., который лишь спустя 20 лет после написания был опубликован благодаря усилиям купца и мецената В. Н. Баснина. В 50-х гг. он вернулся в Иркутск на прежнюю должность. Являлся переводчиком при подписании Айгунского договора с Китаем в 1858 г. Участвовал в Амурском сплаве вместе с генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым-Амурским [5, с. 42–43].

Город Троицкосавск вместе с торговой слободой Кяхта являлись важным пунктом в приграничных торговых связях России с Монголией и Китаем, а также административным центром. В Троицкосавске находилось окружное полицейское управление, Троицкосавское пограничное комиссарство и другие административные органы, где также служили буряты.

В Троицкосавском градоначальстве служил бурят Будажап Хутуктуев, который окончил Кяхтинскую русско-монгольскую школу. После её окончания он был избран главою своего рода обществом селенгинских бурят и исполнял эту должность с 1852 по 1855 гг. За усердие в работе был удостоен похвального листа. Затем он перешёл на государственную службу. С 22 апреля

1855 г. по 3 октября 1856 г. исправлял должность переводчика в Кяхтинской таможне и одновременно привлекался к работе при Кяхтинском градоначальнике [26, л. 8]. Хутуктуев вступил в должность с высочайшего соизволения самого императора. Возможность работы Хутуктуева в Кяхтинском градоначальстве обсуждалась на самом высоком уровне, поскольку он находился в податном состоянии. О нём велась большая переписка между Сибирским комитетом, министром государственных имуществ, Троицкосавским градоначальством [27, л. 15]. Как видим, для инородцев переход на государственную службу из податного состояния был исключительным явлением.

В Троицкосавском окружном полицейском управлении продолжительное время работал переводчиком Жамбал Доржи (Иван Андреевич) Санжиев. Он был принят на службу по гражданскому ведомству канцелярским служителем 3-го разряда и зачислен в штат Забайкальского областного правления по IV отделению в 1886 г. 29 апреля 1889 г. назначен толмачём при Троицкосавском окружном полицейском управлении. Затем приказом и. д. губернатора Забайкальской области отозван в Читгу и прикомандирован вновь к Забайкальскому областному правлению 4 декабря 1892 г. [1, л. 8]. По предписанию и. д. губернатора Забайкальской области от 14 мая 1893 г. командирован в Верхнеудинский и другие смежные с ним округа переводчиком. По настоятельной просьбе Троицкосавского окружного начальника от 15 октября 1893 г. откомандирован обратно в Троицкосавское окружное полицейское управление. По именному Высочайшему указу Правительствующего сената от 26 февраля 1896 г. награждён серебряной медалью в память императора Александра III. Приказом военного губернатора Забайкальской области от 8 октября 1899 г. командирован на должность переводчика в Нерчинское окружное управление. 9 ноября 1899 г. откомандирован обратно в Троицкосавск. Приказом и. д. генерал-губернатора от 19 сентября 1900 г. назначен временно учителем семинарии с 1 октября 1900 г. Освобожден от временно занимаемой должности учителя семинарии с 1 сентября 1903 г. и от 19 сентября 1903 г. принят на должность переводчи-

ка монгольского языка при Троицкосавском городском полицейском управлении [2, л. 30]. Как указывается в формулярном списке, женат на дочери кяхтинского мещанина Огородниковой Елене Павловне, имеет дочь Анну, родившуюся 12 сентября 1895 г., дочь Елизавету – 17 октября 1897 г., сына Георгия – 7 февраля 1902 г. [3, л. 18]. Принял православное крещение. Знаков отличия не имеет. Получает жалованье 600 рублей. Троицкосавский полицмейстер 31 марта 1912 г. пишет о нём рапорт: «Переводчик монгольского языка при вверенном мне Полицейском Правлении, не имеющий чина Иван Андреевич Санжиев прослужил на государственной службе беспорочно 24 года с перерывом 8 дней. <...> В исполнении вышеперечисленных должностей Санжиев отличается безупречной аккуратностью и трудолюбием». Полицмейстер просит наградить Санжиева первым классным чином. Тот же полицмейстер ходатайствует о предоставлении ему пособия на обучение детей. МВД отказывает, но затем 11 июля 1913 г. зачисляет его кандидатом за № 430 на получение пособия для обучения детей. Дочери учились в женской гимназии, сын в реальном училище. Старшая Анна вынуждена была оставить гимназию. Согласно приказу Забайкальского областного комиссара от 23 апреля 1917 г. № 2465 в виду распоряжения Временного Правительства об упразднении полиции Санжиев увольняется [4, л. 42].

В Троицкосавске служил Мунко Тархаев, как сказано в его формулярном списке: из казачьих детей Забайкальской области, отставной старший урядник. Грамотен по-русски и по-монгольски. В службу вступил казаком в 4-ю сотню 6-го конного полка Забайкальского казачьего войска 1 сентября 1851 г. Произведён в младшие урядники 17 июня 1852 г. Зачислен младшим писарем в правление 3-й Конной бригады 4 октября 1852 г. 1 декабря 1852 г. назначен старшим писарем того же правления. 1 октября 1854 г. назначен столоначальником. Из этой должности переведён писарем в Войсковое Правление Забайкальского казачьего войска 15 декабря 1855 г. Состоит по войску в отставке по выслуге лет с 28 февраля 1871 г. По предписанию и. д. губернатора Забайкальской области 14 мая 1871 г. назначен переводчиком монгольского языка при Кяхтинском по-

граничном комиссаре. По распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Тархаев назначен переводчиком при переговорах старшего чиновника особых поручений ГУВС г. Перетолчина с китайскими властями на урянхайском съезде 4 июня 1879 г. С переговоров возвратился 2 сентября 1879 г. [5, л. 16]. Мунко Тархаев имеет бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–56 гг. и нашивки: серебряную за отказ от перечисления на внутреннюю службу и из жёлтой тесьмы за выслугу 15 лет. В это время ему было 45 лет. После переговоров с китайскими властями исполняющий должность чиновника для дипломатической переписки при генерал-губернаторе Восточной Сибири, коллежский советник Перетолчин характеризует его как абсолютно незаменимого человека и в целях удержания его в должности переводчика ходатайствует о представлении Тархаеву первого классного чина вне правил за отличное усердие. Оказалось, что официально он не был принят на государственную службу, хотя и исполнял должность переводчика 9 лет. На основании ходатайства Перетолчина исполняющий обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенант Шелковников предписывает Забайкальскому областному правлению провести соответствующие испытания и подготовить документы об этом. Кяхтинский пограничный комиссар от 10 февраля 1883 г. № 36 просит также о классном чине для Тархаева военного губернатора Забайкальской области [6, л. 26]. В итоге Главное управление Восточной Сибири от 10 февраля 1883 г. за № 312 сообщает военному губернатору Забайкальской области о том, что Государь император по положению Комитета министров с 17 декабря 1882 г. высочайше соизволил на предоставление Мунко Тархаеву прав государственной службы, с причислением его к 3-му разряду канцелярских служителей за отличия по службе в первый классный чин вне правил [7, л. 7].

В Троицкосавске же служил Дамба Вамбуев. В его аттестате отмечается, что он 42 лет от роду. Имеет серебряную медаль с надписью «За усердие» на Аннинской ленте. Происходит из ясачных инородцев Селенгинского ведомства. Воспитание получил у английских миссионеров. Окончил курс в г. Селенгинске. В 1840 г. по

указу Иркутского губернского правления от 23 июня 1843 г. за № 3009 определён старостой хатаганова рода и состоял в этой должности до 1849 г. В 1850 г. в Петербурге был представлен Государю Николаю Павловичу и получил серебряную медаль и 550 р. серебром. По прошению допущен к должности толмача Кяхтинской таможни 5 марта 1852 г. По отношению Кяхтинского пограничного комиссара командирован в качестве переводчика в ноябре 1856 г. 29 июня 1857 г. объявлена благодарность его превосходительства. В августе 1858 г. Кяхтинским пограничным комиссаром направлен в качестве переводчика для сопровождения в Пекин свиты его императорского величества генерал-майора Игнатьева, но по болезни не поехал дальше Урги. По возвращении до 14 ноября 1858 г. служил переводчиком при Кяхтинском градоначальнике. 3 октября 1860 г. вступил в гражданскую службу в виду особого изъяснения толмачём в Кяхтинскую таможню. Исправлял должность столоначальника Кяхтинской таможни с 15 по 30 сентября 1861 г. По упразднении её служил в Кяхтинской таможенной комиссии с 1 октября 1861 г. до 15 сентября 1862 г. Уволен с выдачей единовременного годового оклада. С 15 ноября 1863 г. определён в Троицкосавскую градскую полицию квартальным надзирателем, где работал с 25 июня до 1 ноября 1863 г., с 3 марта по 1 апреля 1865 г. Женат. Имеет детей [8, л. 12].

В Троицкосавске продолжительное время служил Раднажап Будаевич Бимбаев. Согласно его формулярному списку от января 1916 г. он являлся титулярным советником, переводчиком китайского языка при Кяхтинском пограничном комиссарстве, почётным блюстителем Харьяского станичного приходского училища и директором Троицкосавского попечительского о тюрьмах отделения; 35 лет, вероисповедания ламайского, имеет ордена Св. Анны и Станислава III степени и медали: светло-бронзовую на Андреевской ленте и тёмно-бронзовую в память Русско-японской войны 1904–1905 гг. 1 ноября 1893 г. поступил в Ургинскую школу переводчиков и толмачей. 24 августа 1894 г. по распоряжению Императорского русского генерального консула в Урге был командирован в г. Пекин для изучения китайского языка с 24 августа 1894 г. по 8 декабря 1896 г. В

марте 1896 г. распоряжением того же консула был вновь командирован в Пекин для усовершенствования в китайском языке. 18 октября 1896 г. по распоряжению консула сопровождал в Китай и Монголию от Пекина до Кяхты Императорского российского чрезвычайного посланника и полномочного министра при Пекинском Дворе графа Кассини. 4 июля 1897 г. по распоряжению консула был командирован встречать комерц-юнкера Высочайшего Двора князя Ухтомского с возложением на него перевозки через разлившуюся реку Толу подарков и грамот от китайского Богдохана для поднесения государю-императору и государыне. 14 июля 1897 г. сопровождал князя Ухтомского и представлял г. Приамурскому генерал-губернатору чиновников, командированных ургинскими пограничными правителями для приветствия начальника края. Богдо-ханским указом награждён орденом Двойного Дракона IV степени (11 мая 1898 г.). Окончил курс в Ургинской школе переводчиков по 1-му разряду 21 июля 1898 г. Распоряжением консула командирован в качестве переводчика при чумной экспедиции в Восточную Монголию, где находился с августа по ноябрь 1898 г. 6 марта 1899 г. было дано Высочайшее соизволение по принятию и ношению китайского ордена. 29 марта 1899 г. за № 494 принят на государственную службу канцелярским служителем 3-го разряда с назначением на должность переводчика монгольского языка при Кяхтинском пограничном комиссарстве с 1 января 1899 г. С 1 февраля 1900 г. переводчиком китайского языка там же. От 20 марта 1900 г. за № 19 утверждён в чине коллежского секретаря со старшинством с 29 марта 1899 г. С мая 1900 г. командирован в Монголию в экспедицию профессора Ланге по определению чумы. С 20 июня по 28 августа 1900 г. состоял в распоряжении военного губернатора Забайкальской области по случаю китайской смуты для перевода китайских документов с театра военных действий. По докладу Ургинского старшего правителя маньчжурского амбана Фукшенги, по представлению Императорского консульства в Урге, Китайским Богдоханом пожалованы были 15 г. 6 луны 28 г. правления Гуань-суй (6 июля 1902 г.) грамоты и знаки ордена Двойного Дракона 2-й степени 2-го разряда Кяхтинскому пограничному

комиссару Суликовскому и 3-й степени 3-го разряда переводчику Кяхтинского пограничного комиссара коллежскому регистратору Бимбаеву [9, л. 143]. Кяхтинский пограничный комиссар Суликовский от 14 февраля 1902 г. просит наградить за труды во время смуты в Китае переводчика китайского языка Бимбаева орденом Св. Станислава 3-й степени, для нехристиан установленным, и пишет: «Это будет до некоторой степени делом справедливости по отношению к Комиссарству и послужит поощрением к дальнейшей службе на границе Бимбаева при его отличных знаниях восточных языков и примерном усердии» [10, л. 89]. С декабря 1905 г. за № 92 произведён в коллежские секретари. Исполнял должность Кяхтинского комиссара с 20 марта по 20 июля 1906 г. От 14 марта 1909 г. за № 16 произведён в титулярные советники за выслугу лет. Женат. Имеет двух сыновей: Ринчиндоржи – 30 ноября 1905 г., который стал выдающимся учёным в Монголии, академиком под именем Бямбын Ринчен, и Норбо – 11 сентября 1907 г. Жена Дулма Самдакова [11, л. 1].

В Троицкосавске недолгое время служили ещё два переводчика – Балдан Цыренпилов и Ц. С. Юмов. Первому к началу службы был всего 21 год. Окончил курс в Онинском одноклассном приходском училище, имел звание коллежского служителя. Принят на службу канцелярским служителем 3-го разряда и назначен на должность столоначальника Троицкосавского уездного полицейского управления, с откомандированием для занятий в Верхнеудинское уездное полицейское управление приказом военного губернатора Забайкальской области от 20 сентября 1900 г. за № 5433. Согласно прощению уволен от службы от 11 сентября 1901 г. за № 5033 [12, л. 1]. Ц. С. Юмов принят на государственную службу 13 августа 1896 г. в Троицкосавское полицейское управление. От 17 июля 1899 г. просит об увольнении по состоянию здоровья [13, л. 1-2].

Город Чита являлся главным административным центром Забайкальской области, образованной в 1851 г. В Забайкальском областном правлении, кроме упомянутого И. А. Санжиева, также служили буряты. Так, например, здесь служил в письменной части бурят Батоцыренов, по распоряжению военного генерал-губернатора

Забайкальской области генерал-майора Запольского. Ранее он был старостой хатаганова рода Селенгинской степной думы Верхнеудинского округа и проживал в г. Троицкосавске. [28, л. 28–30].

В Забайкальском областном правлении работал переводчиком Буда Рабданович Рабданов (1853–1923). Он являлся учителем, путешественником, дипломатом. После окончания Агинской приходской школы он продолжил образование в Чите. В 1892–1893 гг. участвовал в экспедиции Г. Н. Потанина. В 1895–1896 гг. редактировал газету «Жизнь на Восточной окраине», издававшуюся П. А. Бадмаевым. Затем служил в Забайкальском областном правлении в чине коллежского секретаря. В 1903 г. отправился в путешествие по Китаю и Тибету. Во время русско-японской войны он работал в русском консульстве в Урге, а также в Хайларе и Маньчжурии, отвечал за поставку лошадей в русскую действующую армию. Он знал пять языков: бурятский, русский, монгольский, китайский, тибетский [6, с. 99–100].

В управлении военного губернатора Забайкальской области в Чите работал переводчиком Цокто Бадмажапов. Он родился в казачьей станице Шарагол Кяхтинского округа Верхнеудинского уезда в 1879 г. Окончил приходскую школу. В 1899–1901 гг. участвовал в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в качестве переводчика монгольского языка, за что получил чин хорунжего (подпоручика). С 1902 г. был торговым представителем купцов Сабашниковых в Алашани. В 1907 г. он открыл мёртвый город Хара-Хото – столицу средневекового тангутского государства Си-Ся, хотя позже заслуга открытия города была полностью приписана Козлову. В 1910 г. он поступил в управление Забайкальского военного губернатора в Чите переводчиком монгольского языка. В 1913 г. вместе с монгольской делегацией выезжал в Санкт-Петербург, где участвовал в правительственных переговорах. В 1915–1917 гг. вновь участвовал в Монгольской экспедиции Козлова. В 1920–30-х гг. работал в Монголии. В 1937 г. репрессирован в СССР [7, с. 69–70].

В Забайкальской области в Акшинском окружном полицейском управлении с 9 января 1898 г. работал переводчиком монгольского языка Цыбен-Доржи Цырендашиев. Он родился 1 июня 1877 г. С 14 ав-

густа 1891 г. по 6 сентября 1897 г. обучался в гимназии. При поступлении на гражданскую службу не подвергался испытаниям. В 1902 г. 18 марта уволился по болезни [14, л. 3–4].

Также в Акшинском полицейском управлении служил Гомбо-Джаб Цыбиков. В формулярном списке сказано, что родился 3 февраля 1871 г., вероисповедания буддийского, знаков отличия не имеет. Происходит из инородцев Забайкальской области. Воспитание получил домашнее. Подвергнут при Акшинском городском 4-х-классном училище испытанию на 1-й классный чин, в чём имеет свидетельство от 10 января 1911 г. за № 8. Приказом военного губернатора Забайкальской области от 3 апреля 1908 г. за № 3183 определён на службу в штат Акшинского полицейского управления. Его же приказом от 6 июня 1908 г. назначен переводчиком монгольского языка Акшинского полицейского управления. От 25 августа 1911 г. согласно прошению уволен. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 18 октября 1911 г. за № 76 произведён за выслугу лет в коллежские регистраторы со старшинством с 10 января 1911 г. [15, л. 34].

В Акшинском уездном полицейском управлении работал Дамба-Ринчин Шагдаров, который был зачислен в штат от 12 августа 1903 г. приказом военного губернатора Забайкальской области канцелярским служителем 3-го разряда. Затем переведён в переводчики. Д.-Р. Шагдаров окончил курс Читинского ремесленного училища. 20 апреля 1907 г. подал рапорт об увольнении [16, л. 1–5].

В Акшинское уездное правление от 20 апреля 1904 г. был принят на службу Юм-Доржи Жамсаранов. В справке, выданной ему из Агинского инородческого волостного правления указывается, что он является инородцем сей волости Зуткалейского булука, законнорожденным сыном инородца Жамсарана Аюрова и родился 15 сентября 1879 г. в улусе Чиндалей. 27 июля 1906 г. он подаёт прошение об увольнении [17, л. 1–4].

В административных органах г. Верхнеудинска также служили буряты. Дулзын Цыдыпов был принят на службу в Верхнеудинское полицейское управление в качестве письмоводителя. В 1902 г. служил у пристава 1-го стана Верхнеудинского

уезда. С 17 февраля того же года – в Верхнеудинском полицейском управлении, где отличился примерным поведением и усердием к службе. Имеет справку об окончании Тотхотондинского инородческого училища от 12 марта за №5, удостоверяющую окончание курса учения в данном училище. 2 февраля 1906 г. подаёт прошение об отставке по домашним обстоятельствам и увольняется со службы [18, л. 2–3].

В Верхнеудинском полицейском управлении служил Жигжит Тубанов с 9 марта 1889 г. в звании канцелярского служителя 3-го разряда и затем занимал должности секретаря Троицкосавского городского полицейского управления, полицейского надзирателя в г. Верхнеудинске, секретаря Верхнеудинского полицейского управления и с последней должности ушёл в отставку 20 мая 1895 г. [19, л. 2; л. 64].

У Верхнеудинского окружного исправника с 18 декабря 1887 г. служил переводчиком Гомбо-Жап Чимытов, инородец Хоринского ведомства. Переведён в Троицкосавск от 2 мая 1889 г. 29 декабря 1890 г. ушёл в отставку [20, л. 1].

Нанзад Ирдынеев окончил курс в Верхнеудинском уездном училище. С 1 марта 1893 г. исправлял должность столоначальника в Троицкосавском полицейском управлении. Приказом военного и гражданского губернатора Забайкальской области от 20 марта 1893 г. принят на службу канцелярским служителем 3-го разряда и назначен и. д. секретаря Читинского городского полицейского управления, уволен 20 мая 1894 г. [21, л. 1]. В 1916 г. служил полгода вновь в Верхнеудинском уездном полицейском управлении [22, л. 2].

Гомбо Шойдонов был принят в Верхнеудинское полицейское управление от 9 октября 1903 г. Он являлся представителем ходайского рода Хоринской степной думы. Приказ от 10 мая 1903 г. о зачислении, от 25 октября 1904 г. – об увольнении [23, л. 1].

Выше мы рассмотрели имена людей, которые непосредственно служили в местных государственных органах управления Восточной Сибири, но была часть бурят, которые служили за пределами родины. Так, например, Николай Иванович Гомбоев долгое время возглавлял почтово-телеграфную службу посольства России в Пекине в конце XIX – начале XX вв. Цыбен Жамцарано, выдающийся бурятский

учёный и общественный деятель, в начале XX в. работал советником в Российском консульстве в Монголии в 1911–1917 гг. Другой выдающийся общественный деятель М. Н. Богданов в 1909–1913 гг. служил в переселенческом управлении Минусинского уезда Енисейской губернии.

Цыден-Еши Цыдыпов в 1903 г. поступил в российский военный комиссариат в Мукдене в качестве переводчика монгольского языка и прослужил там до конца Русско-японской войны, участвовал в боях под Мукденом. После ликвидации комиссариата становится переводчиком в китайской газете «Юань-дун-бао» при Управлении КВЖД. В 1908 г. он переходит переводчиком на службу в штаб Заамурского округа пограничной стражи и одновременно преподаёт монгольский язык в школе российских разведчиков [8, с. 43].

Наибольших высот на государственной службе Российской империи достиг Пётр Александрович Бадмаев (1842–1920), доктор восточной медицины, дипломат. Он дослужился до чина действительного статского советника, который приравнивается чину генерала в военной иерархии. В 1875 г. он был принят в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, где проработал до 1894 г. Его деятельность была связана с политикой России на Дальнем Востоке. Он окончил Санкт-Петербургский университет и Военно-медицинскую академию, вращался в высших кругах русского общества, оказывал влияние на общественно-политическую жизнь страны. Последние годы жизни он занимался тибетской медициной. Перевёл на русский язык тибетский медицинский трактат «Чжуд-ши».

Но если посмотреть на государственную службу в более широком смысле, как на служение бурят интересам Российского государства, то здесь необходимо упомянуть Агвана Доржиева, наставника Далай ламы XIII, который, находясь в Тибете, боролся с англичанами за влияние России в Тибете, пытался установить российский протекторат над Тибетом. Не раз встречался с царём по этим вопросам. Следует также отметить, что на государственной службе находились и бурятские казачьи полки, которые были в составе Забайкальского казачьего войска. Они охраняли границу и с честью принимали участие во всех войнах, которые вела Россия.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что буряты после присоединения Бурятии к России в середине XVII в. в целом довольно безболезненно адаптировались к административно-политической системе Российской империи и принимали участие в государственной службе. И

хотя количество бурят, находившихся на государственной службе, очень не велико, но среди них были выдающиеся люди, которые могли оказывать влияние на ход исторических событий как внутри России, так и за рубежом.

Список литературы

1. Аюшеев К. Л., Чимитдоржиев Ш. Б. Окин – тайша (1650–1723) // Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 4. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2004. 176 с.
2. Батуев Б. Б. Буряты в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ : Сибирь, 1996. 101 с.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. ОП. 1. Д. 3966. Л. 8.
4. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 3966. Л. 30.
5. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 3966. Л. 18.
6. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 3966. Л. 42.
7. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 2006. Л. 16.
8. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 2006. Л. 26.
9. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 2006. Л. 7.
10. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 6604. Л. 12.
11. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 5487. Л. 143.
12. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 5487. Л. 89.
13. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 5487. Л. 1.
14. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 6676. Л. 1.
15. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 5624. Л. 1–2.
16. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 6602. Л. 3–4.
17. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 6601. Л. 34.
18. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 6652. Л. 1–5.
19. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 5756. Л. 1–4.
20. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 6598. Л. 2–3.
21. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 2375. Л. 2; Л. 64.
22. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1. Д. 2316. Л. 1.
23. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 5809. Л. 1.
24. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1(0). Д. 5794. Л. 2.
25. ГАЗК. Ф. 1. ОП. 1 (0). Д. 6651. Л. 1.
26. Залкинд Е. М. Участие представителей коренного населения Забайкалья в русских административных органах XVIII в. // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита : Читин. кн. изд-во, 1972. 145 с.
27. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ : Бурят.-Монгол. кн. изд-во, 1954. Т. 1. 495 с.
28. Ким Н. В. Епифан Сычевский // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 326 с.
29. НАРБ (национальный архив Республики Бурятия). Ф. 362. ОП. 1. Д. 1. Л. 35.
30. НАРБ. Ф. 7. ОП. 1. Д. 39. Л. 183.
31. НАРБ. Ф. 92. ОП. 1. Д. 1307. Л. 8.
32. НАРБ. Ф. 92. ОП. 1. Д. 1307. Л. 15.
33. НАРБ. Ф. 92. ОП. 1. Д. 307. Л. 28–30.
34. Пубаев Р. Е., Гарри И. Р. Буда Рабданов, учитель, путешественник и дипломат // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 326 с.
35. Чимитдоржиев Ш. Б. Ринчин-Нима Ванчиков, учитель и общественный деятель // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 326 с.
36. Шагдурова И. Н. Очерки из истории развития общественно-политической мысли бурят в первой четверти XX века. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. 123 с.

УДК 910.4
ББК Д 8

Н. В. Эйльбарт
г. Чита, Россия

«От Пекина до Москвы». Забайкальские впечатления Свена Гедина

В статье мы рассказываем о Свене Гедине – знаменитом шведском географе и исследователе Центральной Азии. Гедин бывал в Забайкалье дважды и оставил об этом интересные воспоминания в книге «От Пекина до Москвы». Он поддерживал контакты с председателем Географического общества в Кяхте Петром Михно. В статье публикуются письма из личного архива Гедина, которые сейчас находятся в Государственном архиве Швеции.

Ключевые слова: С. Гедин, П. С. Михно, естественно-научные исследования, Кяхта, Русское географическое общество, Центральная Азия, Забайкалье.

N. V. Eylbart
Chita, Russia

«From Beijing to Moscow». Sven Hedin's Transbaikalia Impressions

The article is about Sven Hedin - a famous Swedish geographer, a researcher of Central Asia. Hedin visited Transbaikalia twice and left interesting memoirs about it in the book «From Beijing to Moscow». He supported contacts with the chairman of the Geographical Society in Kyakhta Peter Mikhno. The article publishes letters from the personal Hedin's archive, these materials are now in Swedish State Archive.

Keywords: S. Hedin, P.S. Mikhno, natural researches, Kyakhta, Russian Geographical Society, Central Asia, Transbaikalia.

Среди выдающихся европейских естествоиспытателей, посвятивших себя изучению Азии, особое место занимает шведский географ и путешественник Свен Андерс Гедин (1865–1952), совершивший многочисленные экспедиции в Центральную Азию и впервые составивший её атлас. Россия, в частности, её азиатская часть, привлекали исследователя с первых шагов его научной карьеры, в некоторых своих публикациях он объединял Россию и Азию в единый термин «великий Восток». Впервые С. Гедин приехал в Россию (Баку) двадцатилетним юношей в качестве домашнего учителя сына шведского инженера, работавшего на предприятиях братьев Нобель. Широкую известность в нашей стране на рубеже XIX–XX вв. исследователь получил после публикации на русском языке книг – «В сердце Азии» (1899) и «Тарим – Лобнор – Тибет» (1904), написанных им по результатам его экспедиций. Именно благодаря незаурядному таланту популяризатора научного знания, имя Гедина стало известно не только специалистам, но и широкой общественности по всему миру. Эта популярность, несмотря на различные политические коллизии, неизменно продолжала иметь место вплоть до середины

1930-х гг., когда путешественник начал тесное сотрудничество с правительством Третьего Рейха и его активную поддержку.

В Забайкалье Свен Гедин побывал дважды, возвращаясь из экспедиций в Центральную Азию. Оба раза он посетил Кяхту, где происходил активный обмен информацией между членами созданного в 1894 г. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества и шведским учёным, о чём упоминает в своих мемуарах «правитель дел» данного отделения польский антрополог Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич [4]. Первый визит Гедина в Забайкалье состоялся в 1897 г., когда путешественник возвращался из экспедиции по маршруту Памир – Тибет – Восточный Туркестан. В книге «Сердце Азии» учёный вспоминал: «В Пекине ... мне представлялись три пути в Европу. Кратчайший, морской, вёл на восток через Ванкувер и Нью-Йорк, удобнейший на пакетботе через Индию и Суэц. Самый же долгий и трудный был сухой путь через Монголию в Сибирь. Я выбрал последний и ещё раз, хотя и при других условиях, пересек Азию. В двухколёсной китайской арбе, запряжённой монгольскими лошадьми, с кучерами на них верхом, мчался с бы-

стротой ветра по бесконечным равнинам, пустыням и степям через Саин-усу и Ургу в Кяхту» [2]. В Кяхте Гедин был принят членами Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества (РГО) как признанный в России и отмеченный высокими наградами маститый учёный, ведь в 1892 г. он был удостоен серебряной медали РГО за сообщение о восхождении на Демавенд и исследование пустыни Дешт и Кевир в Харасанте, а в 1893 г. его избрали действительным членом РГО, согласно формулировке П. П. Семёнова-Тян-Шанского «желая пользоваться его просвещённым участием в трудах своих» [5]. К этому стоит прибавить, что Гедин великолепно владел русским языком и выступал с лекциями на нем, а его российские коллеги обращались к нему как правило «Свен Людвигович».

Второй визит учёного в Забайкалье состоялся в ноябре–декабре 1923 г. Совместно с соотечественником, исследователем Монголии Францем Августом Ларсоном он проехал по маршруту от Пекина до Верхнеудинска (Улан-Удэ) через Кяхту, а затем отправился в Москву по Транссибирской магистрали. В столице Монголии Урге Гедин встретился с прибывшими через Кяхту членами Монголо-Тибетской экспедиции РГО (1923–1926) и весьма тепло общался с её руководителем – Петром Кузьмичом Козловым, с которым до этого неоднократно контактировал и почти четверть века состоял в переписке. Ургинская русская газета «Заря» подробно сообщала о пребывании Гедина в Урге и отмечала: «Свен Гедин производит, несмотря на пожилой возраст, впечатление весьма бодрого и молодого человека. Кстати он недурно объясняется по-русски» [5]. В личном архиве Гедина в Стокгольме сохранились три письма П. К. Козлова шведскому исследователю. Последнее из них – короткая записка времён их встречи в Урге, датированная 21 ноября 1923 г.: «Мой дорогой друг, Свен Людвигович! Целый день жду Вас, без Вас не садимся за стол обедать! После обеда пойдем к моим спутникам и будем фотографироваться. Жду! Ваш весь, П. Козлов» [5].

Во второй раз Свен Гедин останавливается в Кяхте (Троицкосавске) всего на один день, 28 ноября 1923 г. Этот визит был им подробно описан в книге «От Пекина до Москвы», вышедшей в 1924 г. в Лейпциге.

Забайкалью в данной книге посвящено две главы: «Через сибирскую границу» и «Большевики в Верхнеудинске». Поскольку данная книга не была переведена на русский язык и не публиковалась в России, приведём здесь отрывок в нашем переводе, описывающий визит учёного в Кяхту.

«Утром 28 ноября, едва я успел одеться, мне сообщили о приходе троих господ. Одному из них я привёз дружеское письмо от Козлова. Звали этого господина Пётр Савич Михно, он являлся председателем Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества. Это был пожилой человек с длинными седыми волосами и бородой, улыбающийся, приветливый и необыкновенно милый. Он выглядел как типичный сибиряк, носил длинную черную шубу и лохматую шапку.

Едва войдя в мою комнату, он вынул письмо Козлова и стал громко его читать. Среди всего прочего они не должны были упустить возможности услышать что-либо о Тибете. Тогда всё понятно! Я должен остаться здесь на несколько дней. Он сообщит во все дома и семьи и провозгласит на каждом углу, что я буду следующим вечером читать лекцию в большом городском зале. В попытках уговорить меня его горячо поддерживали оба товарища – Сергей Александрович Успенский, правитель дел Географического общества, и Константин Дмитриевич Стерхов, директор музея.

Поймите, что это значит для нас, мы находимся далеко от всяческих центров культуры, в глуши, куда лишь чрезвычайно редко проникают новости из большого мира. Окажите нам неоценимую услугу. Встряхните нас. Дайте нам надежду и мужество. Мы никогда не забудем этот день.

Приглашение было действительно заманчиво, и я заверил их, что непременно бы сделал это, будь то хоть сколько-нибудь возможно. Но я еду с государственным курьером, если останусь, автомобиль уедет без меня, упущу такую возможность – буду вынужден ехать на лошадях. На дорогу (до Верхнеудинска – Э. Н.) я потрачу 3–4 дня и не успею на экспресс, который выезжает из Читы 2-го декабря. Мне очень жаль, что я вынужден отклонить это тёплое приглашение.

Сошлись на прогулке по городу. Мы шагали вдоль берёзовой рощи городского парка. Берёзы с голыми кронами также

виднелись перед белыми, одноэтажными домами на улицах. Все крыши, проезжая дорога и тротуары были покрыты снегом. Троицкосавск выглядел белым, чистым и ухоженным, производил чарующее впечатление, находясь среди увенчанных снегом холмов. Над жилыми домами возвышается колокольня кафедрального собора. Толпы благочестивых верующих сходятся сюда на богослужение. Число жителей (Троицкосавска – Э. Н.) составляет от 7 до 8 тыс. человек.

Последнее время среди населения можно наблюдать некоторое религиозное возрождение. С чисто психологической точки зрения здесь нет ничего удивительного. Притеснение власти, неурожай, стоящая на пороге нужда – эти бедные беспомощные люди всё ещё надеются на помощь небесную, которая не обманет, провозглашая верность Богу под сводами церкви, перед золотыми святыми образами иконостаса, украшающие стены перед алтарём.

Движение на улицах более чем скромное. Изредка можно было увидеть телегу с товаром или людьми, но не было извозчиков, не говоря уже об автомобилях. То здесь, то там виднелись пешеходы. Нам встретилось несколько групп мальчиков и девочек, идущих в школу. Подмышкой они несли тетради и книги, шумели и звенели, как и все дети, у них были красные лица и, на первый взгляд, они хорошо питались. Создавалось впечатление, что дети вполне здоровы, поскольку в тот день в 7 часов утра было – 34 °С. Но, конечно же, в городе есть и бедные, голодные дети, которые, возможно, не могут выйти из дома.

В Троицкосавске есть две начальные школы и высшее училище. Во всех трёх девочки и мальчики обучаются совместно. Мне сказали, что школу посещает 800 детей. К сожалению, у меня не было времени, чтобы познакомиться с какой-либо из них.

Мы обошли вокруг старой торговой площади, называемой Гостиный двор, на магометанском востоке её называли бы караван-сарай; в прежние времена чайные караваны складывали здесь свой драгоценный груз, отсюда его на телегах или санях отправляли на рынки Москвы и Нижнего Новгорода. В настоящее время всякая жизнь в этом направлении торговли вымерла. Теперь есть другие, более дешёвые и легкие способы доставки чая, к тому же

чай сейчас выращивают и в других, подобных Китаю, тёплых странах. Кяхта утратила своё значение главного перевалочного пункта китайского чая. Ещё до революции этот город пришёл в упадок, а после переворота многие переселились в Монголию и Китай. Ныне в Кяхте проживает всего около двадцати или тридцати человек. Оставленные дома стоят пустые, заброшенные и постепенно разрушаются. Может быть, в один прекрасный день у учёных вызовут интерес руины Кяхты, подобно обнаруженным мной в сердце Азии двухтысячелетним городам Дендан-уилик, Кара-дун и Лоу-лан, или более молодому, открытому Козловым Хара-хото.

Главной целью нашей прогулки был музей. Он расположен в большом побелённом двухэтажном доме. С гордостью господин Михно показывал мне сокровища натуралиста, собранные на протяжении многих лет в большом светлом зале. Действительно чудо, как в этом маленьком отдалённом сибирском городе могло быть создано такое богатое и роскошное учреждение. Содержание длинных экспозиционных витрин свидетельствовало о трудолюбии, преданности, любви к природе и профессиональных знаниях.

Характерной чертой является то, что здесь собраны в основном экспонаты, представляющие Забайкалье. Высшие животные выставлены в больших застеклённых ящиках, в других же птицы, в то время как рептилии, рыбы и насекомые хранятся в высоких, наполненных спиртом, сосудах.

В другом зале представлены ботанические и биологические коллекции. О предстории человечества, начиная с каменного века, здесь можно узнать по орудиям труда и оружию.

Они строили великие планы будущего развития музея. Таков музей в Кяхте; но в современных условиях ему грозит запустение – никто не видит в нём никакой пользы. Надеюсь, что со временем у него появятся достаточные деньги, чтобы сохранить коллекции» [3].

Гедин совершенно справедливо назвал Кяхтинский музей «одним из лучших в Сибири». К сожалению, шведский исследователь был прав, высказывая озабоченность судьбой музея – замечательного детища забайкальской научной интеллигенции. Трагично оказалось и будущее его основа-

теля – Петра Савича Михно, обвинённого в шпионаже в пользу Японии и расстрелянного по приговору «тройки» в 1938 г. Репрессирован и расстрелян был также и его ближайший помощник С. А. Успенский.

Из Кяхты путь шведского географа лежал в Верхнеудинск, ставший незадолго до его приезда центром вновь созданной Бурят-Монгольской АССР. Здесь Гедин интересовался общественными настроениями, политикой, проводимой советской властью. В девятой главе книги «От Пекина до Москвы» – «Большевики в Верхнеудинске» – он даже делится впечатлениями от посещения пролетарского клуба, где явился свидетелем докладов видных коммунистических деятелей в Бурят-Монголии – М. Н. Ербанова и М. И. Амагаева о политической ситуации в республике.

Несомненно, второй визит С. Гедина в Забайкалье привёл учёного к выводу о больших перспективах данного региона, в частности, на организованной в его честь встрече в Москве он назвал Бурятию «русским Клондайком и Аляской» [1].

Есть основания предполагать, что шведский путешественник поддерживал переписку с П. С. Михно, но, к сожалению, в русской корреспонденции Гедина, хранящейся в Государственном архиве Швеции (Riksarkivet), сохранилось только одно письмо из Забайкалья (Кяхты). Приведём его здесь полностью. «Доктору Свену Гедину. В воскресенье, 17 октября 1926 г., в 3 часа дня, в помещении Троицкосавского краевого музея состоится торжественное заседание Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Государственного Географического Общества по случаю исполнившегося 35-летия краевого музея и 30-летия деятельности Отделения Географического Общества. Программа заседания: 1. Исторический очерк о жизни и деятельности музея и Отделения Географического Общества со времени возникновения их по настоящее время. Сообщение С. А. Успенского. 2. Доклад члена Отделения Н. Н. Козьмина «Ближайшие задачи по изучению Бурят-Монгольской Республики». Отделение просит почтить настоящее заседание Вашим присутствием. Председатель отделения Петр Михно. Правитель дел Сергей Успенский» [5]. Несомненно, что факт сохранения С. Гедином приглашения забайкальских коллег свидетельствует о том зна-

чении, которое исследователь придавал данным контактам. Вероятно, дальнейшее изучение архивохранилищ Швеции и России (в том числе Забайкалья и Бурятии) позволит конкретизировать эти данные.

Книга С. Гедина «От Пекина до Москвы», как уже упоминалось выше, была опубликована на немецком языке в Лейпциге в 1924 г., а годом спустя на чешском языке в Праге и произвела большое впечатление прежде всего в среде русской эмиграции, в большинстве своём имеющей смутное представление о том, что происходит на родине, а тем более в таком отдалённом регионе, как Забайкалье. В архиве исследователя сохранилось письмо от москвички Зинаиды Петровны Тропиной – Трейден, эмигрировавшей в Германию, с отзывом на данную книгу. «Мне хочется поблагодарить Вас за ту громадную радость, которую она мне доставила», – пишет она. «С поглощающим интересом, с трепетом в душе читала я каждое слово и с каждой новой страницей я всё больше поражалась, как Вы – нерусский, сумели вдуматься в душу русского народа; понять, оценить и глубоко полюбить наш чудный, многострадальный русский народ» [5].

Несмотря на то, что книга Гедина «От Пекина до Москвы» так и не была переведена на русский язык, широкой общественности в России было известно о его путешествии через всю страну. Несомненно, его пример являлся стимулом для молодого поколения, стимулом изучения отдалённых и малоисследованных уголков нашей страны. В архиве учёного сохранилось письмо, датированное 1924 г., от 26-летнего жителя г. Мещовска Калужской губернии некоего Петра Епишкина. Восхищённый путешествиями Гедина, молодой человек просил взять его с собой в экспедицию: «Не думайте, что Вам пишет ученик, начитавшись Жюль Верна, желающий искать приключений. Я строго обдумал свой план. Мне 26 лет, я свободен, здоров и вынослив, неудобства, лишения не пугают меня, я желаю использовать свои силы, чтобы повидать свет под Вашим высоким покровительством, причём Вы имели бы во мне преданного, верного спутника, который бы исполнял все возложенные на него обязанности. Возьмите меня с собой» [5]. Данное письмо всецело подтверждает слова Н. К. Рериха, назвавшего Гедина «зовущим примером для молодёжи».

Библиография работ Свена Гедина, в той или иной степени относящихся к России (равно как и к территориям, входящим в состав Российской империи), довольно значительна, в то же время большая часть из них никогда не была опубликована на русском языке. Книга «От Пекина до Мо-

сквы» – пример одной из них. Эти исследования являются ценным источником как для историков науки, так и для профессионалов – географов, этнографов и пр. Особые перспективы в изучении наследия С. Гедина открываются в свете исследований русско-шведских научных связей.

Список литературы

1. Андреев А. И. Русские письма из архива Свена Гедина в Стокгольме // Ариаварта. 1997. № 1. С. 32.
2. Гедин С. В сердце Азии. Спб., 1899. Т. 2. URL : www.tkg.org.ua/nodel/12711 (дата обращения : 10.08.2010).
3. Hedin S. Z Pekingu do Moskvy. Praha, 1925. P. 115–118.
4. Talko-Hryniewicz J. Z przezytych dni. Warszawa, 1930.
5. Riksarkivet. Sven Hedins Arkiv. Vol. 428, 429.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 81`1
ББК Ш-142.12.

А. Г. Богданова
г. Томск, Россия

Социальные признаки концептов *вежливость* и *Höflichkeit* (на материале произведений русских и немецких авторов)

В статье рассматриваются социальные признаки концептов *вежливость* и *Höflichkeit*, которые позволяют обозначить важную с точки зрения языковой вербализации группу образных признаков концепта. Социальные признаки вежливости являются одинаково актуальными как для русского, так и для немецкого языкового сознания, о чём свидетельствует значительное количество актуализаций данных признаков. Несмотря на отсутствие количественной асимметрии социальных признаков исследуемых концептов, отмечается их качественная асимметричность: многие из признаков носят национально-специфический характер.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, концептуальная метафора, концептуальный признак.

A. G. Bogdanova
Tomsk, Russia

The Social Features of the Russian Concept *Вежливость* (Politeness) and the German Concept *Höflichkeit* (Politeness) (in the Works of Russian and German Writers)

The article examines the social features of the Russian concept *Вежливость* (politeness) and the German concept *Höflichkeit* (politeness). These features made it possible to mark out the group of figurative features of the concept under consideration which is important in relation to the process of verbalization. Social features of politeness are topical for both Russian and German linguistic consciousness, which can be demonstrated by a large number of variations of language expressions. A lot of discovered social features are nationally specific.

Keywords: concept, conceptual structure, conceptual metaphor, concept features.

Концепт как единица структурированного знания имеет свою структуру, образованную когнитивными признаками, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей [1, с. 32]. Структуры концептов отличаются друг от друга набором признаков.

Концепты *вежливость* и *Höflichkeit* относятся к числу абстрактных концептов, что определяет специфику их структуры и особую значимость образной группы признаков. Образная группа признаков наряду с другим набором групп признаков формирует структуры концептов *вежливость* и *Höflichkeit*. Выявление и описание образных признаков – суть одной из сторон концептуального анализа, его цель – реконструировать структуру концепта.

В данной статье рассмотрим социальные признаки концептов *вежливость* и *Höflichkeit*, а также способы их реализации в русском и немецком языках. Примеры, приводимые в качестве иллюстраций, собраны из Русского национального корпуса (www.ruscorpora.ru) и корпуса немецкого языка (www.dwds.de).

Социальная группа образных признаков представляет вежливость через географические, государственные и национальные признаки. Это обусловлено, прежде всего, таким фактором, как традиции и обычаи той или иной культуры (*Мою жизнь всегда тяготили издержки домашнего воспитания, воспитания, я бы сказала, перегруженного традициями восточной вежливости и приветливого уважения ко всем – к старцам, к*

соседам, к знакомым, к незнакомым, к еле знакомым, тем более, ведь они вроде бы знают тебя, но знают недостаточно, не дай бог, составят о тебе превратное мнение... Д. Рубина. «Уроки музыки»). С позиций географического соотношения вежливость бывает азиатской (Осуществление проекта шло со всеми возможными реверансами и знаками уважения лидирующих стран друг к другу; с церемонной, поистине **азиатской вежливостью** соблюдался полный паритет. В. Рыбаков. «Гравилет Цесаревич»; *Und der Geehrte selbst nannte die Trophäe mit asiatischer Höflichkeit größte Ehre und größtes Glück seines langen Filmemacherlebens.* archiv.tagesspiegel.de vom 25.02.2005), европейской (слово «Австралия» едва ли способно приобретать какие-либо характерные признаки (нельзя, конечно, считать таковыми кенгуру и не дающие тени эвкалипты); но слово «Европа», несомненно, имеет в нашем языке (совершенно независимо от того, насколько или в каком отношении это соответствует действительности) характерный признак – "страна передовой цивилизации", отсюда возможность таких словосочетаний, как европейские манеры, **европейская вежливость** и т. п. Л. Щерба. «Опыт общей теории лексикографии»; *Ausserdem aber ist der Galateo eine schön und geistvoll geschriebene Unterweisung in der guten Lebensart, in Delikatesse und Takt überhaupt. Noch heute können ihn Leute jedes Standes mit grossem Nutzen lesen, und die Höflichkeit des alten Europas wird wohl schwerlich mehr über seine Vorschriften hinauskommen.* Burckhardt. «Die Kultur der Renaissance in Italien»). С позиций сторон света – восточной (К нему тут же присоединился джигит в чёрной черкеске, поклонившийся русским с изящной **восточной вежливостью**, а последний, пытая, всё ещё полз наверх. Б. Васильев. «Были и небыли»; *Ägyptens Außenminister Ahmed Abul Geith legt im kalten Deutschland die orientalische Höflichkeit nicht ab.* archiv.tagesspiegel.de vom 16.02.2005) и западной (В этом обществе была та свобода неустоявшихся отношений и не приведённых в косный порядок обычаев, которой нет в старой европейской жизни, и в то же время в нём сохранилась привитая нам воспитанием традиция **западной вежливости**, которая на Западе исчезает; она с примесью славянского *laissez-allier*, а подчас и разгула, составляла особый русский характер московского общества, к его великому горю, потому что оно смертельно хотело быть парижским, и это хотение, наверное, осталось. А. Герцен.

«Былое и думы»). Социальные особенности поведения позволяют говорить об особенностях вежливости в тех или иных государствах (*Когда мы научимся уважать чужое мнение, не ужасаться ему, а терпимо принимать, только тогда мы научимся уважать себя, и это приведёт нас к самой обыкновенной, забытой, волиебной, старомосковской, а там и вообще **российской вежливости**.* З. Гердт. «Возвращение в будущее»; *О-о-о! **Сингапурская вежливость** холодна, как дверная ручка. Она замешана на материальном интересе, и только.* К. Скворцов. «Сингапурский квартет»). Наиболее частотными являются национальные признаки вежливости, среди встреченных признаков упоминается английская, японская, русская, французская вежливость (*Я рассказываю об этом потому, что **английская вежливость** распространяет подобный принцип и на многие жизненные ситуации.* В. Овчинников. «Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах»; *Он так её умильно расписывает, эту **японскую вежливость**, что ежу, простите, понятно – всё это делается лишь для того, чтобы противопоставить её нашему советскому хамству.* Е. Евтушенко. «Волчий паспорт»; *Und die traditionelle **japanische Höflichkeit** öffnet sich nur schwer jener Entäußerung, die Tanzen auch bedeuten kann.* archiv.tagesspiegel.de vom 13.05.2005; *- Несколько раз я слышал от французских воинов, и тогда и после, похвалы **русской вежливости** и человеколюбию, и похвалы эти были заслуженные.* Ф. Булгарин. «Воспоминания»; *А хвалёная **французская вежливость**, про которую протрубили на весь мир!* К. Станюкович. «Истинно русский человек»; *Ein Bette, ein servierter Tisch, sauber wenigstens angerichtete Speisen und dazu **französische Höflichkeit.*** Willibald Alexis. Als Kriegsfreiwilliger nach Frankreich 1815; *Emil bemühte sich, dem zügellosen Mann aus Kanton klarzumachen, daß er es für seine Pflicht halte, ihn vorher in seiner Pension abzuliefern, aber Herr Pan erklärte, daß es **die chinesische Höflichkeit** nicht zulasse, eher nach Hause zu gehen als eine Dame, mit der man sich gut unterhalten habe.* Bierbaum. «То-лу-то-ло oder Wie Emil Türke wurde»).

Национальные признаки вежливости могут выражаться посредством характеристик столицы как сосредоточения основных традиций и обычаев народа (*Ну вот, к чему служит **парижская вежливость** с этими варварами!* М. Загоскин. «Рославлев, или Русские в 1812 году»; *Я не вижу московских*

лиц, не слышу настоящего московского говора. Что уж говорить о старомосковской вежливости. Был когда-то невероятно милый, ласковый, вежливый город. З. Гердт. «Возвращение в будущее»).

В некоторых случаях совмещаются государственные и национальные признаки вежливости (*Английская вежливость в своей основе диаметрально противоположна японской.* В. Овчинников. «Корни дуба»). Впечатления и размышления об Англии и англичанах), географические и национальные (*На самом деле, вероятно, ничто иное, как русская мещанская вежливость (с примесью, пожалуй, чего-то азиатского) подвинуло доброго полковника Максимовича!* В. Набоков. «Лолита»). Иногда национальные признаки уточняются характеристиками принадлежности к определённой социальной группе (*Он весь был в эту минуту олицетворённая польско-аристократическая вежливость и блистал равнодушию, несколько холодною простотою.* В. Крестовский. «Панургово стадо»).

Среди социальных признаков вежливости отмечены, помимо прочего, признак свободы (*...он воображал, что надобно обходиться без чинов, и вежливость свободная, сопряжённая с нежностью, была будто бы не уместна и истребляла любовь.* М. Чулков. «Императоры: Психологические портреты»), нравственности (*Признаюсь и в том, что не послал письма не от нравственной вежливости, но для того, чтобы не сделать хлопот от распечатанного письма на почте.* П. Вяземский. «Старая записная книжка»), неволи (*Als er Waltern erblickte sprang er rasch auf und kam ihm mit erzwungener, gleichgültiger Höflichkeit entgegen.* Eichendorff. «Dichter und ihre Gesellen»), определённого общественного строя (*Er beklatscht in perfekter sozialistischer Höflichkeit die Journalisten und die ihn.* spiegel.de vom 15.03.2005), признак известности (*Du scheinst ein Perser zu sein. Die Bewohner deines Landes besitzen den Ruhm der Höflichkeit.* May. «Auf fremden Pfaden»), нейтралитета (*...dass die Nation aus den Mauern ihrer Städte heraustritt und eine kosmopolitische, neutrale Höflichkeit und Rücksicht entwickelt.* Burckhardt. «Die Kultur der Renaissance in Italien»), светскости (*Er sprach drei, vier Sprachen, hielt sich zwar vollkommen zurück, war aber, wenn er einmal jemand anredete, auch zu dem kleinsten Arbeiter von einer weltmännischen Höflichkeit.* Bürgel.

«Vom Arbeiter zum Astronomen»), аристократичности (*Wenn sie dann sah, wie es bei solchen Gelegenheiten in Wilfrieds Augen zuckte, und er doch in keinem Moment die vornehme Höflichkeit verleugnete...* Spielhagen. «Opfer»). Для немецкой языковой картины мира характерен признак государства (*Du erkennen, wie recht ich handelte, in meinem Verkehr mit ihm nie über die gewöhnlichen Grenzen der Höflichkeit hinauszugehen, unsere Abreise aber in das strengste Geheimnis zu hüllen.* Möllhausen. «Das Mormonenmädchen»), общества (*Die Verwandtschaftssysteme bei Morgan seien bloße Vorschriften gesellschaftlicher Höflichkeit, bewiesen durch die Thatsache, daß die Indianer auch einen Fremden, Weißen, als Bruder oder Vater anreden.* Engels. «Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats»).

Таблица 1

Социальные признаки концептов вежливость и Höflichkeit

Признаки	Концепты:	
	вежлив- вость	Höflichkeit
Национальность:		
Английский	3	1
Испанский	1	0
Китайский	2	3
Русский	2	1
Французский	5	7
Японский	3	5
Географическое соотношение:		
Азиатский	2	3
Европейский	4	1
Восточный	1	1
Западный	5	4
Государство:		
Столица	3	0
Общественный строй:		
Социализм	0	2
Социальные институты:		
Свобода	2	0
Неволя	1	2
Нравственность	2	0
Нейтралитет	0	2
Известность	0	2
Светскость	1	4
Аристократичность	2	5
Семья	2	0
Сословие	2	0
Итого:	43	43

Вежливость, как человек, участвует в социальных отношениях различного рода: семейных (*– Знаешь ли ты, что тебе предстоит нанести изрядное количество визитов семейной вежливости некоторым персонам из числа нашей родни? П. Дубровин. «Аннет»*), сословных (*Никто этому, конечно, не верил, но в порядке сословной вежливости было принято сочувственно улыбаться и делать вид, что так оно и есть... Дон-Аминадо. «Поезд на третьем пути»*).

Национальные признаки вежливости являются актуальными для обоих концептов, однако некоторые из них обладают национальной спецификой. Это связано с тем, что данные признаки обусловлены принятым в обществе этикетом.

Как видно из таблицы, в сознании представителей русского и немецкого этносов наибольшим вкусом в общении отличаются французы. Именно они являются об-

разцом для других народов. И это не случайно, ведь само слово «этикет» пришло к нам из Франции, из королевского двора Людовика XIV. Данный факт находит своё отражение в обоих языках.

Проведённый анализ показал, что как для русского, так и для немецкого языкового сознания социальные признаки вежливости являются одинаково актуальными, т. е. можно говорить об их квантитативной идентичности. Однако, несмотря на отсутствие квантитативной ассиметричности социальных признаков исследуемых концептов, отмечается их качественная ассиметричность, многие из выявленных признаков являются национально-специфическими: не существенными для представителей немецкого этноса являются признаки «свободы», «нравственности», «сословия» и «семьи», для представителей русского этноса – «социализма», «нейтралитета» и «известности».

Список литературы

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2002. 192 с.

УДК 82.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6-8

М. В. Богомолова
г. Москва, Россия

**Своеобразие портрета в романе А. Платонова «Чевенгур»
(к проблеме визуализации художественного мира писателя)**

В статье исследуется проблема портретных характеристик в романе А. Платонова «Чевенгур», анализируются общие причины ослабленности визуального ряда в прозе писателя.

Ключевые слова: русская литература, Андрей Платонов, «Чевенгур», характеристика внешности, портрет в литературе, портрет персонажа.

M. V. Bogomolova
Moscow, Russia

**Portraits in the Novel «Chevengur» by A. Platonov
(the Problem of Visualization of Platonov's artistic world)**

In the article the problem of portraits in the novel «Chevengur» by A. Platonov is examined. Peculiarities of the portrait are analyzed within the frame of the problem of visual range in author's works.

Keywords: Russian literature, Andrei Platonov, «Chevengur», portraits in literature.

Как уже не раз отмечали исследователи творчества А. Платонова, художественный мир его произведений трудно поддается визуализации, ощущается недостаточность «первичной» визуальной информации (подробных, детальных описаний «внешности» объектов).

Невнимание писателя к «внешней» стороне жизни, как правило, связывается с повышенным интересом к «внутреннему», «сокровенному»: состояниям и свойствам природы, человека; отношениям между людьми, между человеком и миром и т. д.¹ Высказываются предположения о «протесте» автора против литературных стерео-

типов². В ряде платоноведческих работ эта особенность прозы писателя рассматривается на фоне историко-политического, культурного контекста эпохи. Так, отмечается, что внимание Платонова к внутреннему миру, «чуждость зрелищного (вернее, вообще зрительного) начала» (Е. Толстая) сближает его с конкретными писателями, литературными группировками начала века³. Часто истоки этого явления усматрива-

² Ср., например, суждение М. Михеева относительно платоновского портрета: «он (Платонов – М. Б.) сознательно <...> не хочет себе позволить чужими инструментами играть на переживаниях читателя. Ему претит или даже, как будто, прямо постыдна всякая литературно гарантированная правильность в описании внешности. По Платонову, достойно писательского ремесла описывать лишь внутреннюю суть явления – ту предельную <...> реальность, которую нельзя увидеть обычным зрением» [11, с. 93].

³ Например, С. Бочаров говорит о близости Платонову таких писателей, как Вс. Иванов, Е. Замятин и др., в связи с «чрезвычайным вниманием к пробуждению грубого сознания», интересом к «процессам пробуждения мысли»; о сближении поэзии Заболоцкого в 1940–1950-е гг. «с чем-то "платоновским" именно в чувстве и переживании жизни» [1, с. 472–479]. Е. Толстая сопоставляет интерес Платонова к внутреннему миру с программными положениями группы «Перевал»: «По мере того как ранний рационализм перестает удовлетворять Платонова как гносеологически, так и практически, он направляет внимание на сложность внутреннего мира <...>, внимание к внутреннему миру – это один из центральных пунктов в программе объединения "Перевал", куда в 1924 г. вошёл и Платонов. "Бергсоновский интуитивизм" вменялся в вину "перевальцам" в литературных дискуссиях. Пункт об "искренности" в программе "Перевала" напоминает платоновскую интонацию» [18, с. 293].

¹ Ср.: «Платонов не описывает того, что воспринимается зрением, он редко упоминает о цвете и не представляет предметы – в отличие от сил, действующих в них, – видимыми. Его прежде всего интересуют силы, истоки силы и движения (выделено автором – М. Б.)» [10, с. 234]; «Платонов же повествует как бы изнутри, а не со стороны; для него характерен предлог "среди" <...>, он чаще заставляет заметить внутренние силы предметов, а не их наружность» [там же, с. 237]; «Экфрастические описания у Платонова довольно сжатые, иногда даже сухие. О признаках эстетического оформления нигде не упоминается, воссоздаётся только сюжет картин (и памятника). На основании этого можно прийти к выводу, что воплощённая в сюжете этих картин мысль важнее, чем их внешнее композиционное или стилевое оформление, и их описание служит тому, чтобы довести до сознания читателя новые смысловые аспекты сюжетного развёртывания повествования (или внутренних душевных или мыслительных процессов того или другого персонажа) (выделено автором – М. Б.)» [20] и т. д.

ются в трагическом мироощущении, отразившемся в ряде работ постреволюционного периода: «Трагическим мифом отмечена и эпоха конца 20-х – начала 30-х гг., времени создания основных произведений зрелого Платонова. В это время нарастает предчувствие катастрофы, буйство авангардного дионисийства сменяется аполлинической созерцательностью и тревожным предчувствием. Мотив катастрофы – основа созерцательности Платонова, на которой во многом зиждутся и особенности его визуализации» [6, с. 359]; «Когда он (Филонов – М. Б.) пишет "Формулу петроградского пролетариата" (1920–1921), созидавая калейдоскопический макрокосм, наполненный мерцающим движением геометрических пульсирующих плоскостей и линий, за которыми – лица, лики, странное смещение мнимого горного мира и подробностей бытия, тогда ещё в искусстве его царит спасительная, хотя и хрупкая гармония. И лица "пролетариата" сродни платоновским: "Стали наконец являться пролетарии: кто с хлебом, кто без него, кто уставший, но все милостивые от долгого труда и добрые той добротой, которая происходит от изнеможения". Словом: "...должно быть с утра наступил коммунизм" (А. Платонов, «Чевенгур»)» [2, с. 213]; «Что и говорить, Филонов не понимал (старался не понимать?) страшную суть происходившего в стране. Всё же, даже желая, вероятно, показать и светлую сторону жизни <...>, он поневоле (как тот же Платонов) открывал ужас усталости, автоматизма, душевной изломанности» [там же, с. 215].

Снижение зрительного начала в прозе Платонова в наибольшей степени отразилось на такой литературной категории, как портрет – изображение внешности персонажа.

Как показывают наблюдения над романом «Чевенгур», писатель не отказывается от изображения внешних признаков героев; в произведении достаточно широко представлены те средства, с помощью которых традиционно воссоздается данная область художественной предметности (портретная лексика). При этом способы изображения внешности персонажей действительно свидетельствуют об ослабленности (деформации) зрительных образов. Причины отмеченного явления весьма разнородны.

Существенное влияние оказали, прежде всего, общие принципы поэтики Плато-

нова – в первую очередь такие, как неразграничение конкретного и абстрактного (проявившееся в портрете как слияние внешнего и внутреннего, одушевленного и неодушевленного), субъектно-объектная нерасчленённость (слияние субъекта и объекта портретирования); использование символических, амбивалентных, многозначных языковых единиц (столкновение в портрете разных значений, препятствующих, в частности, формированию целостного зрительного облика); «бедность и первичность словаря» (Е. Толстая) (небогатый словарь номинаций портрета, повторяемость одних и тех же элементов, в результате чего не происходит осязаемого «накопления» визуальной информации); динамичность (тяготение к изображению не устойчивых, а ситуационных, сменяющих друг друга признаков, деталей портрета); нарушение логических, пространственно-временных связей (хаотичность, непоследовательность при построении портретов отдельных персонажей); использование фольклорных, мифологических мотивов (смешение разных объектов портретирования – человека, явлений природы, земли, животных, паровозов и пр.).

Вместе с тем характерные причины ослабления зрительной наглядности при изображении персонажей раскрываются в аспекте изучения особенностей визуального восприятия мира и человека в произведениях Платонова.

Так, в романе «Чевенгур» характер отношений между субъектом и объектом визуального наблюдения обусловлен особенностями взаимоотношений персонажей с окружающим миром, друг с другом, с самими собой, а также спецификой хронотопа. Определяющее значение в том и в другом случае имеет образ границы, разделяющей видимое (визуально воспринимаемое) и невидимое (не являющееся объектом визуального восприятия), а также образы разных пространств (верхнее – нижнее, внутреннее – внешнее), которые актуализируют оппозицию «зрячесть» (способность героев визуально воспринимать мир) – «незрячесть» (в определённых условиях фиксируется минимизация зрительной функции). Общей тенденцией при этом является стремление к преодолению незрячести, границы-препятствия (пространственно-временной границы, за-

труднённого зрения-восприятия, «тмы», «мути», «тумана», неясности, неизвестности и т. д.) и обретение зрячести, связанной у Платонова с семантикой проницаемости (света, ясности)¹, а также в тенденции с мотивом заполнения пустоты (всеохватывающее, «всеобщее» зрение)². Поскольку зрячесть в романе имплицитно образ всепроникающего зрения, отсутствие каких-либо границ, позволяя героям видеть «невидимое» (время, чувства, эмоции, внутренние органы, воздух, испарения и т. д.), зрительная наглядность ускользает даже при явно выраженной активности визуального восприятия.

Среди отмеченных особенностей деформацию зрительных обликов персонажей в наибольшей степени обусловили следующие, тесно связанные друг с другом, способы восприятия мира:

1. Ориентация героев на слияние с миром, уподобление ему.

Большая часть контактов между персонажами (а также между персонажами и объектами окружающего мира) устанавливается вне прямой связи с визуальным образом; основной акцент в отношениях сделан не на результате визуального наблюдения, а на самом процессе переживания «чужого» бытия: «Карчук *тоскующее* оглядел Сербинова. – Может, завтра пойду, – сказал он, – я его пока *не чувствую*»; «он *загляделся на Сашу с жадностью своей дружбы* к нему»; «он испуганно *видел*, что человек с черной бородой *ему очень мил и дорог*»; «он уже забывал отца-рыбака, деревню и Прощку, идя вместе с возрастом навстречу тем событиям и вещам, которые он должен ещё *перечувствовать*, пропустив внутрь своего тела» и др.³ Вследствие такого способа общения объект становится частью самого субъекта переживания, наблюдение – способом о-своения «чужого», уподобление «другому».

2. Установка героев на визуальное восприятие различных явлений, процессов, не воспринимаемых визуально: «Копенкин *наблюдал, как волновалась темнота* за окном»;

¹ Л. Карасёв в этой связи говорит о «затруднённости видения мира», «закрытом», «дремлющем» зрении героев Платонова и об их устремлённости к «сознанию-зрению, возвещающем о приближении нового "царства"» [7, с. 109-117].

² О мифологических чертах образа глаз (зрения) в прозе А. Платонова [5, с. 69-82].

³ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию [17].

«Где же мой покой? – подумал он и *увидел в своём сердце усталость*», «за счёт её Дванов мог добавочно и внезапно *видеть неясные явления, бесследно плавающие в озере чувств*»; «– Там-то? – собеседник останавливался на своём слове и смотрел себе на грудь, *стараясь разглядеть, что у него есть внутри*. – Там у меня, Степан Ефимыч, *одна печаль и чёрное место...*»; «подумал Копенкин и взглянул на двор – *посмотреть, нет ли какого видимого сочувствия мёртвому* в воздухе, в Чевенгуре или в небесах над ним. <...> "Там одно и то же, как и при империализме, – передумал Копенкин, – и ветры дуют, и темно, и одинаково скучно, *не видно коммунизма* <...>"» и т. д.⁴ На образном уровне романа «Чевенгур» стремление героев увидеть абстрактное связано с попыткой «увидеть коммунизм», «довести его до видимости всем»: «Но *коммунизма в Чевенгуре не было наружи*, он, наверное, *скрылся в людях*, – Дванов *нигде его не видел*», «Пока что он *не заметил в Чевенгуре явного и очевидного социализма*», «Однако Копенкин пошел на ночную музыку, чтобы *до конца доглядеть чевенгурских людей и заметить в них, что такое коммунизм*, которого Копенкин никак не чувствовал» и т. д.⁵

⁴ Н. Злыднева в этой связи говорит о способности героев видеть невидимое и раскрывает мифологический аспект такой особенности: «Невидимое существенно превалирует над видимым в "Чевенгуре" (4:1). <...> Устойчивое преобладание невидимого зримого над видимым незримым прослеживается во всей мотивике зрелого Платонова и отсылает к мифологическому коду – теме противостояния мира мёртвых и мира живых, согласно архаическим представлениям, невидимых друг для друга или несимметрично видимых» [5, с. 75]; «все они (персонажи Платонова – М. Б.) пребывают на грани существования, где предпочтительнее не видеть явное или видеть неявное, т. е. актуализируется зона экзистенциального пограничья. Глаз образует валентность и по отношению к разного рода пограничьям и оказывается соположенным с лексемами, описывающими границу – т. е. с межой, краем» [6, с. 367-368].

⁵ Попытка героев увидеть «коммунизм» (соединить конкретно-чувственную и абстрактную сферы) сопоставима с образами «вещественного коммунизма», «вещи дружбы», «коммунизма», который должен стать «промежуточным веществом между туловищами пролетариев». Это стремление героев, попытка заполнения пустоты между людьми, реализует общую направленность семантической организации текста романа на преодоление разделённости человека и мира.

Исследователи выделяют разные аспекты в связи с образом «вещественного коммунизма»; например, Х. Кубо приближает это «промежуточное вещество» к физической субстанции (буквально – общее «новое тело») [9]; Т. Никонова понимает это как «дружескую тесноту», «заполнение пустоты человеком, "дружество"» [12, с. 22; 3, с. 92-94; 4, с. 49; 18, с. 310].

3. Синестетическое восприятие мира, «переживание» его всеми органами чувств. В тексте романа устойчиво прослеживается тенденция к неструктурированности сенсорно-перцептивной сферы человека, т. е. способов получения информации об объекте восприятия с помощью разных органов чувств. В результате зрение может становиться инструментом восприятия объектов, «относящихся» к другим органам чувств: «Взойдёт поздняя ночь над Москвой, а его многие любимые лягут спать и во сне увидят тишину социализма»; «Этот огонь позволял иногда Дванову видеть оба пространства – вспухающее тёплое озеро чувств и длинную быстроту мысли за плотной, охлаждающейся от своей скорости»; «Солнце ещё не зашло, но его можно теперь разглядывать глазами – неутомимый круглый жар, его красной силы должно хватить на вечный коммунизм» и т. д.

Персонажи Платонова «осваивают» мир не только через зрение, но и через другие органы чувств, а также через обменные процессы (дыхание, испарение, пищеварение и т. д.). Эта черта свойственна и отношениям между людьми, и взаимодействию человека с окружающим миром: «Люди сидели рядами в переулках, между сдвинутыми домами, и говорили друг с другом негромкие речи; и от людей тоже шло тепло и дыхание – не только от лучей солнца. Пашинцев и Копенкин проходили в сплошной духоте – теснота домов, солнечный жар и человеческий волнующий запах делали жизнь похожей на сон под ватным одеялом»; «Из этой женщины исходил медленный и прохладный душевный покой»; «на него от Сони исходила теплота жизни»; «Копенкин погружался в Чевенгур, как в сон, чувствуя его тихий коммунизм тёплым покоем по всему телу» и т. д.

В целом наблюдения над особенностями портретизации в романе А. Платонова «Чевенгур» позволяют прийти к следующим выводам. Принципы изображения внешности человека соответствуют общей тенденции к ослаблению визуального ряда. В наибольшей степени отношения между субъектом и объектом зрительного восприятия деформировались под влиянием образа зрения (глаз), ориентированного на слияние видимого и невидимого, преодоление границ между разными формами существования, сферами бытия.

Во взаимодействии платоновского человека с миром задействованы все способы обмена энергией, информацией, различные органы чувств при восприятии мира героями не разграничены¹. Предельной точкой этого взаимодействия является отсутствие границ между разными способами освоения, познания мира.

Отношения между людьми в романе устанавливаются не на основе опыта, знаний, рефлексии, не на уровне внешних проявлений – в сущности, героям безразличны внешние признаки объекта; для них важно непосредственное переживание «чужого» бытия, при котором объект становится частью самого субъекта переживания. Такая форма отношений ведёт к нивелированию «разницы» между «своей» и «чужой» жизнью, между человеком и миром². Эти же

¹ В записных книжках Платонова 1921 г. присутствует запись: «В каждом явлении вселенной мы имеем налицо все формы энергии (в сущности, единую), но воспринимаем эти формы соответственно устройству своих органов чувств и поэтому воспринимаем явление то как звук, то как цвет, то как раздражение (ток), цвет и т. п. В сущности, каждое явление представляет собой одновременно все формы энергии (известные нам и неизвестные) и только мы воспринимаем его в пределах своих чувств, в одной или нескольких формах. <...> В сущности же энергия проявляется одновременно во всех своих формах. Созерцание же нами её в одной какой-нибудь форм<е> есть ложь наших чувств» [13, с. 18–19].

Н. Корниенко указывает на связь этих размышлений Платонова с «энергетической концепцией мира, согласно которой всё в мире связано с процессами превращения и перехода одной энергии мира (духовной, физической, психической) в другую, их взаимобратимости». Данная концепция, как пишет Н. Корниенко, легла в основу ряда работ главного идеолога пролеткульту А. Богданова («Основные элементы исторического взгляда на природу», 1899; «Тектология», 1913–1915; «Философия живого опыта», 1916). «Платонов развивает одну из ключевых формул “эмпириомонизма” А. Богданова, утверждавшего, что все элементы психического опыта “тождественны” с элементами всякого опыта вообще» [там же, с. 314–315].

² Эта идея (в разных вариациях) получила широкое распространение в текстах Платонова – ср.: «Дружество и есть коммунизм. Он есть как бы напряжённое сочувствие между людьми» [14, с. 100]; «не понявшие друг друга не могут быть равными и влюблёнными, идти по одной дороге дружбы и совместного действия» [16, с. 66]; «Только через другую душу можно увидеть мир, а не через одну свою» [15, с. 193], «Оч<ень> важно // Самое лучшее – перейти в другого человека, в нового человека – ударника, большевика, в противоположность “кантианцу”, “полубуржую”, “пошляку себялюбия” и пр. // в ночного мыша (вспомни – другое, совсем другое, чем ты)» [13, с. 102] и др.

О включенности этих взглядов в философский, литературный, историко-культурологический контекст эпохи см.: [4, с. 44–52; 8, с. 48–49; 18, с. 296–298, 309–311; 19, с. 219 и др.].

свойства распространяются и на взаимоотношения человека с неодушевленными объектами окружающего мира¹.

Неразграничение конкретно-чувственной и абстрактной сфер, активизация всех органов чувств при восприятии мира, направленность на непосредственное переживание субъекта восприятия – всё это в значительной степени обусловило деформацию визуального ряда в романе. Вместе с тем под

влиянием ориентации героев на зрительное восприятие абстрактных процессов (объектов не визуального восприятия) последние стремятся к материализации, «овеществлению», однако адекватной, зрительно воспринимаемой формы не получают: «коммунизм», «тишина», «быстрота мысли», «сочувствие мёртвому в воздухе» и т. д. – такие понятия не имеют отражения в визуализируемых сознанием читателя образах.

Список литературы

1. Бочаров С. Г. Вещество существования // А. П. Платонов. Чевенгур : роман / сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. М. : Высш. шк., 1991. С. 451–488.
2. Герман М. Модернизм. Искусство первой половины XX века. СПб. : Азбука-классика, 2003. 480 с.
3. Дмитриевская М. А. Антропологическая доминанта в этике и гносеологии А. Платонова (конец 20-х – середина 30-х годов) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. М. : Наследие, 1995. С. 91–100.
4. Дмитриевская М. А. Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова «Чевенгур» // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. СПб. : Наука, 1995. С. 39–52.
5. Злыднева Н. В. Мотивика прозы Андрея Платонова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006. 224 с.
6. Злыднева Н. Изобразительный контекст прозы А. Платонова: дискурс 1920-х годов // Wiener Slavistischer Almanach 63 (2009). München. С. 357–369.
7. Карасёв Л. Знаки «покинутого детства». (Анализ постоянного у А. Платонова) // Андрей Платонов : мир творчества. М. : Современный писатель, 1994. С. 105–121.
8. Колесникова Е. И. Духовные контексты творчества Платонова // Творчество Андрея Платонова : исследования и материалы. Кн. 3. СПб. : Наука, 2004. С. 34–60.
9. Кубо Х. Новое тело: коммунизм и телесность у Андрея Платонова // Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век. Воронеж : Полиграф, 2001. С. 23–29.
10. Ливингстон А. А. Гамлет, Дванов, Живаго // Творчество Андрея Платонова : исследования и материалы. Кн. 3. СПб. : Наука, 2004. С. 227–241.
11. Михеев М. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М. : Изд-во МГУ, 2003. 406 с.
12. Никонова Т. А. «Чужое пространство» у А. Платонова // Творчество Андрея Платонова : исследования и материалы. Кн. 3. СПб. : Наука, 2004. С. 16–23.
13. Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публикация М. А. Платоновой / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. 2-е издание. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 424 с.
14. Платонов А. П. Повести и рассказы: (1928–1934) / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Чалмаева. М. : Сов. Россия, 1988. 480 с.
15. Платонов А. П. Сочинения. М. : ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1. Кн. 1. 646 с.
16. Платонов А. П. Сочинения. М. : ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1. Кн. 2. 512 с.
17. Платонов А. П. Чевенгур : роман / сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. М. : Высш. шк., 1991. 654 с.
18. Толстая Е. Д. Идеологические контексты Платонова // Е. Д. Толстая. Мир после конца : работы о русской литературе XX века. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. С. 289–323.
19. Яблоков Е. А. На берегу неба (роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб. : Дмитрий Булачин, 2001. 376 с.
20. Gyimesi Z. Типы экфрасиса в творчестве Андрея Платонова. URL : http://www.russtudies.hu/php/upload/File/MTA%20TKI%20Kut%20Csop%20tanulmanyok/Gyimesi_Platonov_ekfrazis.doc (дата обращения : 05.01.2011).

¹ Данная мысль также встречается в текстах писателя – ср., например: «Если у людей не хватает честности и гениальности любить друг друга (и не только друг друга, но и всякую вещь, как мой друг любил столб на дороге), если не хватает любви (или не входит та иная вселенная в нашу такими большими кусками), то можно насильно заставить любить» [15, с. 196].

УДК 49
ББК Ш 143.21

Н. А. Булавина
г. Москва, Россия

Влияние интенции автора на частотность употребления лексических средств выражения деонтической модальности в мемуарном типе текста и её отражение в переводе (на примере перевода книг Билла Клинтона «Моя жизнь» и Мадлен Олбрайт «Госпожа Госсекретарь»)

В статье анализируется влияние интенции автора на частотность употребления средств выражения деонтической¹ модальности² в мемуарах и изучается степень разнообразия соответствий, предлагаемых переводчиками, перед которыми стоит сложная сверхзадача – предложить репрезентативный³ перевод, сохранив заложенную автором оригинала коммуникативную задачу.

Ключевые слова: модальность, деонтическая модальность, мемуарный тип текста [1], интенция автора, репрезентативность.

N. A. Bulavina
Moscow, Russia

Author's Intention Determining the Usage of Lexical Means Expressing Deontic Modality in Memoirs and its Role in Translation (a Study of Bill Clinton's book «My life» and Madeleine Allbright's Book «Madam Secretary»)

The article analyses how the author's intention determines the occurrence of various means expressing modality in the memoirs as well as the equivalents chosen by the translators. Thus for a translation to be representative in the target language it is highly important for a translator to preserve the author's original intention and communicative task.

Keywords: modality, deontic modality, memoir text type, author's intention, representative translation.

Колоссальный научный материал, накопленный за последнее десятилетие в области изучения модальности, сделал данную лингвистическую категорию ещё более привлекательной для исследователей. Учёные продолжают полемику относительно существования тех или иных модальных значений, а также разграничений между ними, предлагая различные классификации. Однако абсолютное большинство исследователей выделяет среди основных модальных значений «долженствование». Поскольку в мемуарном типе текста автор даёт оценку личным действиям, поступкам и поведению современников, событи-

ям ушедшей эпохи, средства выражения деонтической модальности преобладают в тексте и разнообразно представлены.

В настоящей статье проблема передачи категории модальности со значением долженствования рассматривается на материале переводов книги Б. Клинтона «Моя жизнь» [10] и мемуаров Мадлен Олбрайт «Госпожа Госсекретарь». Тщательное статистическое исследование оригинала подтвердило, что «долженствование» – одно из самых частотных модальных значений в тексте.

Использованный метод сплошной выборки показал, что долженствование в изу-

¹ Деонтическая модальность (далее ДМ), направленная на действия, представляет собой предписания, разрешения и запрещения. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. С. 12.

² Модальность – понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами, такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п. (см. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2007. 576 с.; Советская энциклопедия. М., 2007. С. 237).

³ Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. С. 132.

ченных образцах мемуарной литературы в основном выражается следующими видами языковых средств:

- **модальными глаголами:** *have to, must, should, ought to, would, need, be to;*
- **глаголами со значением долженствования:** *allow, force, permit, require, force, want, demand, prohibit, promise;*
- **модальными выражениями** *be bound to, be supposed to, make smb do smth, due to, be about to, had better;*
- **модальными словами:** *need, requirements, necessity, needed, expected, required.*

В нашем исследовании были проанализированы предложенные переводчиками соответствия модальным средствам ИЯ каждой из вышеописанных категорий.

Важно отметить, что мемуары Билла Клинтона были написаны непосредственно им, а мемуары Мадлен Олбрайт – при участии Билла Вудварда. Предположительно, по этой причине в книге «Моя жизнь» субъективная модальность представлена более ярко.

Перевод мемуаров Б. Клинтона был осуществлён пятью переводчиками: М. Никольским, В. Ионовым, М. Шалуновой, Т. Саранцевой, А. Лисовским, – а мемуаров М. Олбрайт – тремя: А. Лисовским, А. Лищицкой и Е. Китаевой. Научный редактор в обоих переводах – В. Ионов.

Как показало исследование, чаще всего долженствование в тексте мемуаров Билла Клинтона и Мадлен Олбрайт выражается при помощи **модального глагола** *have to*. Для его передачи всеми переводчиками использовались такие частотные русские соответствия, как «должен», «пришлось», «следовало» и «нужно»:

Reading the letters helped me to deal with my own emotions, and to remember that if I wanted to be forgiven, I had to forgive ("My life", с. 536).

Чтение писем помогло мне справиться с моими собственными переживаниями и вспомнить о том, что, если я хочу получить прощение, то и сам должен уметь прощать ("Моя жизнь", с. 908).

It didn't take long before they made their feelings plain, and I had to work my way back into my friends' good graces ("Madam Secretary", с. 15).

Потребовалось немного времени, чтобы мне высказали всё, что думают по этому поводу, и пришлось заново завоевывать расположение своих подруг ("Госпожа Госсекретарь", с. 32).

При переводе **английских глаголов с оттенком долженствования в лексическом значении** использовались модальные слова. Если условно разделить исследуемые книги на описание личных событий и повествование о политической карьере, можно сделать вывод о том, что глагол *demand* во второй части мемуаров Билла Клинтона употребляется в 2,5 раза чаще, чем в первой, а частотность употребления глагола *demand* во второй части мемуаров Мадлен Олбрайт почти в 2 раза выше, чем в первой:

Our most complex relationship in Asia, however, and the one that demands the most constant tending, is with China ("Madam Secretary", с. 430).

Что же касается самых сложных взаимосвязей в Азии, то такие требующие неусыпного внимания отношения установились у нас, разумеется, с Китаем ("Госпожа Госсекретарь", с. 556).

When General Creighton Abrams, the U. S. commander in Vietnam, told LBJ a bombing halt would endanger America's troops, the President demanded Humphrey abandon the Vietnam compromise plank in the platform, and Humphrey gave in («My life», с. 83).

Когда генерал Крейтон Абрамс, командовавший операциями во Вьетнаме, сказал Линдону Джонсону, что прекращение бомбардировок поставит под удар американские войска, последний потребовал от Хамфри отказа от компромиссов, и тот уступил ("Моя жизнь", с. 114).

Переводчики предлагают следующие варианты перевода глагола *demand*: «требующие», «требованию», «требую», «требование», «потребовал», «продолжал требовать» и т. п., т. е. репертуар выбранных ими средств ПЯ невелик и сводится только к варьированию части речи.

При переводе **модальных выражений** переводчики использовали ещё менее разнообразный репертуар средств, прибегая лишь к одному или двум соответствиям. К примеру, модальное выражение *be supposed to* переводится как «должен» или «предполагалось»:

I was supposed to do a good job, just like everyone else who worked for a living ("My life", с. 156).

Я просто должен был добросовестно делать своё дело, как всякий другой человек, зарабатывающий себе на жизнь ("Моя жизнь", с. 388).

*The headmaster of the school **was supposed to** give us two francs allowance every week and let us go into the village ("Madam Secretary", с. 15).*

***Предполагалось**, что директор школы должен был выдавать нам по два франка каждую неделю и отпускать в деревню ("Госпожа Госсекретарь", с. 32).*

Одно из наиболее частотных **модальных слов** *requirements* также в основном переводится словом «требования» практически во всех случаях:

*I then asked Congress to help me change the way government worked, by enacting campaign finance reform and registration **requirements** for lobbyists, and eliminating the tax deduction for lobbyists' expenses ("My life", с. 326).*

*Затем я предложил Конгрессу помочь мне изменить систему работы правительства, приняв закон «О реформе финансирования предвыборных кампаний» и одобрив **требование** о регистрации лоббистов, а также отменив налоговые льготы на их расходы ("Моя жизнь", с. 554).*

Нужно отметить, что, хотя в целом модальность в переводе передана репрезентативно, переводчики далеко не всегда придерживаются нормы переводящего языка и часто следуют за оригиналом, воспроизводя его грамматическую структуру.

Проведённый анализ подтвердил то, что авторское отношение и эмоциональная окраска значительно влияют на выбор авторами мемуаров средств выражения деонтической модальности. Доказательством является заметная разница в частотности использования одних и тех же модальных средств в книгах Билла Клинтона и Мадлен Олбрайт при описании личных событий и политической деятельности.

Так, Билл Клинтон в своей книге использует очень разнообразный репертуар средств выражения деонтической модальности и при описании личных событий, и при описании официальных мероприятий. У Мадлен Олбрайт, наоборот, репертуар данных средств в описании событий личного характера более скромнен. Представляется, что это обусловлено разной психологической установкой мемуаристов: Н. С. Валгина, например, полагает, что авторская оценка изображаемого всегда связана с поиском адекватных способов выражения, а способы выражения этого отношения и оценки могут быть различ-

ными, избирательными для каждого автора и разновидности текста, они мотивированы и целенаправленны¹. В мемуарах Билла Клинтона, таким образом, эмоциональная информация представлена более ярко, поскольку в «неречевую задачу» автора входит не только необходимость познакомить читателя с определённой информацией, но и эмоционально сблизиться с читателем.

Исследование показало, что репертуар используемых переводчиками соответствий становится более разнообразным к концу книги и объясняется их желанием разнообразить соответствия наиболее частотным модальным средствам в авторском тексте. Однако переводчики предлагают достаточно разнообразные соответствия только в том случае, если средства выражения деонтической модальности представлены в и в самом оригинале разнообразно. В тех случаях, когда авторы предлагают не очень богатый репертуар средств выражения модальности, переводческие соответствия оказываются однообразны и банальны.

Было установлено, что выбор более разговорных или более официальных соответствий для модальных средств, обозначающих долженствование, позволяет переводчикам сохранить интенцию автора, показывая читателю перевода, где преобладает субъективная оценка авторов личных событий, а где они высказываются с точки зрения политиков.

Сопоставление оригинальных текстов с их переводами показало, что разнообразие переводческого репертуара при передаче модальных средств зависит от их частотности в оригинале. Если автор оригинала использует широкий репертуар модальных средств, в переводах также наблюдается более разнообразный набор соответствий, т. к. переводчикам приходится избегать повторов. Условием достижения репрезентативности перевода модальных средств со значением долженствования является тщательный выбор соответствий из богатого разнообразия средств переводящего языка с учётом стиля, авторской интенции и узуса.

¹ Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 280 с.

Проведённое исследование ещё раз подтвердило тот факт, что, стремясь сохранить прагматику оригинала, при переводе современной мемуарной литературы

необходимо в первую очередь учитывать личность автора, который одновременно является главным действующим лицом произведения.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М. : Академия, 2004. 352 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стер. М. : КомКнига, 2007. 576 с.
3. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. 86 с.
4. Билл Клинтон. Моя жизнь. М. : Альпина Бизнес Букс. 2005. 1088 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие. М. : Логос, 2003. 280 с.
6. Мадлен Олбрайт. Госпожа Госсекретарь. М. : Альпина Бизнес Букс. 2004. 688 с.
7. Тюленев С. В. Теория перевода. М. : Гардарики, 2004. 336 с.
8. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. М. : Р. Валент. 2004. 240 с.
9. Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 295 с.
10. Bill Clinton, "My life", Arrow Books, 2005. 1014 p.
11. Madeleine Albright. "Madam Secretary". Miramax books, 2003. 562 p.

**Подходы к исследованию информативно-регулирующих текстов
(на материале французского языка)**

В статье описываются основные подходы к исследованию информативно-регулирующих текстов: лингвокультурологический, социолингвистический и функционально-прагматический. Особое внимание уделяется функционально-прагматическому подходу, в рамках которого выделяются два плана: коммуникативно-ориентированный (дискурсный), предусматривающий описание коммуникативных стратегий и тактик выражения побуждения, и собственно текстовый.

Ключевые слова: французский язык, информативно-регулирующий текст, малоформатный текст, групповая и массовая коммуникация, лингвокультурологический подход, социолингвистический подход, функционально-прагматический подход.

Y. S. Burenina
Saransk, Russia

Research Approaches to the Informative Regulating Texts in French

In the given article the three main research approaches to the Informative Regulating Texts in French are described. They are cultural linguistic approach, sociolinguistic approach and functional-pragmatic approach. Special attention is given to the functional-pragmatic approach in which two aspects are identified: the communication oriented aspect providing the description of communicative strategies and tactics of regulation and the textual aspect.

Keywords: the French language, Informative Regulating Texts, miniature text, group and mass communication, cultural linguistic approach, sociolinguistic approach, functional-pragmatic approach.

Информативно-регулирующим текстом в настоящей статье называется малоформатное произведение письменной коммуникации, предназначенное и особым образом подготовленное для визуального восприятия, носящее официальный или неофициальный характер, основной прагматической целью которого является прямое или косвенное регулирование поведения членов того или иного более или менее ограниченного коллектива в местах общего доступа. Информативно-регулирующие тексты относятся к текстам групповой или массовой некоммерческой и неполитической коммуникации, они служат средством дистантного общения между имперсональным адресантом и коллективным имперсональным реципиентом.

При исследовании информативно-регулирующих текстов наибольший интерес представляют лингвокультурологический, социолингвистический и функционально-прагматический подходы, в различной мере нашедшие отражение и в научной литературе.

Изучение информативно-регулирующих текстов даёт богатый материал для лингвокультурологического анализа и для сопоставительного рассмотрения культур. В лингвокультурологических исследованиях указывается, что тексты данного типа представляют собой фиксацию регулятивных культурных стандартов: содержащиеся в них предписания и запреты напрямую связаны с культурой, менталитетом и идеологией народа. Тексты данного типа рассматриваются как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей. Лингвокультурологический подход к изучению информативно-регулирующих текстов позволяет выявить зафиксированные в них нормы общественной жизни, ценности и реалии данной лингвокультуры. Интересные замечания и выводы, сделанные на основе анализа информативно-регулирующих текстов, содержатся в работах таких исследователей, как А. Вежбицкая [1, с. 159–217] и С. Г. Тер-Минасова [3, с. 232 – 258].

При сопоставлении французских и русских информативно-регулирующих текстов привлекают внимание многочисленные сходства в тематике: информативно-регулирующие тексты устанавливают правила пользования общественным транспортом (*Validation obligatoire de votre ticket!* Своевременно оплачивайте проезд!); требования к поведению на производстве (*Danger! Interdiction d'entrer!* Не входить! Опасно для жизни!); требования к соблюдению чистоты (*Défense de déposer de immondices!* Не сорить!); запрет на курение в общественном месте (*Ne pas fumer!*; Не курить!); ограничения, связанные с использованием мобильных телефонов (*Eteignez vos téléphones portables!* При входе в кабинет отключайте мобильные телефоны!), и т. д.

Со своей стороны, национальная специфика и различия в условиях проживания двух народов (климатические условия, особенности благоустройства населённых пунктов, особенности использования средств передвижения и т. п.) также находят отражение в тематике информативно-регулирующих текстов.

Социолингвистический аспект изучения информативно-регулирующих текстов затрагивает способы и средства реализации властно-подчинительных отношений. Функциональная доминанта информативно-регулирующих текстов, состоящая в управлении действиями людей, делает актуальным вопрос об установлении властно-подчинительных отношений. Адресант информативно-регулирующего текста выступает субъектом власти, реципиент – объектом власти. Средством власти служит сам информативно-регулирующий текст со всем комплексом задействованных в нём лингвистических и нелингвистических элементов.

Властная воля субъекта может проявляться в тексте более или менее интенсивно в зависимости от использования разных языковых и речевых средств и способов. Интенсификации подчиняющего воздействия служит использование прямых директивных речевых актов (*L'usage du téléphone portable est interdit*), указание на возможные санкции в случае неподчинения (*Il est interdit de flâner sous peine d'amende*), ссылка на законодательную документацию (*Dépôt interdit en dehors des heures de collecte. Arrêté municipal du 29 juin 1965*); ис-

пользование юридических терминов (*Il est interdit d'utiliser un appareil photographique, une caméra ou un matériel d'enregistrement dans ce cinéma sous peine d'être poursuivi pour tentative de contrefaçon de copyright. Tout contrevenant pourra être expulsé de cette salle et tout appareil susvisé pourra être confisqué par la police*), маркеры усиления запретов и предписаний (*Il est formellement interdit de toucher aux plantes*), инфинитивные и императивные конструкции (*Fermer le portail; Sonnez avant d'entrer*) и др. «Смягчению» проявления властной воли способствует использование речевых актов просьбы и благодарности (*Prière de présenter votre passeport; Merci d'éteindre la lumière en sortant*), косвенных речевых актов (*Eau de Seine dangereuse à boire*), лексических единиц со значением «рекомендация, совет» (*Baignade déconseillée; Pour des raisons sanitaires, il est recommandé de ne pas se baigner*), пассивных и номинативных конструкций (*Feux et barbecue interdits; Interdiction de fumer*) и др.

Данная тема в связи с описываемым типом текстов освещается в работах Я. Н. Еремеева и В. Б. Кашкина. Авторы приходят к выводу о том, что одним из способов осуществления власти служит анонимность информативно-регулирующих текстов [2].

Функционально-прагматический подход к изучению информативно-регулирующих текстов представлен двумя аспектами: коммуникативно-ориентированным (дискурсным) и собственно текстовым. Дискурсный план учитывает динамический, процессуальный характер целенаправленной, ситуативно обусловленной и ориентированной на реципиента речевой деятельности адресанта, в ходе которой осуществляется выбор адекватных интенциям языковых и неязыковых средств, определяемый прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. В текстовом плане информативно-регулирующий текст рассматривается как результат, произведение процесса коммуникации, обладающее своеобразием текстовых характеристик, облаченное в письменную форму, зафиксированное на материальном носителе и особым образом подготовленное для зрительного восприятия.

При коммуникативно-ориентированном (дискурсном) подходе к описанию информативно-регулирующих текстов используются понятия речевого акта и ком-

муникативной стратегии. Информативно-регулирующий текст рассматривается как макроречевой акт, иллюкутивная цель которого – каузация поведения реципиента – является определяющей для причисления его к разряду побудительных речевых актов. План речевого поведения, следуя которому адресант оптимальным, по его мнению, способом выражает иллюкутивное намерение при помощи языковых средств, стремясь достичь максимального воздействия на реципиента и добиться от него совершения ожидаемых действий, называется коммуникативной стратегией. В коммуникативной стратегии отражается связь, устанавливаемая адресантом между 1) собственной целевой установкой (иллюкутивный план), 2) собственными речевыми действиями (локутивный план), 3) действительностью и поведением реципиента (перлокутивный план). Коммуникативная стратегия реализуется в конкретном тексте в той или иной коммуникативной тактике.

Применение критерия эксплицитность/имплицитность каузации позволяет разграничить две стратегии выражения директива в информативно-регулирующих текстах: 1) стратегию прямого побуждения и 2) стратегию косвенного побуждения.

Стратегия прямого побуждения состоит в воздействии на реципиента путём прямой каузации (предписание/запрет) его действий. Стратегия предполагает употребление прямых речевых актов, структурной моделью которых являются разнообразные конструкции, использующие стандартные разноуровневые средства выражения побудительного смысла. Стратегия косвенного побуждения состоит в использовании косвенных речевых актов, не содержащих маркеров каузации, при одновременном сохранении побудительной иллюкутивной силы. Точное понимание имплицатур, заложенных в косвенных речевых актах, возможно только при учёте особенностей ситуации (контекста) и при опоре на коммуникативный опыт и экстралингвистические знания реципиента. Главным мотивом применения стратегии косвенного побуждения является вежливость. Преимущество стратегии косвенного побуждения состоит в снижении психологического давления и ликоущемляющего воздействия на реципиента, недостаток – в отсутствии однозначности в выражении директива,

что в некоторых случаях может привести к снижению эффективности (например, по причине низкой языковой и/или коммуникативной компетенции).

Стратегия прямого побуждения раскрывается в трёх типах тактик: а) тактика прямого побуждения без компенсации; б) тактика прямого побуждения с компенсацией; в) тактика угрозы. Выделенные тактики отражают степень категоричности побуждения, степень «давления» адресанта на реципиента, а также наличие или отсутствие «компенсации» оказываемого ликоущемляющего воздействия.

Тактика прямого побуждения без компенсации (Ne pas toucher les fils et les isolateurs avec le corps ou un objet) состоит в предъявлении реципиенту прямых директивных речевых актов, при этом не предпринимается мер, направленных на нейтрализацию ликоущемления. Достоинства тактики – в обеспечении простоты и надёжности выражения директива и в минимизации временных и мыслительных затрат на продуцирование и восприятие текста. Основными недостатками являются категоричность в выражении директива и «стёртость», привычность выразительных средств.

Тактика прямого побуждения с компенсацией состоит во введении в информативно-регулирующий текст микроречевых актов, способных «компенсировать», нейтрализовать негативное психологическое воздействие прямого директива. Компенсирующее действие состоит либо в предъявлении мотивов побуждения, либо в создании благоприятной атмосферы общения. Мотивированное побуждение содержит указание на бенефактивность в пользу адресанта, реципиента, третьих лиц или всего коллектива (*Afin de préserver le bien-être de chacun, nous vous remercions de ne pas fumer dans cette salle*). Созданию благоприятной атмосферы общения способствует введение маркеров просьбы и благодарности, а также вежливых обращений (*Prière de ne pas s'asseoir, s'il vous plaît*).

Тактика угрозы состоит во введении информации о санкциях, предусмотренных за неподчинение требованию (штрафные меры, преследование по закону, лишение права дальнейшего пребывания на указанной территории, санкции в отношении имущества нарушителя). Применение данной тактики усиливает коммуникативное

давление на реципиента, усугубляет ликующее воздействие директива (*Il est strictement interdit de nourrir les pigeons. Actions légales peuvent être prises*).

Стратегия косвенного директива может реализоваться в бесчисленном количестве тактик, которые отражают конкретный способ непрямого коммуникативного воздействия. Выделяются: а) тактика уведомления об опасности (состоит в предупреждении реципиента о том, что условия внешней среды требуют повышенного внимания и при необходимости совершения/несовершения тех или иных действий): *Nageurs, attention! Courants très violents. Danger*; б) тактика уведомления о негативных последствиях возможных действий (состоит в предупреждении конкретных действий реципиента путём указания на их негативные последствия, отрицательный эффект которых может быть направлен как на самого реципиента, так и на других лиц): *Un signal d'alarme déclenché pour rien, c'est un retard pour tous*; в) тактика угрозы (состоит в предупреждении конкретных действий реципиента путём указания на санкции, предусмотренные за неподчинение): *Sanctions pénales en cas d'incivilité sur la voie publique*; г) тактика делегирования ответственности (состоит в эксплицитном снятии с адресанта ответ-

ственности за действия реципиента и/или в переносе этой ответственности на реципиента): *La société décline toute responsabilité en cas de vol ou détérioration dans l'enceinte du parking*; д) тактика ограничения (состоит в эксплицитном именовании дозволенных действий и наложении имплицитного запрета на действия, выходящие за пределы очерченного круга): *Ici, seule la montée est autorisée*.

Наконец, собственно тестовый план изучения информативно-регулирующих текстов предусматривает, в первую очередь, описание следующих характеристик: 1) объём (по своей протяжённости информативно-регулирующие тексты характеризуются визуальной краткостью и относятся к малоформатным текстам, состоящим в среднем из 3–4 различных по структуре предложений); 2) поликодовый характер (информативно-регулирующие тексты с учётом степени участия в их структурно-смысловой организации паралингвистических средств относятся к семиотически смешанным текстам, вербальный компонент в них взаимодействует с невербальными элементами, к последним относятся: деление текста на абзацы, его расположение на носителе, особенности шрифта, фон, иконические знаки и др.).

Список литературы

1. Вежицкая А. Немецкие «культурные сценарии»: общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 159–217.
2. Еремеев Я. Н. О мотивированности действия, совершаемого вследствие директивных высказываний. URL : <http://kachkine.narod.ru/Articles2003/EremeevKachkine2002.htm> (дата обращения: 21.01.2011).
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 624 с.

Особенности отражения пространственных падежей и послелогов в аварском языке

В статье осуществляется анализ морфологической и функциональной характеристики пространственных падежей и послелогов аварского языка на материале художественной литературы. Рассмотрен локативный состав падежей и особенности послелогов, выявлены и описаны специфические формы образования указанных единиц, всесторонне описаны конструкции разных типов и конкретизированы их сериальные признаки.

Ключевые слова: дагестанские языки, послелог, локатив, пространственный падеж, исконная функция, беспослеложные конструкции.

А. Н. Gadzhieva
Makhachkala, Dagestan

Features of Spatial Cases and Postpositions of the Avar Language

In the article the analysis of the morphological and functional characteristic of spatial cases and postpositions of the Avar language on the fiction material is carried out. The locative structure of cases and features of postpositions is considered, specific forms of specified units' creation are revealed and described, phrases of different types are comprehensively described and their serial signs are concretized.

Keywords: the Dagestan languages, postposition, locative, spatial case, primordial function, impostpositional phrases.

В изучении падежных систем дагестанских языков выработался определённый научный подход. На основе исследований по выявлению семантических функций, разграничению падежных флексий и послелогов и по уяснению субъектно-объектных отношений в различных конструкциях предложений достигнуты очевидные успехи, заметные результаты имеются и в области классификации падежных систем дагестанских языков.

Количество локативных падежей в некоторых дагестанских языках доходит до тридцати. По выражению Е. А. Бокарёва, «числом своих падежей дагестанские языки превосходят все другие языковые группы мира» [1, с. 12]. Основной функцией локативных падежей является то, что они указывают на различные положения предмета в пространстве. Там, где многие языки, например, индоевропейские, для обозначения различной локализации предмета в пространстве используют предлоги в сочетании с падежными формами, дагестанские языки пользуются значительным числом локативных падежей. Кроме того, следует отметить, что наличие большого количества локативных падежей, сочета-

ющихся с развитой системой глагольных превербов, создаёт в языке достаточно точное и конкретное обозначение локализации предмета в пространстве.

Несмотря на наличие довольно развитой системы местных падежей, аварский язык располагает достаточным количеством послелогов, которые, находясь в постпозиции по отношению к имени существительному, образуют вместе с последним фиксированное словосочетание – послеложную конструкцию. Сочетаясь с падежными формами имен, послелогов более конкретно выражают тончайшие оттенки пространственных отношений. «Изобилие местных падежей в аварском языке, – пишет П. К. Услар, – делает почти излишним употребление предлогов. Тем не менее, последние часто употребляются для выражения большей определительности» [9, с. 229].

В зависимости от наличия или отсутствия послелогов падежные формы делятся на послеложные и беспослеложные. Осложнение падежной формы имён послелогом ведёт к образованию послеложной конструкции [4, с. 130]. И. И. Мещанинов отмечал, что, «устанавливая синтаксическое

значение имени в предложении, послелог оказывается постоянным проводником имени, в особенности при характеристике места действия, его направления и т. д., когда это уточняется соответствующей именную форму» [7, с. 360]. Будучи служебными словами, послелоги не могут быть самостоятельными компонентами словосочетаний. Они входят в состав словосочетаний только вместе с именами, с которыми составляют один компонент. Сочетаясь с падежными формами имён, послелоги образуют вместе с ними «неподвижное или фиксированное словосочетание» [8, с. 188]. Послелоги служат для выражения синтаксической связи между компонентами. С помощью послелогов передаются пространственные и иные отношения между компонентами словосочетания и предложения. Беспослеложные словосочетания передают пространственные отношения формами местных падежей, послеложные же – с помощью пространственных послелогов. Например: 1) *Шагьаралда бугеб музей* «музей, находящийся в городе»; 2) *Шагьаралда аскЮб бугеб раллад* «море, находящееся около города» [4, с. 105]. Местные падежи наряду с конкретно пространственными отношениями выражают и самые различные оттенки абстрактных отношений. Роль же послелогов заключается в том, что они уточняют и дополняют значения падежных форм имен. Например: *столалда тлад лъезе* «положить на стол», *столалда аскЮб лъезе* «положить около стола», *столалда гьоркъ лъезе* «положить под столом» и т. д. Г. И. Мадиева отмечает, что «послелоги в аварском языке служат для выражения различных дополнительных значений, связанных с необходимостью точнее передать локальное отношение между предметами» [5, с. 149]. Известно, что основной функцией послелогов является выражение пространственных отношений между объектами реальной действительности. Из локальных представлений постепенно развивается представление о времени, т. е. абстрактное понятие пространства, что находит отражение в языке. Это связано, вероятно, с тем, что пространственные и временные представления – это явления самой древней формации в языке. В аварском языке выделяются следующие послелоги: *тлад* «над», «на»; *ццебе* «перед», «впереди»; *аскЮб* «рядом», «около»; *нахва* «за»,

«позади», «после»; *глагарда* «вблизи»; *хадуб* «за», «вслед»; *данде* «против»; *цадахъ* «вместе»; *жаниб* «в, внутри»; *рикIкIлад* «далеко»; *ургьиб/чохьониб* «внутри, в утробе»; *гьоркъоб* «между»; *гьорль* «среди»; *кьеразуль* «среди»; *гьоркъ* «под»; *гIодоб* «внизу»; *бакьуль* «в середине», «в центре»; *раглада* «на краю»; *сверухъ* «вокруг»; *хьолбохъ* «рядом» (букв. «под боком»); *аххада* «внизу»; *тIарада* «наверху»; *ракьанда* «у основания»; *тIогьиб* «на вершине»; *эххеде* «вверх»; *эххебе* «вниз»; *глебеде* «вдоль».

Некоторые местные падежи настолько конкретно выражают пространственные отношения, что исключается возможность использования при них послелогов. Так, например, аллативы и элативы всех серий не сочетаются с послелогом. Каждый послелог обозначает какое-либо пространственное отношение:

- *тлад* – положение предмета на поверхности;
- *аскЮб* – у предмета;
- *жаниб* – внутри предмета;
- *гьоркъ* – под предметом.

По Е. А. Бокареву, «...большинство послелогов, присоединяясь к местным падежам, служат для выражения таких пространственных отношений, которые местными падежами сами по себе не выражаются» [1, с. 206]. Таковы послелоги *гьорль* «между»; *нахва* «сзади»; *ццебе* «впереди»; *глагарда* «вблизи»; *рикIкIлада* «вдали»; *хадуб* «вслед»; *данде* «напротив»; *тIогьиб* «на кончике, на вершине»; *цадахъ* «вместе»; *квараниса* «справа»; *кведгиса*, «слева»; *сверун*, или *сверухъ* «вокруг».

По тематическим признакам Л. И. Жирков делит местные падежи на серии, выражающие конкретные локальные отношения: I «над», «на»; II «у», «около»; III «в, внутри» (какой-нибудь сплошной среды); IV «под»; V (-КП) «в, внутри» (нечто полое, являющееся вместилищем для чего-либо) [2, с. 164]. Основными формантами местных падежей являются: I-да, II-хъ, III-лъ, IV-къ, V-классные показатели (-в, -й, -б, -р), ср.: *столалда* «на столе», *кавудахъ* «у ворот», *тIахъаль* «среди книг», *ганчIикъ* «под камнем», *рокьоб* «в доме». В современном аварском языке слово *-тлад* в зависимости от его синтаксических функций выступает в предложении то как наречие, то как послелог. Синтаксическая функция наречий и послелогов является определяющим кри-

терием их разграничения. Послелог всегда находится после имени существительного и связан с ним синтаксической связью – управлением. Роль послелогов в предложении служебная. Наречие же в предложении выступает как самостоятельное слово. В качестве послелога оно выступает в пост-позитивном сочетании с именными формами слов первой серии местных падежей и выражает пространственные, временные и субъектно-объектные отношения. Имеет широкое распространение как в письменной, так и в устной речи.

Основной функцией послелога является выражение пространственных отношений. Он указывает на пребывание, нахождение предмета на поверхности другого предмета или на направление его действия, т. е. указывает направление движения одного предмета на поверхность другого, а также пребывание его на поверхности другого предмета (тела, пространства). При глаголах движения он указывает на действие, направленное на поверхность другого предмета или субъекта, на вершину их, когда плоскости их приходят в непосредственное соприкосновение: *Хажимурадица жиндирго гужгат столалда тIад лъуна, ва гъеб мехалда, столалъул хъоршода тункун, цо жоялъул гъаракъ бахъана*. «Хажимурат положил на стол свой бешмет, и в это время в столе что-то упало...». *Дица дир вас дирго ругънада тIад лъуна...* «Я положил своего сына на рану свою...». Что касается лексического значения послелогов аварского языка, данный вопрос в авароведении остаётся открытым. Как лексическая единица послелог выражает отношения между предметами или явлениями как реальный факт действительности. Отображение в сознании определённого отношения самим послелогом и является, как нам представляется, значением служебного слова, причём значением самостоятельным. В предложениях *Техь столалда тIад буго*. «Книга лежит на столе»; *Техь столалда жаниб буго*. «Книга лежит в столе»; *Техь столалда аскIоб буго*. «Книга рядом со столом» – словесное окружение послелогов *тIад, жаниб, аскIоб* одинаковое. Тем не менее, в этих предложениях именно послелогом выражены различные отношения между предметами. Надо полагать, что это и есть их собственно лексическое значение.

Послелог *тIад* употребляется также при обозначении предмета или лица, в сторону которых направлено действие или на поверхности которых происходит действие, причём направление или местонахождение их зависит от значения сопутствующего глагола: *Рогъалил какги бан, жиндирго яръидеги валагъун, Хажимурад бусада тIад гIодов чIана*. «Совершив утренний намаз, проверив своё оружие, Хажимурат присел на постель». При статистических глаголах послелог *тIад* указывает на состояние или местонахождение предмета или лица, которые лежат на горизонтальной поверхности другого предмета, при котором их поверхности контактируют непосредственно: *Чарбида тIамурад буртинаялда тIад, горда цебе гIодовги чIчIун чIолорхъо букъулев вукIана ХIамзалав*. «Сидя на расстеленной перед окном на полу бурке, Хамзалав приводил в порядок узду». *АскIоб бугеб тумбочкаялда тIад жиндиего бачIараб порцияги батана*. «Он нашёл на тумбочке, находящейся рядом, принесённую ему порцию (долю)». *ТIад* сочетается с именами также в наречительном падеже. Основной функцией его является выражение самых различных направлений действия.

По своему морфологическому значению послелоги соответствуют русским предлогам. Нет точных данных о количестве послелогов в аварском языке. З. М. Маллаева отмечает, что «в аварском языке насчитывается более тридцати послелогов с пространственной семантикой» [6, с. 142]. Все они по своему происхождению гетерогенны, т. е. восходят исторически к различным частям речи: 1) к наречиям: *нахъа* «сзади», «позади»; *тIад* «на», «над»; *цебе* «перед», «впереди»; *хадуб* «после», «за»; *тIарада* «наверху»; *рикIклад* «далеко»; *гъоркъ* «под»; *гъорлъ* «среди»; *гъоркъоб* «среди», «между» и др.; 2) к именам существительным: *хъолбохъ* «рядом»; *рагIалда* «на краю»; *бакъуль* «в середине»; *сверухъ* «вокруг»; *тIогъиб* «на вершине», «на макушке»; 3) к глаголу восходит послелог *сверун* со значением «кругом», «вокруг».

Некоторые постраничные послелоги, по мнению М. А. Магомедова [3, с. 87], этимологически связаны с наречиями, именами существительными, ср.: *тIад* «над» – *тIогъиб* «на вершине», *нахъа* «сзади» – *магъ* «хвост» и т. д.

Первоначальной (исконной) функцией послелогов (в первую очередь, пространственных) является конкретизация пространственных отношений. Абстрактные значения у послелогов развились на базе пространственных. Характерной особенностью большинства аварских послелогов, а именно послелогов наречного происхождения, является наличие в них морфологических показателей класса и числа, которые изменяются в соответствии с изменением субъекта непереходного глагола и объекта переходного глагола.

Таким образом, для выражения конкретно-локативных отношений в аварском языке всё больше начинают использовать послеложные конструкции. Послеложные конструкции постепенно вытесняют местные падежи в сфере выражения пространственных отношений. Не умаляя роли морфологических и лексических средств выражения пространственных отношений, можно сказать, что именно благодаря послелогам пространственные отношения в аварском языке получают более чёткое и расчленённое выражение.

Список литературы

1. Бокарев Е. А. О категории падежа применительно к дагестанским языкам // Вопросы языкознания. 1954. № 1–2. С. 12, 236–255.
2. Жирков Л. И. Грамматика аварского языка. М., 1924. 314 с.
3. Магомедов М. А. Послелогии аварского языка, выражающие пространственные отношения. Тезисы докладов научной сессии, посвящённой итогам экспедиционных исследований ин-тов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. Махачкала, 1994. 208 с.
4. Магомедов М. И. Выражение пространственных отношений превербно-послеложными словосочетаниями в аварском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С. 105–130.
5. Мадиева Г. И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. 310 с.
6. Маллаева З. М. Выражение пространственных отношений послеложными конструкциями // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. 270 с.
7. Мещанинов И. И. Пространственные категории в дагестанских языках. М., 1978. 540 с.
8. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. 567 с.
9. Хайдаков С. М. К генезису местных падежей в дагестанских языках // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках : материалы IX Региональной науч. сессии. Махачкала, 1981. 254 с.

УДК 821.161.1
ББК Ш5 (2=Р)5

К. Ю. Головач
г. Кемерово, Россия

Особенности концептуализации *любви* в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова (на примере группы образных признаков)

Статья отражает особенности восприятия концепта *любовь* классиками русской литературы 19 века – А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым. Особенности концептуализации любви рассматриваются на примере четырёх метафорических моделей, значимых для творчества обоих авторов: «любовь – человек», «любовь – живое (живущее) существо», «любовь – бог», «любовь – растение».

Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, образные признаки, метафорическая модель, индивидуально-авторская картина мира.

К. Yu. Golovach
Kemerovo, Russia

The Peculiarities of Conceptualization of *Love* in the Works of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov (Based on the Group of Characters' Features)

The article reveals the perceptive peculiarities of concept *love* by the classic authors of Russian literature of the 19th century A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov. This subject is considered with the help of comparative methods, as far as there has been made no comparative analysis based on works of these poets. The peculiarities of conceptualization of love are analyzed through four metaphorical models relevant for both authors: love - human being, love - living creature, love - god, love - a plant.

Keywords: concept, concept structure, graphic features, metaphorical model, individual picture of the world.

Концептосфера внутреннего мира человека представляет особый интерес для исследователей-когнитологов. В последнее десятилетие было опубликовано достаточно много работ, посвящённых концептуальному анализу чувств и эмоций: это исследования сравнительно-сопоставительного характера (*любовь и счастье* [5], *счастье и блаженство* [7], *счастье и несчастье* [8], *любовь и ненависть* [6]) и анализ отдельных концептов (*страсть* [4], *страдание* [2], *боль* [9]). Однако несмотря на уже предпринятые попытки изучения некоторых фрагментов внутренней сферы жизни личности, нельзя с уверенностью говорить о том, что эта область изучена полностью. Особого внимания заслуживает анализ ключевых эмотивных концептов. «Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование является чрезвычайно актуальной проблемой» [3, с. 105]. Ключевой для русского менталитета концепт *любовь* нередко выступает объектом анализа в современных лингвистических исследованиях. В настоящей работе предпринята попытка выявить особенности концептуализации *любви* в индивидуально-авторских картинах

мира А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. В сравнительно-сопоставительном аспекте на материале произведений двух выдающихся классиков русской литературы XIX в. подобного исследования ранее не наблюдалось, что позволяет говорить о его значимости для когнитивной науки. Анализ структуры концепта *любовь* проводился в соответствии с методикой, предложенной Кемеровской лингвистической школой во главе с проф. М. В. Пименовой. Данная методика представляет собой поэтапное описание концептуальной структуры с последовательным выявлением всех групп признаков: мотивирующих, понятийных, образных, ценностно-оценочных, символических. Результаты проведенного исследования показали значимость для индивидуально-авторских картин мира А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова образных признаков, что подтверждает присущая любовной лирике поэтов метафоричность. Разнообразие концептуальных метафор позволило построить метафорические модели, характеризующие *любовь* как бога и человека, как живое (живущее) существо и растение. Рассмотрим их подробнее.

В творчестве А. С. Пушкина большая часть образных признаков концепта представлена персонафикацией этого межличностного чувства, что, в свою очередь, говорит об антропоморфизме любви, т. е. уподоблении её человеку. В произведениях М. Ю. Лермонтова такое уподобление также имеет место, но в количественном отношении группа антропоморфных признаков не превосходит другие группы. Любовь в произведениях поэтов представлена как человек, наделённый особым характером (робким, доверчивым, лукавым, коварным, хитрым, тщеславным: *Во-первых, он уж был неправ, Что над любовью робкой, нежной, Так подиутил вечер небрежно.* А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»; *Ты сам же после осмеешь Тоску любви легковерной...* М. Ю. Лермонтов. «К приятелю»; *Нас издали пленяет слава, роскошь И женская лукавая любовь.* А. С. Пушкин. «Борис Годунов»; *Достойны равного презрения Его тщеславная любовь И лицемерные гоненья.* А. С. Пушкин. «Когда твои младые лета»; *Ужели дев коварная любовь Прельстит меня перед кончиной вновь.* М. Ю. Лермонтов. «Смерть»; *Любовь хитрей, чем ревность или злоба.* М. Ю. Лермонтов. «Аул Бастунджи»), имеющий социальный статус (статус руководителя, подчинённого: *Откройся мне: ужели непритворны Лобзания твои? Они правам супружества покорны, Но не правам любви.* М. Ю. Лермонтов. «Сентября 28»; *У граций в отпуску и у любви в отставке.* А. С. Пушкин. «Красавица, которая нюхала табак»; *Что Годунов? во власти ли Бориса Твоя любовь, одно мое блаженство?* А. С. Пушкин. «Борис Годунов») и вступающий в те или иные отношения с себе подобными (например, в отношения глубокой внутренней связи, неразлучности, или же борьбы: *Что удерживало его? Робость, неразлучная с истинною любовью...* А. С. Пушкин. «Роман в письмах»; *С враждой боролась любовь.* М. Ю. Лермонтов. «Оправдание»). В произведениях А. С. Пушкина любовь наделена ментальными качествами – мечтательностью и памятью (*Замечу кстати: все поэты – Любви мечтательной друзья.* А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»; *Но я, любовью позабыт.* А. С. Пушкин. «Элегия»). В творчестве М. Ю. Лермонтова любовь не имеет ментальных качеств, что обусловлено особенностями индивидуально-авторского восприятия данной реалии действительности. Других существенных отличий в реализации метафорической модели «любовь – человек» в произведениях поэтов выявлено не было.

Следующая группа признаков носит название витальных (группа признаков *живого и живущего* существа). Каждый живой организм рождается, живёт и умирает. Признаки "рождение", "жизнь" и "смерть" являются значимыми в представлении любви как *живого* существа (...*Разве по воле человека рождается Человеческая любовь?* М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»; *Мы знаем: вечная любовь Живёт едва ли три недели.* А. С. Пушкин. «Кокетке»; ... *тщетно в нас жила любовь.* М. Ю. Лермонтов. «FAREVELL»; ...*Погибла гречанка, погибла любовь.* А. С. Пушкин. «Чёрная шаль»; *Ах! здесь любовь моя погребена.* М. Ю. Лермонтов. «Джюлио»). С живущим существом любовь сближается через общие признаки "голос" (*И сердцу бурному вели Не слушать голоса любви.* М. Ю. Лермонтов. «Исповедь»; *Подумай и любви услышишь в сердце глас.* А. С. Пушкин. «Анджело»), "движение" (*Любовь пройдёт, как тень пустого сна.* М. Ю. Лермонтов. «К другу»; *Мгновенно сердце молодое Горит и гаснет. В нём любовь Проходит и приходит вновь.* А. С. Пушкин. «Полтава»), "сон" (...*если я не позабуду В этом сне любви печальный сон...* М. Ю. Лермонтов. «Стансы»; *Он исчез, как наслажденье, Как весёлый сон любви.* А. С. Пушкин. «Гроб Анакреона»).

Выше отмечены витальные признаки концепта, актуальные как для М. Ю. Лермонтова, так и для А. С. Пушкина.

В индивидуально-авторской картине мира последнего любовь – это не просто существо, издающее звуки и движущееся, но существо бодрствующее (...*не спит в тиши природы Одна счастливая любовь...* А. С. Пушкин. «Письмо к Лиде»), дышащее (*И в недобдуманном письме Любовь невинной девы дышит.* А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»), осязающее (...*я б имел надежду Любовью нежной тронуть ваше сердце.* А. С. Пушкин. «Каменный гость»), слышащее (*Зовешь, вверяясь им, и дружбу, и любовь.* А. С. Пушкин. «Л. Пушкину») и в то же время, не замечающее ничего вокруг себя – слепое (*Любовь, любовь ревнивая, слепая...* А. С. Пушкин. «Борис Годунов»). Для А. С. Пушкина актуален признак возраста любви (*Пейте за радость юной любви – Скроется младость, Дети мои.* А. С. Пушкин. «Заздравный кубок»; *Не мог он сердцем отвечать Любви младенческой, открытой...* А. С. Пушкин. «Кавказский пленник»).

Восприятие любви как *живого (живущего)* существа в индивидуально-авторских картинах мира поэтов во многом отлично. М. Ю. Лермонтов наделяет любовь только признаками голоса, движения и сна, в то время как А. С. Пушкин описывает любовь как существо, обладающее всеми свойствами живого организма, кроме способности видеть.

В произведениях поэтов концептуализация любви может осуществляться через признаки растений – цветов и деревьев. «Цветы – ярчайшее проявление жизненной силы, это образ радостей жизни» [1, с. 217]. Как и любовь, цветок символизирует мимолётность, краткость бытия, весны, красоты, совершенства, невинности, молодости души (...*вянут розы Минутная любви...* А. С. Пушкин. «Фавн и пастушка»). Распространёнными являются вегетативные метафоры плода *любви*. Следствием любовных радостей могут быть дети, описываемые поэтами подобными метафорами (*В далёких дева шла местах И тайный плод любви несчастной Держала в трепетных руках.* А. С. Пушкин. «Романс»; *Желанный сын, любви взаимной плод.* М. Ю. Лермонтов. «Сашка»). В понимании А. С. Пушкина любовь должна приносить плоды. В творчестве М. Ю. Лермонтова любовь, помимо плодородности, сама может выступать плодом с дерева (*И дерево с моей любовью Погибло, чтобы вновь не цвести.* М. Ю. Лермонтов. «Дереву»). Как на дереве зреет плод, так любовь зреет в сердце человека (...*зреют в сердце беспокойном Все чувства – злора, гордость и любовь, Как дерева под небом юга знойным.* М. Ю. Лермонтов. «Сашка»). Любовь, подобно дереву, укрывает под своей сенью (*Любовью, дружеством и ленью, Укрытый от забот и бед, живи под их надёжной сенью.* А. С. Пушкин. «К Дельвигу»). Ей свойственен признак "сплетение": как находящиеся вблизи корни растений сплетаются между собой, так любовь срастается с душой и становится неотделима от неё (...*моя любовь срослась с душой моей...* М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

В творчестве поэтов отмечены родовые отличия растений. Так, в произведениях М. Ю. Лермонтова любовь представлена как дерево, приносящее плоды. Для А. С. Пушкина любовь – это дерево, укрывающее под сенью, и быстро увядающий

цветок – роза. Для обоих авторов характерны вегетативные метафоры, описывающие ребёнка как плод любовных радостей.

Для поэтов характерно восприятие любви как высшей субстанции – божества, что позволяет говорить о наличии теоморфных (божественных) признаков в структуре исследуемого концепта. В произведениях М. Ю. Лермонтова наблюдается прямое отождествление любви с богиней (...*любовь, богиня юных дней...* М. Ю. Лермонтов. «1831-го июня 11 дня»). А. С. Пушкин наделяет её божественными атрибутами: любви молятся (*Любовь, любовь, Внемли моления: Пошли мне вновь Свои виденья...* А. С. Пушкин. «Пробуждение»), её восхваляют (*Хвала любви, хвала богам! Вновь лиры сладостной раздался голос юный...* А. С. Пушкин. «Анджело»). Известно, что ещё с древнейших времён боги считались всемогущими существами, правящими миром. Боясь прогневить богов, человек возводил им храмы, приносил дары. В творчестве авторов любовь, подобно божеству, имеет место, где ей поклоняются – храм или алтарь (*Все бросили Цитеру, И мирных сёл Венеру По трепетным волнам Несут они в пещеру - Любви пустынный храм.* А. С. Пушкин. «Фавн и пастушка»; ...*любви волшебный царь, Давно остыл его алтарь.* М. Ю. Лермонтов. «Тамбовская казначейша»; ...*У тихих алтарей любви.* А. С. Пушкин. «Колосовой») и где совершаются обряды жертвоприношения (*Одним высоким увлечён, он только жертвует любви...* М. Ю. Лермонтов. «Посвящение»; *Но кто любви не жертвовал собою!* А. С. Пушкин. «Любовь одна – веселье жизни холодной»; *Свершились милые надежды, Любви готовятся дары.* А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила»).

Бывает и так, что Боги, становясь благосклонными к человечеству, сами воздают ему небесные дары. В индивидуально-авторском представлении А. С. Пушкина любовь, ниспосылая муки, наказывает людей (*Ах, если мученик любви Страдает страстью безнадежно.* А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила»), но за обращённые к ней мольбы вновь одаривает их своими талисманами (*Сохрани свой талисман, В нём таинственная сила! Он тебе любовью дан.* А. С. Пушкин. «Талисман») или другими наградами (*О вы, хранимые судьбами, Для сладостных любви наград.* А. С. Пушкин. «Наездники»). В произведениях поэтов встречается восприятие любви как божьего дара (*Здоровья дар благой*

Мне снова ниспослали боги, А с ним и сладкие тревоги Любви таинственной и шалости младой. А. С. Пушкин. «Выздоровление»; *Твоей любви я жду как дара...* М. Ю. Лермонтов. «Демон»). Боги как создатели мира наделяются функцией оживления, одушевления, а значит, только они властны над жизнью человека. Функция оживления существует у любви в творчестве обоих авторов (*О юбка! речь к тебе я обращаю, Строки сии тебе я посвящаю, Одушеви перо мое, любовь!* А. С. Пушкин. «Монах»; *Со мною не умрёшь: моя любовь Тебя отдаст бессмертной жизни вновь.* М. Ю. Лермонтов. «1881-го января»).

Анализ теоморфных признаков показал, что более подробное описание любви как божества характерно для индивидуально-авторской картины мира А. С. Пушкина. В произведениях поэта любовь, подобно богу, призывает людей молиться и приносить жертвоприношения в возводимые специально для этого алтари и храмы, дабы уми-

лостивить её и быть вознаграждёнными свыше. Любовь за обращённые к ней мольбы ниспосылает с небес на землю дары и награды своим мученикам. Для М. Ю. Лермонтова свойственно восприятие любви как богини юного возраста, которая также имеет место поклонения и которой также совершаются обряды жертвоприношения. Однако в произведениях последнего любовь не одаривает своих мучеников ни талисманами, ни другими дарами. Для обоих авторов любовь есть божий дар, она оживляет и одушевляет.

В настоящей статье рассмотрены следующие метафорические модели: «любовь – человек», «любовь – живое (живущее) существо», «любовь – растение», «любовь – бог». Эти модели актуальны и значимы для творчества обоих авторов, поэтому именно они приведены в качестве примеров, отражающих особенности индивидуально-авторской концептуализации.

Список литературы

1. Адамчик В. В. Словарь символов и знаков. М. : АСТ ; Минск: Харвест, 2006. 240 с.
2. Безруков А. А. Феномен возвращения к православному и категория страдания в русской классической литературе XIX века. Краснодар : Армавир. гос. пед. ун-т, 2007. С. 35.
3. Бушакова М. Н., Буянова Л. Ю. Концепт как базовое средство языковой концептуализации мира: к проблеме статусирования // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Архангельск : Поморский ун-т, 2005. Вып. 2. С. 114.
4. Валиулина С. В. Языковые средства представления невербального поведения субъекта в состоянии страсти // Вестн. ИрГТУ. 2006. № 2 (26). Т. 2. С. 43.
5. Воркачёв С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) : монография. Волгоград : Перемена, 2003. 164 с.
6. Евдокимова А. А. Концептуализация любви и ненависти (на материале паремий). Язык и ментальность : сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. СПб. : СПбГУ, 2010. 696 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).
7. Михайленко О. М. Лингвоэтическая картина мира: концепты «счастье» и «блаженство» как семантические душеты. Краснодар : Армавир. гос. пед. ун-т, 2006. С. 21.
8. Русакова И. Б. Концепты «счастье» – «несчастье» в лингвокультурном содержании русских словиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 24 с.
9. Чижова Х. А. Языковая категория *боль* в русском языковом сознании. Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 808 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11).

Мудрость как Божий дар (на основе концептов *мудрость* и *wisdom*)

Анализ фактического материала позволяет создать более полное представление о понятийных признаках концепта, нежели анализ данных толковых словарей. В русской и английской концептуальных системах мудрость – это дар от Бога и одно из главных его качеств.

Ключевые слова: концепт, понятийный признак, структура концепта, концептуальная система.

L. N. Goryanova
Kemerovo, Russia

Wisdom as a Gift from God (Based on Concepts *Мудрость* and *Wisdom*)

A wider image of notional characteristics of a concept is gained through the analysis of the gathered language material rather than the definition dictionaries data. In the Russian conceptual system as well as in the English one wisdom is a gift from God and one of His most significant qualities.

Keywords: concept, notional characteristic, conceptual structure, conceptual system.

Одной из отличительных особенностей русской концептуальной системы является восприятие мудрости как дара (*А потому я советую вам поверить в то, что он мудр, добродетелен, повторяю, даровит.* М. Вишневецкая. «Вышел месяц из тумана». *Он придавал силы и даровал мудрость.* В. Мельникова. «Сказки и «волшебные» растения» // Биология). Выявленный в результате анализа толковых словарей русского языка, признак "дар" входит в понятийную часть структуры концепта МУДРОСТЬ.

По мнению М. В. Пименовой, толковые словари не дают полной информации о структуре концепта по причине неполной фиксации того многообразия концептуальных признаков, которое наблюдается в языке [2]. Гораздо более широкое представление даёт собранный фактический материал.

При исследовании понятийной части структуры концепта WISDOM признак "gift", соответствующий русскому "дар", в толковых словарях английского языка обнаружен не был, однако, как показал разбор собранного языкового материала, данный признак актуализируется в языке, что позволяет также выделить его в структуре WISDOM (...but no especial wisdom is granted him because... Weldon. «Darcy's Utopia». ...and bestowed gifts of calm and wisdom upon those mortals who sought to emulate her through transcendental meditation. Allardice. «Myths,

gods and fantasy: a sourcebook». Upon this day I bestow my wisdom upon you... Rankin. «The book of ultimate truths». Gifts of wisdom and knowledge... Long. «Approaches to spiritual direction»). Дар мудрости делает человека уникальным (*You are a unique human being endowed with your own unique wisdom...* Spindler. «Learn to live»).

Анализ фактического материала позволил сделать вывод о том, что мудрость, согласно бытующему у русского и английского народов мнению, ассоциируется как дар, который человек получает свыше (*So wisdom is a gift of the Holy Spirit and that particular thing is to er help us to judge in the way that God does.* Confirmation meeting on the gift of the Holy Spirit: church meeting (Public/institutional). *Мудрость, свыше сходящая, прежде всего чистая, затем мирная, кроткая, благопокорливая, исполнена милости и плодов благих, несомненна, нелицемерна.* Б. Садовской. «Пшеница и плевелы» // Новый Мир).

Как указывается в Библейской энциклопедии Брокгауза, «человек обретает мудрость частично благодаря врождённым способностям, частично из опыта, но всегда как дар Божий» [1]. Именно Бог наделяет человека мудростью, умудряет его (*Господь умудряет младенцы, – произнёс Павел Константинович.* Н. Чернышевский. «Что делать?» ... а они в одно, что и говорит: *умудряет Господь, умудряет.* Н. Лесков. «На ножах». Так и добывают на пропита-

ние, *Господь умудряет*. И. Шмелёв. «Лето Господне»). Этот дар нужно беречь, иначе Бог может забрать его обратно (...*God might, in His wisdom, come down and take it away again*. Aspel. «Michael Aspel: in good company»).

Мудрость является редким даром, который даётся не каждому, а лишь избранным Богом (...*мудрость, дарованная избранным, как бы отмеченным Богом...* Т. Франк. «Память сердца» // Звезда), тем, кто верит в него (...*that it is indeed 'the wisdom of God to every one who believes...* Green. «I believe in the Holy Spirit»). Одарённый мудростью человек постигает Божью силу и «сливается» с природой, видя в ней Всевышнего (*И кого умудрит господь уразуметь тайную силу его, тот видит её и в зорях алых, и в радуге семицветной, и в красном солнышке, и в ясном месяце, и в каждом деревце, в каждой травке, в каждом камешке...* П. Мельников-Печерский. «В лесах». Книга вторая).

Бог предостерегает человека в сложных ситуациях (*The Ladybird New Testament version simply glosses over the mechanism of how God communicated with the Magi: Then God warned the wise men not to trust King Herod. Sleep and dreaming*. Empson), дарит ему мудрость (*We pray for our brothers in other parts of the family who struggle against injustice, and who serve you in societies where there is violence and oppression; may they be filled with your wisdom in the battle against inhumanity*. Miscellaneous prayers. Но *Господь давал Вам мудрость, мужество и силы достойно следовать по нелёгкому пути церковного свидетельства*. М. Жилкина. «75 лет митрополиту Санкт-Петербуржскому и Ладожскому Владимиру» // Журнал Московской патриархии), наделяет силой и мужеством (*Как нам стало известно из протоколов, Господь дал папе силы и мудрость мужественно перенести допросы*. Г. Каледа. Воспоминания об отце – священнике Владимире Амбарцумове» // Альфа и Омега).

Обращение человека к Богу осуществляется через молитвы, в которых человек просит Всевышнего стать его проводником и помочь ему подняться с глубины страданий и мучений (*Please guide my spirit and raise me up from depths of misery, so that my soul may be carried through your wisdom and may struggle fearlessly upwards*

in fiery flight. Hoy. «An alternative assembly book»), благословляет и воодушевляет человека (*We pray for your blessing on the work of the hospices; we ask you to guide all those who administer them; to give wisdom to those who work as counsellors of patients and their families; to encourage the volunteers who support families; to grant patience and gentleness to those who nurse the sick and dying*. Smith. «Miscellaneous prayers»), дарует свою мудрость (*А что её не хватает, так об этом молитесь. Просите Бога дать вам мудрость*. З. Масленикова. «Жизнь отца Александра Меня». *They need a clear head – Lord grant them Your wisdom*. Smith. Miscellaneous prayers. *Let us pray that we may be granted the wisdom ... of God...* Bishops' Conference of Scotland. *The director will also pray for the gifts necessary for his ministry – discernment ... encouragement ... wisdom...* Long. Approaches to spiritual direction. *If possible pray together for God's wisdom*. Looking up the aisle? Ames).

Исходя из этого, можно заключить, что в сознании носителей русского и английского языка мудрость осознаётся как одно из главных качеств Бога (*Ведь Бог – это доброта и мудрость ...* М. Голованова. «Изгнание бесов» // Домовой. *Мудр, благ и красота, и это – Божие*. В. Розанов. «Апокалипсис нашего времени». ...*the Editor of The Times as wise as God Himself!* Farrell. «The siege of Krishnapur»).

Признаки "качество Бога" и "the quality of God" актуализируются в русском и английском языке с помощью различных прилагательных. Среди них «божественная» (*Мудрость Божественная, благодать и Дух Святой стали неотъемлемой частью нашего существования*. М. Елизаров. «Pasternak». ...*он всех покорил своей душевной простотой, даже наивностью и божественной чистотой, но я теперь увидел не только это, а именно божественную мудрость*. В. Давыдов. «Театр моей мечты»), «divine» (*Thomas Aquinas understood the relationship between Father and Son as that of the joy of divine wisdom playing before the face of God and contemplative life as sharing in such play*. Glasscoe. «English medieval mystics: games of faith»), «God-like» (...*books that I knew so intimately, and which were permeated by a gentle and God-like wisdom*. Ideas in Action programmes (04): radio broadcast. *One may also want to argue that an uncouth manner and a snail-like nose are no barrier to the possession of gentle and God-like*

wisdom. Ideas in Action programmes (04): radio broadcast). Такая мудрость свято хранима и сокровенна (В этом установлении – сокровенная мудрость и всезнание Творца. Ш. Аляутдинов. «Метафизика исламской молитвы»).

Мудрость выступает в качестве одного из Божьих проявлений (*In the Old Testament, as we have seen, the Spirit of God was manifested in a variety of ways – strength, wisdom, ecstasy, even frenzy being attributed to the wind or Spirit of Yahweh*. Green. «I believe in the Holy Spirit»), которое наблюдается в акте сотворения мира (...*the wisdom of God as manifested in creation...* Brooke. «Science and religion»). Именно **Божественная мудрость мироустройства** наводила на мысль о... Д. Быков. «Орфография»). Бог – это мудрый строитель, творец (*God was, for Darwin then, still the traditional good and wise creator...* Evolution from molecules to men), который, создавая мир, избрал всё самое лучшее и подарил этому жизнь (*И так при сём поступил он как мудрый строитель, который лучшие деревья, лучшие камни и проч. избирает; и потому мы надёжно уверены быть можем, что понеже бог из всех возможных веществ, которые на место нас могли бы произведены быть, преимущественно нас, как своё совершеннейшее творение, одушевить удостоил, то, следовательно, мы и были лучшее в царстве веществ, из коих господь нас предизбрал*. И. Новиков. «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру»).

Божья мудрость есть в каждом существе мира (*И в «Библии природы» Яна Сваммердама не менее пылко славословятся виши: «Вы с изумлением увидите настоящее чудо и в маленькой точке ясно познаете мудрость Господа...»* А. Азольский. «Лопушок» // Новый Мир. *Господь всякую тварь умудряет*. И. Шмелёв. «Лето Господне». *Райских птичек нельзя стрелять, они мудрость Божья, им пёрышки Бог раскрашивал...* А. Проханов. «Господин Гексоген»). Она вечна, безгранична (...*we see that they must be produced by an "eternal, infinitely wise, good, and perfect" spirit, which is God*. The empiricists) и неисчерпаема (...*it engages with the inexhaustible wisdom of God*. Glasscoe. «English medieval mystics: games of faith»).

Божье Слово проникнуто мудростью (*In him the Word and Wisdom of God dwelt in a unique degree*. The Oxford illustrated history of Christianity), в нём истинная правда

(...*как библейское божественное Слово ... слово есть мысль, слово – истина и правда, мудрость, поэзия... слово относилось к божественному началу*». Л. Перловский. «Сознание, язык и математика» // Звезда).

В английском языке отмечено использование при вербализации признака "**the quality of God**" устойчивого сочетания «in his wisdom» (*For God in his wisdom made it impossible for people to know him by means of their own wisdom*. Gibbs. «I believe in church growth». *Almighty God, our heavenly Father, infinite in wisdom, love and power...* «Miscellaneous prayers»).

Бог – это мудрый учитель (*Мудрый господь учил: всё сложное не нужно, а всё нужное просто*. Д. Гранин. «Зубр»), в чью мудрость верят (*Она неограниченно верит в Его мудрость, и в Его любовь, и в Его Божественность*. Митрополит Антоний (Блум). «О чуде»). Наряду с мудростью ему приписаны такие качества, как всепонимание (...*Господь – мудрый и всепонимающий...* Л. Корнешов. «Газета») и всепрощение (...*Бог выступает как судья, как всемогущий повелитель, как любящий отец, как всепрощающий мудрец и т. п.* В. Павленко, К. Ваннер. «Особенности психологии евангельских христиан-баптистов» // Вопросы психологии), милосердие (... *после заученных наизусть молитв, которые прославляли Всевышнего, его мудрость и милосердие ...* Е. Алканская. Кредитная история // Вестник США) и великодушие (...*whose virtues enabled Christ to be born and make manifest the wisdom and goodness of God*. Glasscoe. «English medieval mystics: games of faith»).

Приобщение человека к божественному таинству является для него началом мудрости и осуществляется через осознание совершённых им грехов. Данный смысл объективируется посредством использования устойчивого сочетания «the beginning of wisdom» (*It is by our evil that God leads us into good; we sin, I dare not say by His temptation, but I must say with His consent; and to any but the brutish man his sins are the beginning of wisdom*. Stevenson. «The marry and other tales and fables». ...*the fear of the Lord is the beginning of wisdom, and the consciousness of sin ... can open our blinded eyes and make clean our blackened hearts*. Murdoch. «The Black Prince»). Божья мудрость – это некое знание, которому необходимо обучать человечество (*Pupils are receiving occult*

teaching, and are studying the science of life – before going out into the larger world to relieve the stress of humanity, to teach mankind the Divine Wisdom, God’s Plan for the World, Evolution – to bring happiness to the unhappy, peace to the warring, and the only true happiness is found through service and brotherhood. Devonald. «Basil Rocke: artist and teacher»). Последователи Бога – Божьи избранники, праведники – наделены даром мудрости и духовной пронизательности (*Men and women of God gifted with spiritual discernment and wisdom...* Long. «Approaches to spiritual direction»).

Мудрость Бога противопоставляется человеческой, мирской мудрости (*Для угождения плоти человек пользуется плотским мудрованием. Для угождения Богу нужна духовная мудрость.* Два труда об истинном христианстве // Журнал Московской патриархии). Последняя метафорически изображается в качестве заблудшей овцы (*Сказано же: мудрость мира – заблудшая овца, потерянная верующими; возврати её хотя бы из рук неверующих.* А. Азольский. Монахи // Новый Мир). В мире людей обрести мудрость сложно (*... it is hard to come to wisdom in the world of humankind.* Rush. «Adam’s paradise»).

Божья мудрость истинна, это высшая мудрость (*Начало её есть страх Господень, им душа очищается, как «жестоким врачевством, чтобы принять истинную мудрость...»* «Два труда об истинном христианстве» // Журнал Московской патриархии), мирская мудрость хрупка и непрочно (... *Divine Wisdom and human frailty...* Momigliano. «Alien wisdom: the limits of Hellenization») и даже осознаётся как безумие (... *мудрость мира сего есть безумие пред Богом...* Епископ Игнатий (Брянчанинов). «Понятие о ереси и расколе»).

Таким образом, на основе анализа фактического материала оказалось возможным создать более полное представление о восприятии носителями русского и английского языка такого фрагмента действительности, как мудрость. Проведённое исследование позволило не только выделить признак "gift" (в русском "дар") в структуре WISDOM, но и расширить его содержание (мудрость – не просто дар, но дар от Бога). Вместе с тем исследование языкового материала позволило выявить в структурах обоих концептов дополнительные признаки – "качество Бога" и "the quality of God", которые являются неким следствием из указанных выше признаков "дар" и "gift".

Список литературы

1. Библейская энциклопедия Брокгауза. URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_bible/2751/Мудрость (дата обращения : 15.07.10).
2. Пименова М. В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ. Вып. 9. Кемерово : КемГУ, 2007. 500 с.

**Понятийные признаки концепта *ненависть* в русском
и английском языке**

В статье рассматриваются понятийные признаки концептов *ненависть* и *hatred*. Выделяются признаки, характерные для концептов как в русской, так и в английской языковой картине мира. Для описания особенностей структуры концептов были проанализированы словарные статьи, выделены синонимы. Изучение способов сочетаемости русской лексемы *ненависть* и английской лексемы *hatred* позволило нам выделить некоторые дополнительные когнитивные признаки концепта в русском и английском языковых сознаниях.

Ключевые слова: картина мира, концепт, лексема, понятийные признаки концепта.

А. А. Evdokimova
Kemerovo, Russia

**Notional Characteristics of the Concept *Hatred* in the Russian
and English Languages**

The article studies notional characteristics of the concept *hatred* in the Russian and English languages. Features that are characteristic of the concepts of both Russian and English linguistic views of the worldview are distinguished. Dictionary data have been analyzed and synonyms have been taken for description of particularities of the concept structure. Study of collocation ways of lexeme *hatred* made it possible for us to find out some extra cognitive characteristics of the concept in the Russian and English linguistic consciousness.

Keywords: a world view, a concept, a lexeme, notional characteristics of the concept.

Под понятийными понимаются признаки концепта, актуализированные в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем) слова – репрезентанта концепта [2, с. 314]. Обращение к современным словарям русского и английского языка, пристальное внимание к лексическому значению имени концепта позволяет проанализировать значимые, наиболее часто актуализируемые в современном языке понятийные признаки концепта. По словам А. Красавского, «применение метода этимологического анализа приоткрывает занавес тайны первых шагов жизни концепта, т. е. его исследование в диахронической плоскости, то использование, например, ставшего традиционным и эффективным во второй половине XX столетия метода компонентного анализа в его различных вариациях, может оказаться полезным при изучении сущности концепта в синхронии» [1, с. 44].

Понятийная составляющая концептов *ненависть* и *hate* – часть признаковой структуры концепта, которая выявляется путём анализа значений номинанта концепта. В русском языке ядро исследуемого нами

концепта объективируется лексемой *ненависть*. Словарь русского языка С. И. Ожегова (1984) представляет следующее значение лексемы *ненависть*: чувство сильной вражды и отвращения. Питать ненависть к чему-нибудь. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова т. II (1996) определяет ненависть как чувство сильнейшей вражды. Непримируемая ненависть. Питать ненависть к кому-нибудь. Классовая ненависть. Смертельная ненависть. В словаре сочетаемости слов русского языка под ред. В. В. Морковкина (1983) ненависть определена как очень сильное враждебное чувство к кому-чему-либо. Словарь антонимов русского языка Л. А. Введенской (1982) предлагает следующее значение лексемы *ненависть*: это чувство сильнейшей неприязни, вражды к кому-чему-либо.

Для выделения особенностей состава лексемы *ненависть* необходимо представить семантическую структуру лексем, определяющих её значение и являющихся одновременно её синонимами:

- *вражда*: неприязнь, взаимная ненависть, недоброжелательные отношения;

- *неприязнь*: нерасположение, недоброжелательное, скрыто враждебное отношение к кому-чему-нибудь;

- *отвращение*: резкая неприязнь, соединённая с безразличностью (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова).

Таким образом, в состав лексемы *ненависть* входят следующие структурные единицы:

- 1) ненависть является крайне интенсивной эмоцией;
- 2) ненависть и вражда – близкородственные понятия;
- 3) ненависть предполагает желание зла по отношению к объекту;
- 4) ненависть может быть основана на безразличности.

В свою очередь Cambridge International Dictionary of English (1995) предлагает следующее определение *ненависти*: *hatred is an extremely strong feeling of dislike*. В словаре Wordsmyth Dictionary Thesaurus ненависть определяется как *a feeling of hate or intense dislike; animosity*. По данным словаря Webster's New World Thesaurus (1971), в состав лексемы *hatred* входят 2 семемы:

- 1) Strong aversion;
- 2) Personal enmity.

Crabb's English Synonyms (1982) предлагает следующее определение лексемы *hatred*: *hatred is not contented with merely wishing ill to others, but derives its whole happiness from their misery and destruction*.

Данные указанных словарей позволяют нам выявить семантическую структуру лексемы *hatred*, которая включает такие компоненты, как:

- 1) ненависть представляет собой крайне обострённую эмоцию;
- 2) ненависть обычно продолжительна;
- 3) ненависть предполагает желание зла объекту;
- 4) ненависть приводит к причинению вреда и разрушению;
- 5) ненависть предполагает злорадование;
- 6) ненависть может основываться на личной вражде.

Часть сем, выделенных нами при анализе русских и английских лексем, совпадает. К совпавшим семам относятся:

- интенсивность ненависти как эмоции;
- желание зла объекту ненависти;
- наличие вражды между индивидами.

Однако в семантической структуре русской лексемы не отражены такие семы, как:

продолжительность ненависти; причинение вреда и разрушение как результат ненависти; злорадование как составляющая ненависти. В свою очередь структура английской лексемы *hated* не содержит семы безразличности. Кроме того, судя по показаниям словарей русского языка, грань между понятиями ненависти и вражды гораздо тоньше, чем между их английскими эквивалентами *hatred* и *enmity*. Словарь Crabb's English Synonyms (1982) проводит достаточно чёткие смысловые различия между лексемами *hatred* и *enmity*: *hatred expresses more than enmity, as it is not contented with merely wishing ill to others...; enmity, on the contrary, is limited in its operations to particular circumstances: hatred, on the other hand, is frequently confined to the feeling of the individual; but enmity consists as much in the action as in the feeling... Enmity is more active in disturbing the peace of one's enemy, but oftener displays temper in trifling than in important matters*.

Толковые словари русского языка не проводят столь чётких разграничений между ненавистью и враждой, определяя последнюю как «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» (Словарь русского языка С. И. Ожегова). Однако в данном определении виден более активный характер вражды, направленный на действие и причинение вреда.

Собрав показания различного типа словарей русского языка, мы выделили четыре основных синонима лексемы *ненависть*: *вражда*, *неприязнь*, *злоба* (Л. А. Введенская, 1982) и *отвращение* (С. И. Ожегов, 1984).

Словари синонимов английского языка предлагают гораздо большее количество лексем, синонимичных лексеме *hatred*. Так, в качестве синонима английской лексемы *hatred* в словаре The Merriam-Webster Thesaurus (1989) употреблена лексема *abomination*. Слова, относящиеся к сфере *hatred*: *antipathy, dislike, animosity, enmity, hostility, rancor*.

The New American Roget's College Thesaurus (1978) предлагает несколько иной набор синонимов *hatred*:

- 1) *hate, abhorrence, loathing; disaffection, disfavor; alienation, estrangement, coolness; enmity, hostility, animosity, resentment; spite, despite, bad blood; malice; implacability; repugnance, dislike, odium, unpopularity; detestation, antipathy, revulsion;*

2) abomination, aversion, bete noire; enemy.

Словарь Webster's New Dictionary of Synonyms (1978) включает в синонимический ряд и такие единицы, как envy, jealousy.

Таким образом, исходя из данных словарей синонимов, мы выделили следующие семьи, входящие в семантическую структуру лексемы *hatred*:

1) *ненависть предполагает полное неприятие объекта субъектом*: antipathy, antagonism, dislike, disfavor, disaffection, unpopularity;

2) *ненависть рождает желание причинить объекту зло*: ill will, malice, malignity, malignancy, execration, spite, rancor, malevolence;

3) *ненависть сопряжена с враждой*: enmity, animosity, hostility, resentment;

4) *ненависть приводит к отчуждению в отношениях субъекта и объекта*: coolness, aversion, alienation, estrangement;

5) *ненависть предполагает нетерпимость субъекта по отношению к ненавидимому лицу*: loathing, bad blood, implacability, odium;

6) *ненависть может иметь интеллектуальную основу и сопровождаться отрицательным оценочным суждением*: abomination, detestation, despite, aversion;

7) *ненависть может иметь эмоциональную основу и представлять собой чувство отвращения или омерзения по отношению к кому-чему-либо*: abhorrence, repugnance, revulsion;

8) *ненависть влечёт за собой чувство зависти*: envy, jealousy.

Изучение способов сочетаемости русской лексемы *ненависть* и английской лексемы *hatred* позволило нам выделить некоторые дополнительные когнитивные признаки концепта в русском и английском языковом сознании.

Словарь сочетаемости слов русского языка под редакцией В. В. Морковкина (1983) предлагает следующие варианты сочетаемости лексемы *ненависть*:

1. Особая, сильная, жгучая, бешеная, страшная, дикая, лютая, непримиримая, смертельная, священная ... ненависть.

2. Ненависть отца, брата, жены, народа...

3. Ненависть к врагу, захватчикам, к оккупантам, к трусости, к подлости, к нему, к ней, к войне...

4. Чувство, проявление, сила ... ненависти.

5. Чувствовать к кому-чему-либо; питать к кому-чему-либо; испытывать к кому-чему-либо; пробуждать у кого-чего-либо или в ком-чём-либо; вызывать у кого-чего-либо или в ком-чём-либо; выражать, скрывать, прятать ... ненависть. Загораться, гореть ... ненавистью; ненавидеть кого-либо какой-либо (лютой) ненавистью.

6. С ненавистью смотреть, глядеть, сказать что-либо с ненавистью.

7. Ненависть проснулась в ком-чём-либо, растёт, охватила кого-чего-либо, овладела кем-чем-либо, кипит в ком-чём-либо, клокочет в ком-чём-либо, ослепила кого-либо...

Соответственно, мы можем выделить такие когнитивные признаки концепта *ненависть* в русском языковом сознании, как:

1) *ненависть обладает высокой эмоциональной интенсивностью*: сильная жгучая, бешеная, страшная, дикая, лютая, смертельная, сила ненависти, ненависть растёт в ком-чём-либо, ненависть кипит в ком-чём-либо, ненависть клокочет в ком-чём-либо;

2) *ненависть может выражаться открыто*: проявление ненависти, смотреть с ненавистью, глядеть с ненавистью, сказать с ненавистью, выражать ненависть;

3) *ненависть можно скрывать*: скрывать, прятать ненависть, питать к кому-чему-либо ненависть;

4) *чувство ненависти может полностью захватить человека*: ненависть охватила кем-чем-либо, овладела кем-чем-либо, гореть ненавистью;

5) *ненависть может быть вызвана*: пробуждать ненависть у кого-чего-либо или в ком-чём-либо, вызывать ненависть у кого-чего-либо или в ком-чём-либо;

6) *ненависть лишает человека возможности рационально смотреть на мир*: ненависть ослепила кого-либо;

7) *ненависть предполагает отсутствие компромисса*: непримиримая ненависть;

8) *чувство ненависти может быть правым*: священная ненависть, ненависть к врагу, к войне, к захватчикам, к оккупантам, к трусости, к подлости.

В словаре The BBI Combinatory Dictionary of English (1990) указаны следующие варианты сочетаемости лексемы *hatred*:

1) to arouse, stir up hatred;

2) to instill hatred;

3) to incur hatred;

- 4) to develop; express; feel; show hatred;
- 5) blind, deep-rooted, implacable, intense, profound, violent, virulent hatred;
- 6) hatred for, towards;
- 7) consumed with hatred, filled with hatred.

Англо-русский словарь сочетаемости под ред. С. К. Фоломкиной (2000) предлагает следующие сочетания данной лексемы:

- 1) cold, intense hatred;
- 2) hatred of, for smb;
- 3) to stir up, to feel hatred;
- 4) to be full of hatred for smb;
- 5) to be distorted by hatred;
- 6) his affection turned in(to) hatred – его привязанность обратилась в ненависть.

Таким образом, мы выделяем следующие когнитивные признаки концепта *ненависть* в английском языковом сознании:

- 1) интенсивность чувства ненависти в эмоциональном плане: violent, intense, deep-rooted, virulent hatred;
- 2) ненависть может быть вызвана какими-либо качествами или действиями объекта: to arouse, to stir up, to instill, to incur, to turn in(to);
- 3) ненависть может быть открытой: to express, to show hatred, to be distorted by hatred (about a face);

4) чувство ненависти может полностью захватить человека: to be consumed with hatred, profound hatred, to be filled with hatred;

5) ненависть обычно иррациональна: blind hatred;

6) ненависть предполагает бескомпромиссность по отношению к объекту: implacable hatred;

7) чувство ненависти можно поддерживать: to develop hatred.

Все когнитивные признаки, за исключением последнего, были выделены при анализе сочетаемости русской лексемы *ненависть*, тогда как сочетания, подобные английскому «to develop hatred», при анализе её комбинаторики не обнаружены. Однако при анализе лексемы *ненависть* в русском языке мы выделили два существенных когнитивных признака, которых нет в семантике английской лексемы *hatred*. К таковым относится признак оправданности и социального поощрения ненависти с точки зрения морали (священная ненависть, ненависть к врагу, к войне, к подлости и т. д.), а также возможность того, что субъект скроет чувство ненависти от объекта (скрывать, прятать ненависть).

Список литературы

- 1. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультуре. Волгоград : Перемена, 2001. 494 с.
- 2. Пименова М. В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ. Кемерово : КемГУ, 2007. 500 с.

**Перевод культурноспецифичных интертекстуальных включений:
телео-аксиологический подход (на материале романов Терри Пратчетта)**

Статья посвящена проблеме перевода культурноспецифичных интертекстуальных включений в романах Терри Пратчетта. В работе выделяются основные параметры интертекстуальных включений, которые необходимы на стадии анализа для составления интертекстуального портрета произведения, а на стадии синтеза – для поиска подходящего способа перевода. В ходе исследования было установлено, что при переводе культурноспецифичных интертекстуализмов необходимо сохранить телео-аксиологические параметры, чтобы добиться репрезентативности перевода.

Ключевые слова: интертекстуальность, телео-аксиологические параметры, репрезентативность.

M. V. Ignatovich
Moscow, Russia

Translation of the Culture Specific Intertextual Elements: Teleo-Axiological Approach (Terry Pratchett's Novels by the Example)

The article is devoted to the problem of the translation of the culture specific intertextual elements in Terry Pratchett's novels. The author of the article singles out the main parameters of the intertextual elements. These parameters are necessary at the stage of the analysis to make up an intertextual picture of a novel, and at the stage of the synthesis to find an appropriate way of the translation. It is important to preserve teleological and axiological parameters of the intertextual elements to make the translation representative.

Keywords: intertextuality, teleological and axiological parameters, representative translation.

Цикл романов о Плоском мире задумывался Терри Пратчеттом как пародия на жанр фэнтези. Пародия прослеживается во внешнем облике персонажей, их именах, действиях, в пейзажах. По мере развития сюжета о Плоском мире пародированию подвергаются не только произведения жанра фэнтези, но и реальный мир в целом: и его культурное достояние, и недостатки современного общества. Фантазийная вселенная Пратчетта, таким образом, перерастает в человеческую комедию. Писатель характеризует Плоский мир как мир сам по себе и как отражение других миров. За выдуманными персонажами и событиями представлены реальные люди, а также события, которые происходили на самом деле. Следовательно, чтобы правильно понять смысл романов о Плоском мире, необходимо учитывать их интертекстуальный характер¹. Любое художественное произведение, по мнению Ю. Лотмана, представляет собой многослойный и семиотически неоднородный текст, который способен вступать в сложные отношения с культур-

ным контекстом, а также с читательской аудиторией [3, с. 68]. Интертекстуальное произведение представляет собой новый этап в усложнении структуры текста, т. к., помимо основных характеристик, присущих художественному произведению, для него характерны многообразные связи с протословом (прототекстом), узнавание которого способствует правильной интерпретации произведения.

Романы Терри Пратчетта пользуются большой популярностью во всем мире. Его произведения привлекают внимание читателей своеобразием сюжета, неповторимым стилем и оригинальным использованием аллюзий и игрой слов. Чтение романов о Плоском мире требует от читателя учёта связей с протословом, а также достаточных фоновых знаний, чтобы адекватно интерпретировать имплицитную информацию.

Особое место в романах Терри Пратчетта занимают культурно-специфичные интертекстуальные включения, которые легко опознаются носителями англоязычной культуры, но представляют проблемы для неанглоязычного мира. Данные элементы могут усложнять работу переводчика. Их распознавание связано с объёмом национальных фоновых знаний исходной культу-

¹Интертекстуальность – маркированная определёнными сигналами «переключки» текстов, их диалог. (См. Н. А. Кузьмина. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2007. С. 20).

туры, которые включают в себя всю совокупность сведений культурного, исторического, географического и прагматического характера. Недостаток фоновых знаний может стать препятствием в адекватной передаче интертекстуализмов на другой язык.

В переводческой деятельности можно выделить два этапа:

1. Анализ.
2. Синтез.

В ходе *анализа* переводчик стремится как можно глубже понять оригинальный текст, осознать его эстетическую ценность и характер воздействия на читателя. Качественный перевод зависит от рационального и эмоционально-оценочного восприятия произведения [1, с. 15]. Для переводчика важно достичь такого уровня знаний и эстетической восприимчивости, который позволял бы воспринимать весь объём представленного в тексте смыслового и эмоционального содержания. В ходе перевода интертекстуального произведения переводчику необходимо глубоко осмыслить каждое интертекстуальное включение, поскольку их коммуникативная нагрузка является значимой и именно интертекстуализмы формируют смысл произведения. В процессе анализа переводчику необходимо учитывать параметры интертекстуальных включений, которые способствуют их верной интерпретации в оригинальном тексте. Наиболее важными оказываются следующие параметры:

1. Содержание. При анализе содержания учитывается как семантический уровень, на котором анализируются единицы языка в их прямом значении, так и метасемиотический уровень, на котором изучаются языковые элементы в художественном контексте.

Например:

A rock on the head may be quite sentimental <...>, but diamonds are a girl's best friend [7, p. 151].

Фраза «diamonds are a girl's best friend» является цитатой из кинофильма «Джентльмены предпочитают блондинок» (1953), в котором обворожительная Мерилин Монро исполняла песню с одноимённым названием. Т. Пратчетт ввёл данную цитату, чтобы показать сходство судеб двух героинь разных произведений. Данная цитата функционирует на семантическом уровне, на котором языковые единицы используются в прямом значении.

Понимание и интерпретация художественного произведения не всегда сводятся только лишь к анализу языковых единиц на семантическом уровне, т. к. далеко не все интертекстуальные включения функционируют в их прямом значении.

Чаще всего интертекстуальные элементы, функционирующие на метасемиотическом уровне, стилистически окрашены с целью придания тексту большей выразительности, а в некоторых случаях – создания игрового момента, например:

"Careful", said the Dean. "This is not dead which can eternal lie" [7, p. 305].

Фраза «This is not dead which can eternal lie» является цитатой из песни «The Thing that Should Not Be» американской метал-группы Металлика (Metallica), написанной по рассказу Г. Ф. Лавкрафта «Зов Ктулху».

В песне идёт речь о спящем древнем демоне, который смотрит со дна моря, о его пробуждении и воцарении хаоса.

Кроме того, данная фраза также является аллюзией на вымышленную книгу «Некрономикон», которая упоминается во многих произведениях Г. Ф. Лавкрафта. Книга «Некрономикон» содержала в себе имена древних демонов, их описание и способы их призывания.

В романе Т. Пратчетта «Движущиеся картинки» также идёт речь о древнем монстре, который пробудился после долгого сна и навел на город ужас. Только в отличие от демона Лавкрафта, описание которого внушает страх читателям, монстр Пратчетта – гигантская женщина, сошедшая с экрана кинотеатра. Таким образом, для того, чтобы правильно понять смысл, заложенный в данном интертекстуальном включении, недостаточно проанализировать его языковые единицы на семантическом уровне, необходимо провести его анализ на метасемиотическом уровне, который позволит адекватно интерпретировать интенцию автора.

2. Телеология, включающая в себя анализ интенции автора при введении интертекстуализмов в ткань произведения.

Рассмотрим следующий пример:

– How does the monster Tshup Aklathep, Infernal Star Toad with A Million Young, torture its victims to death?

– It <...> holds them down and shows them pictures of its children until their brains implode [7, p. 34].

Данная фраза является аллюзией на божество Шуб-Ниггурат (Shub-Niggurath), который также известен как «Чёрный козёл лесов с тысячью младых». Шуб-Ниггурат – персонаж мифического пантеона, выдуманного Г. Ф. Лавкрафтом. Данное божество представляет собой туманную массу со множеством длинных чёрных щупалец и козлиными ногами. За ним повсюду следует множество порождённых им безобразных существ, которых он из себя извергает, а потом снова пожирает.

Терри Пратчетт вводит персонаж Шуб-Аклатея с целью создания комического эффекта. Шуб-Аклатея – пародия на Шуб-Нигтурат Г. Ф. Лавкрафта. Несмотря на то, что произведения данного писателя относятся к жанру ужасов, основной целью которых было навеять страх на читателей, практически все монстры и демоны Г. Ф. Лавкрафта представляются нелепыми и уродливыми существами, которые вызывают скорее насмешку, чем страх и трепет.

3. Аксиология, включающая в себя анализ прагматики и ассоциативных связей интертекстуальных включений.

Рассмотрим следующий пример:

«*Nanny ... also kept a cat, a huge one-eyed tom called Greebo*» (выделено мной – М. И.) [9, p. 50].

Слово «greebo» было весьма распространённым в начале 70-х гг. XX в. и связывалось с байкерским движением «Ангелы Ада» («Hell's Angels»). Словом «greebo» называли человека небрежного вида с длинными волосами, одетого в кожу, который хотел бы примкнуть к Ангелам Ада, но из-за недостатка стиля не мог этого сделать. Нянюшка в романе «Вещие сестрички» впоследствии превращает своего кота в мужчину, чтобы он помог ей в одном деле. Внешнее описание перевоплощённого Грибо совпадает с образом американских представителей Greebo.

На этапе анализа рассмотренные выше параметры необходимы для составления интертекстуального портрета художественного произведения, чтобы правильно определить интенции автора, а также функции и ассоциативные связи интертекстуальных включений в произведении.

На этапе *синтеза*, когда смысл интертекстуального включения воспринят, происходит переход к процессу перевода, т. е. к воссозданию воспринятого высказывания на языке перевода. Восприняв семантическую и эмоционально-экспрессивную информацию, заключённую в подлежащем переводу интертекстуальном включении, переводчик воссоздаёт эту информацию на языке перевода. На данной стадии переводчик решает, с помощью каких переводческих приёмов он может передать интертекстуальное включение в тексте перевода, чтобы минимизировать смысловые потери [1, с. 16]. Репрезентируя оригинальное интертекстуальное включение, переводчик так же, как и на стадии анализа, должен учитывать параметры интертекстуального включения оригинального произведения. Однако на

стадии синтеза объём параметров увеличивается. Содержательные и телеологические параметры остаются неизменными, но аксиологические параметры на стадии синтеза включают в себя анализ не только прагматики и ассоциативных связей, но и культурного своеобразия и коммуникативной нагрузки интертекстуализмов. Поскольку большинство интертекстуальных включений в романах Терри Пратчетта являются конституционной единицей произведений, то их опущение или искажение при переводе может привести к появлению иного, чем в оригинале, смысла и коннотаций.

Следовательно, для качественной передачи культурно-специфичных интертекстуальных включений переводчику необходимо учитывать как функцию интертекстуализма, так и его коммуникативную нагрузку. В одних ситуациях переводчику необходимо эксплицировать интертекстуальное включение, в других – можно обойтись без него, если коммуникативная нагрузка интертекстуального включения является малозначимой. Кроме того, при порождении текста переводчику необходимо передать особенности оригинала и в то же время учесть, что перевод должен быть адекватным новой коммуникативной ситуации, которая возникает в принимающей культуре. Сохранение содержания на семантическом уровне и тем более формы культурно-специфичных интертекстуальных включений не всегда возможно: переводчику приходится переводить не только с языка на язык, но и из культуры в культуру. Даже если какое-то высказывание хорошо известно и популярно в одной национальной традиции, это вовсе не означает, что в переводе на другой язык оно будет иметь тот же смысл для носителей иной культуры.

Рассмотрим следующий пример:

– “Without A Shirt”, said Glod.

– “What?”, said Imp.

– “It’s just a bit of musical nonsense”, said Glod “Like Shave and a haircut, two pence” (выделено мной – М. И.) [8, p. 47].

– Без Майки, – сказал Глод.

– Что? – спросил Имп.

– Просто маленькая музыкальная бессмыслица, – сказал Глод. – Как «Стрижка и бритьё, два пенса» (выделено мной – М. И.) [4, с. 20].

«Shave and a Haircut, two bits» – классическая рок-н-рольная рифма.

Данный пример является аллюзией на фильм «Кто подставил кролика Роджера». Любой мультяшка в фильме не мог сопротивляться, услышав данную фразу. При произнесении половины фразы – Shave

and a Haircut – мультяшка, находившийся поблизости, откликнулся, завершая фразу – Two bits. Именно таким образом судья выманивал кролика Роджера из убежища, чтобы казнить его.

В рассмотренном выше примере представлена похожая ситуация. Музыка, которую исполняли музыканты рок-группы, не мог сопротивляться ни один из обитателей Плоского мира.

Дословно-семантическое воспроизведение фразы привело к нейтрализации комического эффекта, а также искажениям на метасемиотическом уровне, что не отвечает основным критериям репрезентативности [6, с. 134]. На наш взгляд, также при переводе фрагмента песни необходимо принять во внимание и тот факт, что, несмотря на популярность фильма «Кто подставил кролика Роджера» в России, из-за недостатка фоновых знаний немногие читатели перевода смогли бы распознать цитату «Shave and a haircut. Two bits».

При переводе интертекстуального произведения переводчику также необходимо принимать во внимание, что культурно-специфичный контекст оригинала не должен превращаться в культурно-специфичный контекст перевода. Он должен сохранять свою принадлежность культуре языка, на котором был создан текст, но при этом стать понятным читателю культуры перевода.

Рассмотрим следующий пример:

Blert Wheedown (выделено мной – М. И.) *made guitars. It took him and Gibbsson, the apprentice, about five days to make a decent instrument, if the wood was available and properly seasoned* [8, p. 188].

Блерт Фендер (выделено мной – М. И.) *был гитарных дел мастер. На изготовление ему и его помощнику Гиббсону требовалось порядком пяти дней, если, конечно, они работали с хорошей, выдержанной древесиной* [5, с. 236].

Данный пример представляет собой аллюзию на знаменитого британского музыканта Берта Уидауна. Берт Уидаун известен в Великобритании благодаря тому, что именно он первым раскрыл секреты игры на гитаре в своём самоучителе «Play in a Day».

Переводчик намеренно меняет фамилию в переводе, т. к. для читателей русского текста имя Берт Уидаун не значило бы ничего, поскольку о самоучителе Берта Уидауна и о нём самом мало кто знает в русскоязычной культуре. С другой стороны, Лео Фендер – создатель современной электрогитары – известная личность во всём мире, почитаемая многими музыкантами. Таким образом, с целью достижения равенства коммуникативного эффекта и компенсации недостатка фоновых знаний о личности Берта Уидауна у русскоязычных читателей переводчик применил культурную адаптацию имени персонажа.

Итак, учёт телео-аксиологических параметров является актуальным при переводе интертекстуальных включений, обладающих культурной спецификой, т. к. сохранение данных параметров в переводе является залогом качественного перевода. Для интерпретации интертекстуализма переводчик должен тщательно его проанализировать. В ходе анализа переводчику необходимо не только найти прототекст интертекстуализма, но и определить цель его введения в произведение, интенции автора, коммуникативную нагрузку и ассоциативные связи, возникающие при чтении интертекстуального произведения на языке оригинала. Подобный анализ способствует полному пониманию того, как интертекстуальные включения функционируют в оригинальном произведении, чтобы затем найти им соответствия в переводящем языке, сведя потери и искажения смысла произведений к минимуму.

Список литературы

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М. : Ком Книга, 2007. 272 с.
3. Лотман Ю. М. Чему учатся люди : статьи и заметки. М. : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. 416 с.
4. Праччетт Т. Музыка души. М. : Эксмо, 2002. 480 с.
5. Праччетт Т. Роковая музыка. М. : Эксмо, 2006. 480 с.
6. Тюленев С. В. Теория перевода. М. : Гардарики, 2004. 336 с.
7. Pratchett T. Moving Pictures. Corgi Books, 2005. 400 p.
8. Pratchett T. Soul Music. Corgi Books, 1997. 377 p.
9. Pratchett T. Wyrd Sisters. Corgi Books, 2001. 265 p.

УДК 811. 161. 1 (075,8)
ББК 81.2 (рус)7

Г. Б. Попова
г. Берлин, Германия

«Образ читателя» как конструктивный элемент языковой композиции современной русской прозы: к вопросу о субъективации авторского повествования

В статье отражены размышления об «образе читателя» как конструктивном элементе языковой композиции современного прозаического текста в рамках субъективированного повествования. «Образ читателя» не простой субъект текста. Он не материализован в конкретный авторский «лик», однако имеет возможность проявить себя через языковое выражение образов персонажей, рассказчика и автора, через их точку зрения.

Ключевые слова: «образ читателя», автор, персонаж, рассказчик, субъективация, приёмы субъективации.

Г. В. Попова
Berlin, Germany

«Image of the Reader» as a Constructive Element of a Language Composition of Modern Russian Prose (Referring to the Subjectivation of Author's Narration)

The article reflects the image of the reader as a constructive element of a language composition of the modern prose in the frameworks of the subjectivation of the narrations. «The image of the reader» is not a simple subject of the text. It is not materialized in any definite image of the author; however, it is able to express itself through the language connotation of the images of the characters, the narrator and the author, through their personal point of vision.

Keywords: «the image of the reader», author, character, narrator, subjectivation, principles of subjectivation.

Языковая композиция – это своего рода динамическая система, в которой взаимодействуют компоненты художественного текста, оформленные языковым материалом. Компоненты, в свою очередь, выстроены конструктивными элементами. Так, субъективацию повествования следует признать компонентом языковой композиции [6], но приёмы субъективации – это не что иное, как её конструктивные элементы.

Обращение к «образу читателя» в рамках субъективированного авторского повествования значимо в том плане, что само явление субъективации в произведении является возможностью автора как творца художественной реальности управлять взаимоотношениями с читателем при помощи приёмов субъективации: словесными (прямая, несобственно прямая и внутренняя речь) и композиционными (представления, изобразительные и монтажные). Перемещение точки зрения из авторской сферы в сферу рассказчика, персонажа/ персона-

жей позволяет читателю глубже окунуться в художественную реальность. Читатель замыкает литературную цепочку – он потребитель, но в данном случае мы говорим о реальном читателе, который находится в динамических отношениях с автором, текстом его творения и соответственно с героями произведения, а последние, в свою очередь, – с автором. Это субъекты, участвующие в одной из самых сложных видов коммуникации – художественно-литературной [11, с. 5]. Вероятно, следует объединить понятия «читатель» и «образ читателя», т. к., говоря «читатель», обращаясь к нему, автор хочет видеть того читателя, которого он себе представил, но не может непосредственно ввести его в текст как один из своих «ликов».

На «образ читателя», порождённого автором (как и другие образы: рассказчик/ рассказчики, персонаж/ персонажи) художественного текста (и не только художественного), или в некоторых номинациях

«абстрактный читатель», «фиктивный читатель» (В. Шмид), обращали внимание в своих работах В. В. Виноградов, Н. В. Черемисина, Е. И. Бударagina, В. Лукин, Н. Голев, У. Эко, В. Шмид и др. И связано это, возможно, с опубликованием статьи Ролана Барта (1968 г.) под символическим названием «Смерть автора». Дистанция между автором и читателем сократилась, что стало способствовать полноценному донесению авторского замысла до читателя. В. В. Виноградов писал: «...Художественное произведение задано читателю не как система положительного содержания, а скорее как известная схема и загадка, которую читатель должен ещё дополнить и разгадать в конкретно-смысловом плане» [4, с. 9]. Читатель накладывает основные цветовые мазки на рисуемую автором картину мира, которому он (автор) очерчивает границы.

Возможно, «образ читателя» по отношению к языковой композиции выступает не как внутренний конструктивный элемент (в отличие от персонажа/персонажей, рассказчика и образа автора, приёмов словесной и композиционной субъективации), а как внешний элемент конструкции (художественного текста и его языковой композиции), но непосредственно участвующий в повествовательном движении только в момент обращения к нему. Как «образ автора» не простой субъект речи (В. В. Виноградов), так «образ читателя» или, по словам Е. И. Бударagina, «образ адресата» – это не просто субъект восприятия произведения, но одна из форм воплощения авторского замысла [1, с. 35]. Но так как мы не можем разделить форму и содержание, чтобы не нарушать целостности текста, то следует, вероятно, считать читателя (или точнее «образ читателя») значимым элементом языковой композиции литературного произведения (текста). В. А. Лукин приводит слова известного польского философа и литературоведа Романа Ингардена о литературном произведении: «взятое само по себе, представляет собой лишь как бы *костяк* (выделено автором), который в ряде отношений *дополняется* или *восполняется* читателем, а в некоторых случаях *подвергается изменениям* или *искажениям*. И только в этом новом, более полном и конкретном ... облике произведение *вместе с внесёнными в него дополнениями* становится непосредственным объектом

эстетического восприятия и наслаждения. Но и *костяк*, о котором идёт речь, *наглядно* выступает во время чтения только в тех своих качествах, которые вообще доступны зрительному восприятию. Он как бы просвечивает сквозь «тело», в которое облекает его читатель, как результат его воспринимательской и конструирующей деятельности» [9, с. 249].

Иногда читатель может присутствовать в произведении напрямую, если автор конкретизировал его в тексте, когда размышляет о своём читателе, ведёт беседу и т. д., что можно было наблюдать в произведениях А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. В. Гоголя и др. Так, Е. Ю. Геймбух утверждает, что параллельное изучение «образа автора» и «образа читателя» представляется плодотворным. Учёный рассматривает «образ читателя» в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» и выделяет важные для понимания образа читателя вопросы: типология авторских и читательских ликов и характер их языкового воплощения [5, с. 47].

По поводу автора и читателя пишет и Ф. Шмид: «Несмотря на то что автор и читатель в их конкретном модусе в состав литературного произведения не входят, они в нём каким-то образом представлены. При помощи симптомов, индициальных знаков (от слова "индекс", знаки такого типа также называются "индексными")» [12, с. 47].

Е. Вежлян [2] предлагает считать читателя частью текста, который не желает быть придуманным и потому говорит о «следах» – приметах отсутствующего, вернее, исчезнувшего автора (а он их считывает – идёт по ним). Её умозаключение связано с рассуждением над произведением А. Иличевского «Мистер Нефть, друг»: «... *Море, оно похоже на роман – и то, и другое живёт само по себе, поскольку и роман, и море – стихия, но живут они только тогда, когда я в них – вглядываюсь или купаюсь. Роман и море не имеют автора, потому что если бы он был, мне не было бы так интересно – читать и плавать, ведь, когда читаешь и плаваешь, ты становишься частью, обитателем того, в чём плаваешь и что читаешь, – а быть придуманным автором чтения или моря – участь, я считаю, достаточно отвратительная, чтобы даже и мысли об авторстве не возникало. Потому-то и было заманчиво – прочувствовать, как это происходит – исчезновение пишущего. Вот он,*

я выдумывал, идёт куда-то по пляжу чистого листа, а тот, кто читает, видит только следы – приметы отсутствия, которое ведёт за автором в самое интересное и дремучее из мест – в иное» [16, с. 88]. Или ещё из этого же произведения: «Письмо же равноценно чтению. Однако оно менее свободно, и гады про то знают: это всё равно как гулять на привязи. По крайней мере, письмо ему, чтению, подражает. Неравноценно оно потому, что оставляет следы, по которым есть шанс пишущего отследить, удерживать в прицеле: читающий – охотник, пишущий – беляк, мечущийся по близне забвения бумажного поля» [там же, с. 5].

В. В. Виноградов обращается к «образу читателя» в связи с размышлениями о форме сказа, где переплетаются «вне-литературные» и литературные плоскости <...>, изменение в столкновении и взаимодействии этих плоскостей является игрою с «образом читателя» [3, с. 181].

Точка зрения читателя и точка зрения автора на повествование в произведении, по мнению Б. Успенского, может совпадать, а может и не совпадать, причём это несовпадение сознательно предусмотрено автором [11, с. 207]. Читателя всё же ведёт автор, и он требует послушания в следовании его творческим путям. Понимание художественного текста читателем – процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления, и в психолингвистике это называется «образ содержания текста». По мнению А. А. Леонова, он динамичен, полифоничен, имеет множество степеней свободы, многоаспектен, т. к. мир может быть увиден и осмыслен по-разному в зависимости от того, что ему нужно увидеть, с какой целью и с какой установкой он всматривается в текст. Но если мы воспринимаем текст по-разному, то это не значит, что мы строим различные миры. Скорее всего, мы по-разному строим один и тот же мир. И задача автора – всё-таки направить читателя к нужному пониманию смысла текста, концепту, т. к. должен быть предел числа степеней свободы» [8, с. 127–144]. Автор должен подвести читателя к пониманию своего замысла, возможно и через «доминанты мировидения автора», которые являются «проводниками» в тексте.

Н. Голев называет адресата (читателя) – «активным субъектом речемыслительной деятельности. И его деятельность – не

механическое обратное действие декодирования замысла автора, а креативный и потому относительно самостоятельный и независимый процесс по созданию собственного текста» [7, с. 149].

В размышлениях У. Эко о роли читателя в произведении мы находим схожие мысли с уже изложенными выше, но только известный романист рассматривает «образ читателя» с точки зрения семиотики текста: «Создавая текст, его автор применяет ряд кодов, которые приписывают используемым им выражениям определённое содержание. При этом автор должен исходить из того, что комплекс применяемых им кодов – такой же, как и у его возможного читателя. Иначе говоря, автор должен иметь в виду некую модель возможного читателя, который как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал. <...> Поэтому автор выбирает определённый языковой код, определённый литературный стиль и определённые указатели специализации» [14, с. 17]. Однако далее он замечает, что «текст часто интерпретируется с использованием кодов, отличных от тех, которые имел в виду автор, и выделяет **закрытые** (выделено нами. – Г. П.) тексты, столь чрезмерно «открытые» для любой возможной «интерпретации», и **открытые**, когда «читатель не может использовать текст так, как ему хочется, но лишь так, как сам текст хочет быть использованным» [там же, с. 19–21]. Автора У. Эко называет «текстовой стратегией», активизирующей «модель читателя» [там же, с. 24].

В современной прозе, которая хранит традиции классики, мы наблюдаем различные способы включения размышлений и бесед (иногда в форме авторских сносок) с абстрактным читателем. Порой автор позволяет себе предположить, что было бы с героем произведения, если бы случилось или не случилось чего-то, тем самым давая возможность читателю право выбора. К примеру, у А. Слаповского в романе «Оно» или Е. Зейферт «Кисёньш» и др. Следует заметить, что и размышления и беседы с предполагаемым читателем может вести и повествователь, которому автор «доверил слово» в произведении, и персонаж со своей стилизованной речью. Например, в рассказе И. Васильковой «Стрелка» име-

ются местоимения второго лица и, на наш взгляд, идёт обращение к предполагаемому собеседнику, конкретному адресату или, в нашем случае, читателю как участнику предполагаемой беседы, «образу читателя»: «И о чём только думают взрослые, говоря детям такие вещи? С детьми вообще про смерть надо осторожно».

Ты и не знаешь, как я с ней познакомилась. Первый раз – наверное, в сказках».

Ещё там же:

«Или вот о чём я тебе расскажу, о выцветшей фотографии – из тех, что не в парадном плюшевом альбоме для гостей, а в картонной зелёной папке с завязками».

Или далее:

«Думаешь, я не знаю, что ты мне ответишь? «Такого не бывает – про что ты сейчас подумала. Глупости. Случайное совпадение. Вечно у тебя всякая дурь в голове!» А вдруг? Молчишь».

И, наконец:

«Поговорите со мной о Ней. Просто поговорите. Со взрослым можно и без осторожности» [15, с. 120].

Выделяют сигналы адресованности: обращение, вводные компоненты и др. Например, в рассказе Ю. Тамкович-Лалуа «Мир через дырку в ломтике сыра», в котором рассказчик-персонаж вспоминает детство и пытается, как мы считаем, подтолкнуть к этому же своих собеседников, т. е. предполагаемого читателя-собеседника («образ читателя»):

«...Знаете, было такое песочное пирожное-кольцо за 22 копейки? Ну, большое, жёлтое, сладкое, в сантиметр толщиной, зубчики-лепестки, как у шестерёнки, обсыпано крупной коричневой крошкой, с дыркой посередине – надавай на палец и обкусывай».

От него ещё оставался слабый жирный след на тонкой оберточной бумажке».

А разноцветные леденцы “Монпансье” в круглой жестяной коробке с синими завитками-узорами – помните? Запах эссенции, маленькие слипшиеся двойные, тройные шарики, как молекулы из кабинета химии? Коробки ещё всегда так туго открывались: надо было подцеплять ногтем крышку, рискуя всё рассыпать или ободрать палец. Когда же леденцы совсем не отковыривались, приходилось совать в рот целый пупырчатый ком, и потом щипало язык...

А вот ещё был детский парфюмерный набор “Чиполлино” – оранжевая картонная упаковка, в углублениях которой тюбик крема,

сладкая зубная паста и настоящий стеклянный одеколон! Строгий такой прямоугольный флакон с этикеткой и ребристой оранжевой крышкой...

И шоколадный набор “Курочка Ряба”... Интересно, вы знаете? Мне его раза два присылали бандеролью из другого города. В гнездышке из белой бумажной стружки кружочком лежали тёмно-коричневые яички с белым кремом внутри, а посередине блестело в фольге самое лучшее – не простое, а золотое!.. [17, с. 23].

В небольшом композиционном отрезке можно увидеть множество «сигналов» – вводных слов, выражающих разные виды контакта говорящего и адресата, а в нашем случае – рассказчика и предполагаемого адресата (читателя): *знаете, А ... помните?* В качестве «толчка» к совместному воспоминанию рассказчик, близкий к автору, использует конструкции: *А, Ну*. Но не только вводные слова имеют в данном случае значение адресованности, но и все предложения построены с выраженной интонацией перечисления признаков с повышением тона в конце предложения. Заметим, что если образы автора, персонажа/жей, рассказчика обнаруживаются в тексте через определённые приёмы языкового выражения (в частности, словесные и композиционные), то образ читателя не обладает такой способностью. Он не «материализуется» в конкретный субъект, он присутствует формально в языковых выражениях указанных образов, тем самым имеет возможность участвовать в развитии повествования, быть участником размышлений. Мы не можем исключить его как конструктивный элемент из языковой композиции.

«Образ читателя» важен для языковой композиции художественного текста так же, как и композиция и её отдельные элементы важны для читателя (адресата). Композиция «служит способом «порционирования» смысла; с помощью композиции, с помощью композиционных единиц автор указывает читателю на объединение или, наоборот, расчленение элементов текста (а значит, и его содержания)» [10, с. 19]. В самом начале мы указывали на внешние (к чему мы отнесли «образ читателя») и внутренние конструктивные элементы языковой композиции. Можно соответственно провести параллель с формой и содержанием. Формальная сторона «образа читателя» – это способы его про-

явления: грамматическая форма второго лица, обращение, вводные слова и др., а содержательная – это языковой материал, организованный автором и вложенный в

субъект («лик») с его точкой видения, который, в свою очередь, и выводит на поверхность «образ читателя».

Список литературы

1. Бударagina Е. И. Средство создания образа адресата в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 174 с.
2. Василькова И. Стрелка // Знамя, 2008. № 4.
3. Вежлян Е. Модернистское исчезновение автора: след и сад // Новый мир. 2006. № 2. С. 10-14.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М. : Высшая школа, 2005. 240 с.
5. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 1963. 158 с.
6. Геймбух Е. Ю. Образ читателя в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» // Русский язык в школе. 2007. № 2. С. 44-47.
7. Глухоедова Н. Н. Языковая композиция художественного текста: структурные компоненты (на материале прозы Руслана Киреева «Апология») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2009. 25 с.
8. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филол. журн. 2008. № 1. С. 144-153.
9. Иличевский А. Мистер Нефть, друг : роман. М. : Время, 2008. 224 с.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М. : Смысл; СПб. : Лань, 2003. 287 с.
11. Лукин В. А. Художественный текст : основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ось – 89, 2005. 560 с.
12. Степанов С. П. Организация повествования в художественном тексте (языковой аспект). СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов, 2002. 145 с.
13. Тамкович-Лалуа Ю. Разговоры еле слышны. Рассказы // День и ночь. 2008. № 2.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб. : Азбука, 2000. 352 с.
15. Хисамова Г. Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. 45 с.
16. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
17. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста; перев. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб. : Симпозиум, 2005. 502 с.

УДК 82.081 (8=6)
ББК 83.3 И

Е. А. Принеслик
г. Чита, Россия

**Элементы магического реализма в творчестве Аны Кастильо
(на материале романов «Сапогония» и «Так далеко от Бога»)**

Данная статья посвящена творчеству известной мексикано-американской (чикано/а)¹ писательницы Аны Кастильо. Автор предпринимает попытку анализа приёмов магического реализма в художественных текстах А. Кастильо, свидетельствующих о стремлении писательницы отразить опыт личности, чьё мировоззрение отмечено влиянием различных культурных традиций.

Ключевые слова: магический реализм, мексикано-американская литература, художественный приём, культура чикано/а, пространство, время.

Е. А. Prineslik
Chita, Russia

**The Elements of the Magical Realism in Ana Castillo's writing
(on the Novels «Sapogonia» and «So Far From God» Material)**

The article is devoted to the well-known Chicana writer Ana Castillo fiction. The author analyses the specificities of magical realism in Ana Castillo's works. The use of the magical realism elements in the writer's novels reflects the peculiarities of her creative thinking.

Keywords: magical realism, Mexican-American literature, specificity, Chicano culture, time, space.

В теоретических исследованиях современных литературоведов вопрос о *магическом реализме* продолжает оставаться открытым. Предметом дискуссий выступает как определение этого понятия, так и допустимость его экстраполяции на произведения авторов, не являющихся латиноамериканцами. Например, А. Ф. Кофман утверждает, что «понятие магический реализм обретает целесообразность только в том случае, если применяется по отношению к конкретному кругу произведений латиноамериканской литературы XX в., которые имеют ряд специфических черт, принципиально отличающих их от европейского мифологизма и фантастики» [1].

Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что в конце XX – начале XXI вв. понятие «магический реализм» вышло за пределы Латинской Америки и прочно закрепилось в современном литературоведении.

Термин обязан своим появлением немецкому искусствоведу Францу Ро, впервые употребившему его в 1925 г. в работе «*Постэкспрессионизм (магический реализм)*»: проблема новой европейской живописи» применительно к работам художников-авангардистов. Однако в общественном сознании магический реализм наиболее

прочно ассоциируется с периодом «латиноамериканского бума» в литературе, пришедшегося на 1960–1970-е гг. XX в. и связанного с именами А. Карпентьера, М.-А. Астуриаса, Г. Гарсия Маркеса, Л. Борхеса, Х. Кортасара, К. Фуэнтеса. С. П. Мамонтов рассматривает магический реализм как «самобытное течение», которое «с точки зрения содержания и художественной формы» представляет собой «определённый способ видения мира, опирающийся на народно-мифологические представления <...>, некий органический сплав действительного и вымышленного, повседневного и сказочного, прозаического и чудесного, книжного и фольклорного» [6, с. 28]. С. Мамонтов справедливо отмечает, что произведения наиболее ярких представителей магического реализма М.-А. Астуриаса и А. Карпентьера связаны с индейской мифологией и фольклором Латинской Америки, проникнуты идеями народности, общности и историзма.

По мнению Ю. Б. Борева, магический реализм – это «переплетение действительности и легенды» [2, с. 419]. Суть поэтики магического реализма, в его изложении, заключается в «соединении воедино естественного, обыденного и чудесного, нео-

¹ «Чикано/а» (чикано – м. р.; чикана – ж. р.) – лицо из Мексики или мексиканского происхождения, проживающее в США. В статье термин используется как синоним понятию «мексикано-американец».

бычного», когда «фантастические эпизоды развиваются по законам житейской логики как обыденная реальность» [2, с. 419]. Среди основных принципов метода Ю. Борев называет «бесстрашие, спокойствие, невозмутимость в интонации повествователя» [2, с. 422].

Зарубежные критики (Л. Паркинсон Замора, В. Фэрис, А. Чанади, Ф. Л. Альдама, М. Э. Бауэрс) сходятся во мнении, что понятие «магический реализм» может быть применимо к произведениям значительной по численности группы современных писателей, чьё творчество маркируется как «этническое», «кросс-культурное», «постколониальное», «постмодернистское». Одним из таких авторов является Ана Кастильо (род. 1953 г.), признанная мексикано-американская писательница, имя которой сегодня упоминается в энциклопедических и критических изданиях по современной литературе США наряду с именами Т. Моррисон, Э. Уокер, М. Хонг Кингстон, Э. Тан, Л. Эрдрих. В монографии «Магический реализм» (*Magic(al) Realism*) (2004) М. Э. Бауэрс подчёркивает: «Магический реализм используется этими писательницами (Т. Моррисон, М. Хонг Кингстон, Л. М. Силко, А. Кастильо – прим. Е. П.) для отражения сложных и иногда парадоксальных многочисленных культурных влияний, которые они ощущают на себе, будучи кросс-культурными американками» [10, с. 58]. В своём творчестве Ана Кастильо стремится отразить опыт личности, чьё мировоззрение отмечено влиянием различных культурных традиций.

В современных исследованиях принято выделять несколько характерных особенностей метода магического реализма: «специфическое использование категории времени – с целью раскрытия его субъективности и относительности; отказ от детерминировано-психологического принципа изображения человеческого общества, стремление изобразить функционирование этого сообщества на уровне мифического сознания; показ сосуществования и взаимопроникновения двух реальностей; магическое пространство произведения, хотя и может быть вполне конкретно очерчено, не совпадает полностью с каким-либо реальным географическим и историческим пространством; <...> жизнеподобие, обязательное наличие конкретных и узнаваемых черт исторической реальности» [5, с. 491].

В критических исследованиях, посвящённых творчеству Аны Кастильо, с методом магического реализма, как правило, связывают третий роман «Так далеко от Бога» (*So Far from God*) (1993). Его замысел, по признанию писательницы, возник после прочтения книги о христианских святых и великомучениках. В основу сюжета романа было положено предание о великомученице Софии и её дочерях – Вере, Надежде, Любви, которые за отказ отречься от христианства были преданы жестокой казни. В свою очередь, А. Кастильо, повествуя о судьбах мексикано-американки Софии (*Sofi*) «Мудрости» и её детей Фе (*Fe*) «Веры», Эсперансы (*Esperanza*) «Надежды», Каридад (*Caridad*) «Любови» и Ла Локи (*La Loca*) «Блаженной», пытается сфокусировать внимание читателя на том, какие опасности подстерегают женщину-чикану в американском обществе и внутри патриархальной общины чиканос.

Все дочери Софии представляют собой «гиперболизированные персонажи», характеризующиеся «чрезмерностью основного качества», связанного со значением имени [6, с. 223]: Эсперанса – воплощение надежды на то, что ум, образование и трудолюбие помогут ей сделать успешную карьеру журналиста-международника; Каридад – красоты и любвеобильности; Фе – безоглядной веры в достижимость американской мечты; Ла Лока – экстраординарных способностей. Однако, жизнь сестёр складывается противоположно воплощённому в имени идеалу: Эсперанса гибнет во время войны на Ближнем Востоке, куда отправляется в качестве репортёра; Каридад становится жертвой сексуального насилия; Фе умирает от заражения токсинами на предприятии, а Ла Лока, избегающая контактов с людьми, – от СПИДа. Показательно и то, что, если Каридад и Ла Лока чудесным образом исцеляются и воскресают, а Эсперанса возвращается домой в виде фантома, Фе уходит из жизни безвозвратно. Презрение к обычаям родной культуры, отрыв от корней, стремление к полной ассимиляции являются причиной не только физической, но и духовной гибели девушки.

Необходимо отметить, что органичное соединение реального и фантастического в этом романе подчёркивает существенное различие мировоззрений представителей белой доминирующей и мексикано-американской культуры. То, что необъяснимо логически для представителя

западной культуры, находится в соответствии с мировосприятием героя, носителя «мифически-магического сознания» [5, с. 491], отмеченного характерным для культуры чиканос религиозным синкретизмом: влиянием древних индейских верований, многочисленных преданий и суеверий и католицизма.

Произведениям магического реализма присуще также особое отношение к пространству и времени. Так, в романе «Сто лет одиночества» говорится о комнате, в которой всегда март и всегда понедельник, о приключившейся в городе эпидемии бессонницы, о дожде, который шёл четыре года, одиннадцать месяцев и два дня. В романе «Так далеко от Бога» Фе, накануне свадьбы узнавшая об отказе жениха от данного обещания, начинает горько рыдать, и её истерика длится несколько месяцев подряд, а утомлённая сеансом предсказаний Каридад спит четыре дня и четыре ночи.

Упоминание о событиях будущего, как об известном свершившемся факте, также идёт вразрез с традиционным линейным ходом биографического времени в произведении. Классический пример – начало знаменитого романа Г. Гарсия Маркеса: «Пройдёт много лет, и полковник Аурелиано Буэндиа, стоя у стены в ожидании расстрела, вспомнит тот далёкий вечер, когда отец взял его с собой посмотреть на лёд» [4, с. 185]. В романе «Так далеко от Бога» мы также находим своего рода «воспоминания о будущем»: «Со временем выяснится, что не было в этой семье женщины, которая бы не обладала каким-то необычным качеством...» [12, с. 58]. «...Через несколько месяцев она с удовлетворением отметит, что её догадка насчёт Фе была правильной...» [12, с. 136]. «Потом этот месяц навсегда запомнится всем, кто знал Фе, как время, когда она умерла сразу же после первой годовщины своей свадьбы [12, с. 171]».

В организации художественного пространства романов А. Кастильо отмечается серьёзное тяготение автора к вымышленной топографии. Как отмечает И. Роднянская, это акцентирует «символический план реалистической пространственно-временной панорамы». Примеры тому, созданный воображением У. Фолкнера округ Йокнапатофа на юге США и «обобщённая “латиноамериканская” страна Макондо» Г. Гарсии Маркеса [5, с. 1177].

У А. Кастильо часть событий романа «Сапогония» (*Sapogonia*) (1990), предваряемого замечанием писательницы о том, что «это история

вымышленных людей в реальном мире, или, если Вам так угодно, реальных людей в вымышленном мире» [11], происходит в стране, не существующей в действительности. А. Кастильо поясняет, что Сапогония – «особое место в Америках (*in Americas* – Е. П.), где живут все метисы вне зависимости от национальности, расы, гражданства – или, возможно, благодаря всем этим обстоятельствам» [11, с. 1]. Автор не указывает точные географические границы данного государства. Вместе с тем, в несуществующей реальности – условной территории, именуемой Сапогония, – угадывается собирательный образ всех стран Латинской Америки. История Сапогонии отмечена периодами испанской конкисты и колонизации коренного индейского населения, затяжными гражданскими войнами и сменяющимися друг друга диктаторскими режимами, нередко тайно финансируемыми североамериканским капиталом. Эта вымышленная страна выступает метафорой культурного и географического Пограничья, средоточием культуры метисного типа, которой принадлежат современные мексикано-американцы.

Местом действия романа «Так далеко от Бога» вновь становится вымышленное пространство – расположенный южнее столицы Нью-Мексико Альбукерке городок Тоум. Говоря о нём, Ана Кастильо устами рассказчика всякий раз осторожно поясняет, что «Тоум не обладает правом юридического лица», что «на самом деле он не является поселением» [12]. Подобные оговорки не случайны. Территориально расположение Тоума совпадает с Ацтланом, местом, откуда согласно легенде предки ацтеков мигрировали на юг, где основали столицу древней Мексики Теночтитлан. В годы борьбы мексикано-американцев за свои гражданские права Ацтлан становится символом индейского прошлого чиканос, подчёркивая их более длительную, нежели у англосаксов, историю на американском континенте и право считать эти земли своей прародиной. В свою очередь, в сознании доминирующего англо-американского общества территории Юго-Запада США прочно связаны с фронтиром, который в 1893 г. с легкой руки Ф. Дж. Тернера был возведён в ранг национального символа, подтверждающего «своеобразие общественного развития США» и определяющего «уникальность американского характера» [7, с. 220].

Однако А. Кастильо, рассказывая о судьбе Софии и её дочерей, предлагает читателю иное, феминистское видение

данного пространства, заостряя внимание на широком спектре проблем, волнующих мексикано-американских женщин: опасность ассимиляции и утраты связи с культурными ценностями предков, расовая и гендерная дискриминация, физическое насилие, работа, связанная с угрозой для здоровья. Таким образом, художественное полотно романа приобретает яркие штрихи политического комментария.

Как справедливо отмечает Т. В. Воронченко, «мифологическое восприятие является для писателей-чиканос важной, но не единственной формообразующей силой – оно взаимодействует с современным социально-критическим сознанием, и характер этого взаимодействия усложняется в процессе творческой эволюции того или иного автора. В результате в литературе 70-х гг. и следующего «постренессансного» периода 80-х гг. преобладают произведения, в которых традиционный реализм сочетается с фантастическими элементами, поэтому значительно усложняется структура повествования (наглядный пример тому – творчество Рудольфо Анайи)» [3, с. 120]. Продолжая мысль Т. В. Воронченко, можно сказать, что и Ана Кастильо является приверженцем этой традиции.

В финальной части «Так далеко от Бога», изображая Крестный ход в Тоуме, писательница совмещает два плана повествования, чередуя пространство и время эпизода евангельской истории о распятии Христа с реальным пространством и временем романа: «Иисус нёс свой крест, и какой-то человек объявил, что большинство индейских и испаноязычных семей

в стране живёт за чертой бедности. <...> Иисус упал, и люди по всей стране начали умирать от поражения токсинами на производстве. <...> Вероника вытерла кровь и пот с лица Иисуса. Домашние животные пили заражённую воду из каналов. <...> Иисус упал в третий раз. Воздух был отравлен отходами с предприятий» [12, с. 242–243]. Тем самым, теоретически подтверждается мысль о том, что в магическом реализме «чудесные образы или события, высвечиваясь в реалистической матрице, часто освещают центральные вопросы повествования» [8, с. 55].

Таким образом, Ана Кастильо использует в своих романах «Сапогония» и «Так далеко от Бога» характерные для метода магического реализма приёмы, такие, как наличие в реалистическом повествовании магического элемента, подробное описание мира феноменальных явлений, наличие двух реальностей и разрушение традиционных представлений о времени и пространстве. Известный американский критик Ф. Л. Альдама отмечает, что «нешаблонная манера», в которой Ана Кастильо применяет художественные средства магического реализма, «уводит читателей от обыденного стереотипного восприятия, предлагая новое свежее понимание мира» [9, с. 94]. Включение элементов магического реализма в художественный метод писательницы отражает самобытное, отмеченное влиянием разных культур творческое мышление А. Кастильо, способствует наиболее яркому художественному воплощению волнующих автора проблем.

Список литературы

1. Академик: [сайт]. URL : <http://dic.academic.ru/> (дата обращения : 22.02.2011).
2. Боров Ю. Б. Эстетика : учебник. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.
3. Воронченко Т. В. Синтез культур в историческом развитии Юго-Запада США (на материале мексикано-американской литературы) // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 118–121.
4. Гарсия Маркес Г. Сто лет одиночества : роман, повести, рассказы / пер. с исп., вступ. ст. Ю. Гирин. М. : Эксмо, 2006. 815 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001. 1596 с.
6. Мамонтов С. П. Испаноязычная литература стран Латинской Америки XX века: учеб. пособие для студ. филол. фак. ун-тов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 327 с.
7. Проблемы становления американской литературы / Я. Н. Засурский [и др.]. М. : Наука, 1981. 384 с.
8. Шамсутдинова Н. З. «Магический» реализм в современной британской литературе (А. Картер, С. Рушди) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 181 с.
9. Aldama F. L. Brown on brown: Chicano/a representations of gender, sexuality, and ethnicity. University of Texas Press, 2005. 176 p.
10. Bowers M. A. Magic(al) Realism. The New Critical Idiom. Routledge, 2004. 150 p.
11. Castillo A. Sapogonia. Arte Publico Press, 1992. 354 p.
12. Castillo A. So Far From God. A Plume Book, 1994. 252 p.

Признаки стихий концептов *сердце* и *Herz*

В статье рассматриваются образные признаки концептов *сердце* и *Herz* как ключевых концептов русской и немецкой концептуальных картин внутреннего мира человека. В структуре исследуемых концептов выявлены признаки стихий в рамках группы признаков неживой природы. Концепты *сердце* и *Herz* в примерах из художественных произведений классиков русской и немецкой литературы предстают в образах основных четырёх стихий мироздания: вода, воздух, земля и огонь. Через типологические признаки стихий описывается внутренний мир человека. Немецкая и русская концептуальные системы характеризуются как общими, так отличительными признаками.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, внутренний мир человека, структура концепта, образные признаки, признаки стихий.

Т. А. Романенко
Kemerovo, RussiaElements Signs of Russian Concept *Сердце* and German Concept *Herz*

In the article figurative signs of Russian concept *сердце* and German concept *Herz* are considered as key concepts of Russian and German conceptual pictures of inward person life. In the structure of the investigated concepts elements signs within the limits of inorganic nature signs group are revealed. Concepts *сердце* and *Herz* appear in the image of four basic elements of the universe: water, air, ground and fire in examples from literature works of the Russian and German classics. Through the typological elements signs the inward life of a person is described. Russian and German conceptual pictures are characterized by both general and distinctive signs.

Keywords: conceptual picture of the world, inward life of a person, structure of the concept, figurative signs, elements signs.

Современная филология характеризуется интенсивным изучением языкового сознания и коммуникативного поведения языковых личностей, относящихся к разным социумам. Предприняты исследования концептов *сердце* и *heart* [4], концепта *Herz* [3], устойчивых сочетаний с компонентом *сердце* в английском и немецком языке [5], концепта *сердце* в русских летописях [1], концепта *heart* в современном английском языке [6]. Актуальность настоящей работы объясняется отсутствием, по нашим данным, комплексного исследования концептов *сердце* и *Herz* и системного описания структурных признаков указанных концептов в сопоставительном аспекте.

Предлагаем рассмотреть признаки "стихий" в структуре концептов *сердце* и *Herz* в русской и немецкой концептуальной системе, а также способы их реализации в русском и немецком языке. Рассматриваемые концепты являются одними из ключевых концептов национальных культур. В. А. Маслова ключевой концепт культуры

определяет как «ядерную единицу картины мира, обладающую экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для общества в целом» [2, с. 51]. Исследование образных признаков концептов представляет особый интерес. «Образные концептуальные признаки – это первичный этап осмысления внутренней формы слова» [4, с. 23]. Поскольку образные признаки на материале словарей можно выявить лишь фрагментарно, подавляющее большинство признаков выявляется на основе анализа фактического материала, собранного методом сплошной выборки из классических немецких и русских литературных источников.

Образы *сердца* в русской и немецкой концептуальной картине мира дифференцируются на основе представлений о живой и неживой природе, поскольку внутренний мир подобен внешнему. Среди концептуальных метафор неживой природы встречаются признаки стихий. Известные в философии первоэлементы космоса – вода,

воздух, огонь и земля – послужили основой сотворения всего мира. В концептуальную систему внутреннего мира человека входят многие признаки, используемые в описании внешнего мира. Для сравниваемых концептуальных систем свойственны признаки основных четырёх стихий мироздания: вода, воздух, земля и огонь.

Признаки стихии "воды" у исследуемых концептов передаются разнообразными языковыми способами. Когнитивная модель "сердце-вода" реализуется в русской концептуальной системе через различные характеристики воды: "истечение" (*Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью, Готово сердце в нас истечь до капли кровью По красоте её родной?* А. Фет. «Ответ Тургеневу»), "слияние" (*Юлия была чувствительна к его нежности, и сердца их сливались в тихих восторгах.* Н. Карамзин. «Юлия»), "излияние" (*Никогда Александру и не мечталось о такой полноте искренних, сердечных излияний.* И. Гончаров. «Обыкновенная история»). Сердечные излияния – метафора откровенности, освобождения от эмоций (*Кажется, хочешь излить всё своё сердце в другое сердце, хочешь, чтоб всё было весело, всё смеялось.* Ф. Достоевский. «Белые ночи»).

В немецком *Herz* ассоциируется с льющейся, бурлящей, переливающейся водой (*Zu seinem Vater war er nur gewohnt unisono zu sprechen, und sein volles Herz ergoß sich daher in Monologen, sobald er allein war.* Goethe. Wilhelm «Meisters Wanderjahre»; *O Natalie, wie wallt mein Herz in Freude!* Stifter. «Der Nachsommer»; *Wo er stand und ging, redete er mit sich selbst; sein Herz floß beständig über, und er sagte sich in einer Fülle von prächtigen Worten die erhabensten Gesinnungen vor.* Goethe. «Wilhelm Meisters Lehrjahre»). Сердце-вода течёт от восторга и радости, мыслей и томления, откровенности.

Признаки стихии "воздуха" отмечены в описаниях сердца. Когнитивная модель "сердце-воздух" реализуется через дополнительный признак "движение воздуха / ветер". Сердцу свойственна характеристика ветра – "порыв" (*То мой первый был сердца порыв!* Е. Ростопчина. «Неизвестный роман»; *Не бойся, душа моя, я не строгий судья – я очень понимаю порывы молодого сердца. Сама была молода, сама любила.* Ю. Жадовская. «Отсталая»).

В немецком *Herz* тоже характеризуется свойством движения воздуха "порыв ветра"

(*Von Gefühlen schwärmender Sehnsucht, von namenlosen Hinausahnungen, von Schmachten, von Trieben des Herzens, von süßem Schmerz, und so weiter, war gar nichts da; außer einigem Übermaß klassischer Begeisterung waren sie in diesen Dingen so roh wie die Irokesen.* Stifter. «Die drei Schmiede ihres Schicksals»; *Aufnahm ich ihn, mit meines Herzens Überdrang, – als meines Wunsches Überschwang, – als Übergang aus der Nacht der Sorgen – zum Freudenmorgen.* Rückert. «Die Makamen des Hariri»). Метафорой порывов сердца описываются чувства и эмоции, желания.

Стихия "огня" выступает важной и значимой в русской и немецкой культуре. Когнитивная модель "сердце-огонь" является одной из наиболее продуктивных (*Огонь сердца моего во мрак преобразился, И грех в душе моей погас, простыл, затмился.* Херасков. «Венецианская монахиня»). Сердце характеризуется через признаки "горения" (*Было уже восемь часов; я бы давно пошёл, но всё поджидал Версилова: хотелось ему многое выразить, и сердце у меня горело.* Ф. Достоевский. «Подросток»), "пыла" (*В пылом сердце жажда славы Не остыла в зиму дней...* К. Рылеев. «Думы»), "пламени" (*Сердце наше таково: Твёрдо, холодно, как камень; Но наступит час его, Вспыхнет вдруг, как лютый пламень.* И. Крылов. «Моё оправдание»), "жара" (*Теперь по опыту я знаю, Что сердце жар, что красота, И с Соломоном восклицаю: Всё суета, всё суета!..* Н. Языков. «Сон»), "угасания" (*Погасни, сердце! Лирою моей Не дорожу.* Я. Полонский. «Братья»), "горячности" (*Он искренно и правдиво посмотрел на меня, с беззаветною горячностью сердца.* Ф. Достоевский. «Подросток»). Горячее сердце жжёт (*Эх-ма! думаю: да так вот у меня и зажгло сердце в груди; даже в краску бросило.* Ф. Достоевский. «Честный вор»). Сердце возжигают любовь (*Отцы, не огорчайте детей своих», – пишет из пламенеющего любовью сердца своего апостол.* Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»), злорада (*Узнаю я, что он против всего класса один идёт и всех сам вызывает, сам озлился, сердце в нём зажглось, – испугался я тогда за него.* Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»), мечта (*И вот покажись мне, что девица расположена ко мне сердечно, – разгорелось моё сердце при таковой мечте.* Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»), слёзы (*Отворила я окно – горит лицо, плачут очи, жжёт сердце неугомонное; сама как в огне...* Ф. Достоевский. «Хозяйка»).

Сердце-огонь соотносится с жизнью чувств и эмоций человека, внутренним огнём, энергией жизни.

В немецком Herz наделён признаками стихии "огня" (*Ich möcht sie nur einmal umfassen Und pressen ans glühende Herz!* Heine. «Junge Leiden»; *Die Knechte gingen nochmals durch das Dorf mit knallenden Peitschen, und Nettls bunt angestrichene Kiste, in der ihre ganzen Habseligkeiten waren, war schon in den Hausflur hinuntergebracht, wo Susel zum letztenmal das rot, gelb und blau gemalte, feurig flammende Herz auf derselben betrachtete, wie sie es schon als kleines Kind gewohnt war.* Becker. «Die Nonnensusel»; *Gab's süßeres noch, gab's höheres Entzücken, Als wenn das Herz entbrannt in brünstger Liebe?* Hoffmann. «Lebensansichten des Katers Murr»). В немецкой концептуальной системе признак "огня" менее частотен, вероятно, в силу того, что немцы традиционно отличаются сдержанностью в выражении своих эмоций.

Реализация признака стихии "земля" у исследуемых концептов отличается разнообразием способов проявления этого признака. Когнитивная модель "сердце-земля" выражается в земледельческих метафорах через признак "почва" (*Та трава, что вдали на могиле твоей, Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей, И я знаю, взглянувши на звёзды порой, Что взирали на них мы как боги с тобой.* А. Фет. «Вечерние огни»). Из сердца-почвы выбивается мысль (*Это, может быть, слишком вольная мысль, родная моя, но эта мысль иногда бывает, иногда приходит и тогда поневоле из сердца горячим словом выбивается.* Ф. Достоевский. «Бедные люди»). В сердце-почве развивается посеянное (*Премудрость моя всё нужное насадила в разуме твоём и сердце.* А. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»). Чувства могут укорениться в сердце, а боль и воспоминания о них вырывают с корнем (*Уже сия любовь высоко возросла И твёрдо корень свой по сердцу простирает; Ильменина краса навек меня пленила!* А. Сумароков. «Синав и Трувор»; *Этим она вырвала из сердца Александра мучительную боль, заменив её покойным, хотя не совсем справедливым чувством – презрением.* И. Гончаров. «Обыкновенная история»).

Признаки стихии "земля" являются самыми многочисленными по степени реализации концепта Herz в сравнении с признаками других стихий. В немецком Herz описывается земледельческими метафорами:

в сердце-почву можно посеять чувства (*Kein Gesetz bewacht Geisteswerke gegen Frevel, sie tragen kein dauerndes, äußeres Zeichen, müssen in sich den Zweifel dulden, ob böse oder gute Geister den Samen ins offene Herz streuten; ja die anmaßende Frömmigkeit nennt oft böse, was aus der Fülle der Liebe und Einsicht hervorgegangen ist.* Arnim. «Die Kronenwächter»); *Ja, vielleicht war Otto in dieser Stunde bei Paula und senkte in ihr Herz den Keim des furchtbarsten Mißtrauens, um dann, wenn die Tat vollbracht war, gerechtfertigt, ja als Helfer, als Erlöser, vor ihr und den anderen dazustehen.* Schnitzler. «Flucht in die Finsternis»; *Dieselbe Sonne, die im Niltal Ägyptens Krokodileneier ausbrütet, kann zugleich zu Potsdam an der Havel die Liebessaat in einem jungen Herzen zur Vollreife bringen – dann gibt es Tränen in Ägypten und Potsdam.* Heine. «Die Bäder von Lucca»), из сердца-почвы прорастают чувства, желание (*Außerdem wirkt nicht jede Liebe blitzartig; manchmal lauert sie, wie eine Schlange unter Rosen, und erspäht die erste Herzenslücke, um hineinzuschlüpfen; manchmal ist es nur ein Wort, ein Blick, die Erzählung einer unscheinbaren Handlung, was wie ein lichtiges Samenkorn in unser Herz fällt, eine ganze Winterzeit ruhig darin liegt, bis der Frühling kommt und das kleine Samenkorn aufschießt zu einer flammenden Blume, deren Duft den Kopf betäubt.* Heine. «Die Bäder von Lucca»; *Verstanden hast du mich gewiß: denn in deinem Herzen muß elender Wunsch keimen; vernommen hast du mich in jedem Kusse, in der anschmiegenden Ruhe jener glücklichen Abende.* Goethe. «Wilhelm Meisters Lehrjahre»), в сердце растёт трава (*Die Ehre, Herr Geheimrat, das ist ein Kraut, in ihrer innersten Herzkammer gewachsen.* Günther. «Die Heilige und ihr Narr»), цветы пускают ростки из сердца (*Da begann auch in mir ein neuer Frühling, neue Blumen sproßten aus dem Herzen, Freiheitsgefühle wie Rosen schossen hervor, auch heimliches Sehnen wie junge Veilchen, dazwischen freilich manch unnütze Nessel.* Heine. «Englische Fragmente»), любовь пускает корни в сердце («*Die Marquise hatte sehr unrecht», sagte er gleich im Eingang seiner Apologie, eine so strafbare Liebe in ihrem Herzen Wurzel fassen zu lassen, und es ist umso tadelnswürdiger, da sie den abscheulichsten aller Menschen zum Gegenstand ihrer Zärtlichkeit gewählt hatte.* Schiller. «Geschichte des Prozesses der Marquise von Brinville»), чувства посажены в сердце-почву (*...auch darf ich mich nicht scheuen, diesem Gefühl mich hin zu geben, denn ich war's nicht, die mir es ins Herz*

pflanzte. Berend. «Die gute alte Zeit»), чувства вырывают из сердца-почвы (*Und Gram wird auch den Alten bald fortschaffen, – und ihr muß ich diesen Karl aus dem Herzen reißen, wenn auch ihr halbes Leben dran hängen bleiben sollte*. Schiller. «Die Räuber»; *War er nun wirklich und völlig aus ihrem Herzen gerissen?* Becker. «Die Nonnensusel»). Особенности освоения земного пространства представляются в исследуемых концептуальных системах в виде признаков внутреннего мира человека.

Таблица 1

Сопоставление признаков стихий концептов *сердце* и *Herz*

Концепты Признаки	<i>Сердце</i>		<i>Herz</i>	
	Кол-во примеров	%	Кол-во примеров	%
"вода"	13	8,8%	8	14,3%
"воздух"	16	10,8%	5	8,9%
"земля / почва"	25	16,9%	33	58,9%
"огонь"	94	63,5%	10	17,9%
Всего:	148	100%	56	100%

В сравниваемых концептуальных системах отмечается существенное различие в общем количестве признаков стихий концептов *сердце* и *Herz*: примеров, в которых реализованы признаки стихий в русской почти в три раза больше, чем в немецкой (148 и 56 соответственно).

В процентном соотношении сравниваемые концептуальные системы в аспекте признаков стихий тоже отличаются друг от друга: в русской системе предпочтение отдаётся признаку "огонь" (63,5 %), в немецкой – признаку "земля / почва" (58,9 %).

Следующими по частотности признаками в собранном фактическом материале являются: в русской концептуальной системе "земля / почва" (16,9 %) и "воздух" (10,8 %), тогда как в немецкой – "огонь" (17,9 %) и "вода" (14,3 %).

Для описания концепта *сердце* наименее актуальным является признак "вода" (8,8 %), а для концепта *Herz* – признак "воздух" (8,9 %).

Через типологические признаки стихий в русской и немецкой концептуальной системе описывается внутренний мир человека, его эмоции. Природные стихии не контролируются человеком, что ассоциируется со стихийностью чувств и эмоций, возникающих в жизни человека.

Концепты *сердце* и *Herz* – одни из ключевых концептов русской и немецкой концептуальной картины внутреннего мира человека. На это указывает не только частотность слов *сердце* и *Herz* в этих языках, но и сфера культурного проявления стоящих за этими словами значимых понятий. Художественный мир классиков немецкой и русской литературы отображает индивидуальное мировидение, вербализованное в закреплённых формах языка. *Сердце* в приведённых примерах из художественных произведений является представителем неживой природы, предстаёт как стихия. Концептуальные исследования по сопоставлению картин мира показывают, что многие фрагменты языковых картин мира имеют лексическое воплощение в разных языках. Это позволяет говорить о духовном единстве народов, несмотря на отличия их культур. Немецкая и русская концептуальная система характеризуется как общими, так отличительными признаками.

Список литературы

1. Кондратьева О. Н. Концепты внутреннего мира в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. Пименов Е. А. Концепт *сердце* и некоторые народные представления о сердце // Труды по когнитивной лингвистике; отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2008. С. 83–92.
4. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
5. Романова Е. А. Устойчивые сочетания с компонентом *сердце* в английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2007. 22 с.
6. Соловьёва Е. А. Концепты *mind, heart, soul* в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 23 с.

Эстетический идеал К. Г. Паустовского: прекрасное в природе

В статье речь идёт о воплощении эстетического идеала К. Г. Паустовского, который реализуется в его прозе в концепции прекрасного, связанного с осмыслением места и роли природы в жизни человека. На материале таких произведений, как «Наедине с осенью», «Повесть о жизни», «Кара-Бугаз», «Колхида», «Повесть о лесах», «Мещёрская сторона», «На воде», устанавливается, что природа для писателя – и предмет любования, и источник лирического вдохновения, обладающий большой силой эстетического воздействия.

Ключевые слова: эстетический идеал, природа, пейзаж, красота.

T. V. Saprykina
Moscow, Russia

Aesthetical Ideal of K. G. Paustovskiy: Beautiful in the Nature

This article is about incarnation of aesthetical ideal of K. G. Paustovsky, which is realized in his prose in the conception of beautiful connected with comprehension of a place and a role of nature in human life. On the material of such works as "In Private with Autumn", "Story about Life", "Kara-Bugaz", "Kolkhida", "Story about Forests", "Meshcherskaya Land", "On Water", it is shown that nature for the writer is an object of admiring and a source of a lyrical inspiration, which has a great force of aesthetical effect.

Keywords: aesthetical ideal, nature, view, beauty.

Как известно, высшим критерием эстетической оценки произведений искусства и литературы в том числе является эстетический идеал, который воплощается в образах положительных персонажей, выражается самой структурой художественного произведения, всем его образным строем, включая и отрицательных персонажей, т. к. только пронизанные светом эстетического идеала они обнаруживают свою безобразность, низменность, комизм. Красота же самого эстетического идеала в конечном счёте определяется истинностью отражения подлинно прекрасного. Эстетический идеал обретает достоинство красоты, выражая красоту человеческой души и величие народного духа, творящего этот идеал. «Мерить культуру, её высоту, – отмечает Д. С. Лихачёв – мы должны по её высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры» [6, с. 56].

За эстетическим идеалом обычно сохраняется его специфика – в конкретно чувственной форме, через единичные образы в нём передаётся общечеловеческое и национальное содержание. Без категории эстетического идеала невозможно понять мировоззрение художника и философскую основу произведения. Эстетический

идеал в нём существует как один из важных моментов, воздействующих также на структуру и форму художественного произведения.

На формирование эстетического идеала художника большое влияние оказывают процессы национального исторического развития. Человек, как биологическая и общественная единица, постоянно взаимодействуя с природой, вырабатывает своё отношение к ней, свой эстетический идеал, формирование которого происходит под влиянием народных и национальных традиций. По словам Д. С. Лихачёва, «в основе каждой народности лежит один общий человеческий идеал, только оттенённый местными красками» [6, с. 66].

Художественное воспроизведение мира природы всегда играло и играет в литературе значительную роль в обнаружении авторского взгляда на жизнь, выявлении эстетического идеала писателя. Осмысление прекрасного в природе составляет один из важнейших компонентов его мироощущения. К. Г. Паустовскому, одному из лучших пейзажистов русской литературы, тонкому стилисту и достойному продолжателю традиций Аксакова, Тургенева, Чехова, Бунина, было свойственно обострённое чувство природы. Творческая эволюция писателя

находит наиболее отчётливое воплощение в восприятии им природы. Так, Г. Трефилова справедливо отмечает: «Если в 1920-х годах было заметно тяготение Паустовского к экзотическому пейзажу с характерной для такого пейзажа экспрессией и яркостью красок, то с 1930-х годов, когда Паустовский начинает смотреть не глазами романтика, а глазами своего современника, природа входит в его книги как их неотъемлемая часть» [12, с. 32 – 33]. Постепенно природа почти целиком вытесняет интерьер, либо полностью поглощая его (ср. главу «Мой дом» в повести 1939-го года «Мещёрская сторона»), либо так или иначе – особенной игрой солнечного света, палым листом бульвара, весенним ливнем или букетом цветов – подавая о себе весть даже среди асфальта улиц и камня городских домов (ср. рассказ 1953-го года «Грач в троллейбусе» и аналогичный эпизод с цветами в «Повести о жизни» – 1945–63 гг.) [12, с. 32–33].

Утверждение пейзажа становится одним из краеугольных камней эстетики Паустовского, приобретая сознательный и программный характер. Г. Трефилова обращает внимание на то, что в очерках, пейзажных набросках, многочисленных рассказах, связанных с поэзией среднерусской природы, постепенно вырисовываются, проясняются и приобретают законченность шедевра черты возлюбленной «ойкумены» Паустовского – «скромной земли под неярким небом», в мягкой смене времён года, в насыщенной жизнью и красотой протяжённости каждого из «потерянных» дней, в чередовании лугов и перелесков, таинственных речушек, песчаных косогоров и плачущих ив над тихими заводьями. Там, в этой общности человека с его природным окружением Паустовский обрёл наконец одну из надёжнейших опор своего творчества. Захватывающий размах и щемящая красота просторов России, «её степей холодное молчанье, её лесов безбрежных колыханье, разливы рек её, подобные морям», вызывают у писателя чувства, неотрывные от гордости за свой край [12, с. 33].

Эстетика прекрасного занимает важное место в художественном мире Паустовского. Согласно Ю. Б. Борову, «прекрасное в действительности – те её стороны и явления, в которых жизнь человека, природы и общества выступают в совершенных предметно-чувственных формах» [3, с. 320]. В новеллах Паустовского прекрасное мыс-

лится как совершенный миг жизни, связанный зачастую именно с природным описанием и восприятием её человеком. Под его пером обыкновенные природные или жизненные явления начинают сиять необыкновенным блеском. Ни падение осенних листьев, ни курлыканье журавлей, ни чистый и прозрачный воздух в «Кордоне-273» (1948) не могут не вызвать в читателе совершенное чувство. Немало внимания уделил Паустовский и прекрасному в людях.

Великолепен мир природы, изображённый автором в малой прозе. Этот мир преисполнен прозрачным и душистым воздухом, издаёт запах утреннего моря, благоустно тихих лугов, закатного леса с сухим туманцем в коридорах просек; от него веет чуткой тишиной вечерующих полей. В ней сам человек и природа, лирическое познание самого человека как частицы природы и познание доброты будто соединяются, сливаются воедино. Через образы природы реализуется поэтичность мировосприятия писателя. В своих рассказах он чаще всего обращает внимание на создание поэтической атмосферы, передающей красоту человеческой души и природы, чуткое восприятие автором прекрасного в мире. Поэтичность стиля позволяет читателю глубже понять художественную и эстетическую ценность лирико-романтической прозы Паустовского.

Характеризуя его произведения, В. Солюхин назвал их своеобразной «страной»: «Имя писателя, художника становится как бы волшебной палочкой. Дотронешься до глухой стены – и тотчас окажешься в прекрасном, новом для тебя мире, в стране, по которой так интересно, так нужно, так сладостно путешествовать» [11, с. 3]. Паустовский определил цель и смысл своей деятельности кратко и точно: «Есть в каждом сердце струна. Она обязательно отзовется даже на слабый призыв прекрасного» [8, т. 4, с. 462]. Не случайно, именно прекрасное в людях, в природе, в искусстве является постоянным и главным объектом внимания Паустовского. В расчёте на эту струну написаны все его основные книги. Потребность в красоте, которая, прежде всего, есть «лелеющая душу гуманность» (В. Г. Белинский), особенно остро ощущается Паустовским в драматические моменты истории. Достаточно вспомнить об обстановке тридцатых годов как в стране, так и за её пределами, в

условиях которой писателем ставилась цель: будить в человеке человеческое, говорить ему о добре, справедливости и прекрасном. Прекрасное в человеке, прекрасное в творческом труде, прекрасное в искусстве, прекрасное в природе стали в эти годы постоянными темами его творчества.

Это прекрасное совершенно по-своему передаётся автором в картинах русской природы. На первый взгляд, она обычна – мокрый от дождя куст на берегу Оки, лёгкий шум ветра в мелколесье, сильный запах травы, хлеба, земли. Эмоциональность повествования невольно рождает ответный отклик, и лирическая атмосфера его рассказов пробуждает в читателе повышенную восприимчивость к прекрасному и в природе, и в людях. В обычных примелькавшихся образах и картинах раскрывается что-то новое – красивое, высокое, сильное, пронизанное авторским отношением. Природа в изображении Паустовского – это не только описание полей, перелесков, холмов и рек, рассветов и зорь, и не фон, на котором разворачиваются основные события, но и выражение любви к родной земле. Чувство природы равнозначно для него чувству родины: «Природа учит нас понимать прекрасное. Любовь к родной стране невозможна без любви к её природе» [8, т. 7, с. 387].

«Великая любовь Пришвина к природе родилась из его любви к человеку» [9, с. 85], – эти слова Паустовского могут быть отнесены и к нему самому, поскольку для него отношение к природе – один из основных критериев оценки человека. Писатель не раз подчёркивал, что он стремился видеть жизнь в «прекрасной сущности». И целью его творчества стало раскрытие прекрасных сторон природы и души человеческой, желание научить каждого человека радоваться красоте, наслаждаться ею и понимать её, призыв человека к совершенствованию ума и души. В шестой части «Повести о жизни» – в «Книге скитаний» (1963) – автор упоминает о «божественных природе красотах», созерцателем которых ему посчастливилось быть в его бесконечных странствиях, о «созданиях искусства» и их создателях, чьё творчество вдохновляло его и формировало представления о прекрасном.

Мир и жизнь, люди и события виделись Паустовскому сквозь воздух мечты и веч-

ности. Б. Чичибабин отмечает: «Не удивительно, что в этом воздухе точно названные и описанные географические места – Кара-Бугаз, Колхида, Мещёрский край – при всей влюблённо-безукоризненной верности изображения приобретают заманчивое сходство с краями, придуманными Александром Грином» [13, с. 43]. Севастополь, увиденный и многократно описанный Паустовским, похож на гриновский Зурбаган, и всё-таки хорошо, что это не Зурбаган, а Севастополь. Мещёра – это Мещёра, Ильинский омут – это Ильинский омут. «Зрение Паустовского, зрение поэта сквозь воздух мечты, прибавляет красоты этим местам, но, преобразая их внимательной любовью, ничуть не искажает их», – подчёркивает Б. Чичибабин [13, с. 43].

Наряду с эстетическим воздействием природы на человека в творчестве К. Г. Паустовского воплощается и такая грань в их отношениях, как преобразование природы во благо человека, – тема, актуализировавшаяся в прозе писателя в начале 1930-х гг. Она раскрывается в его очерках «По Калмыцкой степи» (1931), «Ночь в Доссоре» (1932), «Подводные ветры» (1932), «Соль земли» (1932), «Онежский завод» (1932), в повестях «Кара-Бугаз» (1932) и «Колхида» (1934). В 1932 г. Паустовский работает над повестью «Теория капитана Гернета» (1933). В это время он увлекается идеей научного преобразования земли, улучшения природных условий и климата во имя счастья людей. Эта мечта раскрывается в «Кара-Бугазе», «Колхиде», «Повести о лесах» (1948), «Героическом юго-востоке» и других произведениях. К теории Е. С. Гернета писатель обращается в «Северной повести» (1938) и в «Золотой розе» (1955).

В повестях «Кара-Бугаз» и «Колхида» тема преобразования природы находит свой аспект изображения – романтический. Тема «Кара-Бугаза» – это история пустынного прикаспийского кара-бугазского залива, история открытия, изучения и освоения этого района, в повести воплощается мечта о преобразовании этого края в цветущий. Романтический пафос выражается в том, что благородная человеческая мечта, передававшаяся от поколения к поколению, воплощается в жизнь. Героика повести обнаруживает себя в подвигах покорителей пустыни. В финале перед читателем предстаёт романтическая картина,

привидевшаяся автору, – картина ожившей прикаспийской земли, доброй и подвластной человеку: «...Видения городов из сверкающего радугами стекла преследовали меня всю ночь. Города эти поднимались из морей и отражались в зеркалах заливов нагромождениями хрустали и тёплых неподвижных огней. Летние рассветы разгорались над ними. Рассветы пахли растёртыми в ладонях листьями ореха, густой листвой, шолларскими водами, мангышлакской полынью...» [8, т. 1, с. 497–498]. Паустовский тонко ощущает и фиксирует в пейзаже проявление тех «законов красоты», по которым организуется новый свободный мир, романтически возвышенный и обогащающийся новыми источниками эстетического воздействия.

В 1933 г. Паустовский совершает поездку в Колхиду, болотистый тропический край, раскинувшийся на низких берегах Риона. Субтропики, подчиняясь разумной воле человека, переживали в те годы своё второе рождение. Болота исчезали, давая место плодородной почве. Замысел повести о Колхиде складывался постепенно. Центральная тема повести – осушение колхидских болот. Автора интересует не столько сам процесс осушения болот, сколько проявление преобразовательской деятельности человека, поэтизация его силы по отношению к природе, которая сама по себе символизирует новую эпоху. Писатель по-своему видит её красоту, творимую руками человека, её эстетическое превосходство над красотой первобытной природы: «Главное – то, что мы создаём новую природу для людей свободного труда... Мы здесь покажем такую силу нашей эпохи, о какой вы и не подозреваете» [8, т. 1, с. 515]. Писатель акцентирует внимание читателя на мужестве, преданности долгу, душевной щедрости инженеров Габунии и Кахиани, капитана Чопа, ботаника Невской. Они знают и любят свою работу, литературу и искусство, природу, которую стремятся преобразовать ради счастья всех людей. Героев повести объединяет вера в прекрасный завтрашний день Колхиды.

После «Колхиды» Паустовский больше не обращался к злободневной для 30-х гг. XX в. теме бурного строительства «второй природы». Ему был ближе другой аспект в раскрытии природы: бережное и рачительное отношение к ней, что закрепилось

в его произведениях позднего периода, в мещёрских циклах, в «Повести о лесах», в которых речь идёт «о месте природы в жизни человека и роли человека в жизни природы» [8, т. 3, с. 658]. После «Кара-Бугаза» и «Колхиды» Паустовский ищет новые темы, стремится раскрыть в окружающей действительности романтическую составляющую. Так были написаны повести «Чёрное море» (1936), «Мещёрская сторона» (1939), цикл рассказов «Летние дни» (1936 – 1940) и более двадцати рассказов. В них в основном сформировались черты лирико-романтического стиля писателя. Романтический писатель постепенно приближается к «земле». Паустовский нашёл источники для лирико-романтической интерпретации действительности в самой обыкновенной и необыкновенной жизни, в природе, главным образом, средней России. В прозе писателя ощущаются потребность в поэтизации прекрасного, тяга к открытию и утверждению этого прекрасного в окружающей среде.

Для автора понятия «прекрасное», «романтика» и «необыкновенное» в повседневности оказываются родственными. Они, как важный эстетический принцип, настойчиво проявляются в его творчестве, особо ярко и целенаправленно в «Мещёрской стороне» и дальнейшем новеллистическом творчестве. В «Повести о жизни» Паустовский пишет: «Я не знаю страны, обладающей такой лирической силой и такой трогательно живописной – со всей своей грустью, спокойствием и простором, – как средняя полоса России. Величину этой любви трудно измерить» [8, т. 4, с. 79]. Подтверждением тому является привязанность Паустовского к сравнительно небольшому и болотистому углу, что лежит недалеко от Москвы и Рязани. Край богат лесными речками, озёрами и озерцами, с юга он ограничен Окой. Из писателей, современников Паустовского, только М. Пришвину и И. Соколову-Микитову удалось в полной мере передать очарование срединной России с такой силой высокой поэзии, как это сделал Паустовский в повести «Мещёрская сторона» [7, с. 32].

Не случайно «Мещёрская сторона» вызвала неподдельный интерес у читателей. Прелесть родной природы, глубокая, проникновенная любовь и привязанность к Родине не могли оставить их равнодуш-

ными, особенно во время войны. Ещё одна важная мысль была затронута в повести – мысль о бережном отношении к природе, которая получит дальнейшее углубленное осмысление в последних произведениях писателя.

Художественная цель «Мещёрской стороны» была сформулирована в первых же строках повести: «В Мещёрском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. Но всё же этот край обладает большой притягательной силой. Он очень скромнен – так же, как картины Левитана. Но в нём, как и в этих картинах, заключена вся прелесть и всё незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы» [8, т. 3, с. 600]. Следуя главному принципу своей поэтики, выявляя необыкновенное в обыкновенном, прекрасное в повседневном, Паустовский в итоге своего повествования заключает: «Я люблю Мещёрский край за то, что он прекрасен, хотя вся его прелесть раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно. На первый взгляд – это тихая и немудрая земля под неярким небом. Но чем больше узнаёшь её, тем всё больше, почти до боли в сердце, начинаешь любить эту обыкновенную землю. И если придётся защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было, – этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь» [8, т. 3, с. 631].

Глубокое знание истории края, его географии, обширные ботанические и метеорологические сведения, тонкие наблюдения над разнообразной природой Мещёры придают этому объяснению в любви особую значительность и весомость.

В «Мещёрской стороне» изображение научного поиска, борьбы гипотез и теорий занимает минимальное место, поскольку это не главное. По словам Л. П. Кременцова, «обширные научные знания выступают в этом произведении как основа, каркас лирического полотна. Цель, пафос повести «Мещёрская сторона» – пробуждение добрых чувств, цель – нравственная, пафос – эстетический» [4, с. 118].

В восприятии и изображении природы К. Г. Паустовский родственен И. А. Бунину и М. М. Пришвину. С первым его сближает

включённость мира природы в духовный мир человека, со вторым – «пафос познания природы», её художественное исследование. Природа притягивала Паустовского «как умиротворяющая, прекрасная в неистощимом разнообразии среда, где человек освобождается от всего мелкого и суетного и обретает душевное равновесие» [10, с. 542]. В Мещёрском цикле Паустовский «нашёл свою нишу в литературе и проявил себя тонким пейзажистом и проникновенным лириком» [10, с. 542].

Художественный портрет природы – пейзаж – в произведениях Паустовского всегда устремлён к тому, чтобы выразить наглядное представление о природе как гармонически целостном организме, в котором все процессы и элементы взаимосвязаны, целесообразны и необходимы. Таким предстаёт художественный «портрет» лесов и лугов, картины вечерних сумерек и раннего утра в «Мещёрской стороне»: «В необыкновенной, никогда не слышанной тишине зарождается рассвет. Небо на востоке зеленеет. Голубым хрусталём загорается на заре Венера. Это лучшее время суток. Ещё всё спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха» [8, т. 3, с. 614]. Исполнены гармонии описания лесной глухомани в «Кордоне-273», осени в «Жёлтом свете», «серого» осеннего пейзажа в «Золотой розе», полифоническая пейзажная симфония в цикле очерков «Памяти Аксакова». И не случайно главными пейзажными образами, проходящими через всё творчество Паустовского, являются образы моря и леса, – двух наиболее сложных и прекрасных экологических систем природного мира [2, с. 39]. Искусству рисовать природу Паустовский учился у живописцев: «Живопись важна для прозаика не только тем, что помогает ему увидеть и полюбить краски и свет. Живопись важна ещё и тем, что художник часто замечает то, чего мы совсем не видим. Только после его картин мы тоже начинаем видеть это и удивляемся, что не замечали этого раньше» [8, т. 3, с. 370]. Лес в «Повести о лесах» Паустовского – это не только и не столько материальное богатство, но и лес, обладающий «эстетическим значением» [8, т. 3, с. 70], и поэтический символ высокой духовной культуры, внутренних богатств

человеческих душ, и лирическое воплощение Родины. Восстановление леса показано в повести как борьба за расцвет Родины, за расцвет подлинной человечности на разных исторических этапах.

«Повесть о лесах» вобрала в себя идейные искания Паустовского за два десятилетия (1930–40-е гг.). Через размышление писателя Леонтьева об искусстве, о творчестве автор выражает понимание цели собственного творчества: «...Добавить ко всему, что писалось о России, свой вклад, свою любовь к ней, своё ощущение эпохи – небывалой и удивительной» [8, т. 3, с. 49]. Он решает «писать обо всём, о нашей земле, её заботах, богатстве и красоте. О лесах и пастбищах, о тружениках, что живут на этой земле, о простой и значительной жизни народа» [8, т. 3, с. 65]. Именно эти задачи он реализует в своих произведениях позднего периода творчества.

В ранних рассказах, опубликованных в сборниках «Морские наброски» 1925-го г. и «Минетоза» 1927-го г., Паустовский обращается к широко востребованным в те годы природным образам-символам: зари, рассвета, весны, бури и т. д. В их воплощении проявляется мастерство пейзажной зарисовки и тонкая наблюдательность писателя. Акварельные пейзажи у Паустовского были пронизаны взволнованным настроением героя. Важную роль играет психологическая функция пейзажей, отражающих внутреннее состояние героя. Так, в одном из произведений («На воде» – 1912) Паустовский пишет: «Ключьями, сгрудившись, плывут к югу тучи, несут с собой серебристые полосы тёплых дождей. Падают они где-то за лесом, там, где всё синее и тускло, а до города доходят обессиленные и не прибавляют тёплую, мягкую пыль» [8, т. 6, с. 6]. На протяжении полувекового творческого пути Паустовский вырабатывает свою систему эстетических представлений и, руководствуясь ими, создаёт художественные образы природы, творит одно за другим произведения, исполненные поэтичности и одухотворённые авторским эстетическим идеалом. Не случайно, малая поэтическая проза Паустовского является наиболее совершенной из его созданий.

В прозе писателя, как отмечает Н. П. Антипов, выражается «понимание Паустовского прекрасного и справедливого, его

ощущение мира и представление о человеческом счастье, достоинстве и свободе. Красота для Паустовского – необходимое условие свободы, а свобода – необходимое условие красоты. Эстетический мир всегда строится именно на этих основаниях. Для общества же такой союз красоты и свободы – долгожданный идеал» [1, с. 49]. Именно потому писатель, создавая свой художественный мир, насыщает его образами природы, искусства и детства, которые, к тому же, имеют не только эстетический, но и социальный подтекст.

Картины природы, пейзаж неотъемлемо связаны с представлениями писателя о родной земле, образ которой является стержневым в художественном мире писателя. Этот образ определяет и основное качество художественного мышления Паустовского.

Весной 1968 г., преодолевая болезнь и сомнения, устав от длительного молчания, К. Г. Паустовский задумывает создать шесть-семь коротких рассказов и начинает диктовать такие строки: «... Я понял, что лучше всего в природе – это сдержанность, мягкость, тихий голос, тихие краски, а не крикливый блеск небес, лакированных и жарких. С тех пор я перестал бояться задушевности в природе и понял, что природа обладает иной раз такой шумной крикливостью, как и человек. Тихий шорох дождя по кремнистому шоссе гораздо разумнее и прекраснее, чем шум ветра и ломаных ветвей. ... Природа любит, требует равновесия и тишины, она, по существу, так же ласкова, как и любой хороший человек, будем же жить с ней в мире, чтобы целиком услышать её задумчивый голос и узнать радость её тишины. Пусть тот, кто имеет на это право, благословит нас, людей, на близость к природе и на охрану её доброго сердца...» [5].

Дар видения и живописания природы не только позволяет Паустовскому пробуждать у читателя любовь к русской природе, учить эстетическому её восприятию, но и помогает понять и почувствовать её как необходимую и важную часть жизни. Эстетический идеал писателя воплощается в том, что для него прекрасное связано с природой. Природа для писателя – и предмет любования, и источник лирического вдохновения, обладающий большой силой эстетического воздействия.

Список литературы

1. Антипьев Н. П. «Малая родина» Константина Паустовского // Л. П. Кременцов. К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения : сб. ст. Вып. 1 / Моск. лит. музей-центр К. Г. Паустовского. М., 1996. С. 46–51.
2. Ачкасова Л. С. Идея «второй природы» в творчестве К. Паустовского (о своеобразии решения проблемы «Человек и природа» в современной советской литературе) // Человек и природа в советской прозе : межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. В. С. Синенко [и др.]. Сыктывкар : Пермский ун-т, 1980. С. 25–40.
3. Боров Ю. Б. Эстетика. Теория литературы : энцикл. слов. терминов. М. : Астрель; АСТ, 2003. 575 с.
4. Кременцов Л. П. Книга о Паустовском : очерки творчества. М. : Жизнь и мысль, 2002. 208 с.
5. Литературная Россия. 1968. 20 сентября.
6. Лихачёв Д. С. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1981. 71 с.
7. Павловский А. И. К. Г. Паустовский // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : биобиблиогр. словарь : в 3 т. Т. 3. / под ред. Н. Н. Скатова. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 31–34.
8. Паустовский К. Г. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1981–1986.
9. Паустовский К. Г. Наедине с осенью : портреты, воспоминания, очерки. М. : Советский писатель, 1967. 271 с.
10. Русские писатели XX века : биограф. словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. Редкол.: А. Г. Бочаров, Л. И. Лазарев, А. Н. Михайлов [и др.]. М. : Большая российская энцикл.; Рандеву – А. М., 2000. 808 с.
11. Саушкин Ю. Г. О Константине Георгиевиче Паустовском – художнике родных просторов : вступ. ст. // К. Г. Паустовский Родные просторы. М. : Гос. изд.- во геогр. лит.-ры, 1954. 551 с.
12. Трефилова Г. Творчество Константина Паустовского : вступ. ст. к первому тому «Собрания сочинений К. Г. Паустовского» // Собр. соч. : в 9 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1981. С. 5–37.
13. Чичибабин Б. Красота спасающая. Литературное обозрение. 1992. № 11/12. С. 42–45. (К 100-летию со дня рождения К. Паустовского).

УДК821.161.1.09«1917-1991»
ББК84.3(2РОС)63

Е. С. Терехова
г. Москва, Россия

**Идейно-художественная функция пейзажа в ранней прозе
К. Г. Паустовского**

Статья посвящена роли природы в раннем творчестве К. Г. Паустовского. Анализируются пейзажные зарисовки, выявляются их характерные особенности, устанавливаются функции пейзажа, который служит раскрытию чувств героев, помогает в формировании образа героя, нужен для обозначения времени и места действия, предсказывает события. Кроме того, обращается внимание на развитие мира природы, пейзажной живописи писателя, которая эволюционирует от яркой, но однообразной палитры цветов к использованию различных оттенков.

Ключевые слова: природа, пейзаж, эволюция, функция, цвет.

E. S. Terekhova
Moscow, Russia

The Landscapes' Role in K. G. Paustovskiy's Works

The article is devoted to the nature's role in Paustovskiy's early works. First of all, my aim is to analyze the landscapes and find out their common features. Besides, I wish to formulate particular functions of the landscapes. Landscapes help to reveal heroes' feelings. They form heroes' images. Landscapes describe time and location. They motivate forthcoming actions. Moreover, I pay attention to the development of the nature's image, the writer's landscape painting which develops from a bright, uniform range of colours to different tints.

Keywords: nature, man, landscape, function, colours.

Природу как предмет изображения в творчестве К. Г. Паустовского рассматривают такие исследователи, как А. И. Роскин «Путешествие из страны Грина» (1938), В. М. Яценко «Реализм и романтика в рассказах К. Паустовского» (1962), Н. Н. Воробьева «Проблемы стиля К. Г. Паустовского» (1965), Н. А. Познякова «Художественное мастерство К. Г. Паустовского» (1968), Е. Н. Кобзарь «Стиль творчества К. Паустовского тридцатых годов» (1969), Л. А. Левицкий «Паустовский – пейзажист» (1971), С. Ф. Щелокова «Паустовский романтик и реалист. Идеино-художественные искания 20–30-х гг.» (1982), Л. П. Кременцов «Трудные дороги поиска» (2002) и др.

По мнению исследователей, картины природы даже в ранних произведениях К. Г. Паустовского не являются фоном, оторванным от хода повествования. Каждая пейзажная зарисовка наряду с изобразительно-выразительной функцией несёт в себе дополнительные смысловые акценты и функциональное назначение. Зачастую пейзаж автора отражает восприятие природы героем, его психологическое состояние, поэтому правомерно говорить

о его психологической функции в тексте. Не случайно, литературоведами отмечается тесная связь природы с человеком, их взаимовлияние в прозе писателя. «Окружающий мир, природа всегда изображаются Паустовским сквозь призму настроения героя» [1, с. 71]. После известия о смерти Наташи в романе «Романтики» у Максимова начался жар. В это время «дождь скучно стучал по чёрным стеклам» [1, т. 1, с. 200]. В рассказе «На воде» «ощутима щемящая боль за судьбу своего народа, заданного и изнурённого тупой и бессмысленной жизнью» [4, с. 16].

«Где огни, что плетутся с бабьими ожерельями, узорчатые сказки о лазоревом крае, где вихрь красок, яркость жизни...?» [6, т. 6, с. 8]. Вместо этого «идёт дождь, сырой ветер бросается в лицо <...>, в белесоватом небе низко и грозно плывут тучи» [6, т. 6, с. 7]. Броской картине народного гулянья противопоставлена серость, тусклость, блёклость пейзажа, от которого веет холодом. Людям, как и повествователю, приходится лишь вспоминать о прошлом, золотых днях, когда жизнь не казалась засасывающим болотом. Самое страшное, что из этой

рутины выхода нет, и прошлое никогда не станет настоящим, а тем более будущим. Остаётся «знакомая тоска».

В рассказе «Репортёр Крыс» мрачные картины природы передают гнетущее, тягостное настроение репортера Крыса, буквально раздавленного известием о его сокращении из горячо любимой редакции, без которой он не мыслит жизни на земле: «Сквозь заплёванные дождями окна накапала тяжёлая ночь. <...> Всё это собралось в один комок – в жалкого, мокрого от слёз Крыса» [6, т. 4, с. 12]. Как дожди заплели окна, так и редактор плюнул в душу человека, уволив его. А сколько раз, сопротивляясь пронизывающему ветру, преодолеывая снежные заносы и дрожая от холода, Крыс через весь город тащился на работу и обратно, среди ночи выполнял задание редакции. «Он вышагивал бесконечные улицы, где над ним издевался норд-ост, залепляя глаза смешанным с пылью снегом» [6, т. 6, с. 11]. Природа как «участник» событий способствует раскрытию невидимых черт характера Крыса, благодаря которым читатель видит в этом скромном и неприметном репортере сильную и целеустремлённую личность.

В этом рассказе расширяются задачи изображения картин природы. Пейзаж не только передаёт *чувства, эмоции героя*, но и подспудно, с помощью подтекста *формирует его образ*.

В рассказе «Репортёр Крыс» и в других произведениях Паустовского природные описания нужны для обозначения и *времени действия*. В «Романтиках» писатель указывает на время года как непосредственно («Пришла зима» [6, т. 1, с. 97]), так и косвенно, с помощью характерного пейзажа («Падает снег ...» [6, т. 1, с. 97]). Иногда эту функцию берут на себя заглавия произведений: «Московское лето» (1931), «Прощание с летом» (1941), «Поздняя весна» (1945), «Дождливый рассвет» (1945), «Ночь в октябре» (1946), «Воронежское лето» (1946), «Наедине с осенью» (1963).

Описания природы зачастую у Паустовского служат не только фиксации времени описываемых событий, но и *места действия*. Пейзаж может содержать как прямое указание на то, где происходит событие («В Крыму Миронов жил около Алушты в пустынной даче на берегу» [6, т. 6, с. 31]), так и выражать развёрнутую характеристику

места действия: «Лазарет был размещён в бывшем винном складе. <...> Вечерами за рекой, озёрами подымался туман, пахло из-за околлиц ржаными полями, покоем. В розовых даях заходило неторопливое, деревенское солнце» [6, т. 1, с. 199]. Часто К. Г. Паустовский в названиях своих произведений отражает основное место действия: «На воде» (1913), «Михайловские рощи» (1936), «Ленька с малого озера» (1937), «Бабушкин сад» (1944), «Равнина под снегом» (1949), «Избушка в лесу» (1960).

Иногда природные описания могут *предсказывать дальнейшие события* в произведении. В рассказе «Кофейная гавань» должна была присутствовать месть, месть инженеру Тенебергу за недостаточно продуманное изготовление водонепроницаемой двери, что повлекло за собой смерть матроса Ганса, запертого в каюте-ловушке. Мальчишки, узнавшие о несчастном случае, решили «начать кровавую месть и в первую очередь утопить кошку капитана» [6, т. 6, с. 66] – дяди невезучего инженера. Вместо безрадостного пейзажа, предвещающего расправу, перед нами картина одного из лучших осенних дней. «Солнце, ударяя лучом в разноцветные ставни и в стёкла домов, раскидывало по этой синеве золотые и красные пятна» [6, т. 6, с. 69]. Этот пейзаж, в котором отсутствует даже намёк на жестокость, дан неслучайно. События разворачиваются таким образом, что от намеренный ребят не остаётся и следа. Из газетной статьи, читаемой вслух капитаном, они узнают об изобретении нового прибора, не позволяющего «водонепроницаемым дверям захлопываться, пока в помещении находится человек» [6, т. 6, с. 69].

Несмотря на то, что пейзаж у К. Г. Паустовского уже в ранних его произведениях «не довесок к прозе и не украшение» [6, т. 3, с. 69], а подчинён конкретной цели, цветовая палитра в них ещё остаётся односторонней. Во многих рассказах при описании дождей даётся одна и та же цветовая гамма. «Ключьями, сгрудившись, плывут к югу тучи, несут с собой серебристые полосы тёплых дождей. Падают они где-то за лесом, там, где всё синее и тускло» [6, т. 6, с. 6]. «Сгорали зори, звонкими шумами проходили серебряные дожди...» [6, т. 6, с. 9].

Если же писатель рисует в своих произведениях картины жарких, солнечных дней или тёплых тихих вечеров, он использует

яркие краски. Но «не всегда его образные выражения служат выявлению реалистической сущности предмета, а лишь создают впечатление яркости» [7, с. 90]. «День, отлитый из жёлтого стекла, стоял над бахчами» [6, т. 1, с. 60]. При этом палитра цветов и здесь не будет отличаться разнообразием. Преобладающими цветами являются розовый, красный, зелёный, голубой и синий. «Белая пыль дымилась из-под копыт лошадей, над балками розовело ленивое солнце» [6, т.1, с. 59]. «В заводях Днепра долго светились розовые закаты...» [8]. «Море пенилось и шумело в красных берегах» [6, т. 1, с. 60]. «Долины лежали внизу, как позеленевшие бронзовые чаши» [6, т. 1, с. 83]. «Ждал, пока мокрая чернота за громадными окнами нальётся синим соком февральского рассвета» [8]. Однако даже в ранних произведениях Паустовского намечается стремление автора разнообразить краски, расширить цветовую гамму. В недавно опубликованной неоконченной повести «Золотая нить» цвет морской волны не только «зеленоватый», но и «хризолитовый», «малахитовый». Писатель отмечает, что морская гладь редко бывает однотонной: её цвет меняется от освещения. Одновременно она может быть и светло-зелёной у берега, и тёмно-синей на горизонте, поэтому более подходящим для описания является насыщенный всевозможными оттенками зелёный цвет хризолита и малахита. Думается, это нагнетание цветочных эпитетов в ранний период творчества писателя представляется несколько искусственным. Ранние стихи (1913–1916) К. Г. Паустовского также изобилуют подобными эпитетами.

Возвращались по сумрачным далям бульваров,
По камням хрустальных, ночных площадей.
Вы мечтали о взрывах вечерних пожаров,
Над сапфирною тканью морей [9]
(курсив наш – Е. Т.).

Сам писатель в 1934 г., говоря о своей работе над произведениями, признался, что он «против искусственных, вымученных приёмов, которые называются трюкачеством. <...> Писать просто – большое искусство, которым должен стремиться овладеть каждый молодой писатель» [5, с. 32].

«Самым любимым цветом раннего Паустовского был золотой» [7, с. 42]. «Земля качалась, и золотой каруселью несло во-

круг меня, позванивая и вздрагивая, небо» [6, т. 1, с. 87]. «Осенью ... вся страна стоит, как чаша, налитая золотым вином...» [6, т. 1, с. 121]. «В солнце светлел тонкой, осенней голубизной тронутый золотом Днепр...» [8].

Золотой цвет не только яркий, но и тёплый, пленительный. Он притягивает к себе, к нему хочется лететь, расправив крылья. Так Максимов мчался к Хатидже, волосы которой «золотились под солнцем» [6, т. 1, с. 138].

Не только Хатидже, но и Наташа является в «Романтиках» олицетворением любви, а значит и солнца, которое всегда сопутствует этой героине. Когда Максиму принесли письмо от Наташи «сквозь жалюзи в комнату врывались тонкие стрелы солнца» [6, т. 1, с. 150].

После «обручения» героиня провожает любимого к сопернице. Несмотря на боль, переживания, слёзы, «она стояла на платформе ... вся в солнце ...» [6, т. 1, с. 136]. Так небесное светило стало символом любви и счастья. У Максимова было два солнца, и когда одно из них закатилось, пошёл дождь.

В повести Паустовского «Золотая нить» герой вспоминает о своей первой любви на рассвете, когда «над поредевшими садами всходило нежаркое, спокойное солнце» [8]. Настя Кузьмина всплывает в его памяти как далёкое, недостижимое, но такое пленительное солнце. Молодой человек «вспомнил раннюю пасху, когда в оврагах ещё лежал снег, но уже цвели фиалки, запах её кос, глаза в дыму и золоте заутрени» [8].

Образ девушки, женщины-солнца станет традиционным в творчестве Паустовского. В 1951 г. был написан роман «Дым отечества». Главная героиня произведения актриса Татьяна Андреевна является олицетворением тёплого, солнечного света, утешительного в минуты боли. Увидев любимую перед смертью, актёр Рамон «едва слышно» произнёс: «Вы – свет» [6, т. 2, с. 378].

Природа у Паустовского часто антропоморфна, очеловечена, наделена чувствами и мыслями, способна к действию, что неоднократно отмечали исследователи творчества писателя (Н. Н. Воробьёва, Н. А. Познякова и др.). По словам самого Паустовского, «пейзаж должен существовать в прозе, как герой, а не только как фон вещи, иначе вещь будет очень плоскостной»

[6, т. 7, с. 349]. В «Репортёре Крысе» норд-ост «издевался» над репортёром. В «Золотой нити» вода «дремотно бормотала», «спала», слышалось её «ворчанье». В «Этикетках» ветер «рвал», «швырял», «бил» и «внезапно стихал». В этом рассказе не только сильный ветер, но и ливень вмешались в планы рассказчика, собирающегося уехать. Если бы не природные явления, повествователь не услышал бы от гравера очень важные слова и не задумался бы над жизнью: «Здесь всё, каждый камень, каждый ливень напоминает о дочке. У меня осталась только одна эта память. Она даёт мне силу жить. Отсюда я никуда теперь не уеду» [6, т. 6, с. 51]. Природа, являясь полноценным участником событий, может *влиять на ход повествования, мотивируя последующие действия персонажей*.

Как отмечает Н. Н. Воробьёва, несмотря на то, что писатель и до 30-х гг. «стремится создавать пейзаж действенный, эмоциональный», всегда связанный «с человеком, с его восприятием мира», его картины природы всё же носят «черты обобщённости» [2, с. 72]. Более резкую оценку даёт другой исследователь творчества Паустовского, анализируя описания природы, отмечает, что они избобилуют тропами, содержащими «противоречивые признаки с откровенной печатью авторского произвола: <...> метафоры вычурны и громоздки, сравнения далеки от жизненного материала. А всё вместе создаёт слог напыщенный, искусственный, ложно красивый» [1, с. 260].

Обращение писателя к изображению Средней России, обладающей незатейливой красотой, оказало влияние на выразительные средства. Паустовский приходит к мысли, что «язык должен быть прост и ясен, – он должен быть сроден чистоте и точности окружающих вещей, явлений и красок» [6, т. 8, с. 289]. Описание грозы в «Повести о лесах» (1948) захватывает читателя, наводит на воспоминания именно благодаря реалистичности. «Гроза была сухая. Короткий гром гремел всё чаще. Молнии не ударялись в землю зигзагами, а полыхали размытым розовым светом» [6, т. 3, с. 82].

Неброская русская природа лучше всего запечатлена на полотнах Левитана, который становится настоящим учителем писателя. Ведь именно художники, по словам Паустовского, учат «видеть действительность в полном многообразии красок и све-

та» [6, т. 8, с. 227]. В связи с этим обогащается палитра красок писателя по сравнению с ранним творчеством. В «Повести о лесах» через восприятие гениального композитора Чайковского, пытающегося в звуках отразить мельчайшие проявления действительности, дана пейзажная зарисовка, наполненная переменчивым светом. «На опушку падали косые лучи, и ближайшие стволы сосен были того мягкого золотистого оттенка, какой бывает у тонкой сосновой дощечки, освещённой сзади свечой. <...> заросли ив и ольхи над озером освещены снизу голубоватым отблеском воды» [6, т. 8, с. 227].

Природные описания у Паустовского наполнены не только всевозможными оттенками, тонами и полутонами, но и запахами («Запахло земляничкой, нагретыми пнями» [6, т. 6, с. 400]), звукоподражаниями («... я начал различать ворчанье воды в подводных пещерах. Море бормотало во сне и сердилось на кого-то, кто не давал ему спать» [6, т. 2, с. 78]), аллитерацией.

По наблюдению Л. П. Егоровой, «пейзаж помог Паустовскому и в выражении «нового советского мироощущения» [3, с. 244]: по мнению писателя, должны уйти в прошлое картины природы, лишённые жизнерадостности, игры света и красок. О неизбежном появлении нового «радостного» пейзажа он писал в статье «Социалистический пейзаж», в повести «Исаак Левитан». И хотя эти высказывания являются данью времени, в которое довелось жить писателю, в них подчёркнуто то значение, которое Паустовский придавал «настройке» пейзажа, роли цвета. На страницах его произведений можно найти пейзажи будущего, окрашенные в яркие, насыщенные, радужные тона. Так в повести «Колхида» (1934) Бечо изобразил на своём полотне Колхиду, «когда вместо обширных тёплых болот эта земля зацветет садами апельсинов. Золотые плоды, похожие на электрические лампочки, горели в чёрной листве. Розовые горы дымилась, как пожарище. Белые пароходы проплывали среди пышных лотосов и лодок с нарядными женщинами» [6, т. 1, с. 501].

Паустовский часто и страстно говорит о спасении природы, о бережном отношении к ней ради будущих, сильных и смелых потомков. К этому он призывает на страницах своих статей, в «Повести о лесах», «Мещёрской стороне». «Знание жиз-

ни природы для писателя – верное свидетельство неравнодушия человека ко всему огромному миру, обязательное душевное качество его любимых героев» [2, с. 223]. В «Мещёрской стороне» (1939), в рассказах «Барсучий нос» (1935), «Кот-ворюга» (1936), «Золотой линь» (1936), «Последний чёрт» (1936), «Резиновая лодка» (1936), «Летние дни» (1939) автор живописует «братьев наших меньших», простых людей – часто очень талантливых, проживших душу в душу с природой на протяжении многих лет (отсюда и красота их души, цельность мировосприятия). Они не вырубят лес, зная название каждого цветочка, каждого кустика, каждого деревца; не тронут беззащитное животное.

Подводя итоги рассмотрению природных описаний, выявлению функции пейзажа в прозе К. Г. Паустовского, заметим, что автор не только любит красота природы, живописует её как «фон» действия, но и насыщает природные зарисовки глубоким смыслом. Пейзаж в прозе писателя всегда

функционален, выполняет определённую художественную задачу: во-первых, служит раскрытию чувств героев как форма психологического анализа; во-вторых, «участвует» в формировании образа героя; в-третьих, выполняет структурную функцию, обозначая время и место действия; в-четвёртых, намечает последующие события, сюжетно мотивируя их. Пейзажная живопись писателя эволюционирует от яркой, но достаточно однообразной палитры цветов, к использованию различных оттенков и полутонов; от цветистой экзотики, её избыточности, нагнетания тропов – к реалистичности, к простым и точным словам, от романтики экзотичной природы к сдержанности и естественности в изображении среднерусской природы. С годами изменились художественные принципы Паустовского, но неизменным осталось одно: единство и взаимная обусловленность человека и природы в художественном мире писателя, своё особое место природы в этом мире.

Список литературы

1. Боброва И. М. Средства создания и стилистическая роль экспрессивного тона в малых жанрах Паустовского: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск : Иркутск. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1970. 324 с.
2. Воробьёва Н. Н. Проблемы стиля К. Паустовского : дис. ... канд. филол. наук. М. : Моск. обл. пед. ин-т им. Крупской, 1965. 314 с.
3. Егорова Л. П. Константин Паустовский. Очерк творчества: дис. ... канд. филол. наук. М. : Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1960. 334 с.
4. Левицкий Л. Константин Паустовский. М. : Советский писатель, 1963. 406 с.
5. Паустовский К. Г. Как я работаю над своими книгами. М. : Профиздат, 1934. 32 с.
6. Паустовский К. Г. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Художественная литература, 1983.
7. Щелокова С. Ф. К. Паустовский – романтик и реалист. Идеино-художественные искания 20–30-х гг. Киев : Высшая школа, 1982. 183 с.
8. РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 56.
9. РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 614. Л. 3.

Метафорический словесный ряд как средство создания художественного образа в произведении

В статье анализируется явление метафоризации в современной русской прозе, которое является отличительной чертой современной русскоязычной литературы. Дается определение понятию «метафорический словесный ряд». Материал анализа – рассказы Людмилы Улицкой. Основной научный вывод: метафорический словесный ряд является одним из средств создания художественного образа в произведении.

Ключевые слова: метафора, словесный ряд, художественный образ, языковая композиция.

A Metaphorical Verbal Chain as a Means of an Artistic Image Creation in Fiction

The article deals with the phenomenon of metaphorization in modern Russian prose which is a distinctive feature of the modern Russian-speaking literature. A metaphorical verbal chain is defined as a concept. Analyzing Lyudmila Ulitskaya stories the author comes to the conclusion that a metaphorical verbal chain is one of the means of the artistic image creation in fiction.

Keywords: metaphor, verbal chain, artistic image, language composition.

Текст понимается «как явление языкового употребления во всей сложности его внутренней структуры и в неразрывной связи неязыкового содержания и языкового выражения» [4, с. 48]. Языковой материал, отобранный писателем, способы его расположения представляют собой единую систему – языковую композицию произведения, проблема исследования которой актуальна на сегодняшний день и исследуется учёными (А. И. Горшков, Г. Д. Ахметова, Н. М. Глухоедова, Л. Ю. Папян).

Г. Д. Ахметова даёт определение языковой композиции, понимая под ней следующее: «единая сложная система, состоящая из связанных между собой по смыслу и грамматико-интонационно компонентов (единиц), очерченных рамками образа, которые динамично развиваются в тексте; изучающаяся со стороны формы (условная категория лица) и со стороны содержания (композиционные связи, обрывы, вставки и т. д.); являющаяся исторически изменчивой и лежащая в основе типов текстов» [2, с. 65–67].

Учёными выделяются такие компоненты языковой композиции, как словесный ряд, композиционный отрезок, точка видения и др., причём словесные ряды являются основным компонентом, т. к. входят в структуру других, более крупных компонентов и проходят через все произведение [1, с. 64]. А. И. Горшков даёт следующее

определение словесного ряда: «Это представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная) языковых единиц разных ярусов, объединённых композиционной ролью и соотносённостью с определённой сферой языкового употребления или с определённым приёмом построения текста» [4, с. 160].

Более крупные элементы языковой композиции – это композиционный отрезок и точка видения. Г. Д. Ахметова отмечает, что композиционный отрезок в отличие от словесного ряда статичен, а точка видения может быть и статичной, и динамичной, «она находится как бы между двумя другими компонентами, в некоторых случаях сливаясь с ними» [1, с. 90].

По мнению Г. Д. Ахметовой, словесные ряды в зависимости от компонентов, их составляющих, разделяются на низшие, средние и высшие. Словесные ряды низшего уровня – словесно-звуковые, ритмико-интонационные; среднего уровня – лексико-грамматические фразеологические. К словесным рядам высшего уровня относятся «разные формы и типы речи» [1, с. 79–80]. Определение, данное В. В. Виноградовым, легло в основу понятия словесного ряда высшего уровня.

Представляется возможным выделить метафорический словесный ряд, относящийся к среднему уровню по качеству

входящих в него компонентов. Но в тех случаях, когда метафорический словесный ряд разрастается до размеров метафорического образа, он переходит на высший уровень. В этом его композиционная роль в тексте, в этом его уникальность и непохожесть на другие словесные ряды. Важнейшим компонентом метафорического словесного ряда является метафора (в том числе индивидуально-авторская). За основу определения метафоры берём дефиницию В. В. Виноградова: «Метафора (от *греч.* «перенос») – троп или фигура речи, состоящая в употреблении слова, обозначающего некоторый класс объектов (предметов, лиц, явлений, действий или признаков), для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или единичного объекта <...>. В расширительном смысле термин «метафора» относят также к другим видам переносного значения слова» [3, с. 128]. Выбор именно этого определения метафоры объясняется тем, что В. В. Виноградов обращает внимание на то, что данное языковое явление представляет собой употребление слова, т. е. обращает внимание на функционирование метафоры в языковой композиции произведения. Исследование метафоры, её функционирование в составе языковой композиции представляется актуальным, потому что современная русская прозаическая литература отличается метафористичностью, и метафоризация является одной из характерных черт русской прозы XXI в. Г. Д. Ахметова отмечает «уход в метафору» как языковой процесс, свойственный современной русской прозе.

Писатель вводит в текст метафоры, отражающие его мировосприятие, которые называют индивидуально-авторскими. Индивидуально-авторская метафора противопоставляется общезыковой (языковой), которая адаптировалась к системе языка и утратила образность. Под индивидуально-авторской метафорой (М. Н. Кожина называет их собственно поэтическими) понимается метафора, с яркой образностью, это метафоры, «отличающиеся индивидуальным характером» [6, с. 205–208]. Отличительной чертой современной русской прозы является разнообразие и большое количество индивидуально-авторских метафор. Функционирование поэтической метафоры внутри текста представляет особый интерес, т. к. индивидуально-авторские метафоры в совокупности представляют со-

бой особый словесный ряд, который можно назвать метафорическим словесным рядом. Опираясь на определение словесного ряда, данное А. И. Горшковым, можно дать его определение. Метафорический словесный ряд представляет собой последовательность индивидуально-авторских метафор, объединённых композиционной ролью и/или положением в системе языка (семантическая, грамматическая, синтаксическая общность). Под общностью в данном аспекте следует понимать то, что метафоры, функционирующие в пределах одного метафорического словесного ряда, могут обладать тождественными языковыми характеристиками: отнесённость к одной части речи, одинаковая синтаксическая функция, наличие общей семантики и т. п.

Исследованием метафорических словесных рядов в поэзии занимается С. Ю. Феофилактов. В своём диссертационном исследовании она приходит к выводу, что метафора является важным структурообразующим элементом в поэтических текстах, метафорические ряды образуют поэтическое пространство и выражают автоинтертекстуальность [7]. Однако классификация словесных рядов автором диссертации не даётся.

Рассмотрим композиционную роль метафорического словесного ряда на материале цикла рассказов Людмилы Улицкой «Детство сорок девять». Цикл состоит из шести рассказов, главными героями которых являются дети, оказавшиеся в послевоенное время в трудных (для ребёнка) психологических ситуациях (не принимают в свою компанию ровесники, разбились часы брата и т. п.), которые формируют их характер. Все рассказы со счастливым концом, но послевоенное время и последствия войны, описанные вскользь, являются тем фоном, который делает изображаемые события для восприятия читателя более драматичными.

При анализе художественных образов в этих рассказах обращает на себя внимание использование индивидуально-авторских метафор с семантикой живого, когда неживой объект описывается как живой. Такой приём принято называть олицетворением, но в связи с тем, что семантика метафоры может не иметь семантики человеческих качеств, а обладать абстрактной семантикой живого, то можно условно выделить общую группу метафор с семантикой живого. Например, в рассказе «Капустное

чудо» девочка идёт с сестрой покупать капусту и держит в кармане вырезку из газеты и денежную купюру: «Ее замерзшие пальцы не расчувствовали десятирублёвки и скатали поудобней в трубочку жёлтого японца. Измятая десятирублевка **обиженно** скользнула в дыру кармана и полетела вдоль мостовой вместе с бурными промёрзшими листьями» [6, с. 12]. Через описание с помощью метафоры «обиженно» десятирублевка входит в ткань повествования полноценным художественным образом, который не только воспринимается читателем как живой объект, но и еще как объект, обладающий своим характером, – десятирублевка обиделась на отсутствие внимания к ней, на то, что ей предпочли газетную вырезку. Купюра вылетает из кармана, теряется, что воспринимается не как случайность или неаккуратность девочки, а как поступок десятирублевки. Эта потеря заставляет девочек пережить много слёз и горя, таким образом, купюра становится участником событий, и «поведение» десятирублевки является завязкой сюжета. Десятирублевка воспринимается читателем уже не как деталь, а как полноценный персонаж, т. е. можно говорить о композиционной роли метафоры в тексте.

Живым персонажем, участвующим в сюжете, являются гвозди из одноименного рассказа. Гвозди, как и десятирублевка из рассказа «Капустное чудо», описываются как живые, данный эффект усиливается постоянным сравнением «как живой». Гвозди обладают характером и проявляют его: «Гвоздь, поколебавшись, дрогнул и полез вверх, и просто-таки выпрыгнул легко и радостно, как будто сам только того и хотел... и только под самый конец пришлось его чуть-чуть поддернуть... И явился на свет» [6, с. 53]; «Гвоздь выпрямился и засверкал как живой» [6, с. 55]; «Гвоздь повернулся на другой бок. Он крутился с боку на бок, как живой» [6, с. 55]; «Долго не получалось, а потом вдруг сразу всё сделалось как само собой – гвозди стали послушными» [6, с. 55]. В данном рассказе гвозди, описываемые метафорически, и сами являются метафорой, лежащей в основе описания сложного характера главного героя – мальчика. Мальчик выпрямляет гвозди и постепенно «выпрямляет», исправляет свой характер; меняется его отношение к родственникам и работе. Метафорический словесный ряд в этом рассказе связан только с образом гвоздей, он разворачивается по мере движения повествования.

С помощью индивидуально-авторских метафор вводится в текст рассказа «Дед-шептун» образ часов. Часы подарил мальчику дедушка. В описываемое время это был очень дорогой подарок: автор указывает, что больше ни у кого во дворе не было часов. Часы описываются как живой объект, даётся их портрет, как полноценного персонажа. Нужно отметить, что этот портрет более подробный, чем портреты людей (дедушка, мальчик, девочка), о внешности которых ничего не известно: «Часы были на тонком коричневом ремешке, формой напоминали кирпичик, у циферблата было торжественное выражение лица. Они были похожи на игрушечные и **старались выглядеть посolidнее**» [6, с. 33]. Сестра мальчика без спросу взяла часы, ради хвастовства вышла с ними во двор, и там случилось несчастье – часы разбились. С помощью метафор описывается трагичная для неё ситуация: «Наконец, долгожданный мяч, направленный чьей-то завистливой рукой, с силой ударил о запястье, и часы **брызнули** в разные стороны – отдельно механизм, отдельно стёклышко. С **жалким звоном** оно стукнулось о землю и подскочило, сверкнув на солнце» [6, с. 35]; «Казалось, что деревья **остолбенели** перед случившимся несчастьем» [6, с. 36]. В данном контексте с помощью метафор передаётся восприятие ситуации девочкой, её оценка и мироощущение: ей слышится жалкий звон, она испытывает ужас. Таким образом, можно сделать вывод, что метафоры могут выражать мировоззрение персонажа, формировать один художественный образ через описание другого художественного образа (описываются деревья, но передаётся оценка девочки). Оценка какого-либо явления может выражаться и в авторском тексте, например: «По коврам и половикам хлопали палками, выстреливая облачками уютной домашней пыли» [6, с. 63]. В данном контексте передаётся настроение и отношение автора к описываемому топосу: уютная домашняя обстановка в домах.

В рассказе «Бумажная победа» самостоятельным персонажем, описанным через метафоры с семантикой живого, является музыка. Мама мальчика Гени, которого не любят и обижают во дворе, приглашает всех дворовых ребят на день рождения сына, чтоб попробовать подружить детей. На дне рождения она играет на пианино, чем поражает детей. Музыка помогает Гене почувствовать себя более уверенно среди сверстников и

раскрыть им свой талант – делать из бумаги различные фигуры: «Музыка кончилась, выпорхнула в открытое окно, лишь несколько басовых нот задержались под потолком и, помедлив, тоже уплыли вслед за остальными» [6, с. 84].

В прозе Людмилы Улицкой употребляется метафорический словесный ряд, относящийся к описанию природы и окружающей обстановки. Многокомпонентный метафорический словесный ряд, имеющий отношение к природе, представлен в рассказе «Бумажная победа». Образ весны описывается через метафоры, она представляется как живой объект: «Когда солнце растопило чёрный зернистый снег и из грязной воды выплыли скопившиеся за зиму отбросы человеческого жилья – ветошь, кости, битое стекло, – и в воздухе поднялась кутерьма запахов, в которой самым сильным был сырой и сладкий запах весенней земли, во двор вышел Геня Пираплетчиков» [6, с. 76]; «И воздух, и земля – всё было разбухшим и переполненным, а особенно голые деревья, готовые с минуту на минуту взорваться мелкой счастливой листвой» [6, с. 77]; «Наступила спокойная и нежная весна. Высохла грязь. Остро отпеченная трава покрыла засоренный двор <...>» [6, с. 79]. Лексемы *кутерьма*, *переполненным*, *взорваться* формируют образ начала весны как очень динамичного, полного энергии явления, что противопоставляется поздней спокойной и нежной весне.

В рассказе «Капустное чудо» описаны дома, словно живые объекты: «Посылал настоящий, слепленный в крупные хлопья снег. Он покрывал сутулые спины людей и спины домов, и кучу бело-голубой, твёрдой даже на вид капусты» [6, с. 12–13]. В рассказе «Счастливый случай» сараи метафорически уподобляются лишайникам: «Он увидел задний двор, большой голый дуб, лишайники сараев <...>» [6, с. 69].

Особый интерес представляет метафорический образ чердака, в котором наблюдается синтез как индивидуально авторских, так и общеязыковых метафор: «Клю-

ня уже бывал здесь – и каждый раз восхищённо замирал перед кучами хлама, жадно разглядывая причудливые очертания, образованные самоварной трубой, рогатой вешалкой, вставшим на дыбы сундуком и лежащим на боку шкафом, покрытым нежной попоной пыли» [6, с. 64]. Рога вешалки, бок шкафа – это общеязыковые метафоры, почти не сохранившие образности, но в сочетании с индивидуально-авторскими метафорами *вставший на дыбы сундук*, *попона пыли* происходит обновление общеязыковых метафор, они начинают восприниматься как необычные и яркие образы. Эти слова (*вставший на дыбы сундук*, *попона пыли*) также указывают на то, что метафоры в данном случае обладают семантикой животных. Через такое метафорическое описание формируется образ таинственного чердака, который живёт своей загадочной жизнью и подобен животному.

Анализ композиционной роли метафорического словесного ряда в прозе Л. Улицкой позволяет сделать вывод, что метафорические словесные ряды являются одним из средств формирования художественных образов в произведении. Во-первых, с их помощью вводятся в текст неживые объекты (*десятирублевка*, *часы*), описываемые как живые, которые таким образом становятся в тексте самостоятельными художественными образами. Во-вторых, метафорические словесные ряды формируют художественный образ, выражая мировосприятие персонажа, через метафорическое описание других объектов (*деревья остолбенели от ужаса – восприятие и переживания девочки*). В-третьих, метафорические словесные ряды передают оценку объектов автором-рассказчиком (*уютная пыль*).

Всё это позволяет сделать вывод о композиционной роли метафорического словесного ряда в структуре текста и о необходимости его выявления и анализа, т. к. это расширяет учение о языковой композиции – важнейшем понятии стилистики текста.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 168 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковая композиция художественного текста. М., 2002. 264 с.
3. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : АН СССР, 1963. 255 с.
4. Горшков А. И. Русская стилистика. М. : АСТ, 2001. 367 с.
5. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
6. Улицкая Л. Детство сорок девять: Рассказы. М. : Эксмо, 2004. 96 с.
7. Феофилактова С. Ю. Метафора в поэтическом тексте О. Э. Мандельштама (на материале сборника «Камень») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.

РЕЦЕНЗИИ

Г. М. Васильева
г. Новосибирск, Россия

Кемпер Дирк. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / пер. с нем. изд. : Dirk Kemper. Ineffabile. Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. 496 p. / пер. А. И. Жеребина. М. : Языки славянской культуры, 2009. 384 с.

Появлению монографии профессора РГГУ Дирка Кемпера (Хильдесхайм/Москва) предшествовал период интенсивных работ в западном и отечественном гётеведении. Автор принимал в нём непосредственное участие. Книга возникла в достаточно плотном научном контексте. Учёный внимательно относится к трудам европейских коллег, в живом, порой полемическом контакте с идеями которых он всё время находится. Новые материалы и концепции Д. Кемпера прошли научную апробацию в многочисленных статьях. Они опубликованы в специальных изданиях, например, в сборниках «Русская германистика. Ежегодник Российского Союза Германистов».

Общую идею, помогающую удержать разнообразный материал, автор высказывает во Введении и последовательно разрабатывает на страницах книги. Здесь же подробно представлены содержательная структура труда и основные направления исследования. Это избавляет рецензента от необходимости тематической систематизации предлагаемых материалов и позволяет сосредоточиться на проблемах, которые естественным образом порождаются совокупным научным продуктом. В духе Гёте текст имеет морфологическую ясность. Дирк Кемпер ставит задачи строгие и определённые: изучение проблемы индивидуальности в эпоху модерна, реконструкция исторического генезиса концепта на примере литературного творчества Гёте. Автор пишет о необходимости «дать представление о том уровне рефлексии, которого достигает интенсивная борьба Гёте за осмысление этой центральной категории модернистского самосознания в поздний

период его жизни» [31]. История развития концепции личности, её путей, этапов, и противоречий – таков главный предмет исследования. По убеждению учёного, произведение Гёте, особенно «Гёц фон Берлихинген с железной рукою» («Götz von Berlichingen mit der eisernen Hand», 1773) и «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers»; 1774, окончательный вариант в 1786) способствовали переходу идеи индивидуальности из сферы философского дискурса в бытовое сознание читающей публики. Идея вошла в повседневную практику современного человека.

Д. Кемпер обращается к методу культурологического литературоведения. Он рассматривает концепцию личности на фоне теорий Джованни Батиста Вико и работ Э. Кассирера. Вико считается основателем семиотики культуры. Его «Новая наука» («Szentia nuova», 1725–1730) является одной из первых концепций культурного развития. О Кассирере автор пишет: «<...> философия символических форм, в особенности его понимание человека как «animal symbolicum», справедливо оценивается сегодня как фундаментальное открытие, наметившее новые пути в развитии культурологии» [168]. В этом ряду, на мой взгляд, недостаёт имени немецкого учёного Ф. А. Вольфа, автора «Prolegomena in Homerum» (1795). Он совершил переворот в понимании истории культуры, что отмечал и его современник Гёте. Вольф явился создателем первой по времени, обстоятельно изложенной системы филологии как рационально построенного и замкнутого круга знаний.

Традиция идеи «внутреннего человека» (*interiore homine*) берёт начало в сочинениях Аврелия Августина и Декарта. Декарт, с точки зрения истории личного самосознания, предвосхищает мышление Нового времени. Философ с его утверждением «*Je pense, donc je suis*» (в латинском переводе «*ego cogito, ergo sum*», «я мыслю, значит я есть»), даёт «классический образец самообоснования человеческого Я». В трансцендентальной философии Канта была подвергнута деконструкции теория соответствия порядку бытия порядку мышления. «В свете проблемы личности» этот решающий сдвиг определил переход от Нового времени к модернизму. Эпоху между 1750 и 1850 гг. автор именуется термином К. Ясперса «осевое время». В этот период, особенно в последнюю треть XVIII в., складывается модернистская концепция личности. Она «формируется в поле напряжения между свободой самообоснования и его мучительной необходимостью. Именно между этими двумя полюсами складывалась проблематика личности в творчестве Гёте» [19]. Учёный рассматривает историю автобиографии с точки зрения представленных в ней нарративных моделей. Они составили традицию, на которую Гёте опирался в ходе работы над «Поэзией и правдой». Сюжетная схема автобиографии, созданная Августином Аврелием, сохраняла своё влияние на протяжении нескольких веков, в частности, в пиетистической биографии. В рамках истории жанра «Исповедь» представляет собой архетипический текст. Он выявляет те проблемы, с которыми сталкиваются все позднейшие авторы автобиографической прозы. Учёный изучает культурно-коммуникативное пространство свободы для «*eloquentia cordis*» (языка сердца). Переход от «*eloquentia corporis*» к «*eloquentia cordis*» совершился в XVIII в. и стал открытием. Он начался в рамках риторического учения об «*actio*» и оказал влияние на понимание литературы. Нельзя сказать, что эта тема обойдена вниманием учёных. Полагаю, что в данном контексте пригодился бы культурный опыт Карамзина. Его стихотворение «Протей, или Несогласия стихотворца» (1798) венчает формула, выделенная курсивом: «*Поэзия – цветник чувствительных сердец*». Напомню, что отношение Карамзина к «чувствительности» было сложным.

В исследовании Кемпера уделяется внимание генезису, развитию и семантике понятия «*ineffabile*». Предшествующие эпохи оставили на слове свою печать, материальные следы истории. Но у европейского читателя нет неуместных семантических «шлейфов», семантического облака, явно мешающего философскому употреблению слова. Здесь не может быть обострённой реакции на неточность уже существующих ассоциаций. Это связано с морфосемантической структурой слова – невозможностью перевести на европейские языки. Его бытование, жанровое самоопределение и эволюция осмыслены в качестве основы современной теории личности, которая утверждает в эпоху Гёте. Формула «*Individuum est ineffabile*» включает в себе центральное противоречие модернистского сознания. Она является аллюзией на «*Deus ineffabilis est*» Августина Аврелия, свидетельствует о божественном происхождении личности. В формуле подчёркивается непреодолимость гносеологической границы. «*Ineffabile*» понимается как внутренний закон жизни; «личный внутренний закон», который гарантирует индивидуальную идентичность; потаённое ядро «глубинной правды»; возврат в своё Я; необъяснимое, невыразимое; представление об исходной цели. «Росток доброго начала» – ботаническая метафора для «*ineffabile*», представляющего начало и конец развития индивидуальности. «*Ineffabile*» также обнаруживает себя в мгновенном демоническом возрастании действующей силы и энергии, в повышении энтелехии. Демоническое выступает как часть всеобъемлющего порядка.

Перевод понятия и его характеристика могут показаться слишком общими, фрагментарными и субъективными, чтобы служить надёжным ориентиром в области поэтики. Но исследование Кемпера имеет точно очерченный предметный характер и обращено к некоторым закономерностям в заданных им рамках. Напряжённые раздумья Гёте над «*ineffabile*» обладают высшей степенью современности. Кемпер понимает модерн как возложенную на себя ответственность и опыт построения образа Я и своего мира, без оглядки на готовую метафизическую систему. В анализе понятия нет нравственно-идеологической (религиозной) императивности. Знание – сила,

оно одушевляется не безличным поиском истины, но страстями и инстинктами, побуждениями, желаниями.

Автор убедительно доказывает, что «ineffabile» закрепляет сложное и опосредованное отношение человека к смыслу. Там, где мы можем лишь мифически трактовать его как нечто субстанциональное, присутствуют какие-то иные смысловые ресурсы. Они не улавливаются сознанием русскоязычного читателя. Нам ведь сложно понять, что греческий «Логос» одновременно означает «слово», «разум», «пропорция» и т. д. «Ineffabile» – тоже мощная абстракция. Она предполагает такие характеристики, как полнота, простота, самождественность, самодостаточность, сосредоточенность на «здесь и теперь» (настоящее как вечно присутствующее).

Вызревание культурной потребности в рефлексии и создание концептуального языка – по сути двуединый процесс. Становление концептуального языка помогло состояниям и чувствам стать артикулированной мыслью. Гёте сделал предметом рефлексии философские стили и мыслительные стратегии. Приоритетным становится вопрос о языке (языках) как о средстве артикуляции содержания, без которого никакая развитая идея не может себя выразить. Д. Кемпер выбирает не генетический метод исследования понятий: он предполагал бы поиск эволюционирующего «зародыша» понятийной структуры. И даже не исторический, с помощью которого последовательно раскрывается содержание того или иного события-факта в его историческом развитии. Учёному необходим метод типизирующий: феномены рассматриваются как конкретные типы философско-исторического сознания.

Материал расположен и во временной последовательности, и по логико-дидактическому принципу. Хотя в исследовании проявляются региональные и хронологические приоритеты, они отнюдь не сужают взгляд. В век Просвещения, имеющего ренессансные истоки, развивались «взаимоотношения» с культурами барокко, рококо, романтизма и бидермейера. Спец-

ифика просветительского исторического мышления и человек Просвещения с его меняющимися культурными ролями (человек естественный, человек эстетический), топос мира-театра, просветительский феминизм – всё это видится из той природно-человеческой культуры, где жизнь наилучшим способом обустроивается.

Выработка единого, чёткого свода понятий, которые трактовались бы без всяких разночтений, – задача неразрешимая, особенно в гуманитарных науках. Д. Кемпер применяет термины «нарративная схема», «нарративные модели». В задачи автора не входит изучение теории наррации и нарратива, структуралистской нарратологии (О. М. Фрейденберг, А. Данто, Л. Минк, П. Рикёр, Ж. Женетт, Ф. Анкерсмит). Вынужденная терминологическая путаница в какой-то мере стимулирует творческую активность литературоведов. Каждый пытается доказать состоятельность своей концепции на конкретном историческом материале. Подробное истолкование того или иного ключевого эстетического понятия стало отправной точкой многих работ. Показать процесс изнутри – достаточно апробированный в литературоведении ход. Он соответствует современной установке гуманитарной науки на прагматику: рассмотрение «текстов» с точки зрения их функционирования, в аспекте восприятия и их роли в (само)познании эпохи. Отметим, что Д. Кемпер не учитывает работы российских германистов (А. В. Михайлов, Г. В. Якушева, издания Гётевской комиссии). Конечно, конкретные наблюдения не всегда могут быть подробно рассмотрены в рамках одного труда, но поистине «всякое даяние есть благо».

В монографии успешно сочетаются собственно литературоведческий анализ явлений и процессов с анализом историко-культурного фона, обусловившего возникновение рассматриваемых феноменов. Книгу с интересом прочтут филологи, причём не только германисты. Вполне вероятно, она найдёт благодарного читателя и за пределами научной филологической среды.

КОНФЕРЕНЦИИ

Г. Д. Ахметова
г. Чита, Россия

II Congreso internacional «La lengua y literature rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». Tomo II. Granada, 8-10 de septiembre de 2010

В сентябре 2010 г. (8-10 сентября) в Гранадском университете (Испания) состоялась II Международная конференция «Русский язык и литература в международном пространстве: современное состояние и перспективы», приуроченная к 55-летию преподавания русского языка в Испании. Организатором конференции явился Гранадский университет (исследовательская группа «Славистика, кавказология и типология языков» отделения славянской филологии; вице-реktorат по распространению университетской деятельности, вице-реktorат по качеству, вице-реktorат по международной деятельности, вице-реktorат по науке, вице-реktorат по работе со студентами, факультет переводчиков, филологический факультет, факультет права, факультет медицины, Центр современных языков, Программа межвузовской аспирантуры по славянской филологии и индоевропейской лингвистике) при поддержке: Фонд «Русский мир», Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Правительство Андалусии, мэрия г. Гранады, Исследовательский Европейско-арабский фонд, колледж «Сан Бартоломе и Сантьяго», Королевская консерватория «Виктория Эухения» г. Гранады, дирекция Альгамбры и Хенералифе, дирекция по туризму г. Гранады и провинции Гранады.

Председатель оргкомитета Рафаэль Гусман Тирадо, член Президиума МАПРЯЛ, профессор Гранадского университета. Председатель Почётного комитета конференции Франциско Гонсалес Лодейро, ректор Гранадского университета. Члены Почётного комитета: Людмила Алексеевна Вербицкая, президент МАПРЯЛ, президент Санкт-Петербургского государствен-

ного университета; Мигель Гомес Оливер, проректор по распространению университетской деятельности.

В рамках конференции состоялось заседание Президиума МАПРЯЛ.

Гранادا является столицей провинции Гранадa в составе автономного сообщества Андалусия. Гранадский университет, основанный в 1531 г., – один из старейших в Испании, в котором работают ведущие специалисты страны. Лучшие традиции в преподавании русского языка как иностранного заложены именно в этом университете. В 1962 г. вернулся в Испанию из Советского Союза профессор Антонио Претел Мартинес и начал обучать студентов в Институте иностранных языков Гранадского университета. Вскоре появилась специальность *Славянская филология* – Гранадский университет стал первым в Испании, где студенты получали образование по этой специальности.

Первая Международная конференция под эгидой МАПРЯЛ состоялась в мае 2007 г. Открывала конференцию супруга Президента России Л. А. Путина. В работе Второй конференции приняло участие 464 русиста из 213 вузов 137 городов 32 стран мира (Швеция, Швейцария, США, Канада, Франция, Италия, Бельгия, Германия, Израиль, Мексика и др.). Забайкальский край представлен был двумя преподавателями – нам с Т. Ю. Игнатович посчастливилось принять участие в конференции.

Ученые выступали в тематических секциях: актуальные проблемы русской грамматики; теория и практика преподавания русского языка; сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты; перевод и межкультурная коммуникация; новые информационные тех-

нологии в русистике; вопросы изучения и преподавания русской литературы. Даже простое перечисление научных направлений даёт представление о широте теоретических и методических исследований, нашедших отражение на конференции.

Кроме того, в рамках конференции состоялись семинары-практикумы, посвящённые, главным образом, проблемам преподавания русского языка как иностранного.

Заседания секций проходили в старинных корпусах Гранадского университета. И поскольку все участники были объединены в небольшие группы по пять-шесть человек и у каждого из участников было указано точное время выступления (двадцать минут), – разговор на заседаниях получился очень заинтересованным. Учёные делились не только своими мыслями, но и новыми книгами, а также электронными адресами. Научное общение обогатило приехавших из разных стран людей, сблизило. Изданные статьи составили два тома – более четырёх тысяч страниц.

На торжественном открытии конференции с приветственными словами выступили Посол России в Испании А. И. Кузне-

цов, ректор университета Д. Франсиско Гонсалес Лодейро, президент МАПРЯЛ и президент Санкт-Петербургского государственного университета Л. А. Вербицкая, член Президиума МАПРЯЛ Рафаэль Гусман Тирадо, а также первый преподаватель русского языка гранадского университета Д. Антонио Претел Мартинес. Была подчеркнута особая роль русского языка, необходимость его преподавания в мире и сохранение лингвистической самоидентичности в эпоху глобализации.

В рамках конференции была интересная культурная программа. Фортепианный концерт, посвящённый 200-летию со дня рождения Ф. Шопена, в исполнении профессора из Москвы Галины Трофимовой собрал большой зал слушателей. Запомнились участникам конференции экскурсии в Альгамбру и в Севилью. Ужин-фуршет проходил в красивейшем месте – Palacio de los Cordova. В последний день был концерт фламенко.

Проведение подобных конференций является мощным импульсом для дальнейшего развития русского языка в мире. 2011 год объявлен Годом Испании в России и России в Испании.

*Г. Д. Ахметова
г. Чита, Россия*

Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: III Международная научная конференция (Чита, ЗабГГПУ, 10-11 декабря 2010 г.)

10-11 декабря 2010 г. на филологическом факультете Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского состоялась III Международная конференция «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты». Организаторами конференции явились: Министерство образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, НИИ филологии и межкуль-

турной коммуникации, филологический факультет, кафедра русского языка как иностранного, научно-исследовательская лаборатория «Интерпретация текста», научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическое краеведение Забайкалья», научно-исследовательская лаборатория «Лингводидактические инновации», Хулунбуирский институт (КНР, г. Хайлар).

Издание сборника материалов конференции и проведение конференции стало возможным во многом благодаря финансовой поддержке Министерства образования

и науки РФ (ГК № П729 от 12.08.2009 г.), а также филологического факультета ЗабГГПУ (декан ФФ, канд. филол. наук, доцент О. Л. Абросимова).

На пленарном заседании прозвучали доклады учёных, приехавших на конференцию из других городов и стран: Бицзинэ, доктор философии, профессор, директор Института русского языка Хулуныбуирского института (г. Хайлар, КНР); Жамбаагийн Ууганбаатар, Академия Наук МНР (г. Улан-Батор); А. П. Майоров, д-р филол. наук, профессор Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).

В работе конференции приняли участие свыше ста человек из России, Китая, Украины, Армении, Литвы, Германии, Канады, Испании, Молдовы, США, Болгарии. На конференции были представлены доклады учёных более чем из пятидесяти вузов России. Более десяти учёных представляли крупные вузы Санкт-Петербурга и Москвы (в том числе и Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова).

Участниками конференции были доктор и кандидаты наук, профессора и доценты, аспиранты, магистранты и студенты, а также писатели, поэты, публицисты, критики. Свои статьи и доклады прислали проф. Т. А. Снигирёва (г. Екатеринбург), проф. А. В. Флоря (г. Орск), проф. С. Гайжюнас (г. Паневежис, Литва), проф. А. И. Смирнова (г. Москва), проф. Л. Е. Кругликова (г. Санкт-Петербург), чл.-кор. САН ВШ, проф. М. В. Пименова (г. Кемерово), проф. В. И. Теркулов (г. Горловка, Украина) проф. Е. И. Голованова (г. Челябинск), проф. Д. Д. Санжина (г. Улан-Удэ), проф. М. Терзиева (г. Бургас, Болгария), критик А. А. Ганиева (г. Москва), поэт Е. Ю. Карева (г. Тольятти), поэт и критик Т. А. Жирмунская (г. Мюнхен, Германия), поэт Г. Р. Ахвердян (г. Ереван, Армения) и др.

В четырёх секциях обсуждались вопросы интерпретации художественного текста; проблемы поэтики и филологического анализа текста; проблемы интерпретации текста при изучении русского языка как иностранного, а также методики преподавания русского языка и литературы в вузе и школе; теоретические вопросы, связанные с анализом дискурса современной массовой коммуникации; вопросы, связанные с изучением текстов региональной письменности, а также типы внутринациональных речевых культур.

Второй день конференции был посвящён культурной программе – экскурсия по городу, посещение музея и театра.

После окончания конференции в адрес оргкомитета поступили письма от участников. Т. В. Соловьёва (канд. филол. наук, г. Челябинск): «Уважаемые организаторы конференции! Хочется отметить актуальность поставленных проблем, отличную организацию, вашу оперативность, коммуникабельность». А. И. Смирнова (д. ф. н., проф., г. Москва): «Уважаемые коллеги! К сожалению, я не смогла принять участие в конференции, но не могу не отметить научную значимость проблематики, представленной в работе секций. Прекрасно, что материалы конференции были изданы к началу её работы!» О. В. Гуськова (г. Москва): «Уважаемые организаторы и участники конференции! Поздравляю всех с окончанием поистине грандиозного для теории текста мероприятия. Оно является бесспорным подтверждением того, что «необходимость комплексного изучения текста не есть методическое требование, оно есть выражение существа самого объекта». Поражает разнообразие тем докладов, их высокий научный уровень. Приятно радуется участие в работе как уже состоявшихся учёных-корифеев науки, так и молодых специалистов, стремящихся к расширению знаний и опыта, а также круга профессионального общения. Огромное спасибо всем тем, кто позволил нам обменяться мнениями по вопросам интерпретации текста, опубликовав результаты наших научных изысканий. Мы высоко ценим, однако, не только возможность высказаться самим, но и возможность быть в курсе последних достижений научной мысли в интересующей нас области. Конференция получилась необычайно интересной с профессиональной точки зрения: для кого-то она стала местом встречи знакомых и коллег, кто-то ещё только нашёл общие темы и направления для научного общения и сотрудничества. Так или иначе, для всех участников конференция явилась мощнейшим стимулом повышения качества проводимых исследований и ответственности каждого из нас за достоверность полученных результатов. Мы все воочию убедились в том, что последние могут стать ценными лишь при всестороннем анализе (лингвистическом, литературоведческом, дидактическом, типологическом)

привлечённого текстового материала, его более широким по количеству и качеству представленности (художественный текст, текст СМИ). Перспективным может быть лишь многоаспектное изучение текста при учёте сведений и фактов из самых различных областей знания. Одного лингвистического анализа для постижения сущности текста как речевого произведения недостаточно. Выражаю надежду на стабильность проведения подобных мероприятий, на дальнейшее расширение их формата обсуждением, например, научных текстов, включением работ по психолингвистике текста (рассмотрением, в частности, психологических характеристик общающихся индивидов, определяющих внешнюю форму и смысловую структуру текста) и т. д. Представляется целесообразным информирование о конференции как можно большего числа специалистов созданием, возможно, специального сайта, на котором размещались бы доклады участников, содержащийся в них иллюстративный материал. Сама же с удовольствием расскажу о мероприятии коллегам на кафедре нашего вуза. Выражаю также глубокую признательность за сказочное оформление, полиграфию и структуру понравившегося всем сборника. Было необыкновенно приятно его получить. Низкий поклон за проделан-

ную работу оргкомитету в полном составе. Однако, отдельные слова благодарности – уважаемой Ахметовой Галии Дуфаровне за оперативность и своевременность принятия материалов, умение сплотить коллег-единомышленников, создать особую творческую атмосферу работы. Обязательно будем с вами сотрудничать. Желая организаторам и участникам конференции успехов, процветания и дальнейших творческих взлётов! С уважением и благодарностью, Гуськова Ольга Валентиновна (старший преподаватель Московского института лингвистики, кафедра общего языкознания)».

Издание сборника материалов конференции было по достоинству оценено Министерством культуры Забайкальского края. По итогам Первого краевого фестиваля «Забайкальская книга – 2009/2010» за сборник материалов конференции был вручен Диплом лауреата в номинации «Лучшее научное издание» (председатель жюри – министр культуры Забайкальского края Г. П. Сыроватка). Из 60 изданий, вышедших в финал, 27 стали лауреатами фестиваля и 20 – дипломантами. Всего же было представлено более двух тысяч изданий.

С 2010 г. Международная конференция по интерпретации текста стала ежегодной.

**Опечатки и ошибки, обнаруженные в журнале
«Учёные записки Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского»
№ 3 (32). Серия «Филология, история, востоковедение» за 2010 г.**

Редакционная коллегия журнала приносит свои извинения кандидату филологических наук, доценту Кошкарровой Наталье Николаевне за некорректный перевод аннотации к статье «Коммуникативные стратегии и тактики интервьюера и интервьюируемого в гармоничном дискурсе: специфика политического интервью», опубликованной в журнале «Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского» № 3 (32). Серия «Филология, история, востоковедение» за 2010 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Татьяна Петровна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего и славяно-русского языкознания, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный педагогический университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: akimova_t@rambler.ru

Akimova Tatyana Petrovna, Candidate of Philology, associate professor, PhD candidate, Department the Russian Language and Methods of Teaching, Volgograd State Pedagogical University (Volgograd, Russia), e-mail: akimova_t@rambler.ru

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Белгородский государственный университет (г. Белгород, Россия), e-mail: n-alefirenko@rambler.ru

Alefirenko Nikolai Fyodorovich, Doctor of Philology, professor, honoured worker of science the Russian Federation, Belgorod State University (Belgorod, Russia), e-mail: n-alefirenko@rambler.ru

Ахметова Галия Дуфаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Akhmetova Galiya Dufarovna, Doctor of Philology, professor, Department of Russian as a Foreign Language, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Akhmetova Maria Nikolayevna, Doctor of Pedagogics, professor, Department of Pedagogics, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Бадмаева Лариса Батоевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия), e-mail: lorabadm@mail.ru

Badmayeva Larisa Batoyevna, Candidate of Philology, associate professor, senior researcher, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia) e-mail: lorabadm@mail.ru

Богданова Анна Геннадьевна, преподаватель, кафедра лингвистики и переводоведения, Институт международного образования и языковой коммуникации, Томский политехнический университет (г. Томск, Россия), e-mail: proschka@mail.ru

Bogdanova Anna Gennadyevna, lecturer, Department of Linguistics and Translation, Institute for International Education and Language Communication, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia), e-mail: proschka@mail.ru

Богомолова Мария Валерьевна, аспирант, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва, Россия), e-mail: godomolova@gmail.com

Bogomolova Maria Valeryevna, postgraduate, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: godomolova@gmail.com

Булавина Нина Александровна, аспирант, преподаватель кафедры лексикографии и теории перевода, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия), e-mail: nina.butovo@gmail.com

Bulavina Nina Aleksandrovna, postgraduate student, teacher of translation practice, Department of Lexicography and Theory of Translation, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: nina.butovo@gmail.com

Буренина Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры романской филологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия), e-mail: legat25@rambler.ru

Burenina Yulia Sergeevna, senior teacher, Department of Romance Languages, N.P. Ogarev's Mordovian State University (Saransk, Russia), e-mail: legat25@rambler.ru

Бутьгальская Лариса Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия), e-mail: larissa76@list.ru

Butil'skaya Larisa Vladimirovna, Candidate of Philosophy, associate professor, Department of Russian as a Foreign Language, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogic University named by N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: larissa76@list.ru

Васильева Галина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Институт международных отношений и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, Россия), e-mail: vasileva_g.m@mail.ru

Vasilyeva Galina Michailovna, Candidate of Philology, associate professor, Institute of International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia) e-mail: vasileva_g.m@mail.ru

Воронова Лилиана Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия), e-mail: liliana70@inbox.ru

Voronova Liliana Vyacheslavovna, Candidate of Pedagogics, associate professor, Department of Russian as a Foreign Language, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: liliana70@inbox.ru

Гаджиева Ариза Хасбулатовна, преподаватель русского языка и литературы, Автомобильно-дорожный колледж (г. Махачкала, Дагестан), e-mail: sh_shihalieva@mail.ru

Gadzhieva Ariza Hasbulatovna, teacher of Russian and Literature, Auto-road College (Makhachkala, Dagestan) e-mail: sh_shihalieva@mail.ru

Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия), e-mail: ligol@csu.ru

Golovanova Elena Iosifovna, Doctor of Philology, professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia) e-mail: ligol@csu.ru

Головач Кристина Юрьевна, аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков, ведущий инженер деканата факультета романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия), e-mail: kristya529@mail.ru

Golovach Kristina Yuryevna, postgraduate student, Department of General Linguistics and Slavonic languages, administrative officer of Foreign Languages School, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) e-mail: kristya529@mail.ru

Горшкова Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, учитель истории и обществознания высшей квалификационной категории, ведущий научный сотрудник Отдела реабилитационного образования, Центр реабилитационного и коррекционного образования ФИРО МОиН РФ (г. Москва, Россия), e-mail: upapyan@mail.ru

Gorshkova Elena Aleksandrovna, Candidate of Pedagogics, associate professor, teacher of History and Social Science of High Qualification Category, leading research worker, Department of Rehabilitation Education, Center of Rehabilitation and Special Education, FIDE FMER (Moscow, Russia) e-mail: upapyan@mail.ru

Горянова Любовь Николаевна, соискатель, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия), e-mail: rollingdown@mail.ru

Goryanova Lyubov Nikolaevna, postgraduate, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) e-mail: rollingdown@mail.ru

Евдокимова Анастасия Александровна, аспирант, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия), e-mail: evdokimowa@rambler.ru

Evdokimova Anastasia Alexandrovna, postgraduate student, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) e-mail: evdokimowa@rambler.ru

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Институт социально-политических систем, факультет социальных систем и регионального прогнозирования, Читинский государственный университет (г. Чита, Россия), e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Zhamsaranova Raisa Gandybalovna, Candidate of Philology, associate professor, Socio-Political System College, Faculty of Social-Regional Prognoses, Theoretical and Applied Linguistics Department, Chita State University (Chita, Russia), e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Игнатович Марина Викторовна, аспирант, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия), e-mail: marina_ignatovich@mail.ru

Ignatovich Marina Victorovna, postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia) e-mail: marina_ignatovich@mail.ru

Игнатович Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия), e-mail: ignatovich_chita@mail.ru

Ignatovich Tatiana Yuryevna, Candidate of Philology, associate professor, Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernishevsky (Chita, Russia) e-mail: ignatovich_chita@mail.ru

Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия), e-mail kondr25@rambler.ru

Kondratyeva Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, associate Professor, Department of General Linguistics and Slavic Languages, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) e-mail kondr25@rambler.ru

Кудрявцева Анна Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный педагогический университет (г. Волгоград, Россия), e-mail: a_kudriavtseva@mail.ru

Kudryavtseva Anna Arkadyevna, Candidate of Philology, associate professor, Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Volgograd State Pedagogical University (Volgograd, Russia), e-mail: a_kudriavtseva@mail.ru

Макаричев Феликс Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Санкт-Петербургский инженерно-экономический государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: spbfell@mail.ru

Makarichev Felix Vjacheslavovich, Candidate of Philology, associate professor, English Language Department, St. Petersburg Engineering-Economic State University (St. Petersburg, Russia) e-mail: spbfell@mail.ru

Мамедханова Наида Джамал гызы, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой литературы, Бакинский славянский университет (г. Баку, Азербайджан), e-mail: nanasaf@gmail.com

Mamedhanova Naida Dzhamal gizi, Doctor of Philology, professor, head of the Department of the World Literature, Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan), e-mail: nanasaf@gmail.com

Паликова Татьяна Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия), e-mail: palikova@mail.ru

Palikova Tatyana Vadimovna, Candidate of History, associate professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: palikova@mail.ru

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков, чл.-кор. САН ВШ, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия), E-mail: pimenovaMV@rambler.ru

Pimenova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, corresponding member, professor, head of the Department of Linguistics and Slavonic Languages, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), e-mail: pimenovaMV@rambler.ru

Подчиненов Алексей Васильевич, доцент кафедры русской литературы, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, директор издательства УрГУ (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: tas0905@rambler.ru

Podchinenov Alexey Vasilievich, associate professor, Faculty of Philology, Ural State University, director of "USU Press" (Yekaterinburg, Russia), e-mail: tas0905@rambler.ru

Попова Галина Борисовна, аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Берлин, Германия), e-mail: gal3951@yandex.ru

Popova Galina Borisovna, postgraduate student, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernishevsky (Berlin, Germany), e-mail: gal3951@yandex.ru

Принеслик Елена Анатольевна, старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Забайкальский институт предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации (г. Чита, Россия), e-mail: prineslikelena@rambler.ru

Prineslik Elena Anatolyevna, senior teacher, Foreign Languages Department, Zabaikalsky Institute of Entrepreneurship of Siberian University of the Consumer Cooperatives (Chita, Russia), e-mail: prineslikelena@rambler.ru

Романенко Татьяна Анатольевна, соискатель, кафедра общего языкознания и славянских языков, факультет филологии и журналистики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия), e-mail: tatjana-romanenko25@rambler.ru

Romanenko Tatyana Anatolyevna, senior teacher, Foreign Languages Department, Kemerovo State Agricultural Institute (Kemerovo, Russia), e-mail: tatjana-romanenko25@rambler.ru

Сапрыкина Татьяна Викторовна, аспирант, кафедра русской литературы и фольклора, Московский городской педагогический университет, учитель русского языка и литературы, школа № 757 (г. Москва, Россия), e-mail: tbc_85@mail.ru

Saprykina Tatyana Viktorovna, postgraduate, Department of Russian Literature and Folklore of Moscow City Pedagogical University, teacher of the Russian Language and Literature, school № 757 (Moscow, Russia), e-mail: tbc_85@mail.ru

Сергеева Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, докторант, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия), e-mail: nsergeeva2004@mail.ru

Sergeeva Natalia Mikhailovna, Candidate of Philology, associate professor, doctoral candidate, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), e-mail: nsergeeva2004@mail.ru

Смирнова Альфия Исламовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора, Московский городской педагогический университет (г. Москва, Россия), e-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Smirnova Alfiya Islamovna, Doctor of Philology, professor, department of Russian Literature and Folklore, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia), e-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Снигирёва Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX века, Уральский государственный университет им. А. М. Горького (г. Екатеринбург, Россия), e-mail: tas0905@rambler.ru

Snigireva Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, professor, Faculty of Philology, Ural State University (Yekaterinburg, Russia), e-mail: tas0905@rambler.ru

Тагарова Татьяна Боровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятской филологии, факультет филологии и журналистики, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия), e-mail: boroevna@yandex.ru

Tagarova Tatiana Boroevna, Candidate of Philology, associate professor, Buryat Faculty of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia), e-mail: boroevna@yandex.ru

Терехова Елена Сергеевна, аспирант, кафедра русской литературы и фольклора, учитель английского языка, Центр образования № 1852, Московский городской педагогический университет (г. Москва, Россия), e-mail: terexova1852@yandex.ru

Terekhova Elena Sergeevna, postgraduate student, Department of Russian Literature and Folklore, English teacher, Centre of Education № 1852, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia), e-mail: terexova1852@yandex.ru

Трофимова Светлана Менкеновна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и общего языкознания, Калмыцкий государственный университет (г. Элиста, Калмыкия), e-mail: trofimovasm@mail.ru

Trofimova Svetlana Menkenovna, Doctor of Philology, professor, Department of the Russian Language and General Linguistics, Kalmyk State University (Elista, Kalmykia), e-mail: trofimovasm@mail.ru

Труфанова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, кафедра филологического образования, Московский институт открытого образования (г. Москва, Россия), e-mail: illokucia1@rambler.ru

Trufanova Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, professor, Department of Philological Education, Moscow Institute of Open Education (Moscow, Russia), e-mail: illokucia1@rambler.ru

Ульзтуева Александра Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики дошкольного и начального образования, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия), e-mail: alendra29@mail.ru

Ulzytuyeva Alexandra Ivanovna, Candidate of Pedagogics, associate professor, Department of Theory and Methods of Teaching of Preschool and Primary Education, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University (Chita, Russia), e-mail: alendra29@mail.ru

Флоря Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, теории и методики обучения русскому языку, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) государственного образовательного учреждения «Оренбургский государственный университет» (г. Орск, Россия), e-mail: diogen2013@mail.ru

Florya Alexander Vladimirovich, Doctor of Philology, professor, Department of the Russian Language, Theory and Methods of Teaching, Orsk Arts and Engineering Institute, branch of the State Institute of Higher Education, Orenburg State University, Faculty of Languages and Literature (Orsk, Russia), e-mail: diogen2013@mail.ru

Цинковская Юлия Владимировна, ассистент, кафедра русского языка как иностранного, аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия), e-mail: yuliya-post@yandex.ru

Tsinkovskaya Julia Vladimirovna, assistance lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, postgraduate student, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: yuliya-post@yandex.ru

Шагдурова Ирина Никитична, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Бурятии, Бурятский государственный университет (Россия, г Улан-Удэ), e-mail: Irina_Shagdurova@mail.ru

Shagdurova Irina Nikitichna, Candidate of History, associate professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: Irina_Shagdurova@mail.ru

Эйльбарт Наталья Владимировна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия), e-mail: ejlbart@mail.ru

Eylbart Natalya Vladimirovna, Doctor of History, professor, department of History, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: ejlbart@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

«Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета имени Н. Г. Чернышевского», продолжая традиции, включают ряд серий: «Естественные науки»; «Физика, математика, техника и технология»; «Филология, история, востоковедение»; «Педагогика и психология»; «Философия, культурология, социология, социальная работа»; «Профессиональное образование, теория и методика обучения». В каждой серии представлены рубрики: «По страницам “Учёных записок” прошлых лет»; «Научные исследования»; «Научные сообщения»; «Люди. Годы. События»; «Книжное обозрение»; «Сведения об авторах» и «Правила для авторов».

Виды статей

- научные исследования (предметная область и образование в предметной области) до 16 с.;
- краткие сообщения до 8 с.

Структура статьи

Код: УДК и ББК

Сведения об авторах

- Отдельным файлом прилагаются сведения обо всех авторах статьи (фамилия, имя и отчество полностью) с указанием его (их) звания, учёной степени, должности, места работы каждого автора в именительном падеже (полное название, а не аббревиатура), город, страна;

- адрес электронной почты для каждого автора;
- почтовый адрес и телефон для контактов с авторами.

Сведения об авторах указываются на русском и английском языке.

Название статьи приводится на русском и английском языке.

Аннотация (объем аннотации не более 500 печатных знаков) приводится на русском и английском языке. Текст аннотации должен содержать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (3–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языке.

Список литературы

В алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Оформление списка согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008 (примеры оформления на сайте (с. 5) : http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/Regl.pdf). Для каждого источника обязательно указываются выходные данные (место, год издания, общее количество или номера страниц) интересующего материала источника.

В тексте ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы. Примеры: с указанием только номера источника [1] и с указанием страниц [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Текст статьи

Параметры

Формат А 4, ориентация книжная. Параметры страницы: верхнее – 2; нижнее – 2; левое – 3; правое – 1,5. Шрифт Times New Roman, кегль – 14, интервал полутонный. Отступ первой строки – 1,25. Задается автоматически (Формат: Абзац; Отступ). Не использовать табулятор. Текст без переносов, выравнивание по ширине. Не использовать лишние пробелы.

Инициалы и фамилии в тексте и списке литературы указываются с неразрывным пробелом (ctrl+shift+пробел), например: И. И. Иванов.

Рабочие языки: русский и английский.

Особенности набора слов, цифр, формул, единицы измерения. Слова на латинице набираются курсивом. Цифры, числа и другие математические символы типа $\sin$, $\cos$, $\tan$, $\min$ и т. д., греческие буквы, химические формулы набираются обычным шрифтом.

Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов неразрывным пробелом.

Все размерности физических величин должны даваться в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся неразрывным пробелом.

Делать чёткое различие O (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д.

В тексте сохранять букву ё.

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Чёрно-белые рисунки (графики, диаграммы (формат Excell), схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(авторов) и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Статья должна быть со сквозной нумерацией, подписана автором (авторами).

В статьях допускаются только общепринятые сокращения.

После принятия Автором (авторами) условий **Авторского Соглашения** рукописи отсылаются по адресу: 672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (ЗабГГПУ), каб. 404 (а). Электронный вариант статьи, выполненной в текстовом редакторе Microsoft Word (без переносов), представляется на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы. Материалы, представляемые аспирантами, сопровождаются отзывом научного руководителя с указанием новизны и достоверности.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации статьи принимается редакцией журнала «Учёные записки государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского». Присланные материалы авторам не возвращаются.

Публикация материалов аспирантов бесплатная.

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в ОАО «Роспечать» 37375.

Рукописи рецензируются.

Формат журнала 60 x 84 1/8. Объём номера ~ 250–300 страниц.

Более подробную информацию об условиях публикации можно найти на сайте: <http://www.zabspu.ru/science/vektor/rus/>

Редактор О. Ю. Гапченко
Верстка М. Р. Коптеловой
Дизайн обложки М. Р. Коптеловой

Подписано в печать 15.05.2011
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура «Book Antiqua». Способ печати оперативный.
Усл. печ. л. 13,3. Уч-изд. л. 28,5. Заказ № 04411. Тираж 1000 экз.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129